

БАТЮШКИ СВЯТЫ

ДУХОВНИКИ И СТАРЦЫ
КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ
XIX – XXI веков

БАТЮШКИ СВЯТЫ

ДУХОВНИКИ И СТАРЦЫ
КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ
XIX–XXI веков

К 1030-летию Крещения Руси
и 30-летию возобновления монашеской жизни
в Свято-Успенской Киево-Печерской Лавре

ГОРИНЦА

Киев 2019

**По благословению Блаженнейшего Онуфрия,
Митрополита Киевского и всея Украины, священноархимандрита
Святой Успенской Киево-Печерской Лавры, при Наместнике
Высокопреосвященнейшем Павле, митрополите
Вышгородском и Чернобыльском**

**Автор-составитель
*Валентина Серикова***

**Батюшки святы. Духовники и старцы Киево-Печерской
Лавры XIX–XXI веков : К. : Горлица, 2019. — 320 с. : илл.**

ISBN 978-966-8452-50-5.

Без малого тысячу лет множество духоносных старцев спасалось в Киево-Печерской Лавре и помогало спастись народу. Необыкновенные истории их жизни — это живая летопись обители в лицах и событиях. В книге собраны жизнеописания известных духовников и подвижников монастыря XIX–XXI веков. Они представляют собой бесценный клад духовной мудрости, из которого можно почерпнуть великую пользу. Подобная работа предпринята впервые со времени последнего издания «Патерика Печерского». Ныне голос духоносных отцов Лавры звучит со страниц этой книги.

Сколько бы человек ни прошел по дороге истории, какие бы ни преодолели за долгие века, он всегда помнит начало своего пути. Там хранится святая тайна его предстоящего странствия и духовная пуповина, соединяющая нерушимыми узами духа и крови распростершуюся по лицу земли крону потомства с корнем-истоком. Человеку дано определять стези, а место начала всегда избирает Бог по Своему усмотрению. На Руси — это Киев, а в нем — изумрудная гора над Днепром, где апостол Андрей Первозванный воздвиг Крест и прорек благовестие.

Здесь спустя тысячу лет из насажденного в пещере семени — преподобного Антония, вобравшего в себя благодать Афона, возросло могучее древо русского монашества, и заботами Пресвятой Богородицы воссияла Киево-Печерская Лавра. Воистину это и о ней сказано: "И введе я в гору святыни Своя, гору сию, юже стяжа десница Его" (Пс., 77:54). С этой Киевской горы, со Святой Лавры, свет веры Христовой воссиял и освятил всю Русь от края и до края. Свершилось определенное от начала, и притча, ставшая былью, вошла в ее города и веси: "овцы, которые не сего двора" (Ин., 10:16) сделались рабами Божьими. Отсюда было положено начало великого крестного хода народа Святой Руси, который тысячу лет продолжает шествовать на Небеса.

Промыслительно именно преподобный Антоний был приведен на место будущего подвига тысяч иноков. О предначертанной миссии свидетельствует прежде всего нареченное первоначальнику имя, которое на древнегреческом соединяет два значения: "росток, цветок" (άνθος) и "вступающий в бой" (αντέω). Поистине сей росток дал неисчислимый обильный урожай в Божию житницу. А пламенная молитва вступившего в духовный бой Антония подняла рать Христову против власти тьмы, преобразив дикую языческую целину, населенную славянскими племенами, в единый православный народ — в Святую Русь.

От преподобных Антония, Феодосия и последующих поколений монашествующих утвердилась на нашей земле традиция духовного руководства и окормления верующих опытными наставниками и пастырями. Те из них, кто достиг высших степеней бесстрастия, и сподобившиеся даров Святаго Духа, зовутся старцами. Последним повелением Иисуса Петру было: "Паси овец Моих". При море Тивериадском Спаситель трижды обратился к нему, подчеркивая исключительную важность Своего наказа: "Симон Ионин! любишь

ли ты Меня больше, нежели они? *Петр* говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. *Иисус* говорит ему: паси агнцев Моих” (Ин., 21:15–17). Это повеление Иисуса во всей полноте исполняли старцы. Их служение овцам стада Христова, за которых Он положил Свою жизнь, — воочию явленная любовь к Сыну Человеческому. Это полное самоотвержение, сораспятие Христу, подвиг вышеестественный. Такой, о котором апостол Павел говорил: “мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы — рабы ваши для Иисуса” (2 Кор., 4:5).

Старцы Божии — это соль земли, великаны духа, маяки, указывающие земным странникам в сумерках бытия путь в Царствие Небесное. Они — ось духовной жизни христианина. Старческое служение людям зиждется на просвещении Духом, на открытой им Богом истине о том, что верующие во Христа суть части Тела Его. Для старцев это не отвлеченная аллегория, как для прочих, а достоверное знание. “Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова” (Еф., 4:11–12). Посему служа человекам, пася заповеданных овец, старцы достоверно знают, что служат Самому Господу, созидают Тело Его.

Милостью Божией духоносные старцы во многом победили естества чин, преодолели тварное бытие. На их примере мы видим, что старчество — это самопожертвование и самозабвение, безраздельная служба Богу через служение людям, ищущим спасения во Христе. Народ, чувствуя это душой, всегда тянулся к благодатным батюшкам со своими горестями, недоумениями и обретал чаемое. Ценой невероятного самоотвержения, полного самоотречения и смирения избранники Господни отряхнули ветхого человека со своей души. Слезы печальников земли родной не дают ей сгореть в огне бесовской злобы и сорваться с оси. Молитвами старцев наших, которые небесные вестники доставляют прямо к престолу Божию, Господь продлевает еще время на покаяние.

Для православного люда старцы Лавры были отцами родными. Приняв от Господа дар любви, — наивысший и совершеннейший, они обратили его на страждущих и обремененных. Не таились от просящих совета, любили людей, жалели, помогали, утешали, исцеляли, бесов изгоняли. Через их убогие кельи прошли тысячи, к ним ехали православные со всех концов страны, изувеченной сначала революцией и репрессиями, а потом войной. По их молитвам исцелялись сотни ищущих помощи. Очистив свои души, они и народ вели к истинному покаянию. Сами нередко несли

безмерные скорби, терпели притеснения, гонения, клевету и непонимание. Вникая в истории их жизней, не перестаешь благодарить Господа за Его великие милости, явленные через дивных пастырей, душу свою положивших за овцы. За тех подвижников в ангельском чине, чьи светозарные души взмыли к Богу с Печерской горы и влились в полки Небесных сил, восполнив нарушенное некогда отступниками великое единство — Божественную полноту.

Нигде на Руси и на всей земле, кроме Афона, не прославилось столько преподобных отцов, нигде нет стольких нетленных мощей, как в Лавре. В ее храмах начинаются чертоги неземного Царства, “это не что иное, как дом Божий, это врата небесные” (Быт., 28:17). Об этом сказывал и святитель Феофан Затворник Вышенский, принявший здесь монашеский постриг: “Лавра — неземная обитель. Как пройдешь брешь, бывало, так и чуешь, что зашел в другой мир”.

Лавра всегда была оплотом Православия. Много веков отовсюду сотни верст пешком шел народ Божий поклониться Дому Пресвятой Богородицы, помолиться своим святым соотчичам, почивающим в пещерах нетленными мощами. Отдавали в монастыри сыновей, чтоб освятился род, жертвовали кто трудами, кто копеейкой, кто плодами рук своих. Но наипаче несли в душе сыновнюю любовь к Заступнице усердной, горячую веру и надежду на Ее милость. Пред вратами Лавры цари земные выходили из колесниц и клали поклоны, вельможи склоняли головы до земли. Сколько молитв было вознесено за сотни лет по дороге к Лавре, сколько псалмов пропето, сколько слез выплакано! Современнику, яростно обгоняющему сокращающееся время, трудно даже представить, какой подвиг несли паломники прежних времен, находясь долгие месяцы в пути. Какой священный трепет их охватывал, когда они издали видели золотые купола, слышали звон колоколов, как благоговело и ликовало сердце, когда преклоняли колени у Святых врат. С какой сердечной радостью принимали паломников в обители монахи, как утешали старцы.

Без малого тысячу лет множество угодников Божиих спасались в Лавре и помогали спастись народу, передавая науку умного делания послушникам и ученикам, сохраняя традицию духовного преемства из поколения в поколение до недавнего времени. Истории их жизни — это живая летопись обители в лицах и событиях. В книге собраны материалы о видных духовных наставниках Киево-Печерской Лавры в период с XIX по XXI века, представляющие бесценный клад духовной мудрости древнейшего монастыря, наглядно показывающий традицию старчества и де-

ятельного окормления народа. Разумеется, чтимых духовников и старцев в Лавре было больше, чем опубликовано в книге. Здесь рассказано о тех, о ком сохранились материалы прежних лет и о ком удалось собрать сведения в наши дни. Среди них прославленные святые и известные старцы нашего времени. Подобная работа предпринята впервые со времени последнего издания “Патерика Печерского”.

Общеизвестно, какое значительное место занял в истории Церкви и духовной жизни народа “Патерик”. Но последующая агиография монастыря в силу разных исторических причин содержит немало белых пятен. Предлагаемая читателю книга в какой-то мере восполняет этот пробел, представляя самые яркие личности Лавры, сосредотачиваясь на их сокровенной духовной жизни. На тех ее страницах, где Дух Святый сквозь завесу материи дает увидеть, как Всесильный Бог действует в немощных созданиях, возлюбивших Его всей душой. Как смертное становится бессмертным, грешное — святым. Ныне последние великие старцы, которыми Господь осолбил святую пядь земли на Печерской горе, поднялись ввысь клином небесных птиц, обнимая крыльями своей молитвы оставшихся долу. Подвиг их не меньший подвига первых подвижников, которые сами говорили, что последние из них “явятся в Царстве Небесном выше первых чудотворных отцов”¹, поскольку старцы нашего времени служили Богу в скорбную лукавую годину, когда мир уподобился “скотам несмысленным”² и “возлюбил глаголы потопные”³.

В XX веке Лавра дважды пережила страшные нападения темной силы, вышедшей из преисподней в дни воцарения врагов Божиих. Монастырь два раза закрывала богоборческая власть. Первый раз в 1924 году, когда обитель сначала отдали обновленцам, а в 1930 окончательно ликвидировали и сделали на ее основе музей. Второй раз в 1961 году монахов из Лавры изгнали хрущевские приспешники. Но по воле Божией монастырь возрождался и старался возродить свои духовные традиции. За прошедшие тридцать лет Лавра полностью поднялась из руин и засияла как прежде.

Старшее поколение прихожан еще застало благодатных батюшек, подвизавшихся здесь до закрытия. Но большинство из нынешних христиан уже не встречало старцев в своей жизни. Растерянным и смущенным происходящим вокруг, им не у кого спросить совета. Не от кого услышать слова истины о сегодняшнем дне. Но голос старцев наших звучит со страниц этой книги. Имеющий уши — да слышит.

Житие преподобного иеросхимонаха Вассиана Слепого (Балашевича)

(1745–1827)

Печатается по изданию 1856 г.

Иеросхимонах Вассиан (в миру Василий Балашевич) родился в 1745 году в поветовом городе Черниговской губернии Погаре. С раннего детства отличаясь кротостью и глубокомыслием, он был любимцем в семье⁴. Родители видели в нем утеху и радость, а близкие соседи ставили его в пример своим малолетним детям. Происходя из мещанского сословия и родившись в бедной семье, Василий не знал роскоши и довольства и очень рано приучился к воздержанию и труду. Любимым его времяпрепровождением было ежедневное хождение в церковь. Там, приблизившись к самому амвону, с неуголимой жадностью внимал Василий богослужебным возгласам священнослужителей и чутко прислушивался к каждому слову церковного песнопения. И что же? Святые семена слова Божия упали на хорошую почву и, понемногу разрастаясь, дали впоследствии обильные плоды.

От природы склонный к уединению и тишине, юный отрок избегал всякой уличной забавы и детских игр. Богато одаренный умственными способностями, грамоте Василий научился так скоро, что в самое короткое время опередил даже своего учителя. Родители, видя такие успехи его в науках, решили продолжать образование своего сына, но по причине бедности не могли выполнить сего намерения... Первым чтением его были жития святых, которые Василий получал от приходского священника. С какой жадностью пытливого ума набросился молодой юноша на эти благодатные рассказы о житии угодников Божиих! Сколько назидательных примеров Христианской веры и благочестия почерпнул он из этих богодухновенных книг! Характер его получил решительное направление, отрешившее душу его от земного, и младенческое сердце Василия возгорелось сильной любовью к Богу...

Когда юноше исполнилось 19 лет, он во что бы то ни стало решился навсегда удалиться в монастырь, дабы посвятить себя служению Богу. Но родители, проведав о намерении своего сына, воспротивились его тайному желанию и стали уговаривать вступить в брак. Не желая прекословить родительской воле, Василий уступил их настойчивым просьбам и в том же году женился. Однако недолго прожил юный супруг с молодой женой. Супруга его

Преподобный Вассиан (Балашевич)

опасно заболела и вскоре скончалась, оставив на попечении мужа двух малюток—дочерей: Татьяну и Феклу.

Удрученный внезапно обрушившимся горем, Василий не отчаивался, а со слезами на глазах благодарил Господа, премудро устрояющего судьбу людей. “Слава Богу!.. — говорил он. — Я снова свободен от уз мира... Если бы не двое сирот, то не медля ни минуты ушел бы в монастырь...” И хотя со смертью жены началось для него новое испытание искренней твердости желания постричься в монахи, но возложивши однажды руку

и сердце свое на рало, Василий не озирался более вспять. Вскоре родители Василия скончались, а потому он, прожив некоторое время в родном городе, продал имение свое и переселился с детьми в Киев. Здесь для душевных очей его открылись новые горизонты. И сколько новых, благодатных чувств зародилось в сердце его при виде торжествующей святости древнего Киева. Как глубоко и твердо укрепилась вера его и расширилось стремление к небесным путям...

Тяжело было жить в миру трудолюбивому Василию. Различные мелочи, нужда и дразги житейские причиняли ему многочисленные скорби, а к всевозможным печалям и воздыханиям присоединялась еще забота о воспитании малолетних детей. Но “благо есть мужу, егда возмет ярем Господень в юности своей” (Иерем., 3:27): с помощью Божией и молитвою на устах все превозмог Василий. И подобно тому, как отважный пловец, измученный борьбою с бушующими волнами глубокого моря, достигает наконец спасительного берега, так и Василий с упованием на Господа и с крестом в руках решительно победил все жизненные преграды. Старшая дочь его была выдана замуж, а младшая, Фекла, определилась в Киево-Флоровский девичий монастырь и постри-

глась в монашество с именем Паисия. Тогда и Василий решил приступить к выполнению данного Богу обета.

В 1793 году он определился в Киево-Выдубицкий монастырь на послушание и целых шесть лет неустанно трудился там в светском звании, наравне с прочими послушниками. Когда же экононом Киево-Софийского митрополитского дома Иларион по старости лет своих стал проситься на покой, то за отличное поведение, начитанность и обширные хозяйственные познания на его место был назначен Василий. 21 июня 1799 года состоялось пострижение его в иноческий образ с наречением ему имени Вавила. Радостям новопостриженного инока не было конца. От юности лелеянные мечты его теперь осуществились и, отрешившись от мира, Вавила мог выступить на великий подвиг христианского благочестия.

Киево-Софийский монастырь издревле содержался особенными своими угодьями и вотчинами, в коих имел крестьян до тысячи дворов. Кроме того, получал от казны хлебную и денежную ругу⁵ и со всех киевских рыбных ловель десятину. Во время киевского митрополита Петра Могилы братство монашествующих простиралось до ста человек. Но свирепствовавшие затем пожары изменили вид Софийского монастыря и значительно сократили число монастырской братии. Последующие митрополиты старались привести его в возможно цветущий и благоустроенный вид: обнесли монастырь каменной оградой, выстроили высокую колокольню и возвели вместо деревянных каменные корпуса. Когда же 10 апреля 1786 года по высочайше утвержденным для малороссийских епархий духовным штатам вотчины были отобраны и переданы в ведение директоров домоводства, то и монастырь сей был упразднен и обращен в архиерейский дом.

Первым протоиереем Киево-Софийского собора был известный и красноречивый проповедник Иван Леванда⁶, беседы, поучения и речи которого доставили ему заслуженную славу христианского оратора. “Не хватало для всех места в храме (говорит современник), где проповедовал Леванда. Люди оставляли обычные занятия и, забывая житейские заботы, и стар и млад спешили в церковь, чтобы послушать чудного проповедника”... Но самым ревностным поклонником протоиерея Леванды был монах Вавила. Углубившись куда-нибудь в отдаленный угол церковного алтаря, с нетерпением ожидал он того момента, когда заговорит к народу славный протоиерей. Вот он появился и взошел на кафедру. /.../ С большим вдохновением разверзаются медоточивые уста чудного проповедника и шумным потоком льется его звучная речь, ложась

на сердца слушателей. /.../ А Вавила стоит, не шелохнется и, углубившись вниманием, старается не проронить ни единого слова. О, какая была для него здесь глубина мудрости, какая пища для его тонкого, пытливого ума, какой богатый след в душе и сердце оставили эти проповеди на его последующую жизнь...

Протоиерей Леванда, не смотря на то, что был возведен Монархами на ту высокую степень, до которой прежде никто не доходил из белого духовенства, оставался необыкновенно тих нравом, скромн и незлобив. Отец же Вавила, постоянно встречаясь с ним по своим служебным делам Софийского эконома, неоднократно пользовался его умной, красноречивой беседой и, проводя с протоиереем целые часы в уединении, полюбил его всей душой. Леванда отвечал ему взаимностью и в постоянных беседах с Вавилою сохранял почти детскую и благородную простоту своего характера. Вскоре пришел черед им расстаться.

В 1799 году на место усопшего митрополита Иерофея (Малицкого) был назначен Новороссийский митрополит Гавриил (Банулеско). По прибытии на паству, Гавриил тотчас занялся распределением той суммы, которая была положена при его предместнике новыми духовными штатами. Главное внимание его было обращено на благоустройство Киевской духовной Академии. Для приведения ее в лучший порядок с экономической части, митрополит Гавриил стал подыскивать для сего опытного эконома и обратился за советом к протоиерею Леванде. Тот, не долго думая, сразу указал на трудолюбивого Вавилу. А потому 14 декабря 1799 года, по получении от Гавриила надлежащей инструкции, монах Вавила был определен на новоучрежденную должность академического казначея и прикомандирован к числу братии Ржищевского Преображенского монастыря.

Велики и многосложны были труды нового казначея Вавилы. До определения его на это место, таковой должности в Академии не существовало, а потому каждое дело было для него ново и первоначально и приходилось вести его самостоятельно, без всякого руководства и предыдущих примеров. Киевская Академия, обращенная в пепел вспыхнувшим в 1775 году пожаром на Подоле, восстанавливалась постепенно. Из разных вкладов многих почтенных лиц скопилась значительная академическая сумма, составившая впоследствии основной академический капитал, но и ее было недостаточно. И только под мудрым управлением проректора Академии, каким явился в ту пору митрополит Гавриил (Кременецкий) и при благосклонном покровительстве Екатерины II,

Академия была возрождена и украсилась многими зданиями. С учреждением же должности казначея и по назначении на нее отца Вавилы экономическое благосостояние ее упрочилось значительно. А посему смело можно сказать, что монах Вавила, будучи первым казначеем Академии, приложил немало труда, пока своей рассудительностью, опытностью и неусыпными трудами привел экономическую часть ее в цветущее состояние.

Отец Вавила был неутомим. До глубокой полночи сидел он за освещенным свечой столом и, погружаясь в письменные занятия, сам лично исполнял все, никому не доверяя ни малейшего дела. Как часто полночный удар колокола, призывающий людей к утрени, заставлял его бдящим. И при первом ударе вставал тогда отец Вавила из-за стола и, отложив дела в сторону, с благоговейным сердцем спешил в храм Божий, чтобы предаться усердной молитве. О, как отрадно отдыхала тогда утомленная душа его, утружденная мелочью и житейскими попечениями. Всем сердцем отдаваясь усердной молитве, уносился умом отец Вавила туда, ввысь, к престолу вездесущего Бога и, сливаясь всеми чувствами с Распятым, Который говорит: “Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы” (Мф., 11:28), вдохновлялся все более и более и не чувствовал ни бремени тяжких трудов, ни печали, ни усталости.

Плодотворные усилия отца Вавилы и усердная его деятельность привлекли благосклонное внимание митрополита Гавриила, а потому 4 марта 1800 года отец Вавила был рукоположен в иеродиакона, а 22 июля того же года — в иеромонаха. Юные питомцы Академии, из которых вышли впоследствии многие знаменитости отечества, отдавали отцу Вавиле большое почтение. Считая его духовидцем, они подходили к нему с некоторою робостью и боязнью и в мирной беседе со старцем черпали из “кладязя” его мудрых, вдохновенных речей сладкую “воду жизни”. “Бегите праздности — говорил он им. — Займитесь трудом. В труде найдете надежный щит страстям. Коли пропустил ты день — воспользуйся другим: Господь подкрепит тебя милосердием и пошлет за труды должное возмездие... Итак, пока ты жив, ищи всегда чему-нибудь научиться”. Сравнивая Академию с почвою земли, он говорил: “Вся Академия наша — земля. Природные дарования ваши — это почва ее. Наставники-учителя — земледельцы. Уроки же и наставления их — семена. Каждый год приносит она обильные плоды, отличающиеся различными качествами...”

Особенной любовью отца Вавилы пользовался один из студентов старшего курса Афанасий Галинский. Это был добрый, кроткий и благонравный юноша, ненавидимый своими товарищами за быстрые и отличные успехи в науках и за особенное благоволение к нему академического начальства. Отец Вавила полюбил его всей душой и при встрече обращался к нему как отец к сыну.

— Ты, Афанасий, не стесняйся... Почаще меня навещай. Помни, ведь ты наш...

— Как так — ваш?

— Да так... Когда-нибудь и ты монахом будешь.

— Помилуй Бог, отец Вавила. Я и в мыслях того не имею, чтобы монахом быть. Иноческий подвиг для меня не по силам. Я решил остаться в мире навсегда.

— Ах ты, агнец кротости! Да тебя мир ни за что к себе не примет! Он ненавидит людей, ищущих правды... Посмотри, как враждебно глядит он на тебя в лице твоих юных товарищей. А за что? За то что ты стремишься к добру и ненавидишь зло.

По окончании полного курса наук Афанасий Галинский, как один из лучших воспитанников Академии, был оставлен при ней учителем русского языка. Встречая отца Вавилу, он шутливо вспоминал ему предсказание.

— А что, — говорил он, — ваше пророчество не сбылось. Я полюбил мир и не намерен оставить его...

— Хотя ты и полюбил мир, но он ненавидит тебя. Когда же мир возлюбит и отличит тебя, ты возненавидишь и бросишь его...

Ровно четырнадцать лет пробыл Афанасий в Киевской Академии, проходя разные училищные должности. Но удрученный насилием зла и неправды людской, оставил светское звание и постригся в монашество. Имя ему было наречено Авксентий. Продолжая трудиться на пользу воспитавшего его училища, он в 1817 году был переведен в Воронежскую духовную семинарию на должность инспектора, а через год — в Киево-Печерскую Лавру проповедником слова Божия. В 1826 году Галинский был назначен наместником Лавры и произведен в сан архимандрита.

Вторым любимцем и другом отца Вавилы был знаменитый композитор Артемий Лукианович Ведель. Старец знал его будучи еще в миру, в самую цветущую пору его музыкального таланта. Ведель только что возвратился тогда из Москвы, где жил у генерал-губернатора Еропкина. По прибытии в Киев, он тотчас занялся (по приглашению корпусного командира А. Леванидова) составлением певческого хора из солдатских детей и вольных лиц и сделал этот

хор одним из лучших в Киеве. Красивый от природы и прекрасно сложенный, Ведель был тих нравом, приветлив и предпочитал уединение. Молитва никогда не сходила с уст его. Что бы он ни делал, куда бы ни шел — всегда шептал про себя Псалтирь, которую знал наизусть. Умиляясь душою, он часто заливался слезами, декламируя на распев вдохновенные песни Царя Псалмопевца. Проживал Ведель в доме генерала Леванидова и всякий раз, когда им овладевала тоска, спешил в уединенную келью отца Вавилы, доверяя ему свои сердечные думы.

“Чего ты торжествуешь? — говорил ему отец Вавила. — Не радуйся, брат. Опасен и обрывист путь твоей жизни. Хотя и усеян он чудными розами, но и розы не бывают без шипов... Хотя и усыпан он цветами и лаврами, но и под грудой этой зелени может таиться ядовитая, опасная змея. Многими скорбями подобает внити в Царствие Небесное”. Добродушный Ведель в ответ на это только тяжело вздыхал. Все мысли его заключались в том, чтобы на склоне дней своих оставить все суетное и ложное и усердно послужить Богу. Вскоре генерал Леванидов был переведен из Киева. Ведель, лишившись своего покровителя, бросил все и, соскучившись без любимого занятия, сложил с себя звание поручика и поступил в Киево-Печерскую Лавру послушником. Здесь всю энергию пылкой души своей он обратил к иноческим подвигам, усердно исправляя должность чтеца и клирошанина. Лаврская братия находила в нем образец кротости, терпения и послушания и вскоре надеялась видеть его в сане служителя алтаря Господня. Но, к удивлению всех, Артемий в одну из ночей бежал из Лавры.

В нищенском платье, приняв на себя вид юродивого, бродил он по Полтавской, Черниговской и Харьковской губерниям, но через некоторое время опять возвратился в Лавру. В то время друг его отец Вавила находился уже в Киево-Китаевской пустыне и очень обрадовался возвращению Веделя. Радость его была не долгая. На Веделя пало неблагоприятное подозрение в сочинении каких-то записок, относившихся к современным политическим событиям, а потому тогдашний губернатор М. Кречетников приказал по прибытии в Лавру его схватить. Ведель оправдался, но за бродяжничество был посажен в смиренный дом. Такое обстоятельство сильно потрясло его: Ведель помешался умом. Отец же Вавила, сожалевший о друге, не переставал посещать его в больнице до самой смерти. Но сколько ни пытался он говорить с ним, не получал от Веделя никакого ответа: бедный скиталец уже мало понимал своего верного друга. В 1806 году Ведель опасно заболел, а

через несколько дней окончил свою горемычную жизнь. Напутствовал его Святыми Тайнами протоиерей Леванда и с приличной церемонией проводил тело его на кладбище.

Рвение к духовным подвигам, зажегшееся в сердце отца Вавилы еще в юности, разгоралось все сильнее и сильнее и вспыхнуло ярким пламенем. Не довольствуясь общими иноческими обетами, Вавила пожелал благоугождать Богу высшими подвигами благочестия, а потому в 1802 году подал прошение о пострижении его в великий ангельский образ — схиму. Владыка, опасавшийся, чтобы строгая подвижническая жизнь отца Вавилы не послужила ему помехой при исполнении им обязанностей казначея, всячески уговаривал старца повременить.

— Зачем спешишь? Ведь ты не стар еще. Подожди, успеешь...

— Нельзя служить двум господам. Нельзя поклоняться Богу и мамоне.

Владыка, я стар уже и не ведаю, что случится со мною завтра. Каждый день я испытываю сердце свое и нашел, что ничто не может удовлетворить и наполнить его, кроме Бога...

— Но при твоих трудах, которые ты выполняешь ежедневно, достаточно тебе и того молитвенного правила, которое творишь в церкви. Сам знаешь: послушание — паче поста и молитвы.

— Отец мой! Если монах молится только во время церковного Богослужения, то он отнюдь не молится. Молиться надлежит всякий час. /.../

Пострижение отца Вавилы совершено было в Китаевской пустыне игуменом Киприаном и наречено ему имя Вассиан. Недолго пробыл после того отец Вассиан в Академии. От постоянных трудов, недоспанных ночей и рабочего напряжения он ослабел глазами. Чувствовалась сначала сильная боль и резь, зачастую глаза стали заволакиваться как бы туманом, и совершенно выбившись из сил и потеряв здоровье старец в том же 1802 году попросился на покой в Киево-Печерскую Лавру. С нескрываемою скорбью, отпускала древняя Академия своего труженика-казначея. Перемещенный в Китаевскую пустынь, старец Вассиан был назначен к очередному богослужению в духовнической должности, а на место его академическим казначеем был определен киевский протоиерей Матвей Россовский.

С переходом отца Вассиана в Киево-Печерскую Лавру, началась для него новая жизнь, преисполненная благодатных часов уединения и духовного собеседования с Богом. Передают, что когда он молился пред Престолом во время совершения Богослужения, то,

преисполняясь священного восторга, обливался слезами при произнесении великих слов Божественной литургии.

— Памятуйте, — говорил старец, — Кому возносите жертву хвалы, благодарения, мира и спасения, чтобы, явившись на призыв нелицеприятного Суда Божия, предстать пред лицом Его непостыдно.

Целых пять лет трудился отец Вассиан в Китаевской пустыни, не пропуская ни единого Богослужения, совершая различные требы и удовлетворяя духовные потребности своих многочисленных духовных чад. Долго бы и еще потрудился он на широком просторе нивы Божией, но Бог судил иначе. Для старца готовилось тяжкое испытание.

Вскоре зрение отца Вассиана ослабело настолько, что он перестал различать окружающие предметы и даже людей, а 28 января 1807 года старец совершенно ослеп... Нельзя было без слез смотреть на несчастного слепца, который доселе разбирал еще крупные буквы Святого Евангелия и ходил без посторонней помощи; теперь же, как малолетнее дитя, осязал каждый свой шаг руками и угадывал лежащие по пути предметы прикосновением своего жезла. Но старец не скорбел, а с покорностью и без ропота благодарил Творца. “Господи, — говорил он, — Господи, смиренный гордыню души моей слепотою телесною, просвети мои мысленные очи сердца, да выну славлю и поклоняюсь Пресвятому имени Твоему”.

Когда же кто-либо являлся к нему, чтобы утешить старца своим сочувствием к тяжести носимого им креста, то отец Вассиан отвечал: “Я благодарю Бога за все. Ибо под крестом сим научился возвергать печаль свою на Господа и возвещать перед Ним скорбь в слезной, пламенной молитве... Никто не свободен от несчастия. Просмотри летопись жизни каждого человека, и ты найдешь, что ни один из них не родился на одно только счастье. Итак, не плачьте обо мне, ослепленном очами, а рыдайте о ближних вам, которые, ради духовного ослепления, отметили от себя собственное спасение. Молитесь о них. Молитесь, да обратит и просветит лице их Господь и да спасет их”.

По ослеплении глаз отец Вассиан был переведен в Лавру и определен в Больничный монастырь на жительство. Но и здесь не оставлял он своего обычного правила и трудов. Едва только ударяли в колокол, неспешными шагами направлялся он в храм Божий и, приютившись где-либо в заднем углу, повергался на землю бесчисленными поклонами. Достояв до конца службы, он выжидал, когда

народ разойдется и очистит ему дорогу, и уже последним выходил из церкви домой. Молитва его была пламенна и необычайна, но подвиг молитвы он соединял с великим постом и до того изнурил свое тело, что, казалось, совсем не чувствовал тяжести его. Такими подвигами он привлек к себе дары Духа Святого, и хотя плотью был земной жилец, но духом соединялся с небесным и вечным. “Не может град укрытись верху горы стоя. Ниже вжигают светильника и поставляют под спудом и светит всем”. (Матф., 5:14–15). А потому имя отца Вассиана стало привлекать к себе толпы народа, и вскоре подвиги и христианские доблести его стали известными всей России.

Редкий из посещающих Лавру, прослышав про добродетельное и богоугодное житие старца Вассиана, не приходил к нему за советом и утешением. И благолепный старец никому не отказывал в приеме, всех принимал с любовью и ласкою, как истинный пастырь и нежный отец. И подобно тому, как утомленный долгим странствованием путник находит покой и отдохновение под сенью тенистого вертограда, так огорченный духовными врагами и несчастиями, каждый приходящий к старцу получал от него одобрение, отраду, и утешение сердца.

Всякому просящему подавал он руку помощи, всякому ищущему спасения указывал путь к небу, наставляя заблудших высоким проповеданием слова Божия. Мужичины умные умудрялись еще более его беседами и советами. Люди, ревнующие о жизни духовной, молились Господу, чтобы ниспослал силы подражать его подвигам. А сироты, убогие, больные и озлобленные получали от него материальную поддержку и ощущали сладость его отеческой любви. И милосердный Господь, испытующий сердца и утробы людей, видя в нем искреннего и верного раба Своего, удостоил старца дара прозорливости, тщательно скрываемого им под покровом своего смирения.

Приходит однажды в Лавру молоденький купчик из Москвы. Поселился на странноприимнице. Увидел монаха-гостинника, пошел к нему и разговорился.

— Батюшка, — сказал он, — я из купцов. Оставил отца и мать, презрел богатое наследство, желаю всем сердцем начать подвиг спасения.

— Дело хорошее, христианское, — отвечает гостинник, — только не такое легкое, как ты думаешь. Мало того, что ты отшел от мира, надо отрешиться и от страстей. По примеру Спасителя без поста и молитвы даже святые не начинали никакого

подвига. А у тебя, вижу, подорожня сумочка всяким добром набита.

— Кто желает угодникам подражать, тому мясо да калачики — смерть. Так нельзя. Надо подвергнуть свою душу тяжкому испытанию. Царство Небесное нудится и нуждницы восхищают его.

— Э-э, батюшка, да я не только душу свою подвигом очищаю, я и плоть свою не пощадил. — При этом купчик расстегнул свою рубашку и на голом теле его показалась толстая пудовая сетка.

Монах рассмеялся:

— Вишь ты ретивый какой! Сразу Царство Небесное приобрести захотел. Путь спасения много, но не по всем путям сразу идти. Надобно как по степеням, от силы в силу...

— Да что мне “по ступеням”? Я и всеми путями сразу могу идти. Верите-ли, я в сутки по семьсот поклонов перед образами кладу. У меня на лбу от того и шишка растет.

— Вот в том-то и беда, что через меру усердствуешь. А скажи-ка мне, братец, ты с чьего благословения вериги надел?

— Да ни с чьего... Заказал кузнецу и надел.

— Ну, вот видишь... Так нельзя. Каждое дело с благословения Божия начинать надлежит. А кто по своей воле жить собирается, на том прелесть бесовская. Вот что, ступай-ка ты сейчас на братскую больницу, к схимничку Вассиану слепенькому, он тебя на путь наставит.

Купчик отправился. Вошел в келью к отцу Вассиану и бух старцу в ноги.

— Благословите...

— Бог благословит,— отвечал прозорливый старец и тут же назвал купчика по имени. — Я тебя давно к себе жду.

Потом подошел к нему и похлопал купчика по веригам.

— От диавола убежать захотел? В броню и латы спасения облекся?

— Так точно, желаю душу спасти, святой отец.

— А по силам-ли носишь? Легка-ли тебе рубашечка твоя?

— Легка, батюшка. Как вспомню язвы Христовы, да муки, какие Спаситель на Кресте пригвожденный за нас грешных терпел, — никакой тягости и не чувствую.

— Так, так, значит легка... Счастливец какой. А я вот и до старости дожил, да и то иго Христово подчас не под силу.

— Благословите, батюшка!

— Это что? Вериги носить? Бог благословит. Иди с миром.

Вернулся купчик в гостиницу. Разыскал монаха. Стоит перед ним счастливый, довольный.

— Ну что, был у старца?

— Был, батюшка.

— Благословил, али нет?

— Как же, благос...

Тут купчик не закончил и как сумасшедший стал по двору бегать, да благим матом кричать.

— Ты чего это? Что с тобой, братец?

— Ой, горит, горит! Огнем печет, огнем!..

— Да постой, погоди! Что случилось с тобой?!

— Ой, не могу, помогите! Воды мне, воды дайте! Да нет, кузнеца сюда, кузнеца!..

Оказалось, что после благословения отца Вассиана вериги приобрели такую сверхъестественную тяжесть и такой огнепалительный жар, что выхоленному купчику невольно стало проносить их и несколько минут. Он чувствовал, будто вся спина его была объята невидимым пламенем. На дворе собрался народ. Послали за кузнецом. Общими усилиями освободили купчика от вериг. Он едва дышал.

— Ну что, теперь легче? — спрашивают его.

— Слава Богу... Совсем легко...

— Ну, вот видишь, — укорял его гостинник. Я тебе говорил, что это прелесть бесовская, а ты мне веры не давал. Теперь как же будет: опять новые вериги закажешь?

— Упаси меня Бог! Всем закажу... Нет мне благословения. Не достоин я Богу служить. Не хочу и странничать. Пойду в Москву. Стану опять за прилавок. Буду скобяным товаром торговать. — И, не долго думая, ушел купчик из Лавры...

Много было дела у отца Вассиана. Не по летам старец подвижник нес. Целый день толпился у него в прихожей народ: кто за советом, кто поисповедать грехи. Но не только люди мирские прибегали к нему за советом и утешением, почти вся лаврская братия избрала его своим духовником, ибо многим из них он был восприимчивым отцом по монашеству. Каждый видел в нем и кроткого отца, назидавшего всех отеческим словом, но более всего примерною святостью собственной жизни. Когда кто-либо приходил к нему с жалобой на обидчика, старец утешал его лаской.

— Не мсти врагу своему. Мщение обличает малодушие. Великодушный человек считает для себя унижением отмщать. Месть христианская состоит в том, чтобы как можно более умножить

свои благодеяния и любовь к обидчику. Если бы все люди следовали сему правилу — вражда исчезла бы с лица земли.

— Батюшка! — спросит некто, — как надобно молиться?

— Молись, ангел мой, так, чтобы и мысль и сердце воспринимали содержание молитвы, то есть проникай в смысл ее со всем усердием и вниманием. А для правильного совершения молитвы, не забывай трех правил: во-первых, не приступай к молитвословию без предварительного, хотя краткого приготовления; во-вторых, не совершай его кое-как, нерадиво, а со вниманием и чувством, и в-третьих, не переходи тотчас к разным келейным занятиям, а размышляй о Боге и смерти...

Был в то время наместником Лавры иеромонах Антоний Смирницкий, из воспитанников Киевской Духовной Академии. Это был муж благочестивый, сострадательный, кроткий и человек строго иноческой жизни. Память о нем сохраняется и доньше, ибо старанием отца Антония установлен был обычай читать каждую среду перед поздней обедней торжественный акафист Успению Божией Матери. Обычай этот установлен по благословению митрополита Серапиона в благодарность за спасение Киева и Лавры от нашествия Наполеона в 1812 году и сохраняется до настоящего времени. Духовное сродство у наместника Антония с отцом Вассианом было весьма трогательное. Не проходило и одного дня, чтобы они не виделись друг с другом. Избрав отца Вассиана своим духовным отцом, наместник Антоний не предпринимал без благословения старца ничего нового, трудного или важного. В случае же какого-либо духовного недоумения или душевных волнений и тревог с младенческой верой и кротостью тотчас прибегал к нему за советом.

— Не будь чрезмерно строг к братии, — говорил ему отец Вассиан. — Растворяй строгость власти своею кротостью. Старайся заслужить любовь, но бойся быть страшилищем для людей. Если же наушники доносят тебе на кого — верь, но только немного, ибо и в этой лжи может быть доля правды. Худо всему верить, но худо и ничему не верить.

Одиннадцать лет пробыл отец Антоний наместником Лавры, сначала в сане иеромонаха, потом архимандрита. Незадолго до назначения его епископом Воронежским, Господь удостоил его чудного видения, которым открыл ему предстоящее избрание во епископа. “Отслужив утреню, — так рассказывал о сем сам отец Антоний, — пришел я в келью в Лавре и начал читать книгу. В восемь или девять часов утра отворилась ко мне дверь и вошла велико-

лепно убранная в бриллиантах Царица, и подошла ко мне. Я принужден был встать с кресла, а она, посмотрев на меня, сказала:

— Отец Антоний! Идите за мной.

Я в ту же минуту за нею пошел в дверь, а за нами фрейлин шесть или семь, и, выйдя из кельи, они пошли к воротам, я за ними и вышел из ворот на улицу. Вдруг подъезжает в четыре лошади карета, а лакей отворяет дверцы в карету, и она села и сказала мне: “Садись и ты в карету”.

И посадила меня по левую сторону, и поскакали очень шибко. Я думал, что на Подол поехали, но усмотрел, что не туда, а налево, т. е. в поле, и ехали с час или более, а куда — не знаю. Я в большом сомнении, сижу, крещусь и творю молитву. Она обернулась ко мне и сказала: “Что ты сомневаешься во мне? Я такая же женщина, как ты видишь...” Перекрестила меня и замолчала. Ехали мы и по полю, и по большой дороге. Оглянулся я в стекло и вижу с обеих сторон дороги множество народу: иные стоят, а иные на коленях, и все подняли руки кверху и кланяются нам, а я все удивляюсь, смотря на них. Чем дальше едем, тем больше народу. Взглянул я в переднее стекло и увидел великолепную церковь: вся снаружи вызолочена и превысокая, какой у нас в Киеве нет и не было. Подъезжаем мы к церкви, отворились дверцы и выходит она с поддержкой лакеев. Она оглянулась на меня и сказала: “Выходите и ступайте за мной”.

Я вышел из кареты и пошел за ней по устанным персидским коврам и пришел в оную церковь. Она остановилась напротив аналая и сказала мне: “Становитесь и вы по левую сторону”. Я вижу, что на аналое крест и Евангелие. Все это удивляло меня. Она сказала священнику: “Венчайте!” Я, испугавшись, осмелился возразить:

“Ваше величество! Ведь я монах”. Она опять воскликнула:

“Венчать!.. Венчайте”.

Потом по правилу церковному, как должно, отпели: “Исаеи ликуй”. Она взяла меня за руку и водила вокруг аналая. По окончании приложились к иконам, и тут начали нас поздравлять. Но я смотрю — все сторонние люди, в крестах и кавалериях и никого из них знакомого не видел. Пошли из церкви, сели в карету и поскакали скоро опять. Я сомневался: куда меня теперь повернут? Ехали сколько-то времени и приехали опять в Лавру, прямо в наместнический дом. Подъехали к крыльцу. Она вышла из кареты и говорит мне: “Ступайте же и вы”.

Тут встретило нас множество народа, но более министров и генералов, а лица их мне совсем не знакомы, только наш митрополит

Серапион, который уже давно без ног и из комнаты не выходит. Взошед в залу, мы сели рядом в креслах. Тут начали поздравлять нас с законным браком, а мы откланивались. Потом пошла она в другую залу и мне приказала следовать за собою. Взошед в оную, увидели мы держимую фрейлинами большую вощанку во всю залу, которая была ветхая и совсем худая. Она, подошед к ней, сказала мне: “Видишь, что она худа, так следует тебе оную исправить заново”. За сим пошла из залы. Я за ней тоже вышел. По выходе оттуда, села в карету и сказала: “Прощай...” Выехала опять за ворота, а я остался по-прежнему в Лавре. Оглянувшись назад, уже на крыльце никого больше не видел из провожатых. Тут я задумался: куда мне идти, и решил возвратиться в свою келью. Сел на том же кресле, где и книга еще раскрытая осталась, и задумался: что это со мною сделалось...”

Долго размышлял об этом отец Антоний и, чтобы разрешить свое недоумение, отправился к отцу Вассиану, как к своему духовнику. И пришед, рассказал старцу, какое с ним случилось происшествие. Отец Вассиан выслушал наместника внимательно и одобрительно покачал седою головой.

— Радуйся, отче Антоние! Это к тебе приходила Царица Небесная, — сказал прозорливый старец. — А что повенчан ты с Нею браком, то значит, что ниспослется на тебя благословение Божие и скоро будешь архиереем, т. е. владыкою. Большая же и ветхая вощанка означает худую, неблагоустроенную епархию, которую тебе необходимо будет привести в должный порядок и исправить непременно...

Наместник Антоний смиренно поклонился старцу в ноги. Сложив в сердце все виденное самим и слышанное от духовного своего отца, он решил никому не оповещать своей тайны, пока все предсказанное не сбудется. Когда же в 1825 году умер Воронежский епископ Елифаний, то Киевский митрополит Евгений Болховитинов, уроженец Воронежской губернии, отлично зная высокие достоинства отца Антония как своего лаврского наместника, предложил его кандидатом на епископскую кафедру в Воронеж. Выбор был угоден Святому Синоду и по сердцу Государю Императору, лично знавшему Антония, а потому он 31 января 1826 года был рукоположен во епископа и хиротония совершена была в Лавре.

Предсказание отца Вассиана сбылось во всей точности. Воронежская епархия в то время была не та, что теперь. Она заключала в себе всю область войска Донского. А потому, будучи похожа на ту огромную вощанку, которая была ему показана в видении, имела

множество дыр, которые требовали больших забот и умения, чтобы починить их. Огромные здания стояли без починки и угрожали скорым падением, сумм на возобновление в соборе живописи и прочего недоставало, экономия была пустая и повсюду виднелись беспорядки и упущения. Но будучи наместником Лавры, епископ Антоний оказался и хорошим хозяином, а потому новая епархия была им обновлена и приведена в цветущее состояние. А сам владыка, будучи носителем высоких заветов своего духовного отца иеросхимонаха Вассиана, своею благочестивою жизнью, молитвенными подвигами и милосердием оставил по себе там вечную память...

Так проходили дни за днями. Старец Вассиан был по-прежнему бодр духом и крепок телом. Из кельи своей выходил редко, да и то лишь для того, чтобы подышать свежим воздухом, опираясь на плечо своего любимого келейника. Рассказывают, что хотя отец Вассиан был совершенно слеп, но как бы предугадывая издали присутствие встречного человека, всегда первый отдавал ему почитание низким поклоном. Но как не избегал старец суетной человеческой славы, однако благочестие отца Вассиана было известно не только многим чадам Церкви Христовой, но, дошедши в Петербург до царских палат, привлекло к нему особенное внимание даже самих Венценосцев.

Первым прослышал про отца Вассиана великий князь Николай Павлович. Посетив 1 июня 1816 года Киевские лаврские пещеры, куда был сопровождаем наместником Антонием, изъяснявшим ему краткую историю почивающих святых, он был осведомлен о старце и, пожелав его видеть, удостоил отца Вассиана своей снисходительной беседой. Возвратившись в Петербург и рассказывая во дворце свои путевые впечатления, упомянул и об известном киево-печерском подвижнике, и своим красноречивым рассказом обратил на Вассиана внимание своего Августейшего брата. Так что в 1816 году, когда увенчанный славою умиротворителя Европы Император Александр I на пути из сгоревшей в 1812 году Москвы, приехал в Киев, чтобы поклониться его святыням, то первым шагом к насыщению его духовной жажды, было посещение им слепого иеросхимонаха Вассиана. Посмотрим, что передают нам о том сохранившиеся в архивах летописи.

7 сентября 1816 года в четыре часа пополудни большой лаврский колокол известил киевлян о приближении царского поезда. Государь остановился против Неводницкой пристани на другой стороне Днепра в Красном трактире, откуда некоторое время лю-

бовался прекрасным видом на Лавру и город. В начале седьмого часа, когда настали совершенные сумерки, начался перезвон во всех монастырских и городских церквях. По желанию Государя, всякая встреча со стороны военных и гражданских властей была запрещена. Лишь в Лавре по окончании вечерни митрополит Серапион (Александровский) во всем облачении с архимандритами и двадцатью парами иеромонахов ожидал во Святых вратах прибытия царского экипажа. Лаврская колоколя и весь монастырь были ярко освещены разноцветными плошками. В половине седьмого показалась открытая дорожная коляска, в которой с князем Волконским сидел Государь в шефском конноегерском мундире. Толпы собравшегося во множестве народа приветствовали державного гостя громким несмолкаемым “ура!”.

Государь вышел из экипажа, выслушал приветственную речь митрополита и, приложившись ко кресту, проследовал со свитой пешком в Великую лаврскую церковь, ярко освещенную огнями. Впереди ему предшествовал митрополит и все духовенство, державшее в руках большие горящие белые свечи. Певчие пели при этом шестивии обычный стих: “Днесь благодать Святага Духа нас собра”. Приблизившись к церковным дверям, Государь отдал свою шпагу сопровождавшему его генерал-адъютанту Уварову и, войдя в церковь, положил троекратный земной поклон пред чудотворной иконой Божией Матери и приложился к мощам почивающих в Великой церкви угодников. /.../ Государь слушал всю обедню стоя почти неподвижно, кроме поклонения при изображении крестного знамения. Обедня была пропета простым напевом по присланным из Синода книжкам. Пять человек Государевых певчих пели вместе с архиерейскими, справившись поутру. И сам Государь, стоя подле клироса, подпевал низко баском.

После литургии Государь входил в сопровождении митрополита в алтарь, рассматривал мозаику, был в ризнице, видел также и гробницу князя Ярослава. Отсюда он проследовал в митрополичьи покои. Вечером состоялось известное посещение Государем слепого иеросхимонаха Вассиана. Чтобы не обеспокоить смиренного старца своим внезапным приходом, Государь в три часа пополудни приказал дать знать в Лавру схимнику Вассиану, что в восемь часов вечера его намерен посетить князь Волконский. В назначенный час ожидаемый гость так тихо вошел в келью слепого старца, что даже послушник, находившийся там, не заметил входящего и узнал уже тогда, когда высокий гость, взявши его за плечо, выслал вон и быстрыми шагами войдя в чулан Вассиана приветствовал его:

— Здравствуйте, батюшка!

Ответ обыкновенный. Затем, будучи уверен, что перед ним князь Волконский, старец пригласил гостя садиться. (Рассказ этот написан по письму арх. Антония (Смирницкого) своему отцу. Другие же современники достоверно сообщали, что Вассиан узнал Александра I, но по своему смирению скрыл это доказательство своей прозорливости от наместника Антония, которому рассказывал подробности посещения своей кельи Государем).

— Прощу сесть, ваше сиятельство.

И хотя хозяин сажает на первейшее место гостя, предоставляя ему свои права, однако мнимый Волконский садится ниже, отдавая первенство хозяину.

— Женаты ли Вы, ваше сиятельство?

— Женат.

— Давно ли женаты?

— С лишком двадцать лет.

— Имеете детей?

— Имею.

— Давно ли служите Государю?

— Давно.

Посещение старца Вассиана Императором Александром I

— Благодарение Господу Богу, что Государь Император удостоил и Киев и Святую Лавру своим посещением. Ах, как он вчера, будучи в Лавре, обрадовал всех своим благочестием и кротостью.

— Да он здесь... Он у вас.

И Государь, не желая долее оставлять старца в неизвестности, нагнулся и прошептал ему на ухо:

— Я Александр. Благословите меня. Еще в Петербурге слышался я о вас и пришел поговорить с вами. Благословите меня.

Глубоко тронутый Вассиан хотел поклониться Государю в ноги, но Александр Павлович, не допуская его к этому, поцеловал старца в руку.

— Поклонение принадлежит только Богу. Я же человек, как все прочие. И христианин. Исповедуйте меня... исповедуйте так, как всех вообще духовных сынов ваших.

Отец Вассиан накинул на себя епитрахиль и немедленно приступил к совершению исповеди. Крутом был легкий полумрак и царила благодатная тишина. Небольшая зажженная лампада, тихо мерцая перед образами, розовым светом обдавала находившиеся в келье предметы и чуть-чуть освещала спокойные лица присутствующих. На небольшом аналойчике, покрытом потертою парчою, стоял полуаршинный, купленный старцем в Иерусалиме перламутровый крест, перед которым теплились две восковые маленькие свечи и лежало святое Евангелие. О, какую умирительно-трогательную картину представляла эта исповедь!

Всесильный монарх-победитель, уничтоживший власть великого гения и полководца Франции Наполеона, и обладатель обширной Руси, с детскою верою повергаясь пред образами на колени, со смирением и кротостью кается в своих поступках и делах, в присутствии простого, убеленного сединою чернеца... Как бы отрешившись от земной славы и чувствуя свое ничтожество перед Творцом, с младенческою покорностью отдает он Ему свое сердце, завещая и нам быть покорными Богу и почитать наставников и власти. О, какой необыкновенный пример глубокой веры и благочестия показал нам этим русский Царь! Какой громадный укор нашей испорченной совести должны видеть в этом мы, современники!

Все оскудело у нас: и вера, и нравственность и благочестие. Великий поток зла стремится подмыть даже самые исторические основания благоустройства отечественного. Вот появились лжеучителя и пророки, которые выступают в овечьих шкурах, укрываясь покровом доброжелательства и появляются перед всеми

с призраком истины в речах. Одежда их сшита из прогресса, цивилизации, просвещения, свободы мысли, свободы дел и свободы личности, но в устах их тень противоречия учению Господню, и своим красноречием угождают они чувствам, а не духу. Но Господь долго терпит и ожидает нашего покаяния. “Обидяй да обидит еще, и скверный да осквернится еще: и праведный правду да творит еще: и святой да святится еще. Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его” (Откр., 22: 11–12).

Долго раздавался, среди безмолвной тишины, чистый и ясный голос вдохновенного слепого духовника. Как целительный бальзам проливалось каждое слово его на самую глубину сердца кроткого, миролюбивого Монарха... Но вот исповедь кончилась. Было уже одиннадцать часов. После долгих разговоров Император сказал:

“При первом вступлении моем в лаврскую церковь такое благоговение наполнило мою душу, такие чувствования проникли в нее, что могу поистине с Павлом сказать: “бых аще в теле, или аще кроме тела, не вем, Бог весть”.

Затем, стараясь узнать о прочих подвижниках Лавры, Государь спросил:

— Кто в Лавре более других заслуживает внимания?

— После митрополита у нас наместник первейший, Ваше Величество.

— А как его имя?

— Антоний, Ваше Величество.

— Ну, так прикажите, батюшка, келейнику позвать его сюда. Пусть скажет, что князь Волконский ожидает его у вас.

Наместник Антоний Смирницкий не замедлил явиться по приглашению. Узнав Государя, он хотел отдать ему достоподобное почтение, но Александр Павлович не допустил того.

— Благословите как священник, — сказал он, — и обходитесь со мною, как с простым поклонником, пришедшим в сию обитель искать путей ко спасению. Ибо все дела мои и вся слава принадлежит не нам, а имени Божию, научившему меня познавать истинное величие...

Ровно в двенадцать часов ночи Государь изволил выйти от Васиана. За ним последовал наместник.

— Для чего вы столь великолепно огнями осветили лаврскую колокольню? — спросил на дворе Император.

— Государь! — отвечал Антоний — По случаю всерадостнейшего посещения Лавры Вашим Императорским Величеством.

Если бы мы этого не сделали, то нас осудили бы все, да оскорбились бы и помещики Лавры.

— А кто ваши помещики?

— Преподобные и богоносные отцы Антоний и Феодосий.

После этих слов Государь, указывая рукою на величественную колокольню, спросил:

— Долго ли она будет в таком блеске?

— Пока не истощится материя света, — отвечал наместник.

— А там что?

— А там угаснет... Такова и земная слава людей.

— Да, — подтвердил Государь. — Вон там у вас истинные цари. (При этом он указал по направлению к пещерам). Они восемьсот лет торжествуют над тлением.

Подошедши к Великой церкви, Государь распрощался с наместником и, запретив ему сопровождать его особу до святых ворот, сказал:

— Прощайте... Завтра утром надеюсь быть у вас в пещерах.

И усевшись в дожидавшую его коляску, уехал. 9 сентября в семь часов утра Государь действительно снова прибыл в Лавру. С ним были князь Волконский и лейб-медик баронет Виллие. Сопутствуемый от Святых врат наместником и казначеем, Александр Павлович проследовал в пещеры, где с благоговением прикладывался к мощам, расспрашивая о житии каждого святого. Отец наместник в кратких, но верных чертах рассказывал ему жизнь чудотворцев Печерских, а Государь слушал и удивлялся “како Господь удивил вся хотения в них”. Кончив поклонение мощам угодников Божиих, Государь вышел наружу и при выходе пожаловал на обе пещеры по тысяче червонцев.

10 сентября в воскресенье за Золотыми воротами состоялся в Высочайшем присутствии смотр трем полкам. Отсюда Государь проследовал в Лавру. У Святых врат его ожидал эконо́м с десятью старцами, а у церковных дверей митрополит с крестом. “По вшествии в церковь Государь изволил приложиться к образу Успения Божией Матери и слушал литургию, совершаемую митрополитом, поемую братией, и продолжавшуюся два часа. После литургии Государю поднесена была митрополитом просфора, и подходили все служащие к руке.

После того Государь выразил желание отслушать обедню в пещерах, и чтобы наместник служил ее.

— В какой же церкви угодно будет Вашему Императорскому Величеству слушать литургию?

Если бы мы этого не сделали, то нас осудили бы все, да оскорбились бы и помещики Лавры.

— А кто ваши помещики?

— Преподобные и богоносные отцы Антоний и Феодосий.

После этих слов Государь, указывая рукою на величественную колокольню, спросил:

— Долго ли она будет в таком блеске?

— Пока не истощится материя света, — отвечал наместник.

— А там что?

— А там угаснет... Такова и земная слава людей.

— Да, — подтвердил Государь. — Вон там у вас истинные цари. (При этом он указал по направлению к пещерам). Они восемьсот лет торжествуют над тлением.

Подошедши к Великой церкви, Государь распрощался с наместником и, запретив ему сопровождать его особу до святых ворот, сказал:

— Прощайте... Завтра утром надеюсь быть у вас в пещерах.

И усевшись в дожидавшую его коляску, уехал. 9 сентября в семь часов утра Государь действительно снова прибыл в Лавру. С ним были князь Волконский и лейб-медик баронет Виллие. Сопутствуемый от Святых врат наместником и казначеем, Александр Павлович проследовал в пещеры, где с благоговением прикладывался к мощам, расспрашивая о житии каждого святого. Отец наместник в кратких, но верных чертах рассказывал ему жизнь чудотворцев Печерских, а Государь слушал и удивлялся “како Господь удивил вся хотения в них”. Кончив поклонение мощам угодников Божиих, Государь вышел наружу и при выходе пожаловал на обе пещеры по тысяче червонцев.

10 сентября в воскресенье за Золотыми воротами состоялся в Высочайшем присутствии смотр трем полкам. Отсюда Государь проследовал в Лавру. У Святых врат его ожидал эконо́м с десятью старцами, а у церковных дверей митрополит с крестом. “По вшествии в церковь Государь изволил приложиться к образу Успения Божией Матери и слушал литургию, совершаемую митрополитом, поемую братией, и продолжавшуюся два часа. После литургии Государю поднесена была митрополитом просфора, и подходили все служащие к руке.

После того Государь выразил желание отслушать обедню в пещерах, и чтобы наместник служил ее.

— В какой же церкви угодно будет Вашему Императорскому Величеству слушать литургию?

— Какую сами изберете.

— Не угодно ли в церкви преподобного Антония?

— Хорошо. Антоний будет служить у Антония, — заметил Государь.

Вернувшись из дворянского собрания, Государь велел немедленно позвать к себе лаврского наместника Антония Смирницкого и своими руками возложил на него в кабинете богатый наперсный крест, украшенный бриллиантами. Другой такой же крест он поручил передать иеросхимонаху Вассиану.

— Возложите ему от моего имени, в память нашего знакомства и в знак глубочайшей моей признательности к нему, яко духовному отцу моему.

12 числа, в день своего отъезда, Государь слушал литургию в Ближних пещерах в церкви преподобного Антония. Служил наместник с протодиаконом и придворными певчими. В сей небольшой церкви, находящейся близ гроба преподобного Антония, были только Государь, князь Волконский и митрополит Серапион. Государь стоял благоговейно и все время подпевал певчим.

По окончании обедни митрополит представил Государю старца Вассиана. Он был облечен в схимническое одеяние и, низко кланяясь, благодарил Государя за пожалованный ему бриллиантовый наперсный крест.

— Святостью жизни и добрыми делами, — отвечал Государь схимнику Вассиану, — вы заслужили большую награду у Царя Небесного. Я, земной царь, награждаю вас чем могу за те приятные и душеспасительные часы, которые я провел в уединении, находясь в вашей келье...

Растроганный старец не в силах был вымолвить ни единого слова. По впалым старческим щекам его катились крупные слезы...

Затем Государь посетил келью начальника пещер игумена Филарета, где, завтракая, рассказывал лаврским старцам о праздновании святой Пасхи в Париже. Когда наместник по окончании молитв в церкви явился в келье с просфорой, Государь прервал разговор и сказал:

Благодарю вас, отец наместник, за молитвы... А каково пели певчие?

— Скороспешно, Ваше Величество.

— Ну что ж? Люди дорожные.

— Дело Божие должно делать в надлежащем порядке, Государь.

— А я, отец наместник, рассказываю о том, как я праздновал Пасху в Париже после войны. Во время сего всерадостного торже-

ства я преклонил колена посреди главной площади сего города, и вместе со мною восемьдесят тысяч моих воинов также преклонили колена. Тогда французы, видя нашу веру, любовь и благоговейную молитву к Воскресшему Христу, последовали нашему примеру и сами пали на колена...

Выходя из начальнических келий, Государь хвалил местоположение Киева, говоря, что таких красивых и приятных видов он не лицезрел нигде и что в будущем мае он снова посетит Киев и пробудет в нем более месяца. Из Ближних пещер Государь направился в Великую церковь и приложился к чудотворной иконе Божией Матери. Митрополит поднес на прощанье икону прп. Антония и Феодосия Печерских и пять больших просфор, сказав при этом краткую благодарственную речь.

Долго еще трудился после того отец Вассиан в Лавре. Как часто, вспоминая отрадное посещение его Александром Павловичем, умилялся старец душою и со слезами на глазах рассказывал слушателям подробности его. Здоровье его было по-прежнему хорошо. Хотя ему исполнилось семьдесят лет, но строгою, воздержанною жизнью, он сохранил свои физические силы от преждевременного расстройств и истощения. Изредка, особенно в Великий пост, когда подвиги его усугублялись, старец как бы изнемогал под крестом, но, окрыляемый надеждою небесного венца, снова обновлялся и становился крепок и бодр. Трудно изобразить пред читателем труды и духовные подвиги старца. Внутренняя жизнь его, подобно жизни всех ревнителей благочестия, была запечатлена глубокою сокровенностью. Ее поймут лишь те, иже Христовы суть, и которые сами постоянно ведут многотрудную внутреннюю борьбу с незримыми врагами нашего спасения.

Наступил 1827 год. Старец видимо стал изнемогать. Подвергаясь частым недугам, он затворился в келье и никого не принимал к себе. Изредка его посещали родные дочери или близкие духовные чада, присутствие которых было ему весьма приятно. Ставни его кельи были закрыты, и в комнате постоянно царил темнота. Когда же кто-либо из ученых духовных сынов приходил проведать его, отец Вассиан приказывал отворить ставни и просил что-либо почитать ему.

— Почитай мне слово Божие, друг мой... Чтение слова Божия исцеляет душевные раны и прогоняет беса уныния.

Любимым чтением для больного были творения Иоанна Златоуста и Димитрия Ростовского. Лежа на своей жесткой постели и перебирая четки, внимательно слушал он эти богомудрые словеса,

только изредка нарушая царившую тишину своими глубокими вздохами:

— Господи, — шептали уста его, — поминаю час смертный и каюсь, да не без надежды спасения от мира сего изыду. Поминаю Суд Страшный и каюсь, да не со грехами моими тамо явлюся. Поминаю сладость вечныя жизни и муки смерти вечныя и молюся Тебе, Господи. Умилосердися, Боже мой, слезами покаяния моего... Умилосердися, Боже мой, и отверзи ми райския двери Царствия Твоего...

С большим нетерпением собирался старец в загробный путь. Вскоре телесные недуги у отца Вассиана участились. Встречая каждую болезнь, он радовался ей и говорил: “Вот она, предвстница кончины моей”, — и переносил ее с изумительным терпением и благодушием.

— Батюшка, — спросил кто-то, — вам не страшна смерть?

— Друг мой, — отвечал он, — она страшна тому, у кого отнимает все, что у него было, и провожает на тот свет ни с чем. Кто же успел запастьись нетленным богатством, того надежда утешает в час исхода. — И с глубоким вздохом добавил, — жизнь течет, как

*Прославление преподобного Вассиана. Крестный ход в Лавре на праздник Успения
Пресвятой Богородицы 28 августа 2016 года*

быстрый поток, и не возвращается. Между тем почти все заняты суетой и химерами и не помышляют запастись другим добром, которое послужило бы поддержкою для души всея загробной жизни. О, бедные, бедные люди!..

Незадолго до смерти 28 февраля старец пригласил к себе больничного начальника иеромонаха Филимона и, как бы предвещая скорую свою кончину, сказал ему:

— Смерть полагает конец всем утешениям земным. Как ничего не внесли мы с собою в мир сей, когда родились на свет, так ничего и вынести отсюда не можем (1Тим., 6:7). Беден и наг я и несть у меня ничего. Все ближним, да кровным дочерям своим раздал. Ничего мне и не нужно было, ибо старался проводить свою жизнь в суровой простоте и отречении от суетных благ мира. Но вот вам крест... Его пожаловал мне Царь по своей ангельской кротости и доброте. Возьмите его и передайте в ризницу Лавры. Пускай хранится он там. Еще вручаю вам сбереженных мною шестьдесят рублей. Когда умру — употребите их на постановление братии трапезы. Я люблю моих духовных сынов и братьев паче себя самого и, угождая всем при жизни, желаю угодить и по смерти...

Вскоре после этого старец совсем перестал вставать с постели. Силы его истощились настолько, что он не мог без посторонней помощи передвигаться с боку на бок. От пищи отказался и питался одним только чаем. Ночью с 24 на 25 апреля отцу Вассиану сделалось совсем худо: старец едва дышал и рано утром испустил дух. Тело старца облачили в схимонашеские одежды и положили во гроб. Первую панихиду совершил наместник архимандрит Авксентий Галинский с несколькими иеромонахами, и множество народа теснилось около гроба.

Казалось, вся Лавра и киевляне перебивали в этот день у гроба его, прощаясь с умершим и молясь об упокоении его души. Красным звоном проводила Лавра своего любимого труженика и сына, а тысячная толпа народа со слезами на глазах сопровождала гроб его через Святые ворота на Дальние пещеры, где и погребен отец Вассиан на святой земле, возле церкви Рождества Богородицы. Скончался он восьмидесяти двух лет. Молись за нас у Престола Господня, великий старец Божий...

Сказание о жизни и подвигах
отца Киево-Печерской Лавры преподобного
иеросхимонаха Парфения (Краснопевцева)

(1792–1855)

Печатается по изданию 1856 г.

Поучительно читать повествование о дивных подвигах равноангельной жизни древних подвижников, угрождавших некогда Богу в пустынях Египта и Палестины, на Святой горе Афонской и на нашем родном Афоне — святых горах Киевских⁷. Волею или неволею душа при этом согревается, отрешается от земного пристрастия и воспламеняется, хотя временно, тем желанием Божественного, которым у пустынников горела она непрестанно. Но самая отдаленность наша от времен, когда они жили, ослабляет в неусердных искателях царствия Божия силу сего благодатного впечатления. Лениость и холодность людей нынешнего века находят себе лукавое успокоение в той мысли, что это было когда-то в давние времена, а теперь, в наше время, и сколько-нибудь подобные подвиги и подобная высота жизни духовной — невозможны... Тем поучительнее поэтому для нас пример высокой подвижнической жизни мужей, близких к нам по времени и наипаче современных; тем драгоценнее для нас каждая, самая частная черта из жизни таковых мужей.

Глубоко чтимый и незабвенный для всех знавших его, отец Парфений родился в Тульской губернии, Алексинского уезда в селе Симонове, в сорока верстах от города Тулы, 24 августа 1792 года, от отца причетника храма того села по имени Иоанн Краснопевцев и матери Анны, и при рождении наименован был Петром.

Сын бедного причетника, он от колыбели испытал скорби, неразлучные с убожеством. Покрывая тернием жизненный путь, бедность для людей обыкновенных бывает нередко если не матерью пороков, то как бы гнетом, подавляющим всякое стремление к высокому: но для душ избранных — это огонь очистительный, поедающий в самом зародыше наклонности и страсти испорченной природы человеческой, лелеемые довольством и роскошью. Избранный от молодых лет быть чистым сосудом молитвы и служения Богу, юный Петр в труженической жизни своих родителей почерпал уроки терпения, трудолюбия и совершенного презрения к так называемым земным благам, и это презрение ко всему вещественному, ко всему, что составляет удобства жизни, было впоследствии отличительною чертою его характера. Он до могилы искал

одного удобства: молиться и молиться непрестанно.

По достижении отроческого возраста, Петр, обученный грамоте в родительском доме, поступил в Тульское Духовное Училище. Имея от природы быстрые способности, он успевал в науках очень легко, и по окончании училищного курса был переведен в семинарию в класс словесности. Но еще в раннем возрасте открылось в нем призвание свыше к иной, лучшей цели, чем школьное образование. Сердце его, долженствовавшее быть храмом Святаго Духа, от младенчества горело особенною любовью к Богу-Утешителю, и еще в отроческих летах сподобился он благодатного видимого наития Его.

Преподобный иеросхимонах Парфений

“Однажды, — сказывал он, — возвращаясь вместе с братом из училища на вакационное время в дом родительский, мы остановились где-то на ночь и легли уснуть под открытым небом. Ночь была ясная, я долго не мог уснуть; не знаю, отчего сердце у меня как-то радовалось неизреченно. Я смотрел вверх, и вдруг вижу белоснежного голубя, парящего надо мною. Я удивился, откуда он; в доме его не было. Гляжу и не нагляжусь — так он хорош; и не летает, а все на одном месте то поднимается, то опускается надо мной. Я разбудил спящего подле меня брата:

— Посмотри, говорю, видишь ты голубя?

— Какого? Где?

— Да вот надо мной.

— Ничего не вижу; ты, знать, во сне, брат, бредишь!

Он заснул опять, а я до самого света не сводил глаз с него и радовался несказанною радостью. С рассветом он не улетел, а стал вдруг невидим. И с этой поры в сердце мое запала какая-то сладость и желание чего-то нездешнего, и я уже ни на что земное не прельщался, мне все было противно; ко всему я охладел, и тяжело было мне между людьми”.

О сем видении упоминает он и в одном из молитвенных песнопений своих: “Неописанный Параклите, от Отца исходяй и в Сыне

пребывай! Установи во мне храм своему величеству. Памятствую явление в моем возрасте еще младом Твоего наития тиха и тонка на мя ленива и нерадива, голубя в виде”.

После сего видения, давшего его характеру решительное направление и отрешившего душу его от земли, благодатный отрок удалялся от людей, часто уходил в прилежащий к деревне лес и там воспитывал в себе любовь к безмолвию, богомыслию и молитве. “Однажды, — говорил он, — я, утомившись, лег под деревом и задремал. Очнувшись, вижу стоящего передо мной благообразного старца — монаха, который сказал мне: “Странен монах и земен мертвец”, — и удалился в чащу дерев. Я побежал за ним, но не мог отыскать его, образ же монаха и слова его остались навсегда в душе моей. С той поры родилась у меня мысль о монашестве. Впоследствии, размышляя о значении сих таинственных слов, я истолковал их себе так, что монах должен быть странным, то есть чуждым пришельцем везде, и мертвецом на земле”.

Старший брат его Василий⁸ вступил в монастырь, когда Петр был еще в семинарии, и на нем, казалось, лежала обязанность быть опорой своего семейства. Но Промысел Божий готовит ему иное назначение. За чрезвычайную кротость и тихость нрава, а вместе и за высокую рассудительность, какую являл он еще в незрелом возрасте, он любим был всеми в околоте и особенным уважением пользовался в домашнем кругу. Во всяком сколько-нибудь затруднительном обстоятельстве родители его говорили: “Спросим, что скажет Петруша”. И его слово, отличавшееся необычайною простотою, но вместе и силою рассуждения, было для них как бы законом.

Следующий, переданный им самим, случай показывает, что действительно было это безыскусное слово истины, исходившее еще из юных уст его. Брат его, будучи послушником в Жабинской пустыни, приехал однажды погостить в дом родительский. Родители, видя образ мыслей и жизни младшего сына и начиная терять надежду склонить его к семейной жизни, стали уговаривать Василия, живого и веселого юношу, оставить монастырь, жениться и быть опорой их старости. Не долго колебался он и был готов уступить их желанию, и вот однажды вечером, повторяя о сем речь, родители указали ему на выгодное и праздное место, назвали и невесту. “Ну, матушка, так и быть, дело кончено, — говорил Василий. — Утешу тебя, не возвращусь уже в монастырь, а поеду ко владыке подавать прошение. Да что-то скажет на это Петруша?” “А я, — говорил старец, — лежа на печи, отвечал ему: “Обещался ты, брат, служить

Богу, а теперь хочешь служить сатане. Так мне с тобою нет части, я тебя и знать не хочу!” — “Ну коли так говорит Петруша, — сказали родители, — то об этом и думать нечего. Нет тут Божия благословения!” И Василий возвратился в монастырь, где впоследствии был иеромонахом и игуменом и назывался Венедиктом.

Со дня на день более и более возгоралось в юном Петре желание Божественного, и, побуждаемый им, он стремился посетить Киев и поклониться святым угодникам там нетленно почивающим. И вот, в вакационное, свободное от учения, время он испросил себе у начальства билет, а у родителей благословение и отправился в Киев пешком на богомолье. Это было летом в 1814 году. Когда прибыл он в Киево-Печерскую Лавру, ему, по особенному о нем промыслу Божию, указали на келью тогдашнего начальника типографии, соборного старца иеромонаха Антония, отличавшегося строгою подвижническою жизнью и бывшего впоследствии наместником Лавры, а потом архиепископом Воронежским. Он принял Петра с любовью и радушною простотою, о которых старец всегда воспоминал с глубокой признательностью. С участием расспросил его об обстоятельствах и намерениях его и дал приют у себя на все время пребывания его в Киеве. “Неизъяснима была, — сказывал старец, — та радость, какую ощутил я при входе во врата Святой Лавры и при взгляде на великую, небеси подобную церковь лаврскую. Тогда же дан был мною обет здесь остаться и быть хотя самым последним послушником и служителем на дворе лаврском”.

В это время еще живы были в Лавре великие старцы, известные строгостью жизни и прозорливостью: Вассиан Слепой и Михаил схимник. Первого из них посещал в бытность свою в Киеве Государь Император Александр Павлович, и хотя входил к нему в полночь, без предварительного извещения и не желая открывать ему своего высокого сана, но узнан был им. Благословенный Монарх был тронут беседою мудрого старца, исповедовался у него и впоследствии пожаловал ему драгоценный крест, хранившийся в лаврской ризнице. Прибывши в Лавру и слышав прежде о старце Михаиле⁹, Петр пожелал принять его благословение. “Прихожу к дверям его кельи, сказывал он, стучусь в них, и Михаил, вышедши, прямо назвал меня по имени, спросив: “Что ты, Петре, пришел? — и благословил желание мое остаться в Лавре на послушании”.

Но проживши около года в Лавре (с августа 1814 г. по 22 марта 1815 г.), Петр не был уволен из семинарии и своей епархии и по требованию начальства должен был возвратиться в Тулу и опять взяться за учение. Чувствуя одначе неодолимое стремление в Киев

и к иноческой жизни, он в том же году уволился из семинарии. Таким образом, он не окончил полного курса образования, почему и называл сам себя всегда невеждою и неученым. “Я ведь не богослов”, — говаривал он, уклоняясь от каких-либо ученых вопросов, целью которых было не назидание и спасение души, а простая пытливость ума. Между тем он глубоко понимал самые высокие таинства богословия, почерпнув ведение оных не в книжном и школьном научении, а в непрестанном молитвенном созерцании Бога Слова...

По увольнении из семинарии Петр думал, что не будет уже ему никакого препятствия к исполнению своего намерения: но вышло не так. Родители хотели пристроить его скорее к месту поближе к себе и заставили его определиться причетником в родном своем селе на открывшееся место. Здесь была готова ему и невеста — сирота, дочь священника. По мягкости и кротости своего характера, он не противоречил воле родителей. Сделана была помолвка и назначен день брака. Но, не дождавшись его, он ушел в другой раз в Киев. Впрочем и в этот раз, после двухмесячного странствования, должен был опять возвратиться на родину, не быв опять уволен из епархиального ведомства. Возвратившись домой, Петр нашел свою невесту уже замужем. Между тем родители нашли ему другую — в соседней Калужской епархии, дочь одного священника. Этот священник вскоре умер, и родные желали, чтобы он занял его место. Петр и в этот раз не прекословил родителям и отправился в Калугу к тамошнему преосвященному Антонию с прошением предоставить ему место умершего священника, со взятием в замужество сироты — его дочери. Но архипастырь отказал, и Петру, по возвращении домой, осталось жениться на сироте и быть простым причетником на прежнем месте. Опять все было слажено. Но прежде чем исполнилось это, случилось ему посетить Тулу, где был уже новый архипастырь Авраамий. Тут пришло ему на мысль вновь попроситься в Киев. Архипастырь охотно согласился. “Молись там и за меня”, — сказал он Петру и приказал немедленно дать ему билет. На другой день получил он билет с совершенным увольнением из епархии.

Возвратившись домой, Петр объявил об этом родителям. С сожалением и слезами они выслушали его, но не стали наконец противоречить и благословили сына в путь, видя в нем давно уже избранника Божия и ходатая своего у престола благодати. “Молись за нас, Петруша, — сказали они. — Мы видим, что тебе жить между нами нельзя”. С особенным умилением воспоминал всегда старец любовь родительскую. “У батюшки, — говорил он, — были одни

только сапоги, которые надевал он по праздникам. Но провожая меня, он отдал их мне, сказав: “Ты свои износишь за дорогу, а купить других тебе не на что”. Я взял, чтобы не огорчить его, но с дороги переслал их ему с верным человеком, а сам пошел в лаптях. Наделил меня еще родитель мой гривной денег да благословил медным небольшим крестом”. Впрочем на дороге случилось ему встретиться с одним добрым купцом, ехавшим в Киев. Он пригласил Петра быть спутником, и при совершенном недостатке собственных средств, доставлена была ему возможность не только дойти, но и доехать до Киева.

В июне 1819 года прибыл он в Киево-Печерскую Лавру и нашел знакомого ему начальника типографии Антония уже наместником Лавры. Он принял Петра с прежней любовью, исходатайствовал у митрополита Серапиона благословение на определение его в Лавру и поместил его в просфорне, где и началась его подвижническая жизнь. “Я вовсе не раздумывал, — говорил он, — о подвигах монашеских, о том, чтобы установить себе такое или другое правило, избрать такой или другой образ жизни. Я думал только о том, как бы молиться да молиться непрестанно и трудиться сколько сил есть, слушать во всем как Бога начальника, никого не оскорблять и не осудить. Да мне и некогда было смотреть за поступками других, я только себя знал”.

Так, руководимый Духом Святым, он в новоначалии легко исполнял те добродетели, которые обыкновенно бывают только плодом долговременных подвигов. Он утруждал плоть свою, подвергал себя всякого рода лишениям не для умерщвления плотских страстей — он их не знал, хранимый благодатию Божией с раннего детства, — а потому, что презирал покой телесный, полагая, что всякая внешняя забота, всякое попечение о себе отвлекали бы его от молитвы, которой хотел он посвящать каждую минуту, остававшуюся у него свободно от многотрудного послушания просфорнического, с горячим усердием им проходимого. “Бывало, утрудившись, — говорил он, — я лягу под лавкой или под столом — мне все было равно”.

Строгая жизнь его и ревность к послушанию не укрылись от следившего за ним с особенным вниманием наместника Лавры Антония, и в том же году он сделан начальником просфорни, где и провел двенадцать лет в трудах и непрестанной молитве. Тут, когда однажды подвергался он духу уныния и душа его нуждалась в утешении и подкреплении в трудах проходимого им послушания, в одну ночь молитвенного бдения сподобился он видения препо-

добного Никодима просфорника, сидящего у просфорной печи с Псалтирью в руках. “Я думал, — говорил он, — что это кто-либо из старцев лаврских, и удивился, зачем он в мантии и как я не заметил его прихода. Но когда подошел к нему ближе, он стал невидим. А когда я уснул на заре, вижу его во сне, и он говорит мне: “Я Никодим просфорник и всегда посещаю место, где я трудился и улучил милость Божию и спасение”. С той поры он питал к сему угоднику особенную любовь и благоговение, и подражал ему в ежедневном совершении всей Псалтири, которую вскоре и выучил на память, так что впоследствии всегда читал ее наизусть.

Сам о себе говорил, что он не был постником во всю жизнь и не держал никогда поста не только что по неделям, но даже и по целым дням. Однако же в действительности был воздержан и умерен в высшей степени. Нрав имел удивительно кроткий, ласковый и приветливый ко всем. Кроме подвигов трудолюбия, бдения и молитвы, ничем не возмущаемой кротости и совершенного незлобия, старец особенно поражал всех своим удивительным нестяжанием. Он не имел другой одежды, кроме той, которую носил, да и последнюю готов был с радостью отдать нуждающемуся. Однажды, в холодное зимнее время, какой-то странник украл у него подаренный ему одним боголюбцем тулуп. Он ни мало не оскорбился сим, хотя и не имел другого. Через несколько дней послушники поймали вора в его тулупе и с укоризнами приводят его в просфорню. Видя смущение бедняка, он говорит им: “Не троньте его. Он бедный и в тулупе трясется. Нам ведь хорошо здесь в тепле сидеть, а он без покрова день и ночь на морозе”. Потом, обращаясь к вору, говорит: “Не скорби, брате, возьми себе этот тулуп. Вот тебе и денег на пропитание, только вперед не бери чужого”. Подобными примерами нестяжания ознаменован был каждый его шаг.

По собственным его словам он не изведал борьбы с плотью даже в самых юных летах. Господу угодно было, чтобы сердце его, имущее быть жилищем Святаго Духа и храмом молитвы, не запятналось никогда не только страстями нечистыми, но ниже каким-либо особенным пристрастием земным. Даже от мысленных греховных приражений охраняла его благодать Божия. “В начале моего просфорного послушания, — сказывал он, — случилось мне однажды наслушаться невольно праздных бесед между ребятами, и в сумерки, когда прилег я отдохнуть, взбрело на мысль мне слышанное. А я еще был неискусен, не отогнал этой мысли, остановился на ней, и наконец думаю: да как это люди грешат, что же за

приятность в грехе плотском? Далее и далее эта мысль начинает занимать меня, никак уж и не отвязжусь от неё.

Вдруг стучат в дверь и зовут меня на послушание. Я пошел немедленно: принялся по обычаю за дело от всей души с молитвою, и помыслы, меня занимавшие, исчезли совершенно, так что я и забыл о них. Протрудившись до полуночи, совершил я обычное правило и уснул. Рано утром меня зовут к наместнику. Когда я пришел к нему, он повел меня в кабинет и говорит: “Скажи мне, Петр, как бы отцу духовному, не согрешил ли ты в чем-либо особенно?” Я смутился. Думаю, перебираю в мыслях прошедшее, и ничего не нахожу. “Нет, — говорю, — не знаю ничего, кажется, в чем бы укорила меня совесть”. “Подумай, испытай себя хорошенько”, — просит наместник. Опять думаю, нет, ничего не припомню. Тогда он говорит мне: “Ну что-нибудь да есть. Я видел ныне во сне, будто стою в Великой церкви против местной иконы Пресвятой Богородицы. Близ Нее по сторонам св. апостол Петр и преподобный Антоний. Тыходишь в церковь, подходишь к иконе, кладешь поклон. Пресвятая Владычица, как бы живая, отвращает от тебя лицо. Ты заходишь с другой стороны, Она опять отвращается от тебя. Ты остановился пред Нею в смущении. Тогда преподобный Антоний покрывает тебя своею мантией и говорит вместе со св. апостолом Петром: “Пресвятая Владычице, прости его, он погрешил в неведении, мы Тебе за него поручаемся”. — “Если вы за него поручаетесь, — говорит Пресвятая Дева, — Я прощаю его вас ради”. С сими словами Она обратила к тебе лице, и я пробудился. Подумай же еще, если ты не согрешил делом, то не помыслил ли чего безместного?”

Тогда я вдруг как бы озарился светом, вспомнил смущавшие меня помыслы и исповедал их наместнику. Этот случай, — прибавлял он к своему рассказу, — указал мне, до какой степени должно хранить себя даже от приближения к нечистым помыслам и как тщательно должны мы блюсти чистоту не только телесную, но и умственную, — если Пресвятая Владычица отвращается от нас и за помышления о чуждых грехопадениях! Вот что значит “от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего”(Пс., 18:12–13).

В 1824 году сентября 20 дня облечен он в иноческий образ наместником Лавры архимандритом Антонием в Больничной церкви и наречен Пафнутием. В непродолжительном времени рукоположен в иеродиакона Преосвященным митрополитом Евгением. С принятием иночества увеличил он подвиги молитвы и самоотвержения. При входе в его келью взор поражался пустотою и лишением. Одни голые стены, на небольшом столике распятие и

икона Пресвятой Богородицы, деревянная скамья без всякого покрова, служившая ему и одром для успокоения, деревянная чашка и фонарь — вот все, что в течении многих лет удовлетворяло всем его потребностям. Ночи проводил он в молитве и чтении и трудился в переписывании отеческих книг. Так собственноручно переписаны им Скитский Патерик и книга Исаака Сирина.

По мере подвигов своих, возрастал и преуспевал он и в совершенстве духовном и удостаивался по временам необычайных благодатных осенений. /.../ Перед рукоположением своим во священство он имел следующее сновидение: “Вижу я, — сказывал он, — что вхожу в алтарь Великой церкви, аки бы уготовляясь ко служению. У престола стоит неведомый мне архиерей в полном облачении, одесную Жена благолепная в царской одежде, а на престоле Евангелие в неизреченном сиянии. Святитель говорит мне: “Пафнутий, возьми Евангелие и священнодействуй”. А я, пораженный светом, окружающим престол и Евангелие, говорю: не дерзаю, владыко святой, приблизиться к престолу святому, не только прикоснуться к Евангелию...

Тогда предстоящая Царица говорит мне неизреченно сладким гласом: “Возьми, Пафнутий, я поручаюсь за тебя”. Если Ты, Владычица, поручаешься (я узнал в Царице Пресвятую Деву), то я на все готов, буди воля Твоя! С сими словами я приближаюсь к престолу, святитель кладет мне на руки Евангелие, и я пробуждаюсь. В эту минуту меня зовут к ектесиаρχу, и он говорит мне, что высокопреосвященный Евгений приказал мне быть готовым к служению с ним в Великой церкви и рукоположению, чего я никак не ожидал, не был предварен заблаговременно”. Рукоположение его совершилось 26 декабря 1830 года.

Вскоре к благому и легкому для него игу священства высокопреосвященный Евгений присоединил тяжелую обязанность духовника Лавры, поручив ему назидать братию словом и жизнью. (Несколько времени он был еще содержателем лаврского магазина, но как это послушание было вовсе не по его духу и требовало немало развлечения, то он вскоре был уволен от него). В то время ему не было еще сорока пяти лет, и в возложении на него сей важной обязанности строгим и разборчивым архипастырем видится рука Божья.

Преуспевая во всех добродетелях иноческих, особенно хранением сердца и непрестанною молитвою, он возвысил в себе чистоту и бесстрастие до такой степени, что для близко знавших его казался бесплотным, и ничто чуждое ему не приражалось к нему.

От того, когда исполнял обязанности духовника, он невольно извещивал всю глубину испорченного сердца человеческого, “в нем же тьма, имже несть числа” (Пс., 103:25). Это познание падшей природы нашей не возмущало чистого потока мыслей его, охраняемых благодатию, а только сокрушало его часто до изнеможения. Во дни поста, после исповеди многочисленных поклонников, притекавших к нему, можно было видеть его в скорби и сокрушении духа невыразимых.

Его младенческая душа, пораженная мрачною картиною многообразных страстей человеческих, болела и не скоро находила успокоение. Он сокрушался при мысли о том, какое оскорбление величия и благости Божией причиняется беззакониями человеческими. “О бедные, бедные человеки! — говаривал он. — Если бы они ведали, как оскорбляется грехом милосердие и величие Божие! Если бы они ведали, какие блага меняют они на кал греховный! Лучше бы пожелали не родиться, а изгнать в утробе матери!” С живым участием и истинно отеческою любовью выслушивал он кающихся и воистину мог сказать с Иовом: “Аз о всяком немощном восплакахся” (Иов., 30:25).

Никакого грехопадения не приписывал он злобе человеческой и обдуманному намерению согрешить, а исконному врагу спасения нашего. “Он “яко лев рыкая, ищет кого поглотити” (1Пет., 5:8), — говорил он. — А бедные человеки не ведают того, не видят его козней, предаются его власти, потому что удаляются от Бога, не слушая Его святых заповедей и учению Церкви не внимая. Вот где начало греха и за что судимы все! Грех сам по себе мерзок так, что человеки его любить и с намерением творить не могут. Но удалившись от Бога небрежением, человек попадает в когти диавола, а диавол уже играет им как мячиком — и не рад бы творить, да творит. Потому-то всякому хотящему спастись надо всем сердцем взыскать Господа, а взыскать Его можно только прилежным и докучным к Нему молением. Ты только молись, проси от всей души Господа, чтобы Он не оставил тебя, а Он вразумит, наставит и от греха сохранит тебя. А сам по себе ничего не сделаешь: без Бога ни до порога”.

В 1838 году возжелал он облещись в схиму и подал о сём прошение в Духовный Собор Лавры следующего содержания. Как не было дотоле примера, чтобы кто-либо в Лавре в такие, еще непреклонные, лета принимал на себя великий подвиг схимонашества, и притом в последнее перед сим время вовсе оскудели в Лавре старцы, подвизавшиеся в схиме, и не было уже ни одного схимника,

то он сомневался в соизволении на сие начальства, а потому смущался духом. Однажды, занятый сею мыслию в саду, прилежащем к его келье, он задремал, и видит, будто идет святитель в полном облачении и, приблизясь к нему, говорит: “Пафнутий, не сомневайся, желание твое исполнится”. — “Кто же ты, архиерей Божий?” — спрашивает он в недоумении. “Я Парфений, епископ Лампсакийский”. При сем он пробуждается и сомнение уступает место упованию. Так с самого начала и во всю жизнь всякая сколько-нибудь значительная перемена в его положении совершалась всегда по особенному ясному указанию Промысла Божия, каковое предварительно получал он свыше.

Вскоре высокопреосвященный Филарет, прибывши на Киевскую паству, рассмотрел его прошение, и по беседе с ним уразумев духом благодать, сущую в нем, сам облек его в схиму 1 июня 1838 года в пещерах преподобного Антония и наименовал Парфением, на сорок шестом году от рождения. С того времени и доселе никогда не оскудевают в Святой Лавре старцы, подвизающиеся в схиме, и всегда бывает оных до семи и более.

С восприятием сего великого образа, он с горячим усердием и как бы вновь возложил руку на рало, не озираясь вспять. Приобретение истинного молитвенного духа составляло главнейший его подвиг, и он стяжал сей благодатный дух в высшей степени. Молитва, по словам его, обратилась для него в такую потребность, как пища или питье, или же сделалась у него, по его выражению, как бы болячкою, вросшею в сердце. Она сама собою при внешних даже развлечениях и даже во сне в нем действовала. Он сам видел однажды в полусонном видении свое сердце, объятые пламенем.

Он питал особенную, чрезвычайную, самую умильную и можно сказать нежную, детскую любовь и преданность к Пресвятой Матери Божией и не находил довольно слов, чтобы выразить и Ее любовь к людям и свою к Ней. Любимым праздником его был праздник Благовещения Пресвятой Богородицы: “Буди благословен и преблагословен день Благовещения Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы!” — писал он однажды в этот день к одной любимой им особе. Не раз сподоблялся он блаженного видения Препоблагословенной Девы. Так однажды, размышляя с некоторым сомнением о читанном им где-то, что Пресвятая Дева была первою инокинею на земле, он задремал, и видит от Святых врат Лавры идущую в сопровождении многочисленного сонма иноков величественную монахиню в мантии, с жезлом в руках. Приблизившись к нему, Она сказала: “Парфений, Я монахиня!” Он пробудился и с той поры с

сердечным убеждением именовал Пресвятую Богородицу Пещеро-лаврской Игуменией. Под внешним образом монашества старец, конечно, разумел монашество внутреннее, девственную, молитвенную, смиренную жизнь Пренепорочной Девы, которой Она по истине была первообразом на земле.

Однажды после всенощного молитвенного бдения, забывшись тонким сном, он видит келью свою наполненной множеством зверообразных чудовищ, устремляющихся на него с яростью. В ужасе он возопил: “Пресвятая Владычице моя Богородице!” При сем воззвании дивный свет осиял келью, и Препоблагословенная Дева в сопровождении Архангела Михаила предстала в неизреченной славе; страшилища исчезли, как дым, а он, пробудившись, в радостном трепете видел уже недремлющим оком сияние на месте, где стояла Пречистая. По принятии схимы, несколько лет провел он в тесной келейке, очень похожей на пещеру, единственное окно которой заградил иконою Пресвятой Богородицы, озаренной тусклым сиянием неугасаемой лампы. “На что мне свет чувственный, — говорил старец. — Она, Пречистая, свет очей и души моей”. Эта икона была во всю дальнейшую жизнь его постоянной свидетельницей его молитвенных воздыханий до самой кончины. Молясь однажды пред ней, да поведает ему Владычица, что есть принятое им на себя схимничество, он услышал от нее глас: “Схимничество есть — посвятить себя на молитву за весь мир”.

Он имел такую любовь и приверженность ко святой Киево-Печерской Лавре и к преподобным отцам Печерским, что боялся и на короткое время отлучиться от сей обители, а к своему архипастырю, которого был духовником, имел он совершенную покорность. Не только воля его, но и каждое слово его, каждое о чем-либо мнение было законом для благоговевшего пред ним старца. Его тревожила несколько времени мысль, что он далек от пути истинных подвижников, потому что не испытал гонений от человеков в продолжение всей своей жизни в Лавре. Но высокопреосвященный успокоил его сим словом: “На что тебе гонение? Ты сам себя гонишь. Кто ныне пожелает жить твоею жизнью?” После сего душа старца умиротворилась.

Чуждый малейшего пристрастия к стяжанию, всякую вещь, кроме самой необходимой, он считал сором, который спешил выкинуть за порог, если не находил кому отдать ее поскорее. Случалось, что он связывал без разбора в один узел дорогие чашки, подсвечники, хрусталь, белье, принесенные ему усердствующими и принятые, чтобы не огорчить приносителя, и выносил этот узел

из кельи, клал на дороге и радовался как младенец, когда он был скоро взят. И дорогие вещи не имели для него никакой цены.

Денег он никогда не имел. Если по неотступному убеждению преданных ему и принимал от них их усердные приношения, то немедленно раздавал их нищим или кому-либо из нуждающихся. Никогда убогий не отходил от него с пустыми руками, он всегда находил что-нибудь дать ему, хотя и имел только самое необходимое. Однажды прислал ему кто-то кусок хорошей материи. Не имея что подать пришедшим к нему по обычаю нищим, он разрезал материю на несколько частей и раздал. А будучи человеком обыкновенным он мог бы обогатиться, при чрезвычайной преданности к нему многих богатых особ, и в особенности блаженной графини Анны Алексеевны Орловой, этой незабвенной любительницы и благодетельницы монашества. Она питала к нему беспредельную преданность и по слову его готова была на все возможные пожертвования.

Однажды, во время пребывания своего в Киеве, она, растроганная его глубоконазидательной духовной беседой, преклонив пред ним колени, говорила ему: “Отец мой, скажи мне, чем могу я тебя утешить? Я не пожалею для тебя и миллиона”. “Вот нашла чем утешить! — отвечал он. — На что мне этот навоз? Единое мне утешение: не мешай мне никто пребывать с Богом и со всеутехою моею Пресвятою Богородицею!” Завещанные ему по духовной графини пятнадцать тысяч рублей серебром он отдал немедленно в Духовный Собор Лавры для пропитания странных в гостинице.

Со времени принятия схимы, в продолжение семнадцати лет, он ежедневно совершал Божественную литургию в домовой церкви при покаях высокопреосвященного. Это священнодействие было величайшим и единственным наслаждением его чистой души. И скольких благодатных видений сподобился он — ведает один Господь, утешениями, неведомыми миру, утаивавший раба своего за презрение благ земных, которые вменял от юности уметы быти Его ради! Так однажды, во время песни Херувимской, когда молился он пред престолом, по обычаю, с воздетыми руками, видел он аки бы небо отверсто, Господа Иисуса Христа, нисходящего на святыи престол, Бога Отца, благословляющего Его снисхождение, и Бога Духа Святого, парящего над ним. Видение это было мгновенно. “1843 года ноября 13 дня, пишет он в своих келейных записках, видел Златоуста со Архистратигом, пришедших ко мне на помощь, и икону содеях на память”. Однажды, в благоговейном чувстве пламенной любви Божией, он повторял в себе молитву:

Василий Верещагин. "Киево-Печерская Лавра"

“Иисусе, живи во мне и мне даждь в Тебе жити”, — и услышал тихий и сладкий глас: “Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем” (Ин., 6:56). Часто в каком-либо смущении духа он был укрепляем благодатными сновидениями.

Так, обуреваемый некогда духом уныния, которого разженные стрелы знакомы всем подвижникам благочестия, — он видит себя в небольшой ладье плывущего по быстрой реке. Ангел хранитель стоял за его плечами, а св. Иоанн Предтеча правил ладьей. Сильно бушевал ветер и заливал волнами ладью... Вот она близка к погружению... В испуге он хватается за край. Ангел хранитель, удерживая руку его, говорит: “Не бойся, довезем!” Он пробудился, и дух уныния отступил от него.

Он любил размышлять о великом таинстве воплощения Господня. Однажды, накануне нового года, после всенощного бдения, повторяя церковную песнь “Сходяй Спас к роду человеческому прият пеленами повитие”, он углубился в благоговейное созерцание духом младенчества Богочеловека, умиляясь при мысли, каков долженствовал быть этот Младенец, осьмидневный по Матери и безначальный по Отцу, “краснейший добротою паче сынов человеческих” (Пс., 44:2). В сем священном богомыслии внезапно погрузился он в тонкий сон, и вот видит двух ангелов, летящих от востока с Младенцем на руках. Ниспустившись долу, они приблизились и положили его подле изумленного старца. “Язык человеческий, говорил он, не может изобразить красоты этого дивного Младенца. Он смотрел на меня с любовью, от которой разгоралось сердце мое. Не знаю, долго ли длилось это радостное видение. Ангелы взяли Его, и на мое моление помедлить еще — отвечали “Мать будет скучать”, — и улетели, а я, пробудившись, был вне себя от радости и весь день не мог ни чем заняться, ни помыслить о чем, кроме этого чудного Младенца”.

Весну и лето проводил он обыкновенно в Голосеевой пустыни, отправляясь туда вместе с архипастырем и с ним же потом возвращаясь на праздники в Лавру. Там, в самом уединенном углу пустыни, среди глубокой чащи сада, была его келья. Любя безмолвие и скучая посетителями, которые, особенно летом, когда стекается в Лавру множество богомольцев, жаждали его наставлений и желали его иметь духовным отцом своим, он не раз порывался совсем затвориться и не принимать никого на исповедь. Но слезы тех, для которых назидание его было необходимо на пути спасения, удерживали его от исполнения сего намерения, и конечно, по воле Того, который чрез апостола своего заповедал нам “искать не

своих си, но яже суть к созиданию ближняго” (1Кор., 10:24). И действительно, решившись однажды не принимать более посетителей и отказать даже от исповеди прежних детей своих, он несколько времени никому не отворял дверей своей кельи, и можно было видеть его только в церкви на Богослужении. Но вот видит он во сне, будто напал на него какой-то страшный зверь и был готов уже растерзать его.

Вдруг сбегаются к нему духовные его дети с палками в руках и прогоняют зверя. Этот сон убедил его, что Господу угодно, дабы он еще послужил ближним своим и в содействии их спасению искал и обретал спасение собственной души. Каждый день был отчасти

похищаем у него посетителями: он восполнял утраченное ночью, так что иногда и часа не оставалось на успокоение его немощной плоти. Силы его постепенно ослабевали; тихо, как лампада, догорал он и с удивительным спокойствием и радостью видел приближение давно желанного им дня своего разрешения.

Давно уготованный им для себя гроб был неразлучным его келейным сотоварищем. Сидя подле него, как сладко говорил он о суетности жизни, о неизбежности смерти, о том, как душа, излетев из тела, просияет как солнце и будет смотреть с удивлением на оставленную ею смрадную темницу, которую так любила и лелеяла в жизни! Часто он изумлял некоторою прозорливостью и чрезвычайной меткостью своих замечаний, которые как раз приходились к внутреннему состоянию приходивших к нему для беседы и наставления. Эта меткость особенно видна была при исповеди.

Последние годы жизни провел он в уединенных кельях, расположенных при Ближних пещерах, и ежедневно совершал литургию в пещерном храме преподобного Антония. Велика была любовь и вера его к преподобным Печерским. Не имея уже сил часто поклоняться нетленным мощам их, в пещерах почивающим, уклоняясь при том и неизбежных встреч с многочисленными поклонниками, он мысленно обходил пещеры утром и вечером с поклонением и

Портрет иеросхимонаха Парфения

особенной молитвой, им для сего составленной. В ней сперва призывает он по именам всех преподобных отцов, как в Ближних, так и в Дальних пещерах почивающих, потом заключает ее сими словами: “И вси просиявшие житием добродельным в горах Киевских, на пажити Богоматерней, поминайте мя пред Господом, аз усердно к вам притекаю, скорым моим помощникам и молитвенникам”. На книжице, в которой написана сия молитва, подписано: “Се есть злато мое — имена отцов наших чудотворцев Печерских, Богородицею мне дарованное”.

Ночь и большую часть дня проводил он в небольшой темной келье, украшенной распятием и иконою Богоматери. Здесь, как неугасаемая лампада, как денно-нощно теплющаяся свеча, стоял он на молитве, которая не прерывалась и в кратком сне, или лучше сказать дремоте, упокоивающей его труженическую плоть. Редко, разве в крайнем преогорчении неправдою или злобою людскою, резкое слово обличения исходило из уст его, и тогда он не взирает ни на какую личность, не щадил ни сана, ни звания; с великим и сильным земли говорил как с послушником монастырским, как с рабом, оскорбляющим величие Божие. Но при малейшем признаке раскаяния или сокрушения он весь изменялся, принимал обычный себе тон удивительной простоты, благодати и кротости, весь был любовь, готовая положить душу за ближнего.

Когда ослабевшие силы его не позволяли ему уже выходить вне келий своих, высокопреосвященный митрополит благословил устроить при оных церковь в зале, где дотоле совершалось у него вечернее и утреннее Богослужение. Служение его имело какую-то особенную благодатную силу. Нельзя было без глубокого умиления присутствовать при совершаемой им литургии.

За год до кончины не мог он уже совершать литургию, но всегда присутствовал в алтаре при ее совершении и ежедневно причащался Святых Тайн. Изнемогая с каждым днем, — с каким благодушным терпением переносил он тяжкий недуг свой! Удушающий кашель не давал ему покоя, иссохшие кости его болели: но он по-прежнему восклонял их на узкую и жесткую лавку, презирая тление внешнего человека, да более и более обновляется внутренний. Он воздавал большее благодарение Богу за болезнь свою, чем люди обыкновенные воздают за вожделенное всем здоровье.

С приближением весны 1855 года старец видимо стал таять как снег, дыхание его более и более стеснялось и кашель усиливался. На третьей неделе поста 25 февраля по желанию его совершено над ним елеосвящение, и он ясно предчувствовал уже и говорил, что со

дня на день, и даже с часу на час должен ожидать своего отшествия. Но вот и приблизился этот давно желанный им день его отшествия — радостный праздник Благовещения в Великий Пяток Страстной Седмицы! Ежедневно, в продолжении двадцати лет, совершал он поклонение страстям Христовым, ежедневно триста крат приносил он Пресвятой Деве архангельское приветствие: и вот распятый Искупитель, которому сраспинался он в продолжение целой жизни, Преблагословенная Дева — его любовь, его радость, его упование, воззвали вкупе верного раба своего из юдоли плача в радость нескончаемую!

В Великий Четверток в келейной церкви его совершалась ранняя литургия, в продолжении которой он стоял в мантии в темненькой своей келье. Тяжкая скорбь угнетала души бывших при сем некоторых ближайших духовных детей его. Им чувствовалось, что эта последняя великая Вечеря Господня с учениками была последняя и для него. Он не входил в алтарь, а Божественные Тайны принесены были к нему. После поздней литургии собрались к нему по предварительному приглашению его самого все духовные дети его — архимандриты и некоторые из иеромонахов Лавры, коих всем был он восприимным отцом по монашеству. Несколько минут беседовал он со всеми, потом отпустил, простившись с каждым, каждому сказал несколько слов в последнее назидание и каждого благословил — кого иконою, кого Евангелием или другою священной вещью, прося молитв о себе по своем отшествии.

“Отец мой, — сказала одна из дочерей его, — обещайте мне молить за меня там Господа, чтобы он не отлучил меня от вас в будущей жизни”. “Если обрящу дерзновение, буду молить! А ты паче всего будь всегда проста и незлобива, больше всех сокровищ ищи стяжать молитву, когда стяжешь ее, она как болячка встет в сердце, и тогда уже не измешь ее”. — “Мы надеемся, отец мой, сказать вам еще: Христос воскрес!” — “О нет! Пасху уже я там буду торжествовать! Там Пасха нескончаемая! Уповаю, уповаю на заступницу мою Пресвятую Богородицу! Она меня проведет чрез мытарства, покроет от злобы врагов. Ну, прощайте!”

В пять часов утра 25 марта пономарь, убирая церковь и приготавливая что нужно к служению литургии, слышал, что старец вышел из темненькой келье своей. Убравши, он отворил дверь церкви в келью и взошел, чтобы принять благословение у старца, и видит его сидящим на стуле близ маленького столика, у дверей церковных, с поникшею главою, как бы в глубокой думе. “Благословите, батюшка”, — говорит он. Нет ответа. Он повторяет то же,

и снова молчание. Он приближается и видит, что душа его уже отлетела ко Господу.

В Великую Субботу из келейной церкви, которая не могла вмещать усердствующих служить панихиды по усопшем, тело его было перенесено в Крестовоздвиженскую, что над пещерами, церковь самым высокопреосвященным митрополитом с архимандритами, несшими на своих раменах гроб его, и братией Лавры. На другой день Светлого Христова Воскресения совершено им же, при многочисленном стечении народа, отпевание усопшего. На сем отпевании, по чину Церкви, не слышно было обычных погребальных песен, а слышались только радостные и торжественные песни Воскресения Христова. Так он, приобщившись смерти Христовой и жизнью и кончиною своею, еще здесь приобщился и Воскресению Его. Во все время, до самого погребения, стечение народа в церкви, где стоял гроб его, было чрезвычайное.

По совершении отпевания гроб несен был в Голосееву пустынь его духовными сыновьями, и не взирая на сильный дождь, продолжавшийся почти во все время шествия, многочисленная толпа народа сопровождала его¹⁰. Здесь, в этой пустыни, в которой любил уединяться старец в продолжении семнадцати лет, ожидала его в храме Живоносного Источника уединенная могильная келья, уготованная ему любовью архипастыря¹¹.

Житие преподобного иеромонаха Алексия (Шепелева)

(1840–1917)

Печатается по изданию 1918 г.

Православное монашество терпит в наши дни со всех сторон нападения. Нападают на монашество не только люди неверующие и инако верующие, но даже свои же братья — православные христиане. Обвиняют монашество, главным образом, в том, что оно якобы отжило свой век, что современное монашество не имеет в себе духа христианского, наоборот, заражено духом антихристианским. Но все нападки на монашество рушатся при одном воспоминании о благодатных подвижниках современного иночества. Одним из таких подвижников является многим известный старец — духовник Киево-Печерской Лавры иеромонах Алексий (Шепелев)¹².

Кто видел светлое, ласковое лицо отца Алексия, кто слушал его вдохновенные беседы, тот не скажет, что монашество отжило свой век, что современные его представители не имеют в себе христианского духа. Кто же не был лично знаком с отцом Алексием и поэтому не мог на себе испытывать духовного влияния этого замечательного инока, того мы постараемся познакомить с ним в предлагаемом очерке.

Преподобный Алексий, в миру Владимир Шепелев, происходил из дворянской семьи киевлян. Отец его, Иоанн Иоаннович Шепелев, в чине капитана служил в Киевском арсенале. По условиям того времени дети дворян обязаны были получать образование в военных школах и после этого проходить

Преподобный иеромонах Алексий

службу в офицерском звании. Но Господь Своего избранника чудесным образом отклонил от светской офицерской жизни и направил в монастырь.

Мать отца Алексия, Мария Кузьминична Шепелева, будучи благочестивой женщиной, присутствовала 7 августа 1832 года при открытии мощей святителя Воронежского Митрофана. Архипастырем Воронежской Церкви был тогда архиепископ Антоний (Смирницкий), хорошо знавший по Киеву Марию Кузьминичну Шепелеву. (Архиепископ Антоний был наместником Киево-Печерской Лавры с 1825 г.). Когда Мария Кузьминична представлялась владыке Антонию, то он во время разговора с нею, между прочим, сказал ей: “У тебя родится сын калека, но не скорби об этом: он будет Божиим слугою”. Мария Кузьминична недоумевала. Предсказание, однако, святителя Божия сбылось. Через семь с лишним лет после разговора Марии Кузьминичны с архиепископом Антонием 14 апреля 1840 года в первый день Святой Пасхи у Иоанна Иоанновича и Марии Кузьминичны родился мальчик, которого при крещении назвали Владимиром — в честь благоверного князя Владимира Киевского. Новорожденный Владимир действительно оказался калекой: он был совершенно немой.

Немота Владимира наводила печаль на семью Шепелевых, и родные его тяготились недостатком ребенка. Одна мать чувствовала в немоте сына особое действие Промысла Божия. (Отец Владимира умер, когда ему было всего три года). Она подолгу молилась и старалась воспитать в своем дитяти христианские чувства. Особенно она старалась научить своего сына милосердию. Мария Кузьминична водила своего Володю даже по тюрьмам и здесь раздавала милостыню заключенным.

Посещала она с ним и Китаевскую пустынь Киево-Печерской Лавры, где в то время подвизался Христа ради юродивый старец иеросхимонах Феофил. Отец Феофил любил приходивших к нему за благословением и молитвами сына и мать Шепелевых. Однажды, увидевши их на дворе пустыни и указывая глазами на маленького Владимира, он скороговоркой произнес: “Ага... монашонок идет, монашонок...” Другой раз отец Феофил призвал мальчика к себе в келью и, давая грудку пряников, говорил: “Держи руки... ешь пряники!” Дитя с удовольствием принялось кушать лакомство, а старец только подбадривал его: “Ешь, ешь, — говорил он, — вырастешь — не пряники, а Христа принимать будешь”. После таких встреч с отцом Феофилом Мария Кузьминична стала понимать, что Господь сына ее ведет к священству в монашеском чине.

Между тем, подходило время учения. Владимир должен был поступить в одну из школ военного ведомства. Весной 1852 года, когда Владимиру сравнялось 12 лет, его матери прислана была из Петербурга бумага, которой ей вменялось в обязанность привезти своего сына для воспитания в Петербургский Пажеский корпус. Вместе с бумагою были присланы и деньги на проезд. Мария Кузьминична не знала, что делать.

В это время митрополитом Киевским был высокопреосвященнейший Филарет (Амфитеатров), святитель святой жизни. Он хорошо знал и немого Володю, и его мать, которая нередко заходила к почитаемому всем Киевом владыке за благословением и советами. Поспешила она и в этом случае к владыке митрополиту за советом. Высокопреосвященнейший Филарет сказал Марии Кузьминичне, чтобы она своего сына не отправляла в корпус, а написала туда, что она своего сына Владимира не может привезти для учения вследствие его немоты. В Петербурге таким ответом удовлетворились и больше Марию Кузьминичну не беспокоили. Так Промыслом Божиим отец Алексей был отстранен от светской офицерской жизни...

Но так же должны были на нем исполниться предсказания архиепископа Воронежского и иеросхимонаха Феофила о том, что он будет “Божиим слугою”, что он будет “монахом”, “принимающим Христа”. Ведь эти слова двух прозорливцев нужно было понимать в том смысле, что Владимир будет не только монахом, но еще и священнослужителем, совершающим таинство Тела и Крови. Но он же был немой!

После освобождения отрока Владимира от необходимости ехать учиться в Петербург Мария Кузьминична стала чаще заходить к митрополиту Филарету с просьбами о молитве за своего немого сына. Владыка Митрополит советовал скорбящей матери усилить свою молитву и увеличить милостыню. “Успокойтесь, — говаривал святитель Марии Кузьминичне, — Господь милостив и всемогущ. Он поможет Вашему сыну”. Между тем, подходила Пасха 1853 года. Владыка велел Марии Кузьминичне придти к нему на первый день праздника вместе с сыном. Вот и Пасха наступила. На первый день вечерню владыка Филарет служил в своей домовой церкви, сооруженной в честь святителя Митрофана Воронежского, куда допускались только избранные лица. Сюда-то и пошла со своим сыном Владимиром Мария Кузьминична, чтобы там после вечерни поздравить святителя с великим праздником Воскресения Христова.

После окончания службы все молящиеся стали подходить ко кресту, который держал владыка. После всех подошла и Мария Кузьминична с сыном. Святитель дал поцеловать крест и обычно милостиво их обоих благословил. Затем, неожиданно обратившись к отроку Владимиру, он велел ему поцеловать свою палицу. Когда Владимир с благоговением поцеловал висящую на святителе палицу, владыка Филарет громко сказал ему: “Христос Воскресе!” Но мальчик не ответил. Владыка повторил свое приветствие, но ответа не было. Тогда святитель в третий раз сказал: “Христос Воскресе!” — И, о, чудо! Мальчик восторженно ответил: “Воистину Воскресе!”

Возблагодаривши Господа, владыка ушел в алтарь разоблачаться, а Мария Кузьминична с исцеленным сыном осталась наедине. Она не знала, что делать: ее сердце было полно благодарности и к милосердному Господу, она готова была упасть и к ногам чудотворца владыки; ей хотелось расцеловать и исцеленного дорогого сына...

После исцеления отрока от немоты вопрос о его воспитании был решен легко Марией Кузьминичной. “Если владыка Филарет исцелил моего Володю от немоты, то пусть укажет он мне, как ему дать и дальнейшее воспитание”, — так она рассуждала. А владыка Филарет сказал Марии Кузьминичне, чтобы своего сына Владимира отдала на дальнейшее воспитание в Лавру. И вот 2 июля 1853 года Владимир Шепелев, имея тринадцать лет от роду, напутствуемый благословением матери, поступает в Киево-Печерскую Лавру, сначала в качестве послушника митрополита Филарета. Владыка принял очень близкое участие в судьбе своего нового юного послушника. (Тем более естественно было митрополиту Филарету заботиться об отроке Владимире, что мать последнего скончалась через четыре дня после его поступления в Лавру — 6 июля 1853 года).

Он весьма был близок к Киевской Духовной Академии и к Киевскому Университету. Профессора того и другого учебного заведения часто заходили к владыке. Некоторые из них, по просьбе митрополита, занимались науками с отроком Владимиром. Следы этих занятий были заметны в преп. Алексии даже в последние годы его жизни. Батюшка отец Алексей знаком был с русской литературой, хорошо знал русскую церковную и гражданскую историю, сведущ был в медицине. Нечего уж говорить о Святом Писании, житиях святых и святоотеческой литературе, которые он читал до последних дней своей жизни. Но, заботясь об умственном об-

разовании послушника Владимира, владыка Филарет не забывал и о нравственном его воспитании. Особенно учил его делу милосердия. Митрополит Филарет имел обыкновение перед большими праздниками лично раздавать милостыню бедным жителям Киева.

Зиму Владимир обычно жил в Лавре, а летом с владыкой митрополитом и старцем Парфением уезжал в Голосеевскую пустынь. Но вот старец Парфений отошел ко Господу. Стал и владыка Филарет готовиться к отшествию в иной мир. Болезни его тела говорили ему, что и его день смерти недалек. (Митрополит Филарет скончался в 1857 году). Нужно было поэтому владыке Филарету подумать об устройстве подростка уже Владимира в Лавре, вне своих покоев, чтобы он мог и после его смерти жить в святой обители, сделавшейся для него вторым отеческим домом. Побуждаемый такими размышлениями, митрополит Филарет благословил Владимира подать прошение в Духовный Собор Лавры о зачислении его в послушники Киево-Печерской обители. Резолюцией Духовного Собора от 25 февраля — 6 марта 1856 года просителю дозволено было трудиться в числе временных послушников Лавры при типографии. Благочестивейший архипастырь, прочитав молитву пред надеванием подрясника, своими руками облачил Владимира в подрясник. Послушник Владимир теперь оставил покои митрополита и поселился в братских кельях. Тогда ему шел семнадцатый год.

15 апреля 1857 года Владимир Шепелев был зачислен Духовным Собором в число действительных послушников Лавры с оставлением его на прежнем послушании — при типографии. При типографии послушание Владимира шло прекрасно. Всегда послушный, аккуратно исполнял он все обязанности, все возлагаемые на него поручения, посещал церковные службы и занимался чтением полезных книг. Но всякому подвижнику диавол старается ставить на пути спасения преграды. Пришлось и послушнику Владимиру испытать от врага человеческого спасения искушение.

Во время послушничества Владимира Шепелева появлялся часто среди лаврских богомольцев Христа ради юродивый странник Иван Григорьевич, по прозвищу “Босый”, по фамилии — Ковалевский. Это был человек прозорливый. И вот встречается однажды этот странник послушника Владимира на монастырском дворе и говорит ему: “Берегись, прекрасный Иосиф, женского пола, как огня берегись... не то они тебя скоро погубят”. — “Да я и так никогда не смотрю на них”, — стыдливо ответил молодой послушник. — “А теперь и подавно от них отвернись: скоро они по твою ду-

ПРА
А
А
Е
С
З
І
Н
✙

Г
О
Л
О
С
Є
Є
В
Є
Б
І
Н

шеньку в Лавру приедут”. Как сказал Христа ради юродивый, так и случилось.

Через месяц после указанного разговора приезжает в Лавру знакомая семье Шепелевых помещица и начинает употреблять всевозможные усилия, чтобы вытянуть молодого человека из монастыря с целью выйти за него замуж. И хотя послушник Владимир не выражал никакого желания оставить Лавру, светские его родственники, не понимавшие высоты монашеского служения, настаивали на этом. И только авторитетное вмешательство в это дело наместника Лавры, которым тогда был архимандрит Варлаам, облагоразумило родственников послушника Владимира и остудило пыл себялюбивой помещицы.

Владимир по-прежнему пребывал в Лавре, оставаясь послушником до 1872 года, когда ему дали монашество. Пред своим пострижением в монашество послушник Владимир съездил в Воронеж поклониться святителю Митрофану, во время открытия мощей которого архиепископ Антоний предсказал его рождение. Отслужил тогда в Воронеже он панихиду и над могилой архиепископа Антония.

Архимандрит Варлаам, наместник Лавры, знал любовь послушника Владимира Шепелева к его благодетелю приснопамятному митрополиту Филарету и потому, намереваясь постричь Владимира в монашество, на бумаге предназначил ему имя в монашестве — Филарет. Но вот наступил и день пострижения — Великий Четверг Страстной седмицы 1872 года, 13 апреля. Пострижение совершал сам архимандрит Варлаам в Антониевой церкви Ближних пещер. Когда в чине пострижения подошло время назвать Владимира новым именем, отец Варлаам забыл то имя, которым решил назвать Владимира в монашестве, а какой-то тайный голос подсказал ему другое имя: Алексей. Так он после минутной борьбы с собой и назвал Владимира Алексием в честь Алексея, человека Божия, празднуемого 17 марта.

После пострижения отца Алексея в монашество его скоро, 12 сентября того же года, из типографии перевели на послушание записчика в больничный Николаевский монастырь (так назывался один из храмов Лавры, имеющий своего особого настоятеля, подчиняющегося непосредственно Духовному Собору Лавры). Здесь отец Алексей получил в год своего пострижения в монашество в день памяти святителя Митрофана Воронежского 23 ноября посвящение в сан иеродиакона. Свт. Митрофан Воронежский был как бы ангелом отца Алексея: в день открытия мощей свт. Митрофана мать

отца Алексия получила предсказание о его рождении, исцеление отца Алексия от немоты произошло в Митрофаниевской церкви, и вот посвящение в сан иеродиакона отца Алексия совершилось опять в день памяти святителя Митрофана.

Записчиком при Николаевском монастыре отец Алексей состоял до 23 декабря 1874 года, когда он был назначен туда же ризничим. В алтаре Николаевской церкви долго сохранялся подаренный им серебряный стаканчик для запивки после Святого Причастия с надписью “За упокой иерод. Алексия (Шепелева)”.

6 декабря 1875 года отец Алексей был возведен митрополитом Киевским и Галицким Арсением (Москвиным, †1876 г). в сан иеромонаха. Это рукоположение состоялось неожиданно как для самого отца Алексия, так и для окружающих его. 6 (19) декабря, день святителя Николая, был престольным днем в Николаевском монастыре. В 1875 году в этот день здесь выразил желание служить сам митрополит Арсений. К этому торжественному дню, по указанию лаврского начальства, готовились к рукоположению: один монах — в сан иеродиакона и один иеродиакон — в сан иеромонаха. Но вот за несколько дней наместник Лавры архимандрит Варлаам видит сон. Ему является святитель Николай и приказывает представить к рукоположению в иеромонахи иеродиакона Алексия. Архимандрит Варлаам рассказывает свой сон митрополиту Арсению. Святитель, выслушав рассказ, распорядился намеченного к рукоположению на 6 декабря иеродиакона оставить до другого праздника, а вместо него подвести иеродиакона Алексия. Так неожиданно и чудно состоялось рукоположение в сан иеромонаха. На него возложили новое послушание, которое он потом нес при разных храмах Лавры до конца своих дней — это духовничество.

20 августа 1879 года отец Алексей Духовным Собором был переведен с должности ризничего Николаевского монастыря на такое же послушание на Ближние пещеры. Должность ризничего на пещерах для отца Алексия была одним из приятных послушаний. Открывать по утрам раки преподобных, смотреть за чистотою покрывал и гробов, в которых почивали святые мощи — это для отца Алексия не составляло никакого труда, а доставляло одно духовное утешение. Там, в пещерах, у мощей святых угодников и молитва лилась свободнее из его сердца, там он забывал все мирское и, всегда видя перед собой нетленно почивающих угодников, невольно стремился к подражанию им.

Насколько отец Алексей был хорошим ризничим видно из слов начальника Дальних пещер того времени. Когда начальнику

Дальних пещер нужен был новый ризничий, он пришел к наместнику Лавры и говорит: “Дайте мне такого ризничего, как вот ризничий Ближних пещер — отец Алексей”. Для богомольцев, посещавших во множестве пещеры, отец Алексей всегда был ласков и приветлив. Никто не мог так ласково провести по пещерам и толково рассказать о пещерских подвижниках, как это умел делать отец Алексей. Высокопреосвященный Платон, который тогда был митрополитом Киевским, знал об этом и поэтому часто поручал отцу Алексею сопровождать по пещерам почетных гостей.

В это время начал Господь посещать Алексея Своими дивными знамениями. Служил отец Алексей литургию в Ближних пещерах во Введенской церкви. Во время выноса Святых Даров к народу подходит причащаться Христа ради юродивый старец Паисий. Отец Алексей, когда увидал отца Паисия, то даже отступил с Дарами в алтарь от страха: лицо отца Паисия сияло неземным светом!

Другой раз Господь открыл отцу Алексею день смерти Государя Александра II. 1 марта 1881 года отец Алексей совершал Божественную литургию в сослужении иеродиакона Тихона в пещерной церкви прп. Антония. По совершении проскомидии перед покрытием дискоса и чаши покровцами взор отца Алексея остановился на частице, вынутой в честь Государя Александра II: частица показалась ему не белой, какими были все прочие частицы, а светло-коричневой, как бы облитой вином. Тогда отец Алексей подзывает иеродиакона Тихона и, не говоря ничего о замеченном изменении частицы, спрашивает его, не облил ли он нечаянно при влитии вина в чашу частиц. Иеродиакон заявил, что он вина при влитии его в чашу не проливал. Когда же отец Алексей указал ему на частицу Государя и сказал, что она пропитана вином, иеродиакон, посмотревши на частицу, также сказал, что она в вине. Отец Алексей замолчал.

Здесь же в алтаре случился в это время бывший тогда в Лавре на покое игумен Мелхиседек (раньше московский протоиерей Михаил, кандидат Московской Духовной Академии). Отец Алексей обращает и его внимание на частицу, но она ему показалась вполне белой, как и прочие частицы, а потому он заявил отцу Алексею: “Это просто у Вас в глазах что-то неладно, а частица ничем не отличается от других”. К литургии пришел иеросхимонах Исихий, духовный отец батюшки Алексея. Тогда отец Алексей подозвал к жертвеннику отца Исихия и показал ему частицу Государя, не говоря ничего о том, что сказали по поводу частицы иеродиакон Тихон и игумен Мелхиседек. Иеросхимонаху Исихию частица по-

казалась не белой, а такой же, как и отцу Алексию — светло-коричневой. Он взял даже ее в руки, чтобы лучше рассмотреть. После осмотра частицы он заявил: “Это ее иеродиакон облил вином”. В великом смущении и скорби отец Алексей начал Божественную службу. Теперь он не сомневался, что частица не была облита вином, а это великое Божие чудо, предзнаменующее какое-либо событие в жизни Государя Александра II. Этим событием оказалась смерть Александра II, который в этот именно день был убит в Петербурге.

Вместе со знамениями Божией милости к отцу Алексию здесь же, при пещерах, начинаются для него и великие скорби. В пещерах ежегодно в июле переоблачаются преподобные. Для этого их по порядку выносят наверх в особую залу. При переоблачении всегда присутствует и ризничий пещер. В один из годов служения отца Алексия в день переоблачения прп. Исакия отец Алексей после переоблачения указанного угодника остался в зале, а остальные старцы, участвовавшие в переоблачении, вышли. Они должны были прийти к трем часам дня в ту же залу, чтобы там совершить, по обычаю, акафист Божией Матери перед облаченными мощами угодников.

Когда отец Алексей дожидался прихода старцев, в зале вдруг стало темнеть. Темнота в комнате в то время была совершенно не-

ожиданной и неестественной, так как на дворе было совершенно светло и солнце своими светлыми лучами смотрело прямо в окна залы. Отцу Алексию стало страшно, но бежать он не мог. Позабыл он перекреститься и прочитать Иисусову молитву. И вот появляется перед отцом Алексием сам диавол... Позади его ад... Очертания его тела были неопределенны, но голова его все время менялась: то она напоминала собою голову человека, то обезьяны, то собаки, то какого-то иного животного, а изо рта так и пышет. Отец Алексей стоял еле живой, он не мог двинуть ни одним своим членом. Диавол, обращаясь к нему, говорит: “Ты меня своим смирением побеждаешь... Но я тебе покажу, я тебе наделаю делов...” Видение на этом окончилось. И действительно, впоследствии, скоро после описанного видения, отцу Алексию пришлось перенести большое испытание.

На пещерах отец Алексей был ризничим более шести лет. Здесь он получил в награду за труды по послушанию наперсный крест от Святого Синода. 7 октября 1885 года отец Алексей был перемещен с должности ризничего Ближних пещер на то же послушание к Великой церкви. Переход на послушание из пещер в Великую церковь Лавры, в “Дом Богородицы”, для отца Алексия был весьма приятен. Если в пещерах к нему были близки преподобные пещерские, то в Великой церкви особенно близка была для всех Пречистая Богородица. К тому же и богослужение Великой церкви по его красоте и величию никак не могло быть сравнимо с богослужением других храмов Лавры. Но недолго пришлось отцу Алексию наслаждаться богослужением Великой церкви. Здесь-то и начал мстить батюшке враг рода человеческого — диавол — за его смирение.

В это время весьма часто посещали Лавру две сестры — девицы по фамилии Степановы. Они, как видно, были бедны, а по внешнему виду — благочестивы. Они и сами усердно молились, и у монашествующих просили молитв. Отец Алексей, веруя в то, что милостыня очищает (Сир., 3:30), часто помогал этим бедным сестрам деньгами и вещами. И вот эти, на вид кажущиеся благочестивыми, но в действительности злые и неблагодарные женщины решили оскорбить своего благодетеля. Предполагая, что отец Алексей обладает большими денежными средствами, они однажды явились к нему и потребовали от него пять тысяч рублей денег, которые иеромонах якобы взял у них на хранение. Отец Алексей никогда у этих женщин никаких денег не брал и сам не обладал такими большими средствами, а потому он решительно отказал им в этих

деньгах. Сестры подали тогда на него жалобу сначала наместнику Лавры архимандриту Иувеналию, а потом и самому митрополиту Платону. Как наместник, так и митрополит после разговора с отцом Алексием убедились в его невинности и отпустили с миром, но не так-то легко было отделаться от злых женщин.

Не достигнув своей цели через наместника и владыку митрополита, они стали писать частые письма непосредственному начальнику отца Алексия, экклесиарху Лавры архимандриту Валентину, выливая на отца Алексия в своих письмах всякую грязь. Архимандрит Валентин не любил отца Алексия и поэтому письма злых женщин нашли для себя благоприятную почву. Под влиянием этих писем архимандрит Валентин потребовал в Духовном Соборе Лавры, чтобы отец Алексей был лишен должности ризничего Великой церкви. Старцы соборные не стали спорить с экклесиархом, и 21 сентября 1887 года отец Алексей был уволен от должности ризничего Великой церкви, но сестры Степановы не оставили отца Алексия и после этого. Они теперь стали лично преследовать отца Алексия. Идет ли он по лаврскому двору — они догоняют его и начинают называть вором, обидчиком бедных незащитных женщин. Появляется ли отец Алексей в храме для исповеди богомольцев, сестры и здесь производят шум, крича на весь храм: не подходите, православные, исповедоваться к этому монаху, он такой-то и такой, при этом они называли его разными нехорошими именами. Совершает ли он богослужение в храме — они и здесь дерзают нарушать молитвенную тишину своим криком в адрес отца Алексия...

Батюшка с терпением переносил попущенное для него Богом искушение. Но лаврское начальство, видя, какой соблазн производили дерзкие женщины вокруг отца Алексия, решило избавить его от этого испытания, и поэтому 30 апреля 1891 года Духовным Собором отец Алексей был переведен из Лавры на очередное богослужение в лаврскую Спасо-Преображенскую пустынь. Как ни тяжело было отцу Алексию переносить оскорбления от сестер Степановых, но когда он узнал, что из Лавры его переводят в Спасо-Преображенскую пустынь, для него это оказалось еще тяжелее. Проведя в Лавре 38 лет, отец Алексей к ней привык — Лавра сделалась для него вторым отеческим домом. Дорога для него была Великая, “небеси подобная” церковь, не хотелось ему расставаться с громогласным лаврским пением и гармоничным колокольным звоном на большой лаврской колокольне, жаль ему было покидать пещеры со святыми мощами преподобных... Но всего обиднее для

отца Алексия было то, что его отправляли в ссылку безо всякой со стороны его вины...

Грустный, унылый шел отец Алексей по лаврскому двору после того, как получил весть о своем переводе. Вдруг навстречу ему идет блаженный старец Паисий и ласково говорит: “Чего грустишь, душечко? Вспомни Христа Спасителя... Как Его безжалостно били, как заушали, плевали в Него. И не Он ли претерпел позорную крестную смерть? А все ради кого? Ради нас, душечко...” Отцу Алексию стало легче после такого наставления. “Значит, такова воля Божия”, — подумал он и уже спокойный стал собираться к переезду в Преображенскую пустынь.

В Преображенской пустыни отец Алексей прожил четыре с половиной года. Здесь ему жилось спокойно. Сестры Степановы сюда не являлись. Вспоминая в конце жизни о проведенном в Преображенской пустыни времени, отец Алексей говорил: “Это было самое лучшее время в моей жизни. Я там всегда помнил о смерти”. Батюшке напоминало о смерти находящееся в Преображенской пустыни братское кладбище и часто погребаемые там умершие. 15 ноября 1895 года постановлением Духовного Собора отец Алексей из Преображенской пустыни переведен в другой скит Лавры — Голосеевскую пустынь — на должность ризничего. Здесь, будучи вместе с тем духовником-старцем лаврской братии и приходящих богомольцев, он и окончил свои дни.

В Голосеевской пустыни отец Алексей прожил 21 год. Первое время он проводил обычно, как и все прочие иеромонахи: совершал богослужения, смотрел за порядком в церкви и исповедовал приходящий народ. Одним разве он отличался от других — это воодушевленным чтением поучений после запричастного стиха. Но с течением времени мудрыми советами, вовремя сделанными предупреждениями он стал обращать на себя внимание православных людей: сначала прилегающих к пустыни селений, затем Киева и, наконец, всей необъятной России. Об отце Алексии знали в Петрограде, в Москве, на Кавказе, в Сибири и на Дону. Он был известен и в городах, и в селах, и в монастырях. Такую широкую известность отца Алексия не трудно объяснить: посещавшие во множестве Киево-Печерскую Лавру богомольцы знакомились здесь с отцом Алексием и, обласканные, успокоенные им, разносили весть о нем по всем уголкам нашего обширного отечества.

В последние годы жизни отца Алексия у дверей его кельи можно было встретить и священников, и монахов, и мирян. К нему приходили и богатые и бедные, и знатные и незнатные, и ученые и не-

образованные, и заботящиеся о своем спасении и забывшие о том, как нужно угождать Богу. Но больше всего у кельи преподобного толпилась беднота, которую питал он не одним словом Божиим, но и хлебом насущным. Отец Алексей всех одинаково принимал, всех старался обласкать, каждому чем-либо помочь. И действительно, он помогал страждущим людям. В келью его люди входили расстроенные, с мрачными лицами, взволнованные, а выходили спокойными, умиротворенными, со слезами радости на глазах.

У старца Алексея искали умиротворения своей совести не одни паломники и монахи, но и архиереи, и даже Киевские митрополиты. Так Черниговский архиепископ Антоний вызывал отца Алексея к себе в Чернигов в апреле 1911 года для предсмертной духовной беседы и на его руках предал дух свой Богу. Голосеевская пустынь была ни чем иным, как дачей Киевских митрополитов, где они летом отдыхали от своих архиерейских трудов. В течение пребывания отца Алексея в Голосеевской пустыни на Киевской митрополичьей кафедре сменилось четыре архиерея: высокопреосвященные Иоанникий Руднев (1891–1900), Феогност Лебедев (1900–1903), Флавиан Городецкий (1903–1915) и Владимир Богоявленский (1915–1918). Два из них, особенно продолжительно пребывавшие на Киевской кафедре, митрополиты Иоанникий и Флавиан, имели отца Алексея своим духовником. А митрополит Владимир несколько раз просил молитв у отца Алексея.

В 1896 году вся Россия трепетно и радостно ожидала открытия мощей великого угодника Божия, более двухсот лет нетленно почивавшего в Чернигове, — святителя Феодосия. 9 сентября состоялось открытие мощей Черниговского чудотворца. На предварительное переоблачение мощей святителя Феодосия по приглашению Черниговского владыки Антония ездил отец Алексей, как лицо опытное в обращении со святыми мощами.

С великим благоговением совершив их переоблачение, старец погрузился в молитву. И тут ему, как бы в тонком сне, предстало дивное видение. В великой славе предстал ему сам угодник Божий и сказал: “Спасибо тебе за то, что потрудился для меня. Поминай на проскомидии моих родителей иерея Никиту и Марию”. — “Святитель Божий, — отвечал старец, — ты же сам прославлен”. Тогда святитель объяснил причину своей просьбы: “Поминай их на проскомидии, она выше моей молитвы...” Видение закончилось. Не чувствуя себя достойным подобного откровения и не доверяя себе, старец, несмотря на поздний час, поспешил к владыке и, павши ему в ноги, поведал о бывшем с ним.

Внимательно выслушал архипастырь взволнованного старца и успокоил его, говоря: “Верю, что Господь устами святителя Феодосия поистине открыл тебе великую тайну безмерной Своей милости, даруемой Им людям через нас, недостойных пастырей, при совершении Божественной литургии и принесении Бескровной Жертвы. До времени умолчи о бывшем тебе видении, молись, как заповедал тебе угодник Божий, а там сам Господь имиже весть судьбами поможет тебе утвердиться в виденном”. Нужно же сказать, что ни память народная, ни история не сохранили имен родителей святителя Феодосия. Однако прошло несколько лет, и в одном из самых древних киевских монастырей — Выдубицком — был найден синодик рода Углицких и в нем собственноручная запись святителя Феодосия, бывшего в том монастыре игуменом, имен его родителей: иерея Никиты и Марии.

Келья старца в Голосеевской пустыни была скромна. Она состояла из трех маленьких комнаток. Обстановка этих комнаток бедна. Несколько икон, из которых он почитал особенно одну — это икона Божией Матери, которой благословила его мать, диванчик, на котором принимал почетных гостей, перед диванчиком ничем не покрытый столик, на котором постоянно лежало Евангелие на церковнославянском языке больших размеров, этажерка для книг, стол для трапезы, кровать с постоянно поднятым матрасом, на которой отец Алексей, кажется, никогда не спал, медный умывальник с металлическим тазиком и несколько простых тумбочек — вот все, что составляло обстановку кельи отца Алексея.

Келейника у него не было. Старец сам себе во всем служил: сам носил дрова, сам топил печь и ставил самовар, сам подметал комнаты, только к концу жизни, когда отца Алексея начали оставлять силы и он стал болеть, ему прислуживал сначала живший в пустыни монах Азария, а потом наемный мальчик из соседнего села. Пища отца Алексея была скудна: он питался только тем, что ему приносили из трапезы, а в конце жизни и того не ел.

Приведем повествование воина первой мировой войны, посетившего старца в 1916 году, за год до его блаженной кончины. Из него явствует духовная высота старца, а вместе с этим его прозрения о судьбах России. Его описания рисуют нам домашнюю обстановку старца, в которой хранился избранник Божий. “Мы шли по длинному коридору, по сторонам которого были равноудаленные двери. Пред одной из них мы остановились. “Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!” — проговорил послушник. “Аминь!” — раздался приглушенный ответ.

Послушник отворил дверь, и я вошел в сени кельи, а затем и в самую келью. Не скрою: я волновался, сердце усиленно билось, и я с трудом справился с дыханием. Келья — маленькая комната, просто обставленная. Через деревянный пол шла полотняная дорожка до киота. На окнах глухие занавески. Пахнет кипарисом, воском, чабрецом, лампадным маслом. Сладостная тишина вошла мне в душу... “Идите, идите, раб Божий! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа”, — благословил меня старец. Я очнулся и с усердием поцеловал руку старца. Сняв руку с моей головы, старец подошел к окну и благословил мою семью, что меня очень обрадовало. Затем он пригласил меня в соседнюю комнату. То была комнатуха с изношенным деревянным полом и обветшалыми стенами. Слепая занавеска на единственном окне. В углу небольшой иконостас со старинными иконами, пред ними — лампада. Аналой, на нем Евангелие, крест, епитрахиль. Вплотную к стене топчан, покрытый старым одеялом, из-под которого виднелась солома — ложе старца. Я был пуст: ни одной мысли, ни одного вопроса. Я сидел и умиленно смотрел на старца, перекладывая фуражку из руки в руку.

“Что же, на войну идете, раб Божий? Идите, идите, Господь благословит вас. Четыре месяца быстро пробегут. Будете ранены, а потом возвратитесь домой. А как ваше имя?” Старец подошел к иконостасу и начал молиться. Я наконец пришел в себя и начал беседу: “Скажите, отец Алексей, ведь Россия победит своих врагов — не так ли? Недавно я получил письмо от генерала Духонина. Он пишет, что хотя Германия и ее союзники надломлены, но война будет долго длиться и будет тяжелой, пока мы принудим немцев положить оружие...”

Отец Алексей слегка качнул головой. Лицо его приняло сосредоточенное выражение. Взор старца ушел куда-то в даль: “Что будет, что будет с Россией! Боже мой, Боже мой! Что война, война? Кровью zalется русская земля. Храмы поколеблются, кресты снесут с них, а мощи святых угодников в Днепр побросают! В зверей люди обратятся! Много изменников окружают Царя. Много прольется христианской крови”. Старец встал, надел епитрахиль, подошел к иконостасу и стал молиться. Я слышал слова этой чудной молитвы. Повернувшись ко мне и положив руку на голову, старец с незабываемой любовью произнес: “Да благословит Господь раба Божия Николая на бранное дело. Спаси вас Господь!”

Я снова с большим усердием поцеловал руку старца, искренне просил у него прощения и разрешения по возвращении с войны снова навестить его. “Когда вернетесь, Господь позовет меня на Суд

Свой”, — проговорил старец и низко поклонился мне. Я ответил глубоким поклоном и вышел из келье. Ровно через четыре месяца я, будучи на фронте, участвовал в боях. В одном из них, в атаке, был ранен. Отправленный в Киевский госпиталь, я быстро поправился. И вспомнил о старце. Знакомый епископ сообщил мне, что старец уже почил о Боже”.

Служение отца Алексия производило умиляющее впечатление. Особенно он воодушевленно читал акафист Божией Матери. Для совершения проскомидии для него было мало двух часов: так много он поминал. Во время поминовения на проскомидии он клал много земных поклонов. Светильничные молитвы отец Алексей прочитывал несколько раз. Во время произнесения иеродиакonom на просительной ектенье последнего прошения — “Христианския кончины живота нашего...” — старец падал ниц пред святым Престолом.

Несколько раз в году ездил батюшка и в Лавру для поклонения чудотворной иконе Божией Матери и святым мощам печерских угодников. Бывая в городе, отец Алексей каждый раз заезжал на Бессарабку и здесь, хоть на минутку, заходил в крытый рынок, где стоит большая икона святителя Николая, ставил перед иконою свечу, клал земной поклон и молился святителю о том, чтобы он сохранил Киев от голода, как он спасал от этого бедствия Миры Ликийские. Отец Алексей, живя в пустыни для Господа, избегал славы и возвышений. Когда ему предложили занять должность блюстителя Дальних Пещер, он отказался.

Будучи в последний год своей жизни больным, он не перестал принимать посетителей, при этом так говаривал: “Я мог бы уйти от этой суеты в богадельню и там совершенно успокоиться, но не могу я бросить этих страждущих людей, приходящих ко мне за помощью”. Что особенно привлекало народ к старцу Алексию — это его ласковое, любовное обращение. Всех он встречал с радостной улыбкой, всем был рад. Встречая пришедшего к нему посетителя, он обыкновенно говаривал: “Пожалуйте, мое сокровище”. Пришедшего он ласково расспросит о его жизни, будет от всей души сочувствовать его скорбям, несчастьям, возблагодарит Господа за радости пришедшего к нему незнакомого человека, осведомится о том, как его гость добрался до него, не обидел ли его кто в дороге, не взял ли лишнего извозчик, есть ли деньги на обратный путь. И если у гостя не оказывалось денег, отец Алексей сейчас же, не медля ни минуты, вручит ему достаточную сумму на обратный путь. Но часто он и не спрашивал своих посетителей о том, есть ли

у них деньги или нет, а просто при прощании вручал уходящему посетителю три или пять рублей денег и говаривал: “На трамвай”.

Духовные дети отца Алексия встречали в келье своего старца не одни ласковые речи, но и угощение. Старец любил угощать своих посетителей. Всех, кто только приходил к нему, он сажал за стол и поил чаем с булками, маслом и вареньем. Булки у батюшки были особенно вкусные, чай — особенно сладкий, так как он по своей щедрости клал в него весьма много этой сладости. Умилительно было видеть, как старец, рассадивши своих гостей по всем комнатам, сам суетился, угощал своих дорогих посетителей, приговаривая: “Кушайте, кушайте, пожалуйста, не стесняйтесь”. Бывая в городе, батюшка приобретал там в большом количестве чай, сахар, булки.

Бывали у отца Алексия нуждающиеся лица из интеллигентных кругов, которые не только не могли просить себе помощи, но и стыдились взять предлагаемое. Батюшка, будучи не только чутким к чужой нужде, но вместе с тем и деликатным человеком, умел и таким лицам оказывать помощь. Со слезами на глазах эти люди благодарили дорогого батюшку. Не ограничиваясь милостынею, раздаваемою в келье, отец Алексий посылал нуждающимся деньги по почте, развозил к праздникам подарки по больницам,

богадельням и тюрьмам. А сколько монашествующих и послушников ходили в одеждах, купленных на средства отца Алексея!

Пришел однажды к отцу Алексею один молодой человек и стал просить у него благословения на женитьбу. Отец Алексей не благословил его и отговаривал от этого шага. Юноша настаивал на своем. Тогда старец взял икону и благословил его, но сам внутренне молился о том, чтобы Господь не допустил этого брака. И что же? Благодаря каким-то обстоятельствам, свадьба была отложена на некоторое время, а потом случилось то, чего боялся старец: невеста неожиданно умерла.

Зашла однажды к отцу Алексею приехавшая из Харькова на богомолье в Киев одна интеллигентная дама с сыном гимназистом 4-го класса. После продолжительной беседы с матерью батюшка неожиданно обратился к сыну и говорит: “Слушайся, Митя, маму. Меня не школа учила, не гимназия, а родная мать. Если будешь слушаться маму, будешь как Иоасаф Белгородский”. Дама была восхищена ласковою беседою отца Алексея, но особенно была поражена тем, что батюшка назвал неизвестное для него имя ее сына и предсказал ему великую будущность. Уходя, она дает отцу Алексею десять рублей и просит у него молитв. Отец Алексей принимает деньги, поспешно идет во внутреннюю комнату, берет там еще пять рублей и, имея в руке пятнадцать рублей, говорит: “Простите, не сердитесь на меня, возьмите все это: вам нечем будет за квартиру заплатить”. Дама упала к ногам старца и со слезами благодарила его за любовь. Она действительно отдала отцу Алексею последние десять рублей и не имела, чем заплатить за квартиру.

Одна благочестивая женщина из города Енисейска Кубанской области в благодарность за молитвы и наставления отца Алексея послала ему по почте триста рублей денег. На другой день после отправки денег она сообщила об этом своей соседке. Та же, вместо похвалы благочестивой женщине, укорила ее: “Зачем было посылать такие большие деньги в монастырь, — сказала она, — монахи роскошно кушают и пропьют их”. Женщина, пославшая деньги, пришла в смущение. Через некоторое время после этого разговора она получила повестку на триста рублей. Оказалось, что отец Алексей вернул деньги обратно с такой надписью на отрезном купоне: “Примите ради Господа эти деньги: монахи роскошно кушают и пропьют их”.

Послушник Николай, проживавший в лаврских хуторах, решив поехать на Старый Афон, сложил необходимые вещи в сумку и отправился в Лавру за отпуском. Проходя мимо Голосеевской пустыни,

он зашел к отцу Алексию взять благословение. Желая же скрыть от старца свое намерение, он спрятал сумку в кустах. Выходит из кельи отец Алексей и строго говорит Николаю: “Кого ты обманываешь? Куда сумку спрятал? Нет тебе благословения!” Когда же Николай стал просить у старца прощения, отец Алексей простил его и кротко сказал: “Скоро с Афона сюда будут приезжать”. Эти слова отец Алексей говорил летом 1911 года, что и сбылось из-за смуты там “имябожников”.

“Не могу умолчать о дивном проявлении прозорливости незабвенного старца Алексия по отношению ко мне, — пишет игуменья Евфалия. — В бытность свою в Киеве в 1907 году я, наслышавшись о высокой жизни иеромонаха Алексия, отправилась со своими спутниками в Голосеевскую пустынь, чтобы у этого источника живой воды утолить свою духовную жажду. Выйдя к нам, старец, ни разу не выдавший меня, прямо обратился ко мне: “Игуменья Евфалия пришла”. Я, удивленная его словами, возразила: “Нет, батюшка, я — не игуменья, я — рядовая монахиня”. Но он снова повторил: “Игуменья Евфалия”. После того он долго беседовал со мной, причем изложил предо мною всю мою прошедшую жизнь.

Через пять лет, когда я была казначеей монастыря, я снова приехала к нему. И на этот раз батюшка назвал меня игуменьей, несмотря на мое возражение, что я только казначея. В 1914 году предсказание батюшки исполнилось: я была назначена настоятельницей монастыря. Видя чудесным образом исполнившееся предсказание батюшки, я тотчас поспешила к нему, чтобы испросить у него святых молитв и благословение на предстоящий мне тяжелый путь. Благословляя меня, батюшка сказал: “Много, ох, много предстоит тебе испытать огорчений и скорбей, но да поможет тебе Царица Небесная”. И на этот раз слова старца исполнились: много колючих терний встретила я на своем пути, и только помощь Царицы Небесной, по молитвам старца, укрепляет меня.

В беседе с батюшкой упомянула также о своей тетке, монахине. Тогда отец Алексей быстро сказал: “Скажи ей, чтобы готовилась к смерти”. Я ответила: “Батюшка, она такая здоровая!” Но старец, не выдавший и не знавший этой монахини, возразил: “Ты рассуждаешь так, а в Небесной канцелярии написано иначе. Пусть готовится”. Это было сказано в сентябре 1907 года, а 31 декабря того же года упоминаемая монахиня умерла. Удивляясь дивной благодати, обитавшей в душе старца, — заключает свое письмо в Лавру игуменья Евфалия, — я благоговейно чту его память”.

Старца Алексия довольно часто посещал студент Киевской Духовной Академии Александр Готовцев. Однажды перед Великим постом 1915 года он привел с собой к отцу Алексию своего друга Михаила Верченко, хорошо настроенного юношу, который намеревался принять монашество. Посмотревши на нового своего гостя, отец Алексей после, когда к нему пришел студент Готовцев один, сказал ему: “Михаил твой долго не проживет: он скоро умрет”. Для Готовцева эти слова оказались неожиданными, и он не совсем поверил. Верченко был вполне здоровым, жизнерадостным, трудолюбивым молодым человеком. Но слова отца Алексия сбылись. Весною же 1915 года Михаил Верченко стал прибалывать. Летом у него открылась чахотка. Осенью из деревни он приехал в Киев лишь для того, чтобы отправиться в Крым для лечения. Вскоре Верченко отбыл в Ялту, где и скончался. Получивши эту горестную весть, студент Готовцев в тот же день отправился в Голосеевскую пустынь попросить прп. Алексия помолиться об упокоении новопреставленного раба Божия Михаила. Придя к старцу, Готовцев выжидал удобного момента, чтобы изложить свою просьбу. Вдруг отец Алексей обращается к нему и говорит: “Я должен сообщить тебе новость”. — “Какую?” — “Твой Михаил умер”. Студент был поражен.

Откуда же мог узнать отец Алексей о смерти Верченко? Сам старец вывел из затруднения пораженного студента. “В день Сретения Господня, 2 февраля, часа в четыре ночи окончил я свое вечернее правило, — начал говорить батюшка, — и присел на диван отдохнуть. Вдруг вижу, входит в мою комнату Михаил в студенческой форме и, обращаясь ко мне, говорит: “Батюшка, помолитесь обо мне Господу: я умираю, и моя душа уже начинает проходить мытарства. Почему Вы меня не постригли в монашество?” После этого он скрылся. Я очень жалею, что я его тайно не постриг в монашество. Это можно было сделать, так как я знал, что он скоро умрет: от него дышало смертью”.

Бывали отцу Алексию явления из загробного мира и раньше этого случая. Когда он был еще ризничим Великой церкви Лавры, в лаврской типографии работал хороший наборщик — молодой человек по имени Иоанн. Отец Алексей, как духовник Иоанна, советовал ему в Петров пост поговеть, поисповедаться и ко дню ангела приобщиться. Иоанн не послушался, а дал обещание отцу Алексию поговеть в Успенский пост. Но не пришлось ему исполнить своего обещания. Вскорости после дня своего ангела он пошел на Днепр

купаться и там утонул. Отец Алексей помолился за него после смерти, а потом и забыл о нем.

Через некоторое время, в воскресенье после утрени, батюшка, зашедши к себе в келью, сел отдохнуть. Вдруг слышится стук, открывается дверь, и в комнату, где сидел старец, входит Иоанн. Отец Алексей вскочил со стула, на котором сидел. “Разреши меня, — обратился Иоанн к батюшке, — а то я связан: соблудил и, не покаившись, утонул”. Отец Алексей сейчас же накинул епитрахиль и прочитал над Иоанном разрешительную молитву. Видение исчезло. Через некоторое время, по молитвам отца Алексея, который хотел узнать, имело ли значение разрешение, снова явился Иоанн и сказал, что теперь ему легче.

Отец Алексей предвидел будущее, видел настоящее душевное настроение людей, постигал их прошедшую жизнь. Но свою прозорливость батюшка не проявлял бесцельно, при всяком удобном и неудобном случае. Прозорливость свою отец Алексей обнаруживал большей частью тогда, когда хотел поддержать слабого человека или вразумить заблудшего, или обличить грешника, или предупредить об опасности. Вот несколько случаев духовных уроков старца.

Семейство К-ых, состоящее из отца, матери и нескольких детей, прогуливаясь по Голосеевскому лесу, зашло в пустынь. Набожная мать предложила мужу и детям зайти к отцу Алексею за благословением и наставлением. Батюшка, выйдя из кельи, сказал им: “Идите чай пить”. Все отправились в монастырскую гостиницу. Уселись за стол. Вдруг приходит отец Алексей, ставит перед матерью семейства банку варенья и говорит: “Ешь сама, но мужу не давай, ешь сама”. Все были поражены этим поступком отца Алексея. Но в чем крылась его причина? Оказывается, эта женщина была несчастна в семейной жизни. Муж наносил ей много оскорблений, и особенно он обижал ее тем, что приобретал для себя отдельно хорошую пищу и ел ее на глазах жены и своих детей, но никому ничего не давал. Поступок старца вразумил бессердечного мужа, он почувствовал свою вину и изменил свое отношение к жене и детям.

Летом 1912 года навестили отца Алексея несколько молодых людей. Вдруг к одному из них подходит старец, надевает на его голову свою монашескую шапочку и говорит: “Самуил, моя шапочка водки не пьет, и ты больше не будешь пить”. Друзья молодого человека были удивлены прозорливостью отца Алексея, который узнал тайный грех неизвестного ему юноши и назвал его по имени.

Подобных случаев прозорливости прп. Алексия было бесчисленное количество, так что их нет возможности и перечислить. Скажем только, что основанием прозорливости преподобного старца был ни обычный духовный опыт, ни знание людей, но — благодать Святаго Духа.

4 ноября 1915 года скончался высокопреосвященный Флавиан, митрополит Киевский, духовный сын отца Алексия. Старец за два дня до смерти владыки-митрополита был вызван из Голосеевской пустыни в Лавру для предсмертной духовной беседы. Здесь старец поисповедывал последний раз своего высокопреосвященного духовного сына и прочитал над ним отходную молитву. По словам отца Алексия, во время его беседы с митрополитом Флавианом последний сказал батюшке: “Не надолго расстаемся: скоро опять увидимся”. Отец Алексей понял эти слова владыки как предсказание о своей скорой кончине. И действительно после смерти митрополита Флавиана батюшка недолго жил — он не прожил даже полутора лет. Сердце его стало плохо работать, от этого распухли ноги и ему трудно было стоять.

Начальство Лавры, видя болезнь отца Алексия, освободило его от очередного богослужения, которое он нес до того времени, духовные дети батюшки старались всеми возможными мерами облегчить его страдания. Несмотря на свою болезнь, отец Алексей не затворял дверей своей кельи перед приходящими к нему за молитвою и наставлениями, по-прежнему всех принимал, угощал и подолгу беседовал. В мае он ездил в Свято-Троицкий Ионин монастырь и там в келье старца Ионы принял таинство елеосвящения. Перед этим таинством он исповедовался у иеромонаха Троицкого монастыря отца Серапиона, который свидетельствует, что он сподобился исповедовать праведника.

Летом болезнь отца Алексия видимо уменьшилась, и он бодрее выглядел, а когда наступила осень и зима 1917 года, то он с внешней стороны казался совсем здоровым. Но, несмотря на улучшение своего здоровья, батюшка готовился к смерти. Летом и осенью 1916 года он говорил своим духовным детям, что ему уже не придется больше красного яичка кушать. 4 марта 1917 года, за восемь дней до своей кончины, отец Алексей, воспользовавшись приездом в Голосеевскую пустынь своего духовника, иеромонаха Китаевской пустыни отца Иринея, исповедовался у него.

Наступило 11 марта 1917 года. Была суббота четвертой седмицы Великого поста. На дворе стояла зима. Землю покрывал еще толстый слой снега. Отец Алексей по обыкновению рано вышел

из своей кельи в церковь и там приготовил все необходимое к совершению Божественной литургии. После литургии он сам приготовил облачение к совершению воскресной службы и прибрал алтарь к наступающему празднику. Днем батюшка чувствовал себя хорошо: принимал посетителей, беседовал с ними, исповедовал их и своих монахов. Без четверти четыре часа пополудни отец Алексей взял в левую руку мантию и служебник, а в другую — свою палочку и пошел в церковь слушать всенощную: он готовился к служению литургии в наступающее воскресение. (Последний раз батюшка совершал Божественную литургию за пять дней до своей смерти, в неделю Крестопоклонную). Но когда он вошел в церковь, у него ноги подкосились, и он, будучи не в силах дальше идти, сел на скамейку. Подошедшие к нему монахи спросили: “Вам, батюшка, плохо?” — “Да” — ответил он. “Вас отвести в келью?” — спросили они его. — “Нет, мне нужно быть в алтаре: я завтра буду служить”.

Монахи под руки подняли отца Алексея на ноги, но он никак не мог самостоятельно стоять. Женщины, пришедшие ко всенощной, видя, что отец Алексей сильно заболел, подняли плач. Тогда монашествующие взяли отца Алексея на руки и понесли его в келью, женщины им помогали. Здесь старца положили на койку. Но недолго ему пришлось лежать на одре болезни. В восемь часов сорок пять минут вечера он тихо, безболезненно отошел ко Господу.

Сейчас же после смерти тело отца Алексея было по обычаю облачено во все монашеские одежды. Утром перед литургией над усопшим была совершена в келье первая панихида. После панихиды тело старца было перенесено в церковь. По постановлению Духовного Собора Лавры, погребение отца Алексея состоялось в понедельник 13-го марта, после литургии Преждеосвященных Даров в Голосеевской пустыни. Несмотря на то, что весть о смерти отца Алексея еще не успела к понедельнику облететь всего Киева, Покровская церковь, где совершалось отпевание батюшки, была полна молящихся. Сюда собрались люди всех званий и сословий. Здесь было и городское духовенство, и монашествующие, и прибывшие из Лавры и других пустыней, и монахи киевских монастырей, и много мирян. Могила для отца Алексея была вырыта с восточной стороны нового храма в честь иконы Божией Матери Живоносный Источник.

Ныне честные мощи преподобного почивают в Голосеевской пустыни в храме иконы Божией Матери “Живоносный Источник”.

Жизнеописание иеросхимонаха Николая (Цариковского)

(1829 – 1899)

Старец-духовник отец Николай (в миру Василий Цариковский) поступил в Киево-Печерскую Лавру в четырнадцать лет, после кончины своих родителей¹³. Первым духовным наставником юного послушника стал его дядя, лаврский монах отец Израиль, который обучался у учеников преподобного Паисия (Величковского) умному деланию — непрестанной молитве Иисусовой. Отец Израиль передал племяннику тетради с наставлениями преподобного Паисия и его учеников. Узнав скромного, безропотного послушника, архимандрит Мефодий, духовник братии, предсказал, что это будет великий старец.

В 1860 году Василий Цариковский был пострижен в рясофор с именем Феодосий, а в 1862 году — в монашество с именем Руфин. В 1870 году он был рукоположен во иеромонаха и вскоре после этого его назначили помощником смотрителя лаврской странноприимницы. Затем батюшка был определен на должность “кружечного” соборной лаврской церкви — это была одна из самых значительных и ответственных должностей в Киево-Печерской Лавре. 9 апреля 1883 года над иеромонахом Руфином совершили чин пострижения в великий ангельский образ с именем Николай и вскоре благословили на должность лаврского духовника. Так началось великое старческое служение.

Он стал не только духовным руководителем множества иноков, старцев и мужей, но и бесчисленного числа паломников-богомольцев, которые шли в Лавру за многие тысячи верст, чтобы, поклонившись святыням, поисповедоваться, побеседовать или получить благословение у святой жизни старца-схимника, слава о котором шла по всей Руси.

16 октября 1892 года отец Николай был восприемником при постриге в монашество Давида Абашидзе, будущего схиархиепископа Антония. Постриг с наречением имени в честь святителя Димитрия Ростовского совершали архимандрит Валентин, лаврский экклесиарх, исполнявший обязанности наместника, и духовник иеросхимонах Николай (Цариковский). На протяжении ряда лет старец был духовным отцом будущего владыки и духовника Киево-Печерской Лавры. Получив в 1899 году сообщение в Тифлис о кончине старца Николая, Абашидзе телеграфировал в Лавру: “В славный, неувядаемый венец на гроб христоносного батюшки

«Схимник», Андрей Шишкин

нашего вплетите и мои сыновнии слезы. Вдали оплакивать потерю отца невыносимо тяжело”.

Здесь мы приводим духовные беседы, которые отец Николай проводил с паломниками, пришедшими к нему на исповедь.

Как только каждый из вас утром пробудится от сна, сейчас благодарите Бога за то, что еще оставлены на покаяние, и просите у Него помощи на труды послушания в течение всего дня. А затем, начиная всякое дело свое, призывайте Бога на помощь. Желаете ли молиться, поститься, творить поклоны, работать, идти или ехать куда-либо, призывай Господа Бога, Божию Матерь и святых

угодников Его и говори: “Господи, благослови и помоги мне, грешному!” Ибо Сам Господь сказал: “Без Мене не можете творити ничесоже” (Ин., 15:5), то есть без Меня и Моей помощи не можете свято исполнять свои дела и даже подумать ни о чем истинно добром. А если кто скажет: “Я сам то и то сделаю”, — и не призовет Бога на помощь, то с ним силы и помощи Божией не будет. Тогда и диавол скажет свое “я” и будет старания употреблять, чтобы противиться начатому тобой делу и с успехом вредить ему, и достигнет того, что и молитва твоя будет в грех, вообще все дела так осквернит, что они будут противны Богу, ибо ты на себя надеялся, а не на Бога, и творил их без Его помощи и защиты.

***

Никого не нужно бранить, а тем паче проклинать, особенно же родители не должны делать этого по отношению к своим детям. От недоброго, злого, матерного слова иные дети всю жизнь болеют. Другие, возрастая, не повинуются ни отцу, ни матери, сами мучаются и других мучают. Какая-то сила действует на них через матерные слова.

Также родители, а особенно матери, должны помнить, что они дадут на Страшном суде ответ о детях. Господь спросит их тогда: “Я создал дитя, отдал тебе его для воспитания, дал тебе здоровье и все что нужно было. Где Мое создание?” Кто воспитывал детей и молился о них, тот скажет: “Господи, се аз и дети, их же дал ми еси!” А кто бранил, проклинал, истреблял отравой детей, которые бы получили Царствие Небесное, те будут страшный ответ давать на Страшном Суде.

***

Некоторые ходят к ворожеем, кланяются им, просят у них помощи. Диавол очень радуется, что христиане кланяются ему в лице ворожей и просят у него помощи через его слуг. Он записывает таких, и если кто, не покаившись в этом на исповеди, умрет, то диавол скажет тогда ангелу хранителю: “Эта душа принадлежит мне: она оставила Бога, Божию Матерь и Церковь и просила помощи у меня”, — и увлечет такую душу во ад. Вот только и пользы людям от посещения ворожей, что диавол низринет их души во ад, если они не покаются на исповеди. Тяжесть греха от посещения ворожей особенно увеличивается оттого, что посещающие их отвергаются от Бога. А между тем Сам Господь наш никогда не отвергает нас, а, напротив, всячески привлекает к Себе, поучает всегда и за всем

потребным обращаться к Нему. Он ведь говорит: “Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят” (Мф., 7:7–8). И, несмотря на это, посещающие ворожей не верят Богу, Который создал их, дал им душу и тело и все потребное, еще и Царствие Небесное обещал даровать им. Они Ему не доверяют и не просят Его, а идут к ворожеям, им кланяются, их просят и славу Божию чрез это отдают диаволу. Это есть мерзость пред Господом и прикрытое идолопоклонство.

***

Некоторые на исповеди утаивают грехи свои. Кто так делает, тому нет ни прощения, ни спасения. Подходит к Святой чаше и вкушает Святые Тайны в суд и во осуждение себе. От чаши отходит более черным, чем был прежде. Сам Господь, зная нашу немощь, что человек после крещения не может остаться чистым и святым, дал покаяние и исповедь. Явившись апостолам после Своего воскресения, Он дунул на них и сказал: “Приимите Дух Свят, им же отпустите грехи, отпустятся им; им же держите, держатся” (Ин., 20:22–23). Если кающийся на исповеди чистосердечно открывает все свои грехи, то иерей прощает и разрешает его, и Сам Господь прощает и разрешает. А кто утаивает грехи, тому нет ни прощения, ни разрешения, ни очищения, ни спасения, так как, приступая ко причащению Святых Тайн, вкушает их в осуждение себе. В случае же смерти диавол возьмет такового, как свой жребий, ибо никакая нечистота не явится пред Богом в блаженном Царствии Небесном.

Нам Бог сказал: “В чем застаю, в том и сужу”. Кого застанет в покаянии, тот получит Царствие Небесное и блаженство вечное, такое блаженство, какого, по словам апостола Павла, око не видело, ухо не слышало и на сердце человеку не приходило (1Кор., 2:9). А кто погордится и не покается в этой жизни, умрет без покаяния и исповеди, тот получит не Царство Небесное, а наказание вечное, будет отлучен от Бога, рая, всего блаженства и вместе с диаволом будет ввержен во ад. А в аду огонь, который будет жечь без света; там червь, который будет есть тело, как колоду, — червь вечный и тело вечное. От этого всего будет происходить смрад. Тем смрадом нужно будет дышать и глотать его. Жажда будет такая, что хотя бы кто каплю воды дал, но никто не даст, ибо грешники отлучены от Бога. В аду один кричит, другой скрежещет зубами, иной проклинает всех, но друг друга они не видят, потому что находятся в бездне и тьме.

Помните, что жизнь наша краткая и приговорительная. Всякий должен готовить добрые дела. При смерти человек все оставит: и дома, и серебро, и золото, и все свои вещи. С ним пойдут лишь добрые дела и злые. В зле содеянном заблаговременно кайтесь, а добрые дела собирайте для вечности.

***

Помните также, что нужно ходить в церковь и молиться Господу Богу, Божией Матери и угодникам. Каждый должен и сам за себя молиться и просить о себе молитв у священника, а также и о священнике молиться. А без церкви и священников нельзя спастись человеку, как на море без корабля и кормчего. Священник есть посредник между Богом и людьми, а глава Церкви — Христос. Кто ходит в церковь, молится Богу, Божией Матери и Его угодникам и случается, что часто грешит и по правосудию Божию должен быть строго наказан, но за молитвы к Богу и Его угодникам еще оставляется на покаяние.

***

Знайте, что наша брань с диаволом за Царствие Небесное продолжится до окончания нашей жизни. Диавол, как дух, сверженный с неба за гордость и непослушание Богу, позавидовал прародителям нашим — Адаму и Еве и, обольстив их, ввел в гордость и непослушание Богу и тем лишил рая. Также он и теперь преследует людей, а наипаче православных. Своей лестью он всячески старается войти в душу человека. При помощи притворства, скрывшись так, чтобы человек и не подозревал его, представляет ему разные прелести, разнообразные лица, скарденности, в соответствии с тем, какой кто страстью заражен в большей степени. Кто услаждается той или иной из возбужденных таким образом страстей, то диавол этим услаждением входит к человеку, как к своему дружку, соединяется с его душой, оскверняет ее, потом водворяется на его сердце и разжигает его на всякие скверные, греховные дела. Если являются у тебя на уме скверные, недобрые мысли, это есть диавольский приход, приступ. Тогда ты скажи диаволу: “Не соглашаюсь с тобой” — и не допускай себя услаждаться теми мыслями.

Тогда твой Ангел Хранитель будет отгонять от тебя диавола, а Бог, за такое сопротивление врагу — диаволу пошлет тебе отпущение грехов и награду: для тебя будет соплетаться неувядаемый славы венец. Поэтому всячески старайся не допускать

дьявола до души, ибо она есть невеста Христова. Бог ее создал для того, чтобы она вечно Его славилась и вечно радовалась пред Ним. Дьявол все силы употребляет, чтобы ее осквернить, чтобы чрез это она лишена была Царствия Небесного и радости божественной. А во время искушений нужно помнить (и не унывать), что за помыслы, всеваемые врагом в душу, еще нет осуждения человеку, ибо это вражеская брань. Только уже за услаждение помыслами и соизволение с доводом на грех постигают человека осуждение от Бога и праведный Его гнев.

***

Старец говорил: “Когда призываете имя Божие, полагайте на себя крестное знамение. Старайтесь совершать всегда это знамение правильно: на челе, на персях, на правом и на левом раменах, чтобы и все тело чувствовало прикосновение руки, сложенной для крестного знамения. Тогда и тело освящается, и враг трепещет”.

***

Утверждая чад своих духовных во смирении, старец советовал им не забывать и крепко помнить, что мы ничего своего не имеем, а все, что имеем, не наше, а Божие. Тело — от Бога, душа — от Бога, ум и все душевные силы — от Бога, различные знания и искусства, образование — дар Божий, сан, власть и все благое, что мы имеем для душевной и телесной жизни, своей и ближних своих, — это дары милости Божией, за пользование которыми нужно будет отдать Богу в свое время строгий отчет. Мы и грех не должны считать своим собственным произведением, принадлежащим нашей природе. Ибо если грех и живет в нас, людях, то и он не наше произведение, а вошел к нам от врага Божия и нашего. Поэтому если мы оказываемся не имеющими ничего своего, а все у нас от Бога, то у нас нет чем тщеславиться или гордиться.

Напротив, мы должны за все и всегда благодарить Бога и всячески смиряться, готовясь дать во всем ответ Ему. Ибо наша жизнь земная есть жизнь подготовительная и краткая и дана нам не для того, чтобы мы тщеславились или гордились один перед другим своими достоинствами и преимуществами. Мы рождаемся в этом мире для того, чтобы прославлять Творца и послужить Ему, потрудиться во славу Его над созданием Его рук, этим видимым миром, порученным нам во владение, и чрез это обрести милость у Бога, потрудиться для своего блага и спасения, и для

блага и спасения ближних. И, несмотря на то, что мы должны весьма много в жизни своей трудиться и всегда молиться, как неключимые рабы, нам нельзя ни на минуту забывать того, что спасает нас Господь Бог по единой милости Своей, а не по делам нашим.

***

Старец говорил, что нужно стараться и не смотреть за тем, как другие живут и действуют, а непрестанно следить за собой, что и как сам делаешь. А если человек перестает строго следить за собой, то, естественно, сейчас же обращает внимание на других и начинает судить их: “Тот или этот не так живут, как следует, а вот этот не так, как подобает, действует”. Но пройдет немного времени, смотришь, а сам судивший и осуждавший других за осуждение и гордость так расстроится, ибо благодать отступает от него, — что не знает, как и быть, как исправиться, поправить свои обстоятельства, и сам начинает допускать такие поступки, каких и другие, осужденные им, не делали, и не может перестать их делать, хотя и самому стыдно, и от Бога и людей осуждение. И сам, без особой милости и помощи Божией, пока не покается, не может выйти из своего поистине бедственного состояния. Всегда должно помнить, что каждый сам за себя даст ответ Богу.

Но если тебе попущено будет за гордость и тщеславие, чтобы ты подвергся такому наказанию или впал в грех, а то просто, чтобы постигли тебя за грехи разные испытания, несчастья, неприятности и скорби, то всячески старайся не допустить в себе и на малое время жить унынию, этому самому ядовитому и погибельнейшему плоду гордости и тщеславия.

***

Старец говорил: “Что бы ни случилось с тобой, не показывай и вида печали, скорби, уныния. Враг не знает того, что в глубине души христианина скрывается, а узнает об этом только из того, как человек ведет себя. Ища только повода, чтобы морочить человека, заметив, что он начинает унывать от чего-либо, враг сейчас подносит ему еще и еще что-либо тяжелое, обидное, оскорбительное, чтобы увеличить печаль и скорбь и незаметно довести до полной бездеятельности, отчаяния и гибели, когда человек, как говорится, голову потеряет, опустит руки и не хочет уже придумывать и просить у Бога помощи найти какие-либо средства выйти из бед и несчастья”.

Если заметишь, что согрешил в чем-либо, познаешь себя в грехе, сейчас, не медля ни минуты, иди до Бога и кайся, проси у Него прощения, ибо несть грех, побеждающ человеколюбие Божие. Мы должны в этом отношении уподобляться малому дитяти, которое если во время игры упадет, или ушибется, или его кто обидит, то сейчас же бежит к отцу или матери, ища защиты и утешения. А мать тотчас берет его на руки, утешает его, и оно сейчас же забывает о своем несчастье и снова весело начинает играть и бегать. Так бывает и с душой человека: согрешила ли она или впала в какое-либо несчастье, если тотчас с искренним покаянием и усердной молитвой прибегает к Богу, то снова получает благодать и помощь от Бога и снова радуется и утешается милостью Божиею.

***

Мы должны стараться, чтобы всегда иметь радость о Бозе неотъемлемой. Жизнь нам дана не на печаль, а на радость, и потому каждый должен стараться всегда быть веселым: это освежает все силы человека, воображение, память, ум.

При унылом же и сумрачном, печальном настроении все в душе бывает сдавлено, стиснуто, а это только и нужно диаволу: он особенно на мрачно настроенных, унывающих и угрюмых нападает.

***

Работу, то есть послушания свои разные, нужно исполнять со смирением, прося усердно у Бога помощи. Успех же дела должно предоставлять воле Божией и не особенно о нем беспокоиться. А главное — никогда не хвалиться и не говорить с похвальбой: “Я то и то сделаю”, потому что, если за тщеславие благодать отступит от человека, то хотя бы он и начал работать, например, там писать какое-либо сочинение, то уж не будет в нем той силы, какую давала благодать.

В чем есть нужда, сейчас до Бога, проси Его, потому что Он Сам сказал: “Просите и дастся вам”. Если просим, то и получаем, а не просим, то и не получаем. Во всем должно на Бога надеяться, а не на себя, на свои силы, способности и средства, тогда Бог никогда не оставит Своей всемогущей помощью и благодатью, ибо сказал: “Скорее мать забудет свое дитя, чем Я забуду тебя”.

Житие преподобноисповедника схиархиепископа Антония (Абашидзе)

(12.10.1867 – 1.11.1942)

Старец и духовник Киево-Печерской Лавры, схиархиепископ Таврический и Симферопольский Антоний (Абашидзе) принадлежал к древнейшим родам Иверии, известным с VII века. По отцу он происходил из князей Абашидзе, а по материнской линии был в родстве с другим знаменитым семейством, царским родом Багратуни, из которого вышел герой Отечественной войны 1812 года генерал Петр Багратион¹⁴.

Князь Давид Ильич Абашидзе родился 12 октября 1867 года в селении Веджины Тифлисской губернии, где располагалось родовое имение их семейства. Семья Абашидзе была богата, пользовалась почетом, имела связи при императорском дворе. Родители готовили сына и наследника к тому, чтобы он приумножил мирскую славу рода. Успешно окончив Тифлисскую гимназию, будущий подвижник продолжил обучение на юридическом факультете Императорского Новороссийского университета в Одессе, диплом которого получил в 1891 году.

Но светская жизнь не привлекала юного князя, и в 1892 году он переехал в Киев, где был принят в число казенных студентов первого курса Киевской Духовной Академии. Для тех, кто хорошо знал молодого Абашидзе, неудивительно было, что блистательный молодой князь всей душой обратился к небесному. Его духовному устроению были чужды мирская мишура и внешний блеск. “Сильно страдая от юности своей так называемой застенчивостью, — писал он потом, — я всегда пленялся простотой

Схиархиепископ Антоний

и скромностью, давно уже, к сожалению, отлетевшей от жителей больших городов и почти исключительно витающей среди отдаленных от главных центров людского общежития маленьких городов и сел, ближе стоящих к природе, к этой чудесной летописи дел Божиих, и потому лучше сохраняющих эти возжеленные качества. После этого понятно, как легко должен был чувствовать себя я среди вас, пока милостью Божией не расставшихся еще с этими свойствами, каковые должны быть присущи душе христианской...”¹⁵

Той же осенью 1 октября он подал прошение на имя ректора Академии Сильвестра, епископа Каневского: “Имея непреодолимое желание привести в исполнение обет, давно данный мною Господу, посвятить себя вполне на служение Святой Его Церкви, прибегаю к стопам Вашего Преосвященства и смиреннейше прошу посвятить меня в иноческий чин”. Как напишет позднее сам владыка: “Господь сподобил меня воспринять иночество в церкви преподобного Антония в Ближних пещерах в Свято-Киево-Печерской Лавре, в коей, пред поступлением своим в Духовную Академию и при вступлении в монашество, прожил три месяца, а по принятии иночества, в продолжение четырех лет своего школьного обучения, считал Святую Лавру своим родным монастырем”. Монашеское имя он получил в честь святителя Димитрия Ростовского. 16 октября постриг совершили архимандрит Валентин, лаврский экклезиарх, исполнявший обязанности наместника и духовник Лавры иеросхимонах Николай (Цариковский). Позже епископ Сильвестр рукоположил его в сан иеромонаха.

После окончания Киевской Духовной Академии служитель Божий уехал в Тифлис, где его назначили преподавателем Священного писания Тифлисской семинарии. 23 апреля 1902 года состоялась хиротония отца Димитрия во епископа Алавердинского, викария Грузинского экзархата. Будучи ректором Александровской Ардонской Духовной семинарии, он не боялся посещать расположенный неподалеку лепрозорий и причащать прокаженных. Через три года, летом 1905-го, он снова прибыл в Украину епископом Балтским, викарием Подольской епархии. В 1915 году владыка Димитрий был возведен в сан архиепископа. По возрасту он был одним из самых молодых архиереев Русской Церкви — тридцатичетырехлетним воспринял он посвящение в епископский сан. Слухи о замечательной ревностности, проповедническом даре и личном обаянии этого молодого архипастыря уже широко распространились в церковных кругах. На Поместном Соборе 1917–

1918 годов он сыграл видную роль, выступая против домыслов околицерковной интеллигенции и чиновников, пытавшихся воспрепятствовать спасительному для русского Православия восстановлению Патриаршества. Имя самого архиепископа Димитрия (Абашидзе) фигурировало в первом, так называемом большом списке кандидатов на Патриарший престол¹⁶.

В годы Первой мировой войны владыка Димитрий совершил поступок, заставивший заговорить о нем всю верноподданническую Русь. Движимый патриотическим порывом, он три года в качестве простого судового священника плавал на одном из военных кораблей Черноморского флота, участвовавшем в сражениях. За проявленное при этом мужество он получил редкую награду — Панагию на Георгиевской ленте.

В то время архиепископ Димитрий обратился с пламенным “Посланием” к православному русскому народу: “Многими тяжкими грехами осквернился народ наш в недобрые годы мятежного лихолетия и смуты: бунт и измена, пролитие крови и братоубийство, безбожие и осатанение, богохульство и кощунство, разбой и лихоимство, зависть и хищение, блуд и растление, празднотворение и празднословие. Осмердела земля наша, зачумлен воздух, омрачается свет солнечный гноем ран души нашей. Не по слабости только, но и по губительному обольщению согрешил пред Богом народ наш, ибо открыл уши свои ложным и тлетворным учениям сынов тьмы, отвернулся от Бога и поклонился идолам. Обольстители научили его поклоняться себе самому в своих страстях и похотях, они внушили ему, что нет правды выше воли народной, и повели его от преступления к преступлению, от падения к падению. Свои изменчивые прихоти народ наш приучился считать за истину, свои корыстные вожделения признавать за высшую награду жизни и уподобился Навуходоносор, поклонившемуся себе, как божеству, но пораженному безумием за безумие. И орудием гнева Божия над русским народом явились те самые лжеучителя, которые лестью обманули его, чтобы затем поработить... Люди русские, православные! Явите силу покаяния, возвеличьте Святую Русь делом, словом и мыслью, отвергните соблазны антихристовы, и возвеличит Господь избранных Своих, исцелит их и умирит”¹⁷. Эти пронзительные слова сказаны будто сегодня, когда снова поворачивается круг истории, подводя народ к выбору: покаяться или испить чашу возмездия Божиего.

Сподвижник владыки Димитрия в противостоянии соблазнам народа протоиерей Михаил Колобов писал о своем

Владыка Антоний за чтением святых отцов

архипастыре: “Достаточно вслушаться в содержание его высокопатриотических речей, беспощадно обличавших всю современную “освободительную” ложь, чтобы убедиться: таких горячих проповедников дотоле не было...” Послание владыки разбрасывали с аэропланов над позициями красных. Но, увы! Грех Русской земли был уже столь велик, что соблазненный народ оставался глух к призывам архипастырей, неустанно взывавших о прекращении братоубийственной бойни.

После поражения Врангеля большинство находившегося в Крыму духовенства вместе с его войсками ушло в эмиграцию. Однако владыка Димитрий, несмотря на уговоры своих собратьев, наотрез отказался покинуть отечество. Казалось совершенно очевидным, что владыке Димитрию — пламенному обличителю революции, архипастырю Белого стана — не приходится ждать пощады от большевиков-богоборцев. И он готовился принять венец мученичества за Христа Господа. Бог, однако, судил иное¹⁸.

17 мая 1921 года он обратился в Киево-Печерскую Лавру с просьбой о принятии его в братство монастыря. Определением Духовного Собора Лавры от 8 июля он мог быть принят на покой “на собственное содержание, в виду крайне затруднительного материального положения”. В августе 1921 года ослабленный болезнью, ослепший на правый глаз архиерей поселился в Топловском Параскевиевском монастыре около Феодосии. В 1922 году он был арестован органами НКВД в связи с сопротивлением верующих Симферополя при передаче собора и домово́й церкви в архиерейском доме обновленцам и содержался под стражей. В тюрьме архипастырь томился около двух лет. В связи с резким ухудшением здоровья и потерей зрения он содержался в тюремной больнице.

21 мая 1923 года его выслали в Киев. После пережитого в тюрьме, ослабевший, особенно зрением, владыка обращается к лаврской братии: “Отцы святые, молю вас, примите меня умирать в доме Пресвятой Владычицы Матери Божией”. Братия с любовью приняли его, и в июне владыка поселяется в Лаврском скиту в Китаевской пустыни. В то время ему было 55 лет, но окружающим он представлялся глубоким старцем. О принятии схимы владыка впервые просил Духовный Собор Лавры еще в своем первом письме, присланном из Симферополя. И вот спустя два года он подает рапорт с просьбой удостоить его “принятия святой схимы — чина великого ангельского образа”¹⁹. 27 ноября 1923 года в церкви прп. Антония на Ближних пещерах архиепископ Димитрий принял схиму с наречением “по имени преподобного Антония Печерского”. В Киево-Печерской Лавре после его многодневной слезной молитвы у гробниц преподобных отцов Печерских свершилось чудо: Господь частично вернул ему зрение.

Служение схиархиепископа Антония не ограничилось одной молитвой, он не оставлял без наставлений православный народ, и слово Киево-Печерского старца далеко разносилось по Русской земле. В своих посланиях он выступал с обличениями обновленчества, “серианства” и “григорианского” календаря, введение

которого повлекло за собой раскол. О жизни того времени владыки Антония в Киеве сохранились незабываемые сведения. Например, в жизнеописании прп. Алексия Голосеевского приведен рассказ прихожанки Евдокии Сергеевны: “В 1925-м, через восемь лет после захоронения отца Алексия, духовнику Лавры схиархиепископу Антонию (Абашидзе) во сне явился отец Алексий и просил перезахоронить его в другое место, ибо он плавает в воде... Сон повторялся еще два раза. Схиархиепископ, видя, что это промысел Божий, и зная отца Алексия еще живым, решил идти к гражданским властям. Власти удивила решительность схиархиепископа. Конечно, для них сновидения не были причиной перезахоронения, и сначала было отказано. Но тут сразу власти передумали и решили так: хорошо, разрешаем, только с условием, если окажется неправда, тут же все зачинщики будут арестованы и преданы суду. Владыка взял на себя ответственность, надеясь на милость Божию и молитвы отца Алексия. Отслужили всенощную, а утром Божественную литургию, после нее — панихиду по отцу Алексию. И вот приближается момент Божия чуда. К месту прибыло много гражданских властей, вооруженных солдат. Начало сделал сам владыка. Он взял лопату и очистил холмик над могилой, потом дал лопату солдатам, они начали копать вглубину. Не успели прокопать на глубину лопаты, как все провалились в воду! Гроб буквально всплыл на поверхность. Страх поразил гражданские власти. Все они разбежались. Владыка с христианами радовались...”²⁰

По свидетельству очевидцев, к прозорливому старцу тайно приезжали духовные чада, он предупреждал их об опасностях, утешал, поддерживал унывающих, по его молитвам совершались многочисленные исцеления больных. Во время пребывания в монастыре владыка совершил постриг целого ряда лаврских послушников, десятки монахов рукоположил во иеродиаконы и иеромонахи. До закрытия Китаевской пустыни в 1929 году он жил около Троицкой церкви в небольшом домике, а затем на частной квартире рядом с пустыней, на Мышеловке.

Духовное чадо владыки Антония, архиепископ Леонтий Чилийский (Филиппович, 1904–1971 гг.), принятый в 1940-е годы в юрисдикцию РПЦЗ, оставил дневниковые записи, сделанные уже в Южной Америке и приведенные в его “Жизнеописании”. Они отражают время тяжелейших испытаний, когда владыке Антонию выпало нести крест духовного кормчего на земле древнего Киева. Поучительные и живые свидетельства недавней трагической истории, омытой кровью мучеников, очищенной их страданиями

дают возможность нам пройти свою часть пути навстречу грядущему Господу. Они показывают жизнь Лавры, ее братии, Киева и страны в целом как переломную сцену на свитке истории, опаляемом огнем вселенской катастрофы. На нем запечатлены небесные знамения, дивные чудеса по молитвам гонимых, примеры духовного расслоения вчера еще “общего” на “свет” и “тьму”, образцы высоты духа и низости падения.

В августе 1927 года в Китаевской пустыни архимандрит Ермоген (Голубев) и схиархиепископ Антоний совершили его постриг в мантию с наречением имени Леонтий. По словам архиепископа Леонтия в те дни владыка Антоний жил в Киеве как великий подвижник, молитвенник и духоносный старец: “В те 20-е годы избрать путь священства значило избрать путь мученичества, когда случалось, что епископы и священники поддавались врагу, старавшемуся не только снаружи, но и изнутри разрушать Церковь, и вступали в “Живую церковь” или просто уходили в мир. В то время в Лавре было около 600 человек братии вместе с послушниками. Все главным образом пожилые и старики, да человек 50 иеромонахов по приходам и на селах. (Перед революцией в Лавре было 1500 насельников — 500 человек монашествующие, остальные послушники). В те годы Лавра из-за обстоятельств времени перешла от устава общежительного на устав своекоштный, что повлекло за собой упадок иноческой жизни: дисциплины и аскетического духа”²¹.

“Лаврская библиотека, — как свидетельствует владыка Леонтий, несший тогда послушание помощника лаврского библиотекаря, — в то время являлась огромным книгохранилищем, содержащим не только книги, но и старинные фолианты, рукописи, например, написанные рукой святителя Димитрия Ростовского. Но все это было разграблено и уничтожено. /.../ Вначале в Лавру были переселены инвалиды — ветераны Красной армии, отличившиеся своими заслугами перед новой властью. С водворением их насельники Лавры навсегда простились с монастырским уставом и бытом. По учрежденному свыше плану делалось все, чтобы отравлять жизнь насельников Лавры и ее благочестивых посетителей. Как правило, под праздники стали во дворе Лавры около Великой соборной церкви во время богослужений устраивать кинематограф с оркестром или же разные спортивные состязания на краденых церковных коврах. Отобраны были гостиницы, чтобы богомольцам негде было останавливаться в дни великих праздников. В летнюю пору, когда множество людей стекалось в Лавру, власти отключали воду”²².

...1924 год. “Киево-Печерская Лавра была формально передана “живоцерковникам” и на половину занята безбожниками, — писал владыка Леонтий. — В Киеве распространялось самосвятское украинское движение. В это время за духовными советами к владыке Антонию в Китаевскую пустынь, принадлежащую Киево-Печерской Лавре, стекались православные из России, Украины, Белоруссии, Грузии. У него окормлялись многие, особенно монашествующие. Жил он не для себя, а для Бога, для Церкви и для людей. Ни один православный епископ, и даже некоторые из обновленцев, впоследствии принесших покаяние, не проезжали мимо его скромного жилища, чтобы не зайти для духовной беседы. У него я познакомился с епископом Ташкентским Лукой (Войно-Ясенецким), который был близок по духу и взглядам владыке Антонию”.

Святитель-схимник старчествовал, множество народа приходило к нему за духовной помощью, поддержкой и утешением. Его связывала духовная дружба с митрополитом Анатолием (Грисюком), архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), архиепископом Ермогеном (Голубевым), священниками Александром Глаголевым и Михаилом Едлинским, преподобным Кукшей (Величко). Владыка Лука (Войно-Ясенецкий) потом посылал схимнику деньги в Киев.

“Жить становилось все труднее, — вспоминал духовный сын владыки Антония, архиепископ Леонтий. — Но лаврская братия любила свою обитель и дорожила ею, поэтому, невзирая на холод и голод, все же как-то жила и добровольно не расходилась. Многие монахи ходили работать к частным лицам, копали огороды, чистили сады, пилили дрова, столярничали, портняжничали, рукодельничали и так жили, благодаря Бога и прося, чтобы не было хуже. После отказа братии признать обновленцев, ГПУ в конце 1924 года само приступило к передаче последним Лавры. Кельи братии обыскивались, насельников допрашивали. Некоторые расселились по Киеву, а бывшие не в состоянии работать по найму, поместились в принадлежавшей Лавре Китаевской пустыни. Нас, трудоспособных, местные власти зимой в принудительном порядке в стужу и метель гоняли в наш Голосевский монастырский лес пилить для них дрова, срезать деревья под корень. С утра до позднего вечера по колени в снегу, на морозе, без пищи и воды, в ветхой одежде мы должны были работать. Для утоления жажды в жестянке топили снег, а пищей было то, что кто, каждый себя раздобудет...

Жизнь насельников Китаевской пустыни, окормляемых владыкой Антонием, этой монастырской богадельни, являет для нас вдохновляющее подтверждение того, что в любые времена Бог

имеет среди христиан истинных Своих рабов, неложно служащих Ему, подобно древним подвижникам. Так, однажды смертельно заболел помощник отца Селевкия (заведовавшего богадельней), отец Иннокентий, большой постник, человек подвижнического устроения. Его положение было безнадежно. И вот отец Селевкий, видя такое состояние отца Иннокентия, по совету одного иеромонаха, войдя в общую братскую палату в богадельне, обратился к находившимся здесь отцам с такими словами: “Отцы святые! Отец Иннокентий помирает. Вы знаете, как он всем нам необходим и мне без него, как без рук. Может быть, из вас кто согласится за него умереть?”

Нашлись два охотника: отец Павел и отец Гордий, которые вначале стали оспаривать, кому же умереть первым. Наконец, согласились, что умрет отец Павел, как первый вызвавшийся. И по вере и было им... Не прошло и двух дней, как отец Иннокентий поправился, а отец Павел почил сном праведника”²³. Но Господь внимал сердечному отклику и другого лаврского монаха, вызвавшегося пойти на смерть за други своя — спустя некоторое время иеродиакон Гордий принял мученическую кончину во святом храме. По благословению он определился сторожем к Свято-Троицкой церкви и поселился в пономарке. Там над ним ночью было совершено изуверское убийство — его закололи святым копием, когда шайка осатаневших безбожников взломала церковные двери и, совершив зверство, ограбила храм.

“На третьей неделе Великого поста 1928 года келейник схиархиепископа Антония, иеромонах Михаил (Любимов) сообщил, что под Крестопоклонное воскресенье, после окончания богослужения все насельники Китаевской пустыни, а также богомольцы ясно видели над монастырем большой крест, а в середине креста находилась луна. Это явление продолжалось около часу. Все были в большом удивлении и толковали это знамение, как предвещающее новые тяжелые испытания”, — записано в дневнике Чилийского владыки.

Архиепископ Леонтий рассказывал о многих случаях прозорливости преподобного святителя Антония. Так, в годы гонений, когда неизвестно было, где ты проснешься утром — у себя или в тюрьме, владыка Антоний заставлял его, молодого иеромонаха, сдавать зачеты профессорам. “Зачем? — спрашивал отец Леонтий. — Завтра, может быть, арестуют и расстреляют, кому это надо?” Старец на это говорил: “Никто не знает, что завтра будет, Промысел Божий неизвестен. Поэтому подчиняйся, сдавай”. Зачем это нужно

было, стало понятно много позже, годы спустя, когда архимандрит Леонтий был рукоположен в епископский сан. А в 1944 году он был принят в юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви и назначен архиепископом Чилийским.

Ветры перемен, унесшие постриженника Лавры и духовное чадо преподобноисповедника Антония на другую сторону земли, принесли туда вкупе благодать Печерских святых и благословение духовника владыки Леонтия. Благое семя, одному Богу ведомыми судьбами, зародило там начало нового подвига. Духовным сыном владыки Леонтия стал чилиец Иосиф Муньос, которому он передал частицы мощей святых угодников Киево-Печерской Лавры. Будущий мученик, известный сегодня всему православному миру, благоговейно хранил святыню и молитвенно просил помощи у преподобных отцов Киево-Печерских. С 1982 года у Иосифа начала мироточить хранившаяся им копия Афонской иконы Иверской Божией Матери — известная как Монреальская. А через пятнадцать лет в ночь с 30 на 31 октября 1997 года Иосиф был мученически убит, а икона похищена...

Благословение и слово владыки Антония оживотворяло и хранилось в сердцах тысяч верных Христу. Митрополит Вениамин (Федченков) через все годы и лишения пронес поучение Киево-Печерского старца, сказанное при его архиерейской хиротонии: “Так знай же, отныне ты ничем по существу не меньше нас: и архиепископов, и митрополитов, и патриархов, ибо и они все по благодати сана тоже епископы. Ты ныне причислен к лику вселенских святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. И вот тебе завещание: не бойся говорить правду пред кем бы то ни было, хотя бы это был и сам Патриарх или другие высокие в мире люди...” Я считаю наставление новопоставленным архиереям голосом от Самого Бога и запомнил святительское слово моего архиепископа (которого любил и люблю) на всю жизнь. По мере сил я выполнял эти слова”.

Схиигумен Митрофан (Мякинин), настоятель Михаило-Архангельской церкви села Ячейка Воронежской области, не раз бывавший в Киеве у владыки, сообщал, что “к знаменитому схиархиепископу Антонию (Абашидзе), который с 1923 года проживал в Китаевской пустыни Киево-Печерской Лавры, как к истинно духоносному старцу приезжали со всей России верующие люди”. В 1920–1930-е годы владыка Антоний продолжал принимать участие в совершении хиротоний. Архиереи называли его аввой Антонием. Также владыка не порывал связи с Грузией, следил за положением

Грузинской Церкви. В это время в Грузии уже были закрыты все приходские церкви, не исполнялись требы. Не было даже священников.

Всем, кто сидел в ссылках и кому можно было помочь, куда пускали, по благословению владыки Антония ездил и помогал отец Леонтий (Филиппович). В 1930-е годы владыке удалось передать лаврскому старцу прп. Кукше (Величко), отбывающему срок в Пермском крае, передачу в лагерь. Посылка, в которой были спрятаны также Святые Дары, с Божией помощью дошла благополучно, благодаря чему однажды смогли тайно причаститься сто человек — заключенных священников, монахов, монахинь и православных верующих.

В марте 1933 года схиархиепископ Антоний, два его келейных иеромонаха и более двадцати монахов из братии Киево-Печерской Лавры были арестованы органами ГПУ. Владыка содержался в киевском ДОПр. Во время обыска у него было изъято два Евангелия, два креста, одна серебряная икона, чаша и ложка для Причастия, свечи, книги, переписка и др. На допросах он давал четкие, краткие ответы, без какой-либо информации о деятельности и взглядах лиц, интересовавших ГПУ. О беседах с паломниками сказал следующее: "...я всегда говорил паломникам, чтобы они крепко держались Православия, не отходили от Церкви. Каким путем вести борьбу за Православие, я им не объяснял"²⁴.

Арестованные лаврские монахи на допросах говорили о большом, колоссальном авторитете схиархиепископа Антония, считали его "благочестивым отцом своим". "Владыка очень строгий и дает весьма трудные наставления". По сведениям архимандрита Иадора (Ткаченко), у владыки было "большое количество духовных детей, разбросанных по всему Советскому Союзу. Все они находятся всецело в его духовном подчинении, имеют с ним переписку, а также оказывают ему материальную помощь".

В мае схимника освободили из тюрьмы под подписку о невыезде из Киева, осудив на три года лагерей условно. В октябре 1937 года снова последовал арест некоторых братий. В то же время был схвачен и лишен жизни Патриарший экзарх всея Украины митрополит Киевский Константин (Дьяков), замученный в застенках НКВД. Одна из его родственниц видела владыку во сне, стоящим у свеженаасыпанного могильного холма. "Здесь лежит мое тело", — сказал митрополит.

Родственница поведала о том лаврскому старцу, и над могилой священномученика схиархиепископ Антоний совершил тайное от-

певание на Лукьяновском кладбище. Он же в 1940 году отпевал известного киевского священника Александра Глаголева, убитого в Лукьяновской тюрьме. С просьбой совершить заочное отпевание к владыке пришел сын убиенного Алексей Александрович со своей супругой Татьяной. У владыки-схимника с семьей Глаголевых существовала многолетняя духовная связь. У него окормлялась матушка Зинаида, супруга отца Александра. Она навещала его в меньшей комнате маленького домика игумена Варлаама на “Собачьей тропе” (Кловский спуск), неподалеку от закрытой Киево-Печерской Лавры, где он проживал до войны. Владыка тайно постриг матушку Зинаиду в монашеский чин.

С конца 1937 года до июля 1941 владыка Антоний был единственным православным архипастырем в Киеве, хотя и находился на покое. Проживал он в частном доме на Кловском спуске, 20. По свидетельству архиепископа Леонтия Чилийского, это был “маленький домик, простой-простой”. “При нем жил мирянин — будущий отец Димитрий (Биакай) и две монахини — матушка Ксения и матушка Серафима, которые присматривали за ним. Одна из них работала в госпитале”.

Впоследствии архимандрит Димитрий (в миру Исмаил) — стал главой Русской Духовной миссии РПЦЗ и прожил в Иерусалиме 34 года, вознося молитвы о своем наставнике владыке Антонии на Святой Земле. Отец архимандрита был мусульманином — татарин, служившим офицером в Царской армии. А его тетя по линии матери была настоятельницей одного из киевских монастырей. До эмиграции отец Димитрий состоял келейником и личным секретарем владыки. В ноябре 1941 года, как только в Лавру вернулись первые монахи, келейника постриг в монашество его учитель и духовник. Через год старец на руках отца Димитрия представился ко Господу.

Киев того времени духовно держался очень тесным кругом. Например, однажды известный своей прозорливостью схииерепископ прямо из Крестовоздвиженской церкви Лавры направил на послушание к “киевской пророчице”, как в дореволюционных киевских газетах называли схимонахиню Серафиму, послушницу Пелагею Устенко. Она была среди пришедших к нему за советом и благословением. Старица Серафима, которую народ называл “босенькой”, за привычку ходить босой в любую пору года, приняла посланницу почитаемого владыки и благословила Пашу быть келейницей сподвижницы матушки Михайлы. Перед своей мученической кончиной матушка Серафима

заблаговременно отпустила их обоих, сохраняя Михаилу для старчества вместо себя²⁵. Известные в Киеве старицы погребены на Святошинском кладбище.

После оккупации Киева немцами в Киево-Печерскую Лавру осенью 1941 — зимой 1942 годов вернулось около пятнадцати-двадцати ее насельников во главе с владыкой Антонием. Ему было тогда уже 84 года, но, несмотря на возраст, он возглавлял Лавру до самой своей смерти. Владыка любил повторять: “Епископская власть дана мне не для того, чтобы наказывать, а чтобы прощать”. Господь наделил его даром прозорливости и чудотворений: по его молитвам совершались исцеления, духовные его чада избавлялись от опасностей и бед.

Господь управил так, что первая после закрытия монастыря литургия была отслужена 27 сентября 1941 года — на Воздвижение Креста Господня, престольный праздник Крестовоздвиженского храма Лавры. С того времени на Ближних пещерах начал действовать монастырь. Зимой 1941 года владыка Антоний переехал с Кловского спуска и поселился в домике бывшего смотрителя Ближних пещер. “В этом домике, — пишет Иван Никодимов, — для владыки была восстановлена уничтоженная во время советской власти церковка. Здесь схиархиепископ по праздникам и воскресеньям сам служил наедине, без посторонних. Помогали ему в этих службах его домочадцы: пело несколько монахинь, которые обслуживали домик, и его секретарь иеромонах Димитрий... Немцы очень интересовались личностью схиархиепископа, и в маршруте их экскурсий по Лавре неизменно стояло посещение владыки Антония”²⁶.

Газета “Православная Русь”, издававшаяся в Словакии, опубликовала в 1942 году большую подборку материалов о схиархиепископе Антонии. “Проживает он вместе со своим келейником иеромонахом Димитрием, бывшим мусульманином. Рассказывают, что одно время германские власти уже согласились передать Лавру самосвятам. Владыке-схиархиепископу послали сказать, чтобы он на другое утро покинул Лавру. Всю ночь молился старец, чтобы не совершилось это ужасное дело... А на утро прислали сказать, что он и дальше может остаться жить в Лавре — она не будет передана самосвятам”.

Владыка Антоний был не только духовным наставником и организатором возрождения монастыря, но и вдохновителем получения официального разрешения на его деятельность, что и было сделано осенью 1942 года одной из лаврских прихожанок.

Благодаря авторитету схиархиепископа Антония, совместно с епископом Пантелеймоном (Рудыком) удалось сохранить на Украине единство с Матерью Церковью.

В книге профессора Ивана Никодимова “Воспоминание о Киево-Печерской Лавре (1918–1943)” о владыке написано: “Помню, как он ежедневно в священнической фелони и омофоре совершал богослужения. Глубокий старец, небольшого роста, он еще носил следы прежней красоты. Черные выразительные глаза выдавали в нем, несмотря на большую седую бороду и белые как лунь волосы в прошлом темного брюнета. Его жизнь представляла своеобразный интерес. В миру грузинский князь, он получил блестящее воспитание и образование. Впоследствии, уйдя из мира, он не раз вспоминал о своих прежних высоких связях и знакомствах. Особенно охотно и с чувством глубокой симпатии он рассказывал о своих встречах с царской семьей...” Как человеку высокой духовной жизни, ему во многом ведома была истинная суть вещей в самых ее основах. “Если мощна и славна Россия, — говорил владыка, — то всем этим она обязана исключительно вере православной, в чистоте ею хранимой, и своим самодержавным царям. Поэтому спасение Отечества и спасение каждого из вас зависит от любви и беззаветной преданности Христовой Православной Церкви и Помазаннику Божию — Царю православному. Только при этом условии и возможны благо и долгоденствие людей русских на земле”²⁷.

Незадолго до кончины он с радостью узнал, что Господь смягчил наконец сердце его давнего питомца по Тифлисской семинарии Иосифа Джугашвили, о вразумлении которого он не переставал молиться. Со встречи Сталина с православными архиереями началось восстановление Русской Церкви. Один Господь ведает то непереоценимое значение, которое суждено было оказать схиархиепископу Антонию силой своей дерзновенной молитвы на события, определившие, возможно, дальнейший ход истории XX века. Потому что никто другой из сановных богоборцев не стал бы слушать иерархов Церкви и открывать закрытые храмы, кроме как человек, который с отличием окончил духовное училище, успешно учился в семинарии, которого приглашали петь в хор экзарха Грузинской церкви. А значит, как была бы возможна помощь Божия, без которой “не можете творити ничесоже” (Ин., 15:5).

4 сентября 1943 года в Кремле состоялась встреча Сталина с тремя архиереями РПЦ трех столиц — Москвы, Киева и Ленинграда, результатом которой стало возрождение патриаршества, открытие

храмов и духовных учебных заведений, возвращение из лагерей и ссылок священства. Символично, что эта историческая встреча иерархов с главнокомандующим произошла в день праздника Грузинской иконы Божией Матери. Очевидно, в определении Божиим участи страны и Церкви чашу весов с начертанием “помиловать” перевесило в значительной степени дерзновенное слово духовного аввы Антония и иных молитвенников Русской земли на Небе и на земле.

В своей книге “Минувшее разворачивает свиток...” монахиня Сергия (Клименко) вспоминает характерные примеры, связанные со схиархиепископом Антонием. Матушка, дворянка по происхождению, врач и филолог по образованию, близко знавшая старцев и владык, истинных подвижников своего времени, писала: “Моя духовная мать, сестра архиепископа Астраханского Иннокентия (Ястребова), монахиня Талида (в схиме Евфросиния, прожившая в Полоцком монастыре 35 лет), колебалась, боялась за меня. И вот мать Талида благословила меня поехать на совет в Киев к схиархиепископу Антонию (Абашидзе), прозорливому и очень опытному духовно. Личность эта замечательная...”

Владыка жил в Киеве на Кловском спуске, близ закрытой Лавры. Поехала я, разыскала его в маленьком домике, скрытом высоким забором. Владыка радушно принял меня. Был он такой чудесный, маленький, весь серебряный, с большими “восточными” глазами, глядевшими так приветливо и как-то молодо. Стала я рассказывать свою скорбную повесть о неудавшемся монашеском образе жизни, упомянула имя “отца моего от Евангелия” архиепископа Иннокентия (Ястребова). Услышав это имя, владыка Антоний восторженно воскликнул: “Ах, хороший был монах!” Рассказываю я о том, как не хочется жить в миру, а вот слышала я, что в Болгарии есть православные обители. Может быть, мне как-нибудь пролезть туда? Да еще, говорю, осложнение — я медсестра, работаю, а меня заставляют повышать квалификацию, учиться на врача, целая комиссия уговаривает, а я не хочу!

Как только слуха владыки коснулись эти слова об учебе, он словно преобразился: глаза его засияли каким-то внутренним светом, он встал и, подняв свои прозрачные ручки в архиерейском благословении, сказал: “Учитесь, учитесь, учитесь. Служите Богу на этом святом поприще. Не всем дано быть исповедниками, но у каждого есть свое послушание от Бога”. Я смутилась — смогу ли я, давно не училась, новые требования... А владыка твердо сказал: “Догонишь и перегонишь! Сдай всю форму; обедать будешь со

студентками, перекрести ложкой тарелку и вкушай с Богом. В общении если будешь — ложась спать, перекрестись под одеялом и спи с Богом. Но — тут глаза Владыки опять засияли — помни: в тот тайник, в котором у тебя Христос, туда не пускай никого! Помнишь слова апостола Иоанна Богослова: “Дети, храните себя от идолов”? Ты думаешь, о каких идолах говорил апостол? Не об истуканах: он писал христианам высоко духовно развитым. Это — о мысленных идолах. Их не пускай”. Это проникновенное архиерейское благословение и осеняло меня во время учебы в Московском мединституте...

Во время войны я работала в Вышнем Волочке в тубдиспансере. Однажды утром бежит ко мне верующая санитарка, протягивает газету: “Татьяна Ивановна, смотрите!”

Я беру в руки газету и глазам своим не верю. Меня даже пошатнуло, когда я прочла слова Сталина о том, что он находит своевременным открытие церквей, семинарий, академий. Все коммунисты надулись и недоумевали, а мы, верующие, радовались. Мы не могли поверить! Ведь что мы пережили! Накануне войны за одну карточку отца Иоанна Кронштадтского арестовывали! Так что Сталин что-то такое пережил внезапно...

Позже от архимандрита Иеремии (Лебедева), казначея Патриарха Алексия, я узнала следующее: когда Святейший приехал за границу, его упрекнули в том, что он служил панихиду по Сталину — безбожнику. Патриарх Алексей во всеуслышание ответил: “Я служил не за безбожника. За него молился схиархиепископ Антоний (Абашидзе)”. Уж какая судьба Сталина, мы не знаем, это Бог один знает, но все-таки с него началось освобождение”²⁸. Добавим, что с того исторического момента Церковь успела вздохнуть, воспрянуть, укрепить духовно верующих, воспитать новые кадры, продолжив преемство поколений для того, чтобы подготовиться и выдержать следующую волну гонений в 60-е годы.

В 1942 году в день своего тезоименитства владыка Антоний в последний раз принимал участие в богослужении в Великой церкви. К этому дню собралось много богомольцев. Все подходило к схиархиепископу под благословение и трогательно приветствовали его. К осени силы с каждым днем стали оставлять владыку. 1 ноября 1942 года старец-схиархиепископ Антоний (Абашидзе) мирно отошел ко Господу и был погребен близ места своих подвигов у входа в Ближние пещеры Киево-Печерской Лавры. Погребение у алтарной апсиды Крестовоздвиженской церкви состоялось при громадном стечении народа. За несколько

лет до того его преданные ученики и келейники, иеромонахи Михаил (Любимов) и Иоанн (Смурыгин), сосланные в Котлас, сумели передать своему авве подарок — вырезанную ими из кедра Панагию с изображением иконы “Спас Нерукотворный”. С этой драгоценной святыней он и был похоронен.

Владыка Леонтий Чилийский еще при жизни схиархиепископа Антония почитал его как святого. В своем письме в редакцию церковно-литературного сборника “Летопись Церкви”, выходявшем в годы Второй мировой войны в Словакии, архиепископ Леонтий писал о владыке: “Он был моим духовным руководителем и отцом двадцать лет. Если, по милости Божией, я есть то, чем вы меня знаете, то только благодаря его воспитанию и мудрому руководству. Проведя меня и иных своих духовных чад через Сциллу и Харибду, он ушел от нас в иной прекрасный мир, оставив нам, умирая, святительское завещание, как хранить чистоту веры и не отходить от единства Христовой Церкви”. Это письмо было написано в конце 1942 года по возвращении владыки Леонтия из Киева, куда он ездил на погребение своего духовного отца.

Могила схиархиепископа Антония у входа в Ближние пещеры сохранялась до 60-х годов и была местом поклонения верующих. В годы хрущевских гонений на Церковь по распоряжению властей могилу сровняли с землей и залили асфальтом. Только через тридцать лет архимандрит Дамиан (Давыдов) будущий наместник киевского Свято-Введенского монастыря восстановил место погребения владыки Антония. В 2011 году схиархиепископ был прославлен в лике святых как преподобноисповедник. Ныне мощи святителя Антония почивают в Ближних Антониевых пещерах Киево-Печерской Лавры.

Житие преподобного схиигумена Кукши (Величко)

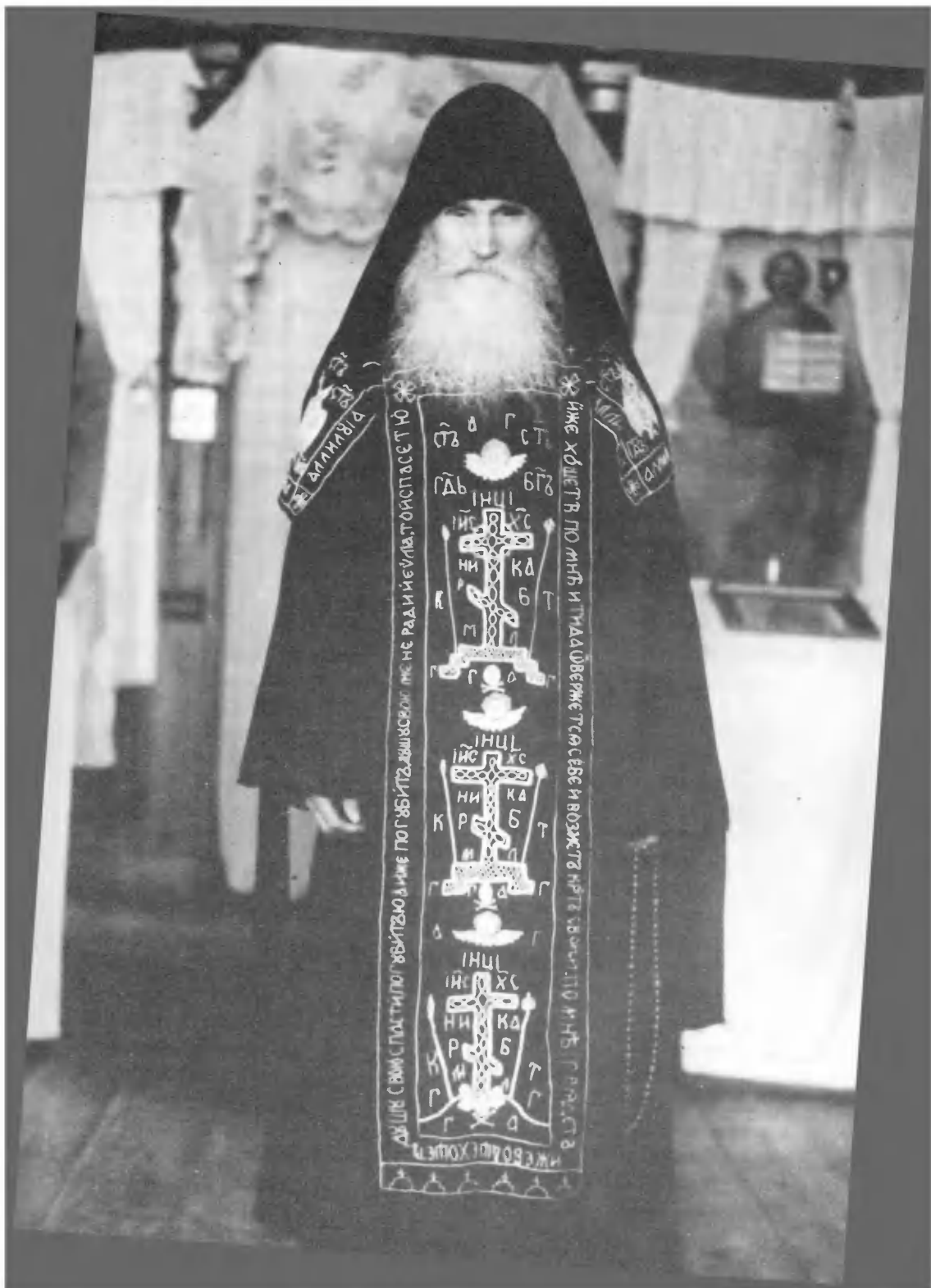
(12.10.1875 – 24.12.1964)

Всемилостивый Господь, “иже всем человеком хочет спастися и в разум истины прийти” (1Тим., 2:4), никогда не оставляет без духовного окормления ищущих вечного спасения. Не оставляет Он таковых и в последнее время, перед кончиной веков, и посылает на обширную ниву Христову искусных делателей — благодатных и духоносных старцев. Светильником веры во тьме богоотступничества, духовного оскудения и невежества XX столетия был преподобный и духоносный старец схиигумен Кукша (Величко)²⁹.

Преподобный Кукша родился 12 октября 1875 года в селе Арбузинка Херсонской губернии Елисаветградского уезда (ныне Николаевская область) в семье благочестивых и христоролюбивых родителей Кирилла и Харитины Величко и наречен был во святом крещении Косьмою³⁰. Родился и возрастал Косьма в те благословенные времена, когда люд православный, подъяв на себя терпеливый труд, ходил пешком на богомолье и к Киево-Печерским святым, и в Лавру преподобного Сергия Радонежского, и на далекий север — в Валаамскую и Соловецкую обители, и на поклонение ко Гробу Господню во Святую Землю.

Преподобный был избран Богом еще от рождения своего. Родительница его Харитина в юности своей желала быть монахиней, но родители благословили ее на замужество. Харитина молилась Богу, чтобы хоть один из чад ее сподобился подвизаться в иноческом чине. На Святой Руси был благочестивый обычай: если кто из детей посвящал себя иноческой жизни, родители почитали это за особую милость Божию. Посвятивший себя монашеству становился молитвенником за весь род. В семье у них было трое братьев: Федор, Косьма, Иоанн и сестра Мария, которая тоже хотела стать монахиней, но умерла в шестнадцать лет от сильной простуды внутренних органов. Полоскала зимой в речке белье и упала в воду, полгода болела, выгревалась на печи, но Богу было угодно призвать ее душу в юные годы.

Косьма с детства всей душой устремился к Богу, он с малых лет полюбил молитву и уединение, в свободное время читал святое Евангелие и Псалтырь. Бывало, мать скажет ему: “Сходил бы погулял, вон твои братья пошли на вечерницы, иди и ты”.

— “Ну и пусть идут, а я лучше почитаю”. Особую любовь боголюбивый отрок имел к храму Божию и богослужению.

Косьма всем сердцем стремился к монашеской жизни. Словно за благословением Божиим на последующий жизненный путь, Косьма отправляется в 1895 году с паломниками в Святую Землю. В Иерусалиме с Косьмою произошло два чудесных события, которые предзнаменовали дальнейшую жизнь преподобного. Когда паломники прибыли к Силоамской купели, по словам самого старца, случилось следующее: “Когда мы пришли к купели, каждый хотел первым войти в воду. Особенно женщины. Считается, что если у кого нет детей, то тот должен первым войти в воду, тогда дети будут. Пока паломники совещались кому из них сходить, я стоял с краю. Просто хотел умыться святой водой, посмотреть. Тут кто-то нечаянно меня толкнул, и я, не удержав равновесия, в одежде влетел в купель первым! Все стали смеяться: “Ну вот, теперь у него будет много детей”. Слова эти оказались пророческими, ибо у преподобного впоследствии действительно было множество духовных чад.

Когда же паломники были в храме Воскресения Христова, они очень хотели помазаться елеем из лампад, горевших над Гробом Господним. “Вот, если б нас кто помазал маслом из лампадки, одной из тех, которые висят над Гробом. Но они ведь очень высоко! — вспоминал старец о тех событиях. — Пришли мы к Гробу Господнему. Благодать была — не передать. Все приложились. Я окончил молитву и стал прикладываться. Нагнулся к Гробу, стал целовать, и тут вдруг средняя лампада, висящая над Гробом Господним, опрокинулась и вылилась прямо на меня. Я испугался, весь костюм мой был залит! Я скорблю, думаю, о том, что отец мне теперь скажет. Отошел в сторонку. А старец, стоящий у Гроба, говорит: “Ну, отрок, не даром на тебя сошла такая благодать. Лампада вылилась не просто — это Промысел Божий. Будешь подвижником, раз такая благодать сошла на тебя”. А я стою, чуть не плачу, все думаю, что скажу отцу. Старец дал мне просфору, говорит: “Не скорби, а радуйся, все хорошо будет, поезжай с Богом!” И благословил меня. Тут все паломники подскочили ко мне и стали помазываться маслом с моей одежды. Вот так исполнилось их желание. Видно это ангел опрокинул лампаду, ведь они висят очень высоко — нечаянно не зацепишь. Все очень хотели помазаться, а ангел исполнил их желание за их труды”.

Прожив в Иерусалиме полгода, осмотрев в Палестине все святые места, Косьма на обратном пути посещает гору Афон. Здесь

встрепенулась его душа, здесь он особенно воспылал желанием по-двигаться в монашестве. Перед отъездом паломники направились к игумену русского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандриту Андрею (Веревкину †1903) за благословением в путь. Подошедши к наместнику, Косьма сказал: “Отче, я очень хочу здесь остаться, но прежде мне надо поехать домой и получить благословение родителей”. — “Ну, хорошо, поезжай, через год приедешь”, — напутствовал его игумен и одарил иконкой святого великомученика Пантелеимона. Эту иконку отец Кукша вставил в киот и хранил всю жизнь.

По возвращении в Россию Косьма посетил киевского старца Иону, известного всем своей прозорливостью и чудотворениями. Старец принимал людей во дворе Свято-Троицкой обители, всем раздавая благословение. Приближался в очереди со всеми и Косьма, с замиранием сердца думая: “А вдруг старец не благословит меня на Афон?” Неожиданно отец Иона сам подошел к Косьме, коснулся его головы крестом и сказал: “Благословляю тебя в монастырь! Будешь жить на Афоне!”

Харитина с величайшей радостью и благодарением Богу восприняла известие о решении сына. После долгих слезных молитв Косьмы, многих уговоров супруги и родных отпустил сына на Афон и отец: “Пусть едет, Бог его благословит!” Напутствуя в дорогу, Харитина благословила Косьму Казанской иконой Божией Матери в небольшом старинном деревянном киоте, с которой преподобный не расставался всю свою жизнь и которая положена была ему во гроб после кончины.

В 1896 году Косьма прибывает на Афон и поступает послушником в Русский Свято-Пантелеимоновский монастырь. Стараясь во всем по жизни уподобиться древним отцам-подвижникам, он ревностно исполнял возложенное на него игуменом монастыря послушание просфорника. В Пантелеимоновом монастыре тогда проживало более двух тысяч человек монахов и послушников. Порядок был идеальным, дисциплина строгая: всем послушникам и монахам, старым и молодым, надлежало ходить в сапогах — другая обувь не благословлялась. Отец Кукша, будучи уже в 90-летнем возрасте, всегда ходил в сапогах, несмотря на глубокие венозные раны. Он говорил: “Мне кажется, что у меня ноги рассыплются без сапог”.

В 1897 году мать Косьмы Харитина направлялась в паломничество на Святую Землю. Когда корабль с путешественниками сделал остановку у берегов Афона, Харитина письменно испросила

благословение у наместника монастыря посетить Святую Землю и Косьме. Отечески любивший Косьму игумен благословил его в паломничество. Так блаженная родительница, вознося благодарение Богу, увидела еще раз свое богоизбранное чадо, а Косьма еще раз сподобился посетить Святую Землю. Вернувшись на Афон, Косьма был переведен в скит Новая Фиваида Пантелеимоновского монастыря на послушание гостинника в странноприимную для паломников, в которой подвизался одиннадцать лет. Прилежно исполняя его столь долгое время, Косьма стяжал благодушное терпение и истинное смирение. Вскоре послушник Косьма был пострижен в рясофор с именем Константин, а 23 марта 1905 года — в монашество и наречен Ксенофонтом. По Промыслу Божию отцу Ксенофонту предстояло семнадцать лет постигать основы монашеской жизни на Афонской горе. Молодым он был выше среднего роста, лицом белый, волосы черные, и все принимали его за грека.

Духовным отцом его был духоносный старец иеросхимонах Мелхиседек (Дмитриенко)³¹, монах высокой духовной жизни, который подвизался отшельником в горах. У него Ксенофонт обучался, как вести внутреннюю брань с духами злобы, овладевал правильными понятиями об аскетическом образе жизни в монашестве. Впоследствии преподобный вспоминал о своей жизни в то время: “До двенадцати ночи на послушании, а в первом часу ночи бежал в пустынь к старцу Мелхиседеку учиться молиться”.

С 1888 года по благословению своего духовника отца Андрея (Веревкина) отец Мелхиседек взял на себя подвиг безмолвия и поселился на келье святых Архангелов, которая находилась в гористой местности на Капсале. Здесь он прожил почти полвека в полном безмолвии, не отлучаясь никуда. Здесь же он был пострижен в схиму и рукоположен в иеромонаха. Всеобщие были известны его прозорливость, дар предсказания и чудотворения. Афонские отцы говорили, что ему открыт духовный мир, по ночам всегда бодрствует, ибо в это время демоны очень восстают на христиан. Отец Мелхиседек предсказал Русско-японскую войну, и что после нее начнется потом и другая, всемирная война.

Однажды, стоя на молитве, старец и его духовный сын Ксенофонт слышали в ночной тишине приближение свадебного кортежа: топот конских копыт, игру на гармошке, веселое пение, хохот, свист... — Отче, откуда здесь свадьба? — Это гости едут, надо их встретить. Старец взял крест, святую воду, четки и, выйдя из кельи, окропил вокруг нее святой водой. Читая крещенский тропарь, он все стороны осенил крестом — сразу сделалось тихо,

как будто и не было никакого шума. Видимо, старцу эти явления были обычны и нисколько не смущали его.

Под его мудрым окормлением и монах Ксенофонт в недолгое время сподобился стяжать все добродетели иноческие и преуспел в духовном делании. Отец Ксенофонт службу церковную совершал на память, никогда не ошибаясь. Изъяснение Священного Писания он знал от просвещения его Духом Святым и по трудам святых отцов, чтение которых всегда очень внимательно слушал и запоминал. Он отличался истинным христианским смирением, которое редко кто может стяжать в течение всей своей жизни и за которое Дух Святой вселяется в человека и освещает его Божественной благодатью, делая его жилищем Своим.

В 1912–1913 годах на Афонской горе набрало силу движение имяславцев. Из-за споров вокруг этого учения с Афона выселили многих русских монахов, в числе которых оказался и отец Ксенофонт. В июле 1913 года два парохода с русскими иноками прибыли в порт Одессы. Накануне отъезда отец Ксенофонт побежал в пустыньку к своему духовному отцу и сказал: — Отче, я никуда не поеду! Вот лягу под лодку или под камень и умру здесь, на Афоне! — Нет, чадо, — возразил старец, — так Богу угодно, чтобы ты жил в России, там надо спасать людей. — Затем вывел его из кельи и спросил: — Хочешь увидеть, как стихии покоряются человеку? — Хочу, отче. — Тогда смотри. — Старец перекрестил темное ночное небо — и оно стало светлым, перекрестил еще раз — оно как береста свернулось, и о. Ксенофонт увидел Господа во всей славе и в окружении сонма ангелов и всех святых. Что они видели, слышали и что им было возвещено, батюшка Кукша, рассказывая об этом впоследствии, не поведал. А тогда он закрыл лицо руками, упал на землю и закричал: — Отче, мне страшно! — Через некоторое мгновение старец произнес: — Вставай, не бойся. — Отец Кукша поднялся с земли — небо было обычным, на нем по-прежнему мерцали звезды. Так батюшка, уезжая с Афона, был утешен и удостоен Божественных откровений.

В 1913 году афонский монах Ксенофонт, посетив предварительно своих родителей, по благословению Флавиана (Городецкого) митрополита Киевского и Галицкого становится насельником Киево-Печерской Свято-Успенской Лавры. Во время Первой мировой войны он разделил печали и скорби военного времени, молитвами и трудами служа Отечеству на санитарном поезде, принимавшем раненых в боях с австро-венгерской армией. По окончании срока своего послушания отец Ксенофонт в 1917 году возвратился в Киево-

Печерскую Лавру, где его вскоре рукоположили в сан иеродиакона, а через неделю — в иеромонаха³². Своим усердным служением Господу, любовью к Нему и ближним, смирением и послушанием батюшка снискал всеобщее уважение среди братьев, служа для них примером в монашеском делании. Отец Ксенофонт нес послушание в Дальних пещерах: заправлял и зажигал лампы перед святыми мощами, переодевал святые мощи, следил за чистотой и порядком.

“Мне очень хотелось принять схиму, — рассказывал он, — но по молодости лет (сорок лет с небольшим) мне отказывали в моем желании. И вот однажды ночью я переодевал мощи в Дальних пещерах. Дойдя до святых мощей схимника Силуана, я передел их, взял на свои руки и, стоя на коленях перед его ракой, стал усердно ему молиться, чтобы угодник Божий помог мне сподобиться пострига в схиму”. (В это время отец Ксенофонт был уже в сане игумена). Вскоре после этого отец Ксенофонт неожиданно тяжело заболел, как думали, безнадежно. Решено было немедленно постричь умирающего в схиму. При пострижении в схиму нарекли ему имя священномученика Кукши, мощи которого находятся в Ближних пещерах. Конечно, душа преподобного и тогда уже была готова ко вселению в небесные обители, но Господь продлил дни его земной жизни для служения людям во спасение их. После пострига отец Кукша стал поправляться и вскоре совсем выздоровел.

С 1917 года после Октябрьской революции для святой Православной Церкви и всего народа наступило время огненных испытаний. Вместе со своими соотечественниками их всецело разделил и преподобный Кукша. После того как Киево-Печерскую Лавру в 1930 году окончательно превратили в музейный городок, а последних монахов из обители изгнали еще в 1929 году, батюшка служил сначала в Ольгинской церкви на Кловском спуске на Печерске, что рядом с Лаврой. Затем с 1933 до 1938 года был служащим священником в киевском предместье в храме на Воскресенской Слободке (на ее месте в 1960-е годы построен жилой массив Воскресенка, название которого происходит от названия церкви). Надо было иметь великое мужество, чтобы служить священником в то время. В апреле 1938 года для батюшки Кукши начался тяжелый исповеднический подвиг: по доносу “тройки” НКВД приговаривает его как “служителя культа” к пяти годам лагерей с отбыванием срока в Пермском крае в Соликамском исправительном лагере в отделении “Вильва”³³. А после отбытия этого срока старец еще три года находился в ссылке.

Так в возрасте шестидесяти трех лет отец Кукша оказался на изнурительных лесоповалочных работах. Труд был очень тяжелым, особенно в зимнее время в лютые морозы. Работали по четырнадцать часов в сутки, получая очень скудную и плохую пищу. Но всегда содержал в своей памяти, что “многими скорбями подобает нам внити в Царство Небесное” (Деян., 14:22). Господь, взирая на мужество исповедников, однажды явно для всех утешил и укрепил присных Своих в терпении и уповании. Владыка Антоний (Абашидзе), находившийся в Киеве, хорошо знал отца Кукшу и почитал его. Однажды отец Кукша, будучи в заключении, получил от высокопреосвященного Антония посылку, в которую владыка вместе с сухариками умудрился положить сто частиц просушенных запасных Святых Даров. Проверяющие не обнаружили Святые Дары или сочли их за сухари.

“Но разве мог я один потреблять Святые Дары, когда многие священники, монахи и монахини, долгие годы находясь в заключении, были лишены этого утешения? — рассказывал впоследствии батюшка. — Я сказал некоторым священникам, что получил Святые Дары. Верующие с большой осторожностью оповестили “своих”, чтобы те в назначенный день в определенном месте незаметно для конвоя готовы были принять святое Причастие. Мы сделали из полотенец епитрахили, нарисовав на них карандашом кресты. Прочитав молитвы, благословили и одели на себя, спрятав под верхнюю одежду. Священники укрылись в кустарнике. Монахи и монахини по одному подбегали к нам, мы быстро накрывали их епитрахиями-полотенцами, прощая и отпуская грехи. Так в одно утро по дороге на работу причастилось сразу сто человек. Как они радовались и благодарили Бога за Его великую милость!”

Господь не оставлял Своей милостью переносящих страдания за имя Его. С умилением вспоминал батюшка еще об одном дивном утешении: “Как-то я свою тяжелую работу закончил, сел с краюшку на тот плот, который уже сделали. Сажу, отдыхаю. Я был такой слабый и голодный — ветром качало. А недалеко от нас работали вольнонаемные, вижу, что для них привезли продукты. Пирожки сгружали. А я молюсь, говорю: “Господи, Ты и пророков Своих питал, а Твой раб голоден. Не остави нас, Господи, дай силу в нашем труде!” Слышу — вороны кричат. Они налетели туда, где сгружали пирожки, и подняли крик. Смотрю, — надо мной ворон спускается, а у него в когтях пирожки. Я возблагодарил Господа за Его великую милость к нам. Мы благословили пищу, подкрепились по Божьему благословению и почти наелись”.

В мае 1943 года, по окончании срока заключения, на праздник святого великомученика Георгия Победоносца отца Кукшу освободили, и он отправился на три года в ссылку, там же на

Ольгинская церковь на Печерске, где служила лаврская братия после закрытия монастыря. Взорвана в 30-е годы

Урале, в деревню близ города Кунгура, что в трехстах километрах от Соликамска. В селе этом был храм и, взяв благословение у местного епископа, он часто совершал богослужения. “Я стал служить, исповедовать, — вспоминал спустя годы старец. — Людей набивалась полная церковь, и жители другого села приходили к нам. Но вот наконец мой срок окончился, я уезжал. В храме все плакали, я попрощался, сказал: “Еду на Украину, в монастырь!” В 1946 году окончилось время ссылки. Завершился восьмилетний исповеднический подвиг. За все это время ничто не отлучило старца от “любви Божия” (Рим., 8:39), и он, как доблестный воин Христов, увенчанный исповедническим венцом, вышел победителем в сей страшной брани.

Отец Кукша вернулся в Киево-Печерскую Лавру и был с великой радостью принят братией. Нес он послушание свечника в Ближних пещерах. “Это был 46-й год, после войны. Помню, приехал в Лавру, вышли все монахи на середину на освящение хлебов, одет кто в чем. Кто в фуфайках, кто в шинели, кто что имел, то и надел. Еще не всем успели подрясники пошить. Потом уже люди приносили черной материи. Монахов было еще мало, не больше двадцати. Всем пошили клобуки, мантии, подрясники, и мы стали похожи на монахов. Мое послушание было такое: я сидел в Ближних пещерах продавал свечи и служил в пещерах заказные молебны”, — рассказывал батюшка о тех временах.

Двадцать лет своей монашеской жизни преподобный Кукша подвизался в стенах Киево-Печерской Лавры у мощей первых святых русской земли. Через старца, испытанного в горниле всевозможных искушений, люди начинали трудный, узкий, но истинный путь спасения. Ведает только Господь, скольким он помогал и скольких обнимал всепрощающей и всепокрывающей любовью, которая так привлекала людей, стремящихся к нему со всех концов страны. Как за полвека до этого в Иерусалиме паломники окружили Косьму и старались с его головы и одежды взять чудесно излившийся из лампы елей, чтобы помазаться им, так и к отцу Кукше в страждущей земле нашей шла нескончаемая вереница людей, ждущих Божией помощи и утешения, изливавшихся через молитвы, духовные советы и наставления святого подвижника.

Молитвою, терпением и состраданием, добрым словом и духовным советом старец отвращал от безбожия и греха и обращал к Богу. Старец никогда не осуждал согрешающих и не сторонился их, а наоборот, всегда с состраданием принимал их. Говорил:

“Я сам грешный и грешных люблю. Нет человека на земле, который бы не согрешил. Един Господь без греха, а мы все грешные”. Исповедь всю жизнь была его основным послушанием, и все стремились у него исповедаться и получить душеспасительные советы и наизидание.

Богоборческую власть раздражала и страшила жизнь угодника Божия. Он был постоянно преследуем и гоним. По этой причине в 1953 году отца Кукшу из Киево-Печерской Лавры перевели в Почаевскую. В Почаеве старец нес послушание киотного у чудотворной иконы, когда к ней прикладывались монахи и богомольцы. Свои обязанности он исполнял с отеческой заботой о всех приходящих, тонко и любовно обличая их пороки, прозорливо предостерегая от духовных падений и предстоящих бед. Все, кто приезжал в Почаевскую Лавру, старались обязательно попасть на исповедь к отцу Кукше. Как и в Киеве, люди в храме сотнями стояли в очереди к нему. Многих принимал он и в своей келье, не жалея себя и почти без отдыха проводя целые дни, несмотря на преклонный возраст и старческие болезни. Схимник продолжал безропотно нести свой крест, говоря: “Монахи не жалуются и не оправдываются”.

Какую всенародную любовь имел старец, видно из следующего. Он, по афонскому обычаю, всю жизнь обувался только в сапоги. От долгих и многих подвигов у него на ногах были глубокие венозные раны. Однажды, когда он стоял у чудотворной иконы Божией Матери, у него на ноге лопнула вена, и сапог наполнился кровью. Его увели в келью, уложили в постель. Пришел знаменитый своими исцелениями игумен Иосиф (в схиме Амфилохий), осмотрел ногу и сказал: “Собирайся, отец, домой” (то есть умирать), и ушел. Все монахи и миряне горячо со слезами молились Матери Божией о даровании здоровья дорогому и любимому старцу. Через неделю игумен Иосиф опять пришел к отцу Кукше, осмотрел почти зажившую рану на ноге и в изумлении воскликнул: “Вымолили чада духовные!”

Каждый, кто хоть раз соприкасался с дивным старцем, на всю жизнь сохранял сильнейшее впечатление о встрече и разговоре с ним. Как-то раз во Львов приехал в своем служебном вагоне-салоне начальник Челябинской железной дороги в звании генерала на какое-то служебное совещание. В выходной день проводница служебного вагона попросила у начальника дороги разрешение съездить в Почаевскую Лавру. Он заинтересовался, что это за Лавра, и изъявил желание поехать вместе с ней. Одев штатский костюм, начальник дороги отправился в Почаев. Войдя в Успенский

собор Лавры, он увидел множество народа, стоявшего на исповедь к отцу Кукше. Генерал пробрался поближе, чтобы рассмотреть старца. В это время тот подозвал его к себе и минут пятнадцать что-то ему говорил, а проводница наблюдала происходящее со стороны. Начальник дороги отошел от отца Кукши очень бледный и крайне взволнованный. Он подошел к проводнице и дрожащим голосом произнес: “Акилина Михайловна, что это за человек? Откуда он все знает? Он рассказал (обличил) мне всю мою жизнь!” После этого, когда Акилина Михайловна брала отпуск и приходила к начальнику дороги подписывать проездной билет, он всегда давал ей денег и говорил: “Вы едете “туда”, вот вам деньги, вы знаете на что...” (давал на свечи).

Примеров прозорливости отца Кукши несть числа. Однажды духовная дочь старца Т., придя к нему, застала его расстроенным и скорбным. Т. спросила причину такого его настроения. Старец печально ответил: “Брат умер, умер брат...” — и стал собираться в храм. После литургии, встретив Т., старец сказал: “Сейчас в алтаре мне подали телеграмму — умер мой брат” (Иоанн). А сам еще до получения телеграммы знал об этом. Он духовными очами прозрел кончину своего младшего родного брата и скорбел о нем.

Почаевская братия с любовью относилась к старцу, но ненавистник всякого добра, лукавый враг спасения посеял зависть и злобу в одном из них. На преподобном, всю жизнь терпевшем человеческую зависть и недоброжелательство, вполне исполнились слова Священного Писания: “Несть пророк без чести, токмо во отечествии своем, и в дому своем” (Мф., 13:57). В конце апреля 1957 года старца на страстной седмице Великого поста переводят в Крещатицкий Свято-Иоанно-Богословский монастырь Черновицкой епархии. В небольшом Иоанно-Богословском монастыре было очень тихо и просто. Приход старца Кукши в эту обитель был для нее благотворным — ожила духовная жизнь братии. Как за пастырем спешат овцы, куда бы он ни направлялся, так и за добрым пастырем — старцем Кукшей сюда, в тихую обитель апостола любви, устремились духовные чада, а за ними — народ Божий.

Духовные чада вспоминали: “Приехал как-то в Крещатик к батюшке семинарист Алеша после второго курса за благословением в Академию в Москву. И стоит он в коридоре, ожидает. В это время батюшка говорит своей келейнице матушке Херувиме: “Постели ковер в келье, владыка приехал”. Матушка вышла, кругом посмотрела — нет нигде никакого владыки, зашла обратно. “Батюшка, еще не приехал владыка-то”. А батюшка говорит: “Да

стоит же, позови его!” Батюшка встал, расстелил дорожку, открыл дверь: “Входи, владыко!”

Смотрят все, кого зовет батюшка, видят — семинарист стоит. Он смутился, застеснялся и стоит, не знает что делать. А батюшка опять: “Входи, владыко, входи!”

И дернул его за руку. Семинарист пошел, но боялся становиться на дорожку. Потом батюшка стал с ним разговаривать, и тот рассказал, что едет в Академию, просил у батюшки его святых молитв. Когда Алеша вышел из кельи, отец Кукша сказал: “Это будет святитель”. Сейчас он митрополит Одесский и Измаильский Агафангел. Сбылось слово старца³⁴.

У безбожной власти лютую ненависть вызывали духовный авторитет, всеобщее почитание и народная любовь, какими обладал старец Кукша. Незадолго до расформирования Крещатицкого монастыря во время Божественной литургии отец Кукша находился в алтаре Покровского храма. Вдруг на жертвенник с подсвечника упала свеча, загорелись покровцы и воздух, которыми были накрыты потир и дискос. Огонь тут же загасили, а отец Кукша прорек: “Враг и отсюда меня выживает”, что вскоре и сбылось. Незадолго до этого он сказал настоятелю Крещатицкого Свято-Иоанно-Богословского монастыря архимандриту Михаилу: “Возьмем сумочки и поедем в Почаев умирать”. После расформирования монастыря отец Михаил был назначен на приход. Вскоре он собрался съездить в Почаевскую Лавру, взял сумку и приехал в Почаев. Вечером ему стало плохо, его постригли в схиму, назвали Митрофаном, и он скончался.

В июле 1960 года отец Кукша прибыл в Одесский Свято-Успенский монастырь, где провел последние четыре года своей страдальческой подвижнической жизни. В Свято-Успенском монастыре старца Кукшу с любовью встретили насельники обители. Ему определено было послушание исповедовать людей и совершать проскомидию. Преподобный советовал все новые вещи и продукты освящать святой водой, перед сном окроплять келью (комнату). Утром, выходя из келий, он всегда окроплял себя святой водой. Келия старца в монастырском корпусе примыкала прямо к Свято-Никольской церкви. Несмотря на немощи своего преклонного возраста, старец не пользовался посторонней помощью и говорил: “Мы сами себе послушники до самой смерти”.

Старец вставал рано утром, читал свое молитвенное правило, старался причащаться каждый день. Он любил литургисать, причем любил особенно раннюю литургию, говоря, что ранняя

литургия для подвижников, а поздняя для постников. К святой Чаше старец не разрешал подходить с деньгами, чтобы “не уподобиться Иуде”. Так же и священникам запрещал с деньгами в кармане стоять у престола и совершать Божественную литургию. Ежедневно идя в храм, старец под одежду надевал свою афонскую власяницу из белого конского волоса, который больно колол все тело.

Несмотря на запрет властей посещать святого старца, люди и здесь не лишились его духовного окормления. Отца Кукшу очень любил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I. Еще будучи в Иоанно-Богословском монастыре, старец, бывало, садясь пить чай, возьмет в руку портрет святейшего Алексия I, поцелует его и скажет: “Мы со Святейшим чай пьем”. Слова его исполнились, когда он жил в Одесском монастыре. Сюда каждый год летом приезжал Патриарх Алексий I, который всегда приглашал благодатного старца “на чашку чая”, любил беседовать с ним, расспрашивал, как было в Иерусалиме и на Афоне в старое доброе время.

В его одежде, разговоре, манерах, во всем облике виделось неподдельное смиренномудрие. В общении с ним всякий чувствовал себя, как с родной матерью, которой можно с доверием предаться и открыть все тайники своей души. Вся красота его жизни “внутри его есть” — великое душевное смирение, не видимое телесным очам, но видимое Богу, за что и дана ему от Него великая благодать. Все считали за счастье исповедовать ему свои грехи и получить от него душеспасительные наставления и назидания. Это был воистину Божий человек и ангел во плоти, дарованный миру Господом для спасения человеков-грешников в наш безбожный XX век.

Старец Кукша имел от Бога дар духовного рассуждения и различения помыслов. Он был великим прозорливцем. Ему были открыты даже самые сокровенные чувства, которые люди едва могли понять сами, а он понимал и объяснял, от кого они и откуда. Многие шли к нему, чтобы рассказать о своих скорбях и спросить совета, а он, не дожидаясь объяснений, уже встречал их с нужным ответом и духовным советом. Еще, было, у дверей стоят, а он уже каждого по имени называет, хотя видит их в первый раз в жизни — Господь ему открывал.

Как-то старец стоял, окруженный народом. К ним приближался молодой человек, у которого была супруга и двое детей. Вдруг батюшка позвал его: “Иеромонах!” Тот, протиснувшись

через людей, сказал, что женат и у него двое детей, но батюшка снова назвал его иеромонахом и просил благословения. Впоследствии, когда супруга упокоилась и дети определились в жизни, он стал иеромонахом. Это был приснопамятный схиигумен Амвросий (Титенков), насельник Одесского Успенского монастыря.

“Я по какому-то делу зашла к нему, — рассказывала матушка А., — а отец Кукша говорит, что напротив Свято-Никольского храма сидит мужчина полный, в шляпе, такой голодный, голодный. Батюшка положил в сумку разной еды, деньги в платочек завязал и благословил передать ему. Я вышла с едой, и действительно, напротив Свято-Никольской церкви сидит тучный мужчина в шляпе. Я подошла и сказала, что батюшка Кукша передал ему еду. Он удивился, взял и заплакал: “Как же это, откуда он меня знает?” Сказал, что он действительно три дня уже ничего не ел и так обессилел, что не может подняться со скамейки. Оказывается, у этого человека на вокзале украли вещи и деньги. Стыдно было ему просить, и он находился в сильном унынии. Долго удивлялся он прозорливости старца. Часто отец Кукша через матушку Херувиму посылал продукты питания и вещи в Киевский Флоровский женский монастырь Мариюшке (в схиме Магдалине), которая заведовала монастырской богадельней для больных и немощных монашек, а также в женский Введенский монастырь.

Однажды к старцу Кукше приехала одержимая душевным недугом. Несколько раз она ездила к другим старцам, ее вычитывали, наступало облегчение на год, и снова болезнь возобновлялась. Посоветовали ей побывать у старца Кукши. Приехала она в Одессу, как сама рассказывала потом, сидя уже возле могилки дорогого батюшки. “Зашла, — говорит, — в монастырь, а старца не знаю. Служба уже закончилась. Стою у дверей храма и думаю: “Кто же мне подскажет: какой батюшка Кукша?” А в храм войти не могу. Болезнь не дает, особенно, когда поют Херувимскую. Стою, все священники проходят мимо меня. Из боковой дверцы посмотрел на меня батюшка старенький, потом направился прямо ко мне. Как он подошел ближе, я упала и лежу у дверей храма при выходе. Слышу голос, потом положил на голову руку и говорит:

— Крестись, чадо! — Я перекрестилась.

— Еще! — Я еще перекрестилась три раза.

— Встань! Ты болеешь?

— Да, — говорю — отче, болею.

— Сколько лет?

— Лет двадцать уже мучаюсь.

Он взял меня за руку, привел в келью. Окропил меня водой крещенской. Положил руку на голову. Какую-то молитву читал надо мной. Снял с головы епитрахиль.

— Завтра причащайся.

— Я, отче, в храме не смогу быть.

— Сможешь! Завтра на исповедь!

Пришла в храм утром, поставила кругом свечи, и впервые за долгое время выстояла службу не выходя из храма. Причастилась. В конце подошел ко мне старчик и сказал: “Зайдешь”. Я уже зашла без его помощи сама. Он облачился, окропил меня водой, положил на голову епитрахиль, сверху руку свою и снова читал какую-то разрешительную молитву. Потом сказал: “Завтра причастись и послезавтра тоже. Потом зайдешь ко мне. И от сего дня ты не будешь больше болеть никогда. Господь тебя исцеляет через меня, грешного. Только Господа не забывай, всегда помни Его великую милость. И никому не говори до моей смерти. Не выдержишь слово свое, — болезнь к тебе за непослушание вернется”. С тех пор она никогда не болела. Работала в храме у себя. И батюшку вспоминала со слезами. Все случаи исцелений старцем больных и недужных невозможно описать и перечислить, так как он совершал их почти ежедневно в течение десятилетий. Многих он исцелял от душевных и телесных недугов одной своей молитвой, часто заочной.

Преподобный, любя людей, всем сердцем сострадал им. “Сейчас священникам нельзя быть строгими к людям и нагружать их епитимиями, — говорил батюшка Кукша. — Люди сейчас слабые, не такие, как раньше. Нужно все прощать, и священник должен молиться за этого человека, а не отталкивать его от Чаши. Если человек желает причаститься, нужно причащать”. Отец Виталий был еще архидиаконом в Одессе, когда батюшка ему говорил: “Отец Виталий, ты будешь иеромонахом, тебя скоро рукоположат. Будь добрым пастырем. Не наказывай людей, согрешающим все прощай. Если человек желает причаститься, — разрешай, от Чаши не отталкивай никого, и Господь тебя не оттолкнет от Царствия Небесного. Будешь милостив к людям, и тебя Господь помилует!”

Один молодой послушник, не понимая, зачем батюшка каждый вечер окропляет свою келью святой водой, как-то спросил его: “Батюшка, зачем это вам надо окроплять? Что оно дает?” Прошло дня три. Отец Кукша зашел к послушнику в келью и на глазах у него начал окроплять ее святой водой. Впоследствии монах рассказывал: “И вдруг я такое увидел, такое увидел! Полная келья бесов, и все

Отец Кукша в 1930-е годы

бегут гурьбою в двери, да не успевают, вываливаются один через другого...” Окропив келью, старец спросил: “Ну что, видел, что оно дает?”

За год до кончины отца Кукши Святейший Патриарх Алексий I благословил ему приехать в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру на праздник обретения святых мощей преподобного Сергия Радонежского. По окончании праздничной литургии, когда батюшка вышел из Свято-Троицкого храма, его обступили со всех сторон, испрашивая благословения. Он долго благословлял людей на все стороны и смиренно просил отпустить его. Но народ не отпускал старца. Только после долгого времени он, наконец, с помощью других монахов с трудом добрался до кельи.

С батюшкой из Одессы поехал для помощи ему архидиакон отец Виталий, он был здоровый, сильный. После он рассказывал: “Батюшку люди окружили, не давали ему прохода. Все узнали, что

приехал отец Кукша, хотели попасть к нему на исповедь. Ночью он один исповедовал архиереев и митрополитов. Они от него отходили все мокрые, красные, так старец обличал их. И они наложили батюшке целый чемодан пожертвований. А на следующий день мы должны были ехать, в Переделкино. Там проживал какой-то старец, выходец с Афона, и отец Кукша хотел с ним увидеться. Едем мы с ним в поезде, а чемодан с деньгами у меня. Еду и думаю: “Если кто узнает, что у нас столько денег, то убьют нас”. Сошли мы с электрички и надо пересесть на другую, так как эта шла не до конца. Сидим, ждем ее, а батюшка и говорит:

— Чадо, открой чемодан.

Я открыл, людей поблизости не было. Батюшка говорит:

— Возьми столько, сколько нам нужно на дорогу.

Я взял одну пачку, положил в боковой карман.

— Закрой, чадо, чемодан.

Я закрыл. Держу его, переживаю. Сели в электричку. Людей полно! А батюшка снова: — Чадо, открой чемодан.

Я не знаю что сказать, боюсь людей, ведь все увидят, что у нас в чемодане много денег. А он:

— Открывай, не бойся!

Я послушался, и произошло как в сказке: открываю чемодан, а он — пустой! Я гляжу, глазам не верю. Если б мне кто-то рассказал, не поверил бы, а тут со мной все происходит! Спрашиваю недоуменно:

— А куда деньги девались?

Батюшка отвечает:

— Бог дал, Бог и взял!

Прибыли мы в Переделкино. Подходим к воротам храма, а батюшка говорит:

— Поставь, чадо, чемодан вот под это дерево.

Я поставил, и мы вошли за ворота. Может, послушник потом забрал чемодан, а мне было закрыто, что там деньги, — до сих пор не знаю. Батюшка говорит:

— Того, что ты взял, нам хватит на дорогу?

— Да, отец, хватит. Да у меня вот лишних еще вышло много.

— Ничего, твои родственники приедут, им дашь, они нуждаются.

— Да у них есть деньги, они без денег не бывают!

Однако, случилось вот что. Когда мы вернулись в Одессу, приезжает ко мне моя мама и сестра с детьми. А на обратную дорогу денег нет, так как у них вытянули вору. И пришлось им отдать ос-

тавшие деньги из чемодана. Их оказалось как раз столько, что только на дорогу моим родным и хватило, — ни больше, ни меньше.

Чудны дела Твои, Господи!³⁵.

День жизни старца Кукши уже клонился к вечеру. Однажды он с радостным лицом сказал своей духовной дочери: “Матерь Божия хочет взять меня к Себе”. В октябре 1964 года старец, упав, сломал бедро. Пролежав в таком состоянии на холодной сырой земле, он простудился и заболел воспалением легких. Блаженный подвижник предвидел свою кончину. Духовная дочь старца схимонахиня А. вспоминает: “Батюшка иногда говорил: “90 лет — Кукши нет. Хоронить-то как будут, быстро-быстро, возьмут лопаточки и закопают”. И действительно, его слова исполнились в точности. Он упокоился в два часа ночи, а в два часа пополудни этого же дня над могильным холмиком возвышался уже крест. Скончался он на 90 году жизни”. Власти, боясь большого стечения народа, препятствовали тому, чтобы батюшку погребли в монастыре, а требовали похоронить его на родине. Но наместник монастыря, вразумленный Богом, мудро ответил: “У монаха родина — монастырь”. Так, пройдя земное поприще, претерпев все искушения, преподобный Кукша 24 декабря 1964 года преставился ко Господу, в селения “идеже праведнии упокоются”, вознося там молитвы о всех, прибегающих к его молитвенному предстательству.

Как помогал старец людям при жизни, так помогает им и после своего отшествия. По молитвенному предстательству преподобного Кукши Господь воскресил из мертвых младенца. В Одессе, в одной православной семье, в ночь с 7 на 8 января 1996 года внезапно заболела двухлетняя Ксения. Температура резко поднялась выше 39 градусов и продолжала расти. Девочка начала метаться в жару. Бабушка Ксении, врач по профессии, видя ее крайне тяжелое состояние, попросила свою дочь — мать девочки — вызвать скорую. Пока она говорила по телефону, Ксения внезапно затихла. Бабушка начала осматривать внучку: сердце ее не билось — жизнь оставила девочку. “Скорую не надо, уже поздно...”, — сказала она дочери. В отчаянии мать ребенка встала на колени перед иконами и начала слезно молиться: “Господи, возьми мою душу, а ее душу оставь!” После долгой молитвы она вспомнила, что осенью 1994 года в Свято-Успенском Одесском монастыре ей дали частицы облачения и гроба преподобного Кукши. Призвав имя святого, мать взяла эти частицы и приложила ко лбу умершей девочки. Вдруг Ксения глубоко вздохнула — жизнь вернулась к ней. Когда девочка окончательно пришла в себя, то, показав рукой на икону преподобного, попро-

сила мать: “Дай мне Кукшу...” Прибывший врач, осмотрев девочку, сказал, что никаких оснований для вызова скорой он не нашел. В семье этот день называют вторым днем рождения Ксении.

Преподобный схиигумен Кукша, как некогда начальник русских монахов преподобный Антоний восприняв благодать Святой Горы Афон, принес ее и умножил из второго Удела Богородицы в третий Ее Удел — Святую Киево-Печерскую Лавру. И далее всецело изливая ее на нуждающихся на всяком месте, куда его благословлял служить ближним Господь. Но преданная сыновняя любовь великого старца к Киево-Печерской Лавре, которую он считал

своей родной обителью, монахом коей он себя числил до конца дней, осталась в сердце преподобного Кукши навсегда. Во весь голос это выстраданное слезное благоволение звучит даже в его заявлении с просьбой на реабилитацию, написанном в октябре 1957 года: “Все годы до ареста я жил в Лавре. Там мне и дано монашеское имя Кукша. /.../ Сейчас мне идет восемьдесят третий год. Покорнейше прошу Вас реабилитировать меня и тем самым дать возможность дожить последние дни в Киевском монастыре, где я так долго прожил, мне хотелось бы там и умереть”.

Господь судил иначе, и мощи святого угодника по Промыслу Божиему находятся в славной Одессе недалеко от его родины для утешения православных Причерноморья и всего южного края. Святой Кукша чтим всем православным миром. Частицы его мощей есть в Пермском крае России, где он отбывал срок, в Молдове, Белоруссии, Греции, на Святой Земле.

Но на Небе он несомненно сопричтен собору преподобных отцов Киево-Печерских, с коими теперь пребывает в молитвенном предстательстве за мир пред престолом Божиим.

Преподобный Кукша

Жизнеописание архимандрита Кронида (Сакуна)

(10.03.1883 – 17.04.1954)

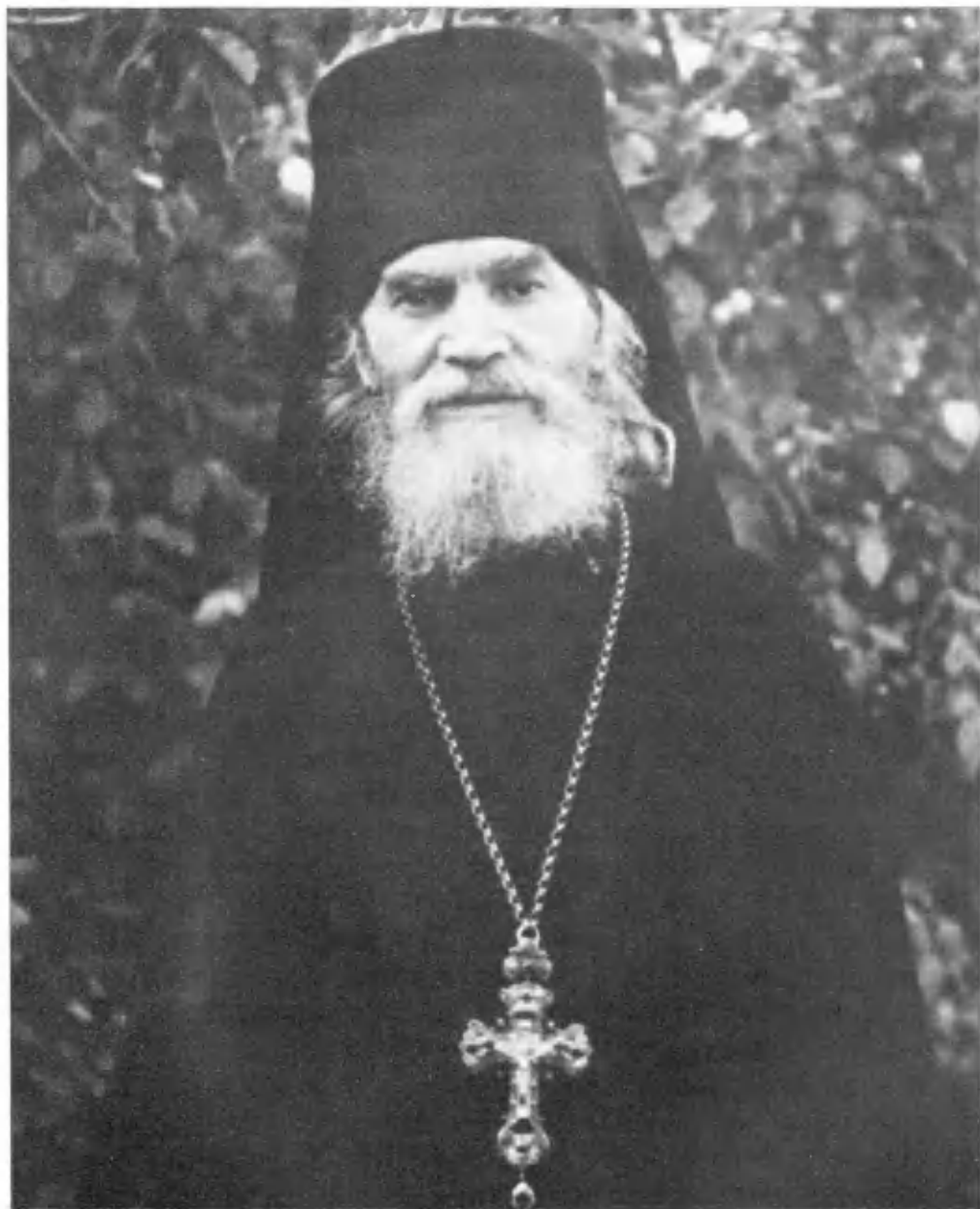
Исповедником истинной веры и опытным духовным наставником был наместник Лавры архимандрит Кронид (Сакун). Отец Кронид постоянно напоминал братии и многочисленным богомольцам о необходимости жить по совести. Молитвенник и аскет, он словно пришел из глубины времен, своей высокой ревностью о Господе напоминая раннехристианских подвижников и призывая к подражанию им. Через отца Кронида, казалось, приоткрывается тайна домостроительства Божия, утвержденного на людях высокой духовной жизни, как на неких живых камнях (1Петр., 2:5).

“Архимандрит Кронид (в миру Кондрат Сергеевич Сакун) родился 10 марта 1883 года в селе Драбове Золотоношского уезда Полтавской губернии в крестьянской семье³⁶. С детства он был расположен к служению Богу, любил посещать храм, с радостью нес послушания, которые ему благословлял священник. Получив родительское благословение, будучи двадцати шести лет от роду, он стал послушником Киево-Печерской Лавры в апреле 1909 года и был поставлен трудиться на гостинном дворе. Кондрату очень хотелось побывать на родине Спасителя, увидеть ее великие святыни, и он взял за правило возносить о том Господу особую молитву. Христос внял молитвенному воздыханию молодого послушника и в 1910 году сподобил его вместе с группой русских богомольцев побывать в паломничестве и поклониться великим святыням Православия на Святой Земле. В Палестине они провели несколько месяцев, по очереди посещая места Рождества Спасителя, его земной жизни, Преображения и Вознесения. В Иерусалиме Кондрат причастился Святого Тела и Крови на Гробе Господнем в храме Воскресения Христова. На обратном пути вместе с группой мужчин он посетил Святую Гору Афон. Память об этом драгоценном паломничестве отец Кронид берег в сокровищнице своего сердца всю жизнь.

4 декабря 1914 года Кондрат принял постриг в рясофор в пещерах Киево-Печерской Лавры. Когда началась Первая мировая война, он три года с апреля 1915 вместе с другими братьями Лавры отдавал сыновний долг Отечеству, проходя военную службу в Царской армии. В апреле 1918 года инок возвратился в родную Лавру. Время было крайне неспокойное, сыны революции, суть погибели,

начали открытую войну против Церкви. Уже убит был митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), комиссары в кожанках и уполномоченные в кителях с бесцеремонностью новых хозяев расхаживали по Лавре, мешая и всячески досаждая монахам.

В это время исповедник нес здесь послушание чтельника в типографии, затем, когда типографию захватили большевики, его

Архимандрит Кронид, наместник Киево-Печерской Лавры в 1947–1953 годы

определили в экономию. 21 июня 1921 года он был пострижен в монашество с именем Кронид. А в ноябре того же года, учитывая его умение владеть словом, на праздник Казанской иконы Божией Матери будущего наместника благословили помощником проповеднику в миссионерских трудах. В сентябре 1922 года митрополит Михаил (Ермаков) рукоположил его во иеродиакона, а в следующем году епископ Черкасский Филарет (Линцевский) возвел его в сан иеромонаха. В то время иеромонах Кронид продолжал нести послушание в благочинническом ведомстве Лавры.

Накануне Рождества 6 января 1925 года он был арестован ГПУ в составе большой группы лаврской братии по подозрению в сокрытии монастырских ценностей. Монахи были заключены в Киевском ДОПРе, каждый день их допрашивали, пытаясь вырвать нужные сведения. В конце февраля отца Крониды освободили, но оставаться в Лавре у него более не было возможности. В святой обители уже хозяйничали “живоцерковники”, монахов гнали и вытесняли из келий. И отец Кронид ушел служить приходским священником в село Вороньково, где ныне находится лаврский скит и подсобное хозяйство. Там он пробыл до 1941 года. Кроме церковного послушания, батюшка в середине тридцатых трудился на сельхозработах, стараясь в голодные годы добыть пропитание³⁷.

В сентябре 1941 года, после оккупации Германией территории Украины, он в числе первых монахов возвратился во вновь открытую Киево-Печерскую Лавру. В обители стали селиться священнослужители, монашествующие. Многие из них прошли испытания в лагерях и ссылках. В храмах возобновились богослужения. В 1942 году епископом Пантелеимоном (Рудыком) отец Кронид был возведен в достоинство игумена и назначен блюстителем Дальних пещер. Сильное потрясение батюшка пережил, когда взорвали Великую церковь — Успенский собор Пресвятой Богородицы. Долго и слезно молился отец Кронид к Пречистой, умоляя заступиться и сохранить Ее избранный удел. В 1945 году он был поставлен во архимандрита Киевским митрополитом Иоанном (Соколовым). А почти два года спустя, после ухода на покой архимандрита Валерия (Устименко), 20 февраля 1947 года братия избрала его наместником Киево-Печерской Лавры.

Жил отец Кронид в корпусе № 50 на Дальних пещерах. В последние годы тяжело болел, но вся духовная жизнь монастыря проходила при его непосредственном участии, тогда как хозяйственными вопросами занимался отец Евмений (Хорольский). По воспоминаниям современников, наместник был сильным про-

поведником, постоянно напоминая братии и прихожанам о том, что грех омрачает совесть. Огромной заслугой отца Крониды было то, что он собрал вокруг себя сонм подвижников, цвет старчества: в обители в это время, кроме приснопамятного отца Кукши (Величко), подвизались также игумен Андрей (Мищенко), пришедшие из Свято-Троицкого Ионинского монастыря после его закрытия архимандрит Полихроний, в схиме Прохор (Дубровский) и схимонах Дамиан (Корнейчук). Отец Кронид и сам также был высокодуховным человеком, опытным наставником и руководителем.

Из воспоминаний очевидцев того времени: “Лавра в то время была богата истинными подвижниками монашеского благочестия: архимандрит Кронид, наместник Лавры своими горячими запоминающимися проповедями укреплял и вселял надежду в сердца послевоенного Киева и многих паломников; прозорливец схиигумен Кукша, смиренный и кроткий, не боялся обличать грешников и говорил правду, невзирая на сан и положение, по его молитвам многие получили исцеление от различных недугов и болезней; игумен Андрей проводил отчитки, помогая болящим и заблудшим; схиигумен Амфилохий, бывший военный летчик и врач, принял монашество и одно время был врачом семинарии...”³⁸

Однажды в 80-е годы в Почаевской Лавре у приехавшего из России старца, бывшего послушника Киево-Печерской Лавры отца Афанасия кто-то спросил мнение о проповеди известного проповедника того времени. “К нему на исповедь половина Союза съезжается!”, — с восторгом добавил вопрошавший. Старец улыбнулся и сказал: “Да, проповедник хороший, слов нет. Но вот когда наш наместник, архимандрит Кронид, в 50-е годы говорил проповедь на Ближних пещерах, то на Дальних бесноватые выли”.

В годы наместничества отца Крониды, по состоянию на 1952 год лаврское братство значительно умножилось и насчитывало 98 человек. Монастырь использовал территорию площадью 12400 м² и занимал шесть корпусов. Богослужения проводились в трех церквях. После войны в Лавру хлынул людской поток со всех концов страны. Народ, испивший великую чашу страданий, искал утешения, истинного смысла и правды, духовного укрепления для дальнейшего несения жизненного креста. Лаврские святыни посещали верующие и паломники со всех республик, где было живо Православие, и оказывали возрождающемуся монастырю посильную помощь.

Кроме прочего, православный Киев помнит отца Крониды как духовного отца юродивой матушки Алипии Голосеевской. На-

В Лавре

местник Лавры постриг Агафию Авдееву в Киево-Печерской Лавре в честь преподобного Алипия Печерского, иконописца.

Высокодуховный наставник увидел в ней внутренним взором человека, который своим молитвенным подвигом, безграничной любовью к Богу и людям сможет стяжать благодатные дары. С глубоким смирением Липа приняла благословение отца Крониды на столпничество, как особую форму монашеского подвига, и три года прожила в дупле старой большой липы, растущей неподалеку от колодца преподобного Феодосия Печерского.

По воспоминаниям самой матушки Алипии, духовный отец был строг с нею: когда заканчивалась служба в церкви, он подходил к ней, давал сухарей и говорил: “Ну что, нагрелась? Ешь и

иди, спасайся”. Она, послушная своему духовному отцу, покорно удалялась к большому дереву, забиралась в дупло, в котором можно было только полусогнувшись стоять. Когда же зимой снег заметал так, что из дупла нельзя было выбраться и матушка не выходила в церковь, отец Кронид сам пробирался к ней, приносил в мантии сухари и окликал: “Ты не замерзла?” Оставлял приношение и говорил свое неизменное: “Спасайся”³⁹.

Наместник хорошо понимал значение старчества и силу молитв пред Богом Его избранных. Будучи сам строгим под-

вижником, он с благоговением внимал их богомудрым словам не только в Лавре. Отец Кронид был хорошо знаком с преподобным Лаврентием Черниговским и не раз имел возможность слушать его душеполезные беседы и наставления. Наместник Лавры был в числе тех, кому святой старец полностью доверял и делился полученными от Бога откровениями. “Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым” (2Пет., 1:21).

Известное пророчество преподобного о последних временах было сообщено в среде доверенных лиц, в числе которых находился и наместник Лавры, который впоследствии свидетельствовал об этом своим сподвижникам в монастыре. Тогда святой старец говорил, что “придет время, когда все лжеучения выйдут наружу вместе с бесами и безбожниками тайными (католиками, униатами, украинцами-самосвятами и другими) и сильно на Украине ополчатся против канонической Православной Церкви,

Патриарх Алексий I (Симанский) с украинскими владыками. Крайний справа — епископ Нестор (Тугай), наместник Киево-Печерской Лавры

ее единства и соборности. Этих еретиков будет поддерживать безбожная власть, а поэтому будут отнимать у православных церкви и верных избивать. Тогда Киевский митрополит (недостойн сего звания) вместе со своими единомышленными архиереями и иереями сильно поколеблет Церковь Русскую. Сам уйдет в вечную погибель, как и Иуда.

Но все эти наветы лукавого и лжеучения в Руси исчезнут, а будет Единая Церковь Православная Русская... Берегитесь самосвятской украинской группы (церкви) и унии”.

Наместник Киево-Печерской Лавры отец Кронид, внимательно слушавший слова старца, возразил батюшке, что самосвяты и униаты на Украине уже исчезли после 1946 года. Батюшка ответил грустно и печально: “Бес в них войдет, и они с сатанинской злобой ополчатся против православной веры и Церкви, но им будет позорный конец, а их последователи понесут небесную кару от Господа Царя Сил”⁴⁰.

Архимандрит Кронид вместе с Лаврой и братией монастыря пережил и претерпел все гонения, напасти и искушения страшного, подчас трагического времени, в которое ему выпало нести свой крест: Первую мировую войну, революцию богоборцев, разграбление и поругание древней святыни, закрытие Лавры большевиками, репрессии 30-х годов, Великую Отечественную войну... Выйдя закаленным и непреклонным из этой невиданной духовной битвы, он дождался открытия Лавры, сподобился возглавить ее и потрудиться для возобновления монашеской жизни в ее стенах. Он принадлежал к дореволюционному поколению монашества, которое выросло и сформировалось при Помазаннике Божиим. Это были люди другого — царского — сорта, на всю жизнь сохранившие неизменность ипостаси, которой остались привержены.

В августе 1953 года батюшка занемог и удалился на покой. На его место заступил архимандрит Нестор (Тугай), которого отец Кронид знал с молодых лет. Поработав Богу со страхом и трепетом, архимандрит Кронид преставился ко Господу 17 апреля 1954 года и был погребен на Зверинецком кладбище Киева.

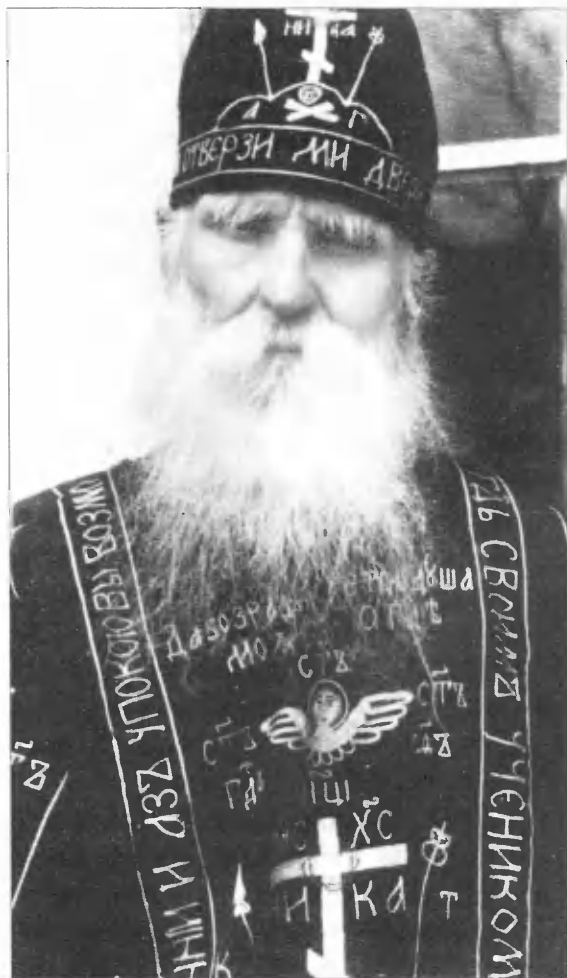
Жизнеописание схимонаха Дамиана (Корнейчука)

(13.10.1863 – 11.07.1954)

В 40–50-е годы XX века в Киево-Печерской Лавре подвизался духоносный старец Дамиан, близкое духовное чадо преподобного Ионы Киевского. Он принадлежал к тем светильникам, возожженным Святым Духом, к которым народ притекал за помощью и утешением со всего православного мира. Жизнь отца Дамиана, делателя непрестанной Иисусовой молитвы, сочетала строгость схимнических обетов и самоотреченное служение страждущим человекам, истерзанным в страшных жерновах революции и войны.

Отец Дамиан (в миру Евдоким) родился в селе Матюши под Белой Церковью в ста двадцати километрах от Киева. Отца его звали Антон. В семье росло восемь детей: две дочки и шесть сыновей. Евдоким был старшим среди всех. Матюши — старое казачье село, которому более четырех сотен лет. Будущий старец возрастал в очень живописном месте, расположенном на берегу притоки Роси, окруженном лесом, лугами и полями.

Господь призвал Евдокима с малолетства, и своим избранничеством он очень отличался от других детей. У будущего старца с малых лет была склонность к уединению, он знал грамоту, и его любимым занятием с детства было чтение Библии и Псалтыри. Он пономарил в храме, всегда охотно помогал в при-

Схимонах Дамиан

ходской церкви. Отец Дамиан вырос и сформировался при царской власти, и этот дух, знающий Царя и Помазаника, был запечатлен в его душе до конца дней. Семья их имела достаточно земли и считалась зажиточной. Люди в селе проживали трудолюбивые. Многие работали в артели, которая выращивала овец, обрабатывала кожу и в зимнее время шила тулупы. А весной и летом они ходили по монастырям и золотили купола. С этой артелью Евдоким с самых юных лет странствовал по монастырям и помогал старшим. Так он попал в Лавру и в Ионинскую обитель. Евдоким обучился ремеслу золотильщика и имел дело с драгоценными металлами, что впоследствии ему очень пригодилось, когда он поступил в монастырь.

Когда ему исполнилось шестнадцать лет, отец его уже представился ко Господу. В то время хата доставалась по наследству старшему брату, а земля делилась на всех детей. Евдоким тогда сказал старшему после себя брату: “Брат, я с твоими детьми землю делить не буду”. Вскоре он собрался и ушел, и в селе никто не знал, куда он направился. Потом стало известно, что он пошел к Ионе Киевскому в Свято-Троицкий монастырь, поступил к нему в послушники, а затем стал келейником великого старца. Через три года, непосредственно перед постригом Евдоким пришел в село под руководством старшего монаха и пробыл там совсем недолго, объявив старшему после себя брату и родным, что навсегда уходит в монастырь. Все отнеслись к этому естественно, никто не удивился, что он выбрал иноческий путь.

Впереди у него был долгий путь возрастания. Только особые избранные сразу получают духовные дары, а все остальные приобретают их великим трудом, скорбями, тяжелой борьбой со страстями. Несколько лет отец Дамиан не появлялся в родном селе, а когда уже укоренился, стал каждый год навещать родных. Приходил он один раз в год на церковный праздник. На дорогу у него уходило пару дней: шел пешком, иногда его кто-то подвозил на телеге. Когда в селе еще не сломали церковь, монах направлялся в храм. Потом в 30-е годы церковь разрушили, и он стал останавливаться в родительском доме. Приходил в старую дедовскую хату, где сохранился красный угол, и становился перед образами на молитву. Так он проводил сутки — днем и ночью молился, ни с кем не разговаривая. Всех родственников это сильно поражало. Они приходили с ним повидаться, расспросить о жите-бытье, хотели пообщаться, что-то от него услышать. Но отец Дамиан ни с кем ни о чем не вступал в беседы. В лучшем случае мог произнести одно слово приветствия и все.

Родные посидят, подождут, а потом расходятся: у них не хватало терпения дожидаться, когда он отложит молитвослов. А он молился, не обращая на них внимания. Совершив молитву Богу о живых и покойных сродниках, об односельчанах, он точно также уходил, никому ничего не говоря и не объясняя. И так происходило каждый год, пока он был в силах. Всех родичей это необыкновенно удивляло.

Отец Дамиан был простым монахом, не священником и у него не было задачи проповедовать, да он по смирению и не дерзал это делать. Но он показывал им личным примером как надо жить. К слову, разоренная церковь долго стояла посреди села разрушенной грудой, и люди стали соблазняться. Кто-то заборчик потянул, кто-то кирпич. Все, кто позарился на Божье, закончили очень плохо — в селе это крепко запомнили. А потом племянница отца Дамиана в 1980-е годы, когда уже разрешали возрождать храмы, стала старостой церковной общины и с ее помощью и участием возродили и заново отстроили уничтоженную церковь.

По воспоминаниям родных и братьев, знавших подвижника, отец Дамиан был высокого роста — 1,90 метра, не меньше. Глаза у него были серые, светлые, но некоторые люди испытывали трепет, не выносили его взгляда. В жизни он был достаточно скрытным. Даже то, что он остался монахом и не принял священнического сана, говорит очень о многом — прежде всего о его смирении и аскетизме. Дух смирения он перенял от отца Ионы, своего духовника. Придя после закрытия Ионинской обители в Киево-Печерскую Лавру, этот подвижник, имея бесценный опыт духовного водительства самого преподобного Ионы, которому неоднократно являлась Царица Небесная, привнес во внутреннюю жизнь Лавры особый дух суровых аскетических подвигов, который не оскудел после блаженной кончины основателя монастыря, вследствие чего все его духовные чада отличались строгостью.

Если учесть, что преподобный Иона был чадом и духовным преемником великого святого Серафима Саровского, а сам преподобный Серафим, придя поклониться Киево-Печерским святым, получил здесь благословение на подвиги в Саровскую пустынь, то очевидны преемство и связующая нить, духовно соединившая молитвенников Русской земли вокруг Лавры, как истока и центра монашеской жизни. Пришло время, и трудами и молитвами схимонаха Дамиана благодатный дух старчества и православной аскезы влился в вековые традиции ревностных Киево-Печерских иноков.

В свою очередь старец Дамиан был духовным наставником таких подвижников следующего поколения, как: отец Ахила (Орлов), отец Иларион (Дзюбанин), монахиня Алипия (Авдеева). Он отличался строгим нравом затворника. Своей непорочной жизнью, молитвенными трудами и особенным внутренним расположением он сподобился великой милости Божией, воплотив в себе многочисленные дары Духа Святаго. По благословению священноначалия он нес в Киево-Печерской Лавре почетное послушание кийотного возле чудотворной иконы Успения Пресвятой Богородицы. Благословение на это послушание получали лишь монахи высокой духовной жизни, ибо кийотный осуществлял служение Самой Пресвятой Владычице Богородице, которая невидимо, а для некоторых и зримым образом присутствовала всякий раз, когда опускалась для поклонения древняя святая икона.

Иеромонах Мардарий (Данилов, в схиме — Алексий) с чувством высокой духовной радости рассказывал о старце следующее: “Схимонах Дамиан был такой сильный, прозорливый. К нему приходило великое множество людей, которые хотели получить духовный совет и просили молитвенную поддержку. Он был подвижником, без необходимости почти не выходил из келье, только по послушанию. Послушание же было у него почетное — переоблачать мощи перед Пасхой и другими праздниками. Мощей же было очень много. На Пасху их облачали в красное, на Троицу — в зеленое... У отца Феодосия (Орлова) была фотография схимонаха Дамиана. Он даже на вид благодатный: белая борода, высокий, стройный. Когда опускали икону Божией Матери, только ему разрешено было стоять у нее. Старец был духовным наставником отца Феодосия в Киево-Печерской Лавре. Со временем отец Феодосий сподобился стать близким духовным чадом схимонаха Дамиана и даже его келейником, имел возможность посещать его келью и внимать наставлениям. А я по молодости был занят и реже бывал в кельеке схимонаха Дамиана”⁴¹.

Духовник Киево-Печерской Лавры архимандрит Авраамий (Курья), в те годы неотлучно находившийся в послушании у епископа Нестора (Тугая), рассказал, что у преподобного Ионы Киевского всего келейников было шесть, но самым близким, облеченным высоким доверием святого старца, был именно отец Дамиан. Когда преподобный Иона отошел ко Господу, дух уныния долго стужал его осиротевшего келейника, глубоко опечаленного смертью старца. Скорбя об утрате, не зная, к кому прилепиться, он в поисках утешения бродил по Лавре, умолая Господа и Его Пречистую Матерь

направить его стопы в нужном направлении. Господь привел его в святые пещеры, где инок долго и слезно молился, прося преподобных вразумить, как жить дальше. Внезапно к нему подошел бла-

Старец возле чудотворной иконы Успения Пресвятой Богородицы

гообразный старец и строго спросил, отчего он плачет. Получив маловразумительный ответ, он утешил его и, благословив оставаться в Печерской обители, растворился в полумраке. Выполнить это благословение отцу Дамиану удалось лишь спустя время.

Многочисленные почитатели отца Дамиана, жившего в условиях, близких к затворничеству, имели возможность увидеть благодатного старца и побеседовать с ним, только когда опускалась для поклонения чудотворная икона Успения Божией Матери. Либо же, если кто-то милостию Божией сподоблялся побывать у него в келье на духовной беседе или исповедании помыслов. Все остальное время схимник, почти не выходящий из келье даже на братскую трапезу, вел уединенный образ жизни, не позволяя себе празднословия. Он был всегда сосредоточен на молитве, которая звучала в нем непрестанно.

Несмотря на замкнутость и закрытость своего монашеского делания от посторонних глаз, схимонах Дамиан стяжал среди православных людей известность как прозорливый старец. Как свидетельствовал архимандрит Авраамий, возле келье отца Дамиана (жил он над Ближними пещерами, в непосредственной близости от помещения, где в летнее время просушивали облачение преподобных) всегда находилось множество богомольцев, стремящихся попасть к нему на духовную беседу. Духоносный старец Дамиан старался по возможности утешить каждого. Это был тяжелый, изнурительный труд, ибо люди приходили к нему с бедами, нестроениями, обидами, но блаженный старец с радостью выполнял его, не думая об отдыхе и не пытаясь обрести покой. Иногда он принимал по несколько десятков человек в день. Вся веранда была забита людьми, чающими утешения в беседе с ним.

Для каждого находилось не только доброе слово, но и угощение из запасов, приготовленных специально для такого случая. Понять высоту подвига любви можно, вспомнив, что сам отец Дамиан был строг и воздержан во всем, особенно в еде, однако и виду не подавал, что скопление народа как-то стесняет его, прерывает молитву, вносит неудобства в его аскетический, созерцательный образ жизни. А обласканные старцем люди уходили радостные, просветленные, на всю оставшуюся жизнь сохраняя теплоту, рождающуюся в сердце после общения с этим христианским подвижником, в буквальном смысле слова мудрым о Христе (1Кор., 4:10).

О даре прозорливости старца Дамиана свидетельствовали многие. Митрофорный протоиерей Михаил Макеев, известный духовник Барышевского благочиния Киевской митрополии, ходил к

нему и пользовался его советами и наставлениями еще во время своего обучения в Духовной семинарии в начале 50-х годов. Батюшка поведал, что, когда Филарет (Денисенко) был еще молодым священником, однажды отец Дамиан, глядя на него, сокрушенно сказал: “Предашь ты нас. Много горя нам еще принесешь”. Господь сердцеводец открыл старцу то, что произошло спустя много лет и нанесло огромную рану нашей Церкви. Также из уст отца Дамиана известно еще одно пророчество, которое будет истолковано, когда придет срок. Старец сказал, что в последние времена Господь просеет православных через два сита. Будут попущены два сильных искушения, которые разделят людей, и те, что не выдержат их, не устоят в духе истины, отпадут от Бога. Келейница известной старицы схимонахини Ирины (Авралевой), в миру Ираиды, рассказывала о матушке, бывавшей у схимника Дамиана: “За благословением на монашество она пошла к Самарскому владыке архиепископу Алексию (Палицыну). Владыка сказал будущей подвижнице, что в России монастыри закрыты, и благословил ее ехать в Киево-Печерскую Лавру к старцам. Когда матушка прибыла в Киев, она пришла в Киево-Печерскую Лавру. А там в то время был великий старец, прозорливец схимонах Дамиан, которому в ту пору было под сто лет. К нему столько народу на прием стояло, чуть ли не полтора квартала. Война-то закончилась, многие с фронта приехали, искали духовного совета у Божиего человека. Он оставляет всех и прямо к ней: “Ираида, ты что опаздываешь? Ты знаешь, что ты в Книге жизни записана монахиней?” Схватил ее за руку и бегом с ней в свою келью. А у него в келью заходишь, — как в пещеру. Он матушке всю ее жизнь открыл. Сказал: “Будешь в монастыре. Будешь гонима. Будешь в трех монастырях. Потом тебя заберут. Все ты это вынесешь. Потом будешь гонима от своих собратий”. Он обратился к иконе Пресвятой Богородицы: “Матерь Божия, как она это выдержит?” И, оглянувшись к матушке, произнес: “Матерь Божия сказала, что все выдержишь”⁴².

У схимонаха Дамиана духовно окормлялась известная киевская подвижница матушка Алипия (Авдеева). Одна из духовных чад старца того времени поведала: “Как-то мы с мамой пришли к отцу Дамиану, келья которого находилась над Ближними пещерами на втором этаже, и увидели Липу: она со своей котомкой укладывалась на ночь под лестницей. У меня до боли от жалости к ней сжалось сердце. Увидел ее и отец Дамиан. “Ну что ты тут сидишь под ступеньками, тебе же холодно, иди спи под дверью отца Андрея”, — тепло и ласково, но достаточно требовательно сказал старец”. Оба

старца — Дамиан и Андрей — жили в одном коридоре и двери их келий никогда не закрывались для посетителей. И каких людей только не было у их порогов: больные, калеки, бесноватые, нищие, просто любопытные, даже неверующие и колдуны”⁴³.

Приняв труды и подвиги Своего воина, Господь открыл ему время отшествия из юдоли плача. И он стал сугубо готовиться в последний путь. Когда в Ларве его навестила родная племянница, он посмотрел на нее и сказал: “Деточка, что ж ты так поздно пришла? Я уже все раздал — собираюсь уходить”. Но что-то на память о себе он ей все-таки передал. Отец Дамиан был совершенно нестяжателен и все имущество его составляли иконы, некоторые книги и церковные предметы.

Послужив Богу и людям всю свою жизнь, блаженный старец схимонах Дамиан почил на девяносто первом году жизни 11 июля 1954 года и был погребен в Киеве на Байковом кладбище, рядом с храмом, находящемся на его территории. Архимандрит Авраамий, нынешний духовник Лавры, будучи тогда еще молодым монахом, принимал участие в отпевании и захоронении старца. По сей день на могилку к отцу Дамиану приходят люди, прося его святых молитв, и получают благодатную помощь. В день памяти старца на панихиду собирается много народа и всегда из чьих-то уст можно услышать благодарение Божию человеку за его предстательство и явную помощь.

Жизнеописание игумена Андрея (Мищенко)

(19.08.1884 – 11.07.1964)

Духовный наставник и благочинный Киево-Печерской Лавры игумен Андрей (Мищенко) был человеком высокой духовной жизни. Его наставления, доброе слово, и прежде всего молитвы укрепляли многих притекавших в Лавру богомольцев в трудные годы послевоенных испытаний и гонений за веру. Он был настоящим светильником, не жалея себя, помогал страждущим, окормлял монашествующих и мирян. Подвижническими трудами и молитвенным усердием ко Господу игумен Андрей оставил яркий, значимый след в жизни монастыря.

Родился батюшка в селе Сеньковка Бориспольской волости Переяславского уезда (ныне Киевская область) в верующей крестьянской семье. Долгое время Сеньковка числилась собственностью Печерского монастыря. Будущий инок окончил в соседнем селе церковно-приходскую школу и в 1912 году поступил в Лавру, где его определили на послушание в гостинице. В 1915 году молодой послушник был мобилизован и служил Отечеству на фронтах Первой мировой войны. После закрытия Лавры он со скорбью вернулся в родительское хозяйство, где трудился на земле, ревностно молясь Богу. Когда в 1941 году в Лавре возродилась монашеская жизнь, отец Андрей вернулся в родную обитель одним из первых. 20 января 1942 года епископом Пантелеимоном (Рудыком) он рукоположен в иеродиакона, а 15 августа того же года — в иеромонаха.

О подвижнической жизни старца известно из воспоминаний его близких духовных чад, прежде всего киевской старожилки Матроны Михайловны Скрыбченко, а также келейника старца, которые еще в 70-е годы XX века собрал писатель Александр Трофимов. В архивах монастыря сохранились фотографии игумена Андрея, которые публикуются впервые. Также портрет старца находился в иконном уголке у Матроны Михайловны. Эта благочестивая женщина несла послушание странноприимства. Жила она в центре Киева и принимала паломников во славу Божию, не требуя за проживание никакой платы. На этот подвиг благословил Матрону Михайловну ее духовник игумен Андрей.

Вот что поведала о тех днях и своем духовнике Матрона Михайловна:

“После того как Лавру закрыли в 1926 году, монахи разъехались в разные места, а многие пострадали за веру⁴⁴. Некоторые

мощи и мироточивые главы отвозили в Москву, чтобы исследовать их в лабораториях. А в 1930 году в Лавре открылся музей атеизма. Во время немецкой оккупации в сентябре 1941 года монашеская жизнь в стенах Лавры возобновилась. Во главе лаврской братии стал схиархиепископ Антоний (Абашидзе), лаврский постриженник. Некоторые из бывших лаврских монахов возвратились в свои кельи — монастырь возродился. На территорию Ближних пещер Лавры вернулись около пятнадцати иноков. Служили в Крестовоздвиженской церкви, иногда — в церкви Всех Святых. Братия избрала наместником старейшего насельника Лавры, архимандрита Валерия (Устименко † 1953).

Наконец пришли наши войска. Перед их приходом весь Киев молился: и наши войска вошли в мать городов Русских на праздник Казанской иконы Божией Матери, покровительницы русского воинства. В ноябре 1943 года Лавру официально открыли и

Благочинный Лавры игумен Андрей (Мищенко)

освятили. Приезжали представители от других православных церквей. Раздавали народу иконки, благословляли, целые ящики стояли с подарками. Все плакали: и священство, и пришедшие киевляне — это был плач радости. Как только я узнала, что Лавру открыли, сразу пошла туда. После литургии подошла к наместнику, старенькому архимандриту Валерию, и говорю: — Помогите, батюшка, хочу про себя узнать. — А ты иди к игумену Андрею, я сам у него исповедуюсь, это великий старец, — направил меня наместник. Нашла я игумена Андрея, подхожу к нему: — Здравствуйте, батюшка, благословите. — Здравствуй, здравствуй, матушка. — Какая я матушка, грешница я великая, с дочкой живу, муж на фронте. — Ну, будешь матушка. Так чего же ты хочешь, матушка? — Хочу про себя узнать. Муж, не знаю, жив ли. Сирота я, не знаю даже, кто мои родители, когда родилась. Старец посмотрел на меня, помолился.

— Родилась ты в марте на Матрону Солунскую, вот и зовешься Матроной, есть в тебе восточная кровь, грузинская и даже иудейская. А за мужа не волнуйся — вернется. Приходи завтра ко мне после службы.

Пришла на следующий день, все рассказала про свою жизнь, все выплакала. А он слушает и вместе со мной плачет. Руку на голову положил и говорит: “Терпи, голубка моя”. Прошу у него наставления, как спастись: “Молись, ходи в храм, а перед тем, как идти в храм, никогда не ешь. Подавай милостыню, принимай странников — тем и спасешься”. С того дня до ныне стараюсь исполнять все по словам моего дорогого старца. Самой голодно было, а всегда подкармливала голодающих и принимала всех, кто просил ночлега. Жил батюшка в лаврской келье. Была там маленькая прихожая. Налево — дверь в келью батюшки, направо — к келейнику. После службы к батюшке шло много народа, не давали и покушать, а он пока со всеми не побеседует, не ответит на вопросы, не садится за трапезу. Сколько раз бывало, что на вечернюю службу идет, так и не пообедав.

Иногда после службы приглашал собравшихся женщин к себе на трапезу, а они отказывались: мы, мол, недостойны, а сами просто спешили по своим делам. Тогда батюшка говорил: “Вот отнимет Господь у вас старцев и Лавру — тогда локти кусать будете, а пойти некуда, тогда поплачете”. Меня отец Андрей так назидал: “Ты почаще в Лавру ходи, а особенно и обязательно в праздники”. Отвечала: “Я же работаю”. А он заверил: “Ничего, Матерь Божия поможет”. И действительно по его молитвам за всю жизнь не пропустила ни одного большого праздника.

После службы прихожая его келье была полна народа. Множество людей к нему шли за советом, молитвой. Бывало, трапезы общие устраивал — столько народа к нему собиралось. Отчитывал батюшка многих болящих. Братию лечил у мощей святого Агапита врача. Клал болящему Евангелие на голову и читал молитвы, так Господь его молитвами и исцелял. А других лекарств братия не использовала.

Особенно много исцелял он бесноватых. Часами их отчитывал. Он видел тех, кого изгонял — они грозили ему. Но не всех соглашался отчитывать и говорил: “Как же я буду их отчитывать, если они сами позвали. Каких только страшных дел не делали. Одна на кладбище ночью ходила за землей, а потом подсыпала ее, чтобы привораживать. Ворожат, призывают черную силу, вот они и приходят, вселяются в них и начинают бить. Тогда, прибегают и плачут: “Помоги, исцели, изгони!” Вот сама позвала, сама и изгоняй”.

Как-то батюшка в сугубое назидание вопрошающим доверил очень поучительный случай: “Один иеромонах в Лавре без благословения взялся отчитывать двух монахинь. Читал-читал — никакой пользы. Так и ушел спать. Ночью услышал он стук в дверь кельи. Вместо того чтобы перекреститься и промолчать, он спрашивает: “Кто там?” При этом страх на него напал жуткий. Только спросил он, а возле него уже стоит бес — страшный, огромный, под потолок: “Я тебе покажу кто я. Ты что на моих рабов ополчился? Кто тебе позволил? Одна из них давно моя, а другая — совсем недавно”. Монаха будто какая сила сковала, нет сил даже крестное знамение сотворить — так и упал без сознания. Очнулся только после усиленной молитвы старцев через два месяца. Вот так-то, матушки, отчитывать”.

Однажды батюшка отчитывал бесноватую, а сидящий в ней бес прорычал: “Если бы Бог не запрещал, я бы все твои книги порвал”. Батюшка говорил нам: “Какие они страшные и вонючие, невозможно описать. Ангелы своими крыльями заслоняют их от нас, а то никакая душа не выдержала бы, можно с ума сойти и даже умереть от страха, если бы не благодать Божия. Зловоние, чернота, ужас, злоба, ненависть”.

Прохожу однажды мимо раки преподобного Феодосия. Батюшка отчитывает трех женщин. Две явно больные, а третья — хорошо одетая интеллигентная женщина — непонятно, зачем стоит. И вдруг как заревет она грубым и страшным голосом: “Если бы я не был связан, все кресты твои переломал бы, все побил и книги изорвал!” На туристов батюшка никакого внимания не об-

рашал: пришли и ушли. Старенький уже был, за семьдесят лет, а стоял часами и не мог оставить страждущих. От этого у него и болезнь появилась, от которой он ушел — рак мочевого пузыря.

Стоит как-то батюшка, молится, отчитывает больную. Час отчитывает, другой, спрашивает: “Ну как, чувствуешь что-нибудь?” Та крутит головой: “Нет, батюшка”. Старец еще молится. “А сейчас, чувствуешь? Нет? Тогда еще почитаем”. Наконец женщина со-

На празднике прп. Серафима Саровского. Отец Андрей — третий справа

общает: “В ногах тяжело стало, тяжесть давит”. Батюшка говорит: “Наконец-то показался. Ну, мы его оттуда выгоним”. И продолжает молиться. А сам еще не обедал, а уже скоро на вечернюю службу пора. По четыре-пять часов стоял так и отчитывал!

Однажды батюшка сказал, что когда нечистый войдет в человека, то держится за область сердца — как это страшно! “Начинаешь отчитывать: он иногда быстро уходит, а иногда прячется, так что и не знаешь где. Но в конце концов проявится как-нибудь — в ногах или еще где-то. Конечно, если на то есть произволение Божие”, — поделился как-то старец.

Помню, как отец Андрей говорил: “Вы просите молиться об исцелении. Потом вы ночью спите, а бесы нас за это бьют, и болезни несем, и все терпим. Молитесь за нас!”

У моей маленькой дочки одно время так глазки болели, что почти перестала видеть. Пришла, рассказала батюшке о беде. Он помолился, дал водички и наказал промывать глазки — и зрение восстановилось. Вот уже тридцать лет прошло, и все благополучно с глазами, хотя врачи ставили угрожающие диагнозы и требовали немедленной операции. Потом у мужа на работе упал ящик с грузом на руку. Рана долго не заживала и начала гнить. Врачи давали разные мази, но ничего не помогало, чернота стала распространяться по руке. Пришел муж в больницу, а ему говорят, что надо ампутировать кисть, иначе всю руку потеряет. Вернулся домой, рассказал все, а я ему ответила: “Никакой ампутации, поехали скорее к батюшке”. Пришли, поведали о несчастье. Батюшка дал пузырек со спиртом и сказал: “Протри больное место ваткой, смоченной в спирте, положи подорожник и завяжи”. Так и сделали. Через неделю от раны почти не осталось и следа — все кожицей затянулось. Врачи никак не могли поверить в исцеление. Но это, конечно, не спирт помог, а батюшкина молитва.

У прихожанки Лавры была киста. Врачи требовали немедленной операции — иначе смерть. Батюшка не благословил и сказал: “Так проживешь!” И она жива по сей день и ездит к старцу на могилку. Другой женщине дали апельсин. Она его съела, не перекрестившись и не прочитав молитвы — и в животе у нее начало что-то бегать и изводить ее. Прибежала к батюшке, ничего сказать не может, только плачет. Он, ни о чем не спрашивая, благословил: “Сейчас же поезжай в Почаев и молись Божией Матери, Она исцелит”. Так и случилось. За самоотверженный подвиг старца Господь ему открывал причины людских бед и указывал как помочь страждущим и болящим.

Однажды я спросила у него: “Батюшка, а почему вы газеты читаете?” Отец Андрей ответил: “А из них видно, как исполняется то, что предсказано пророками и Писанием — читающий да понимает, как сбывается. А телевизор не смотрите — это их идол”. Помню, пришла к батюшке с искушением: “Пост сейчас, а родня на свадьбу зовет. Что делать? Идти или отказаться?” Старец привел мне историю: “Однажды преподобного Антония Великого пригласил ко двору император Констанций. Тот долго размышлял: для пользы обители — вроде надо пойти, а с другой стороны — пост. Тогда он спросил у Павла Препростого, идти к императору или нет? Павел ответил: “Если пойдешь, будешь Антоний, а если останешься здесь, будешь авва Антоний”. Святой послушался простеца Павла и не пошел к императору”.

Как-то молодой келейник попросил отца Андрея: “Батюшка, я новоначальный. Дайте мне наставление, как жить и спастись”. Старец сказал ему: “Нужно совсем немного знать. Запомни три фразы и других никаких не произноси: “Благословите”, “Простите”, “Спаси Господи”. Дали послушание: “Благословите”. Обидели, оскорбили, доставили неприятность или замечание какое: “Простите”. Сделали что для тебя доброе, или какой другой дар получил: “Спаси Господи”. Батюшка рассказывал, что очень хотел узнать, какая

1940-е годы. Игумен Андрей — первый слева. Третий слева — наместник Лавры архимандрит Валерий (Устименко)

участь ждет монахов, имевших неисповеданные грехи и живших нерадиво. И однажды увидел сон: лежат эти монахи на спине — руки за голову, на узкой стезе. Справа от них огонь, пламя пожирающее, слева — пропасть адова. И двинуться им никак нельзя, ибо сразу свалишься либо в огонь, либо в пропасть. И хотя муки адовой они сами не испытывают, но все видят, а сделать ничего не могут — и так будет до Страшного Суда.

Пришел в Лавру мужчина и громким голосом спрашивает (и надо же — прямо на батюшку попал): “А где тут у вас прозорливый Андрей?” Батюшка ему ответил: “Прозорливых у нас в Лавре нет, есть только прожорливые”, — и ушел.

Очень любил батюшка Богородичные праздники. Если он был служащим на седмице, то заранее предупреждал своих духовных чад, чтобы принесли кто цветочки, если есть участок, кто — материи. И так икону празднично украсит, что все удивлялись. Однажды задержался батюшка после службы в алтаре, и я поинтересовалась: “Батюшка, вы почему так долго не выходили?” Он говорит: “А я Евангелие водичкой помыл”. “А водичку куда дели?” Он улыбнулся: “Выпил”. Какой он был ласковый со своими чадами духовными, прямо светился, такая любовь от него исходила — всем становилось радостно с ним, все беды куда-то уходили, как будто сам в каком-то свете находился.

В 1961 году были развешены объявления о том, что ввиду аварийного состояния Лавра временно закрывается на ремонт. Настоятелем монастыря в то время был епископ Нестор (Тугай). Его по всем храмам Украины поминали. История владыки Нестора такова. Пришел он из села Жуляны в Лавру со своей мамой, когда ему было девять лет. Перед этим долго просил ее, чтобы свозила его туда. Мать оставила сына в Лавре на месяц по его просьбе. За это время он вышил несколько облачений, да так красиво! Полюбили его в Лавре. Когда мать приехала за отроком, тот попросил не благословить его выйти к ней. Но мальчику сказали: “Нет, пойді к матушке и скажи, чтобы она пришла за тобой через полгода, а там посмотрим”. Так он и остался в Лавре, потом принял постриг, стал архимандритом, епископом и доживал свои дни на покое здесь же, в Киеве.

Лаврские старцы знали, что монастырь закроют. Но они говорили верующим, что придет время и Лавру снова откроют, если мы будем достойны, если будем молиться. Это величайшая святыня земли Русской, отсюда пошло наше монашество. Сразу после закрытия Лавры на Киев обрушились бедствия: земля поколебалась,

многие дома стали оседать и проваливаться, было объявлено аварийное состояние, многих выселяли из домов. Но самое страшное — случилась трагедия на Куреневке, когда в Бабьем Яру прорвало дамбу и грязевой вал высотой 14 метров понесся вниз на Подол. В этом селевом потоке погибли около полторы тысячи людей. Но знамения эти никого ни в чем не убедили. А ведь старцы знали, что говорили, ибо говорили не от себя — Господь открыл им. Отец Андрей тоже предупреждал, что Лавру закроют. Когда это произошло, он раздал своим духовным чадам все, что у него было в келье. Благословляет всех, а сам плачет.

Прибежала я к нему одной из последних: “Батюшка, благословите”, а сама еле сдерживаюсь, чтобы не зарыдать. Тогда он забрался на самый верх, снял единственную оставшуюся в келье икону Святой Троицы и благословил меня ею. Эта икона до сих пор у меня хранится, всегда молюсь перед ней и вспоминаю дорогого старца, каждый день читаю за него кафизму.

После закрытия Печерской обители братия, в том числе и отец Андрей, уехали в Почаев, где на протяжении ряда лет он продолжал окормлять часть братии и многочисленных паломников. Батюшка писал: “Все слава Богу хорошо. Наместник принял хорошо, дали светлую келью, ходим на послушания”. Потом батюшка в Почаеве заболел, через несколько лет удалился на покой и жил в Золотоношском Красногорском монастыре. Сначала духовные чада часто ездили к нему, потом все реже и реже, и, наконец, остались только самые верные. Бывало, приедешь к нему, привезешь гостинцев. Уж как он радовался, что его навестили, плакал и говорил: “Мое дорогое любимое чадо приехала. Да я готов еще сколько угодно болеть и страдать, только бы моим чадам, моим дорогим деткам было хорошо, чтобы они не болели”. И я тоже не могу слез сдерживать, такое к сердцу подступает, невозможно выразить. Батюшка говорил: “После закрытия Лавры многих опытных старцев на дальние приходы послали, чтобы они не могли передать свою великую науку молодым — и они скоро все поумирали”.

Уже больной, перед кончиной, старец говорил: “Когда я уйду из жизни, приходите ко мне на могилку и все-все расскажите, как ваша жизнь идет, все свои беды и радости, а я за вас и помолюсь”. Когда долго не было возможности приехать, он такие слова сказал: “Враг стал поперек и не пускает любимое чадо ко мне”. Последние годы старец проживал в доме благочестивой монахини Августы, досмотревшей его, и по мере сил посещал монастырские богослужения.

Одной киевской монахини, его духовной дочери, приснился батюшка и сказал: “Иду в Иерусалим, скажи Матроне, чтобы зажгла две лампы”. Когда услышала эти слова, поняла, что отец мой на пути в Горний Иерусалим и всей душой потянулась к батюшке, но дочь болела, и я никак не могла ее оставить. И вот 11 июля 1964 года под самый праздник первоверховных апостолов Петра и Павла пришла телеграмма: “Срочно приезжайте хоронить”.

Умирал батюшка трудно, болезнь была ужасная: все тело опухло. Но он все терпел, был ласковым, радостным. Перед концом сделал все распоряжения, дал деньги на погребение, попросил купить кагора для певчих, поручил сделать угощение, назвал день своей кончины — канун праздника святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

Все ждали этого дня — и вот он настал. Перед самым моментом кончины батюшка взял в одну руку зажженную свечу, в другую — крест, прижал его к груди и сказал тихо: “Вот пришли апостолы Петр и Павел — у изголовья, а вот и преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские — встали в ногах. А те, кого изгонял из больных — у дверей толпятся и ждут”.

Еще батюшка попросил, чтобы, как только душа отойдет от тела, начали читать Евангелие и подвязали рот платочком. Потом наклонил голову набок, как будто от чего-то отворачивался, прошептал: “Прости-и-те”, дал знак начинать читать Евангелие и отошел.

Над ним сразу начали читать Евангелие, пошли давать телеграммы и готовиться к похоронам. Подвязали рот платочком, как он просил.

Перед кончиной батюшка просил похоронить его в Киеве рядом со своим старцем. Буквально за полдня после получения телеграммы договорились обо всем, наняли машину и выехали в Золотоношу. К нашему приезду батюшка уже был облачен и лежал в храме монастыря. Когда мы сказали, что приехали с машиной, чтобы перевезти тело батюшки в Киев, отец архимандрит, выехавший раньше нас из Киева, ответил: “Что вы, мои дорогие, мы его еле донесли, нет на то благословения. Видно, Господь решил, что место его упокоения здесь”. Через время после своей кончины приснился мне батюшка и сказал: “Никто из чад моих не приходит ко мне, забыли. Одна только ездит, да и та больная”. И в самом деле, на могилку его почти перестали ездить, а ведь он помогает — и как помогает! Как при жизни, так и теперь молится за нас. Приехала как-то к нему на кладбище, наплакалась, все ему рассказала про

свою жизнь. Пора собираться. Вышла за ограду — и не могу идти дальше. Снова вернулась, опять плакала и рассказывала. Снова собралась уходить. И снова не могу шагу ступить. Только на третий раз стало светло и радостно. Не хотел батюшка меня отпускать в плохом состоянии с тяжестью на сердце.

Одной монахине, бывшей его духовной дочерью, приснился сон: отец Андрей стоит в рваной одежде и плачет. Та ужаснулась и спросила: “Почему вы такой оборванный, батюшка?” — “А никто мне не подает”. А эта монахиня была скуповата: шила облачения и накопила много денег, которые прятала в кубышку. Тогда взяла она оттуда тысячу рублей и подала за упокоевание игумена Андрея. После этого он снова приснился ей в прекрасных одеждах, светлый и радостный”.

О лаврском старце игумене Андрее есть упоминание в жизнеописании блаженной старицы Алипии Голосеевской: “Отец Андрей принимал всех: отчитывал бесноватых, исцелял больных, помогал нищим, всех кормил с Лаврской трапезы. В келье его всегда было много народа и двери, в полном смысле, никогда не закрывались. Вся жизнь отца Андрея проходила на людях”. Старенькие матушки Киевского Флоровского монастыря рассказывали, что к Христа ради юродивой инокине Ольге (Качановской † 1971) время

С братией и прихожанами Лавры. Отец Андрей — третий справа

от времени под покровом ночи приходил игумен из Лавры со Святыми Дарами и причащал ее. Это был известный старец-духовник игумен Андрей (Мищенко).

Как при жизни батюшка изгонял бесов, так и после упокоения своего помогает одержимым духами злобы. Одной болящей женщине сидевший в ней бес сказал: “Мне страшен игумен Андрей”. Она долго ездила по всей стране, пыталась выяснить, где живет игумен Андрей. Наконец, узнала, что он погребен в Золотоношском Красногорском монастыре. Женщина приехала туда, пошла на его могилку, страшно кричала там, билась и плакала. Корчилась и выла на могиле так, что слышавших ужас охватывал. И вдруг из ее рта вырвалось серое облако и как вихрь унеслось куда-то. Господь исцелил ее молитвами старца. После этого она исповедалась, спокойно и благоговейно причастилась.

Приведем единственное письмо приснопоминаемого игумена Андрея. Пусть в конце повествования о нем прозвучит голос самого старца:

“Многоуважаемые о Христе духовные чада! Поздравляю Вас с Великим Постом и желаю от Господа всех Вам духовных благ о спасении Ваших душ, а также дождения Светлого Праздника Воскресения Христова. Начнем непорочный пост иже есть душам спасение. Поработаем Господеви со страхом и трепетом, принесем Богу дар добродетелей в нем же отложим дела тьмы, облечемся в оружие света, якоже вси святые со Апостолы и Пророки вопиют: “Помилуй мя Боже и спаси”.

Будем же пребывать в непрестанной молитве и посте, дабы и нам получить Царствие Небесное с праведниками. Якоже десять дев прияти светильники своя и издати в Сретение Жениху Господу нашему Иисусу Христу, и тако наследуем Царствие Небесное со святыми. Аминь.

Да спасет Вас Господь и помилует за Вашу Любовь. У нас все слава Богу благополучно. Простите. Ваш молитвенник. Грешный игумен Андрей”.

Справа от дороги, перед входом в монастырь — оградка кладбища. Разрослось монастырское кладбище, и сегодня могила старца игумена Андрея находится среди многих могил почивших сестер обители. Первое, что видишь, — могильный крест, на перекрестии которого застекленный ящик с иконой и лампадой. Чуть выше надпись: “Игумен Андрей, духовник Киево-Печерской Лавры”, и пониже: “Духовные мои чада, поминайте меня, егда молитесь”.

Жизнеописание схиархимандрита Прохора (Дубровского)

(08.07.1887 – 20.09.1977)

Схиархимандрит Прохор (в миру Дубровский Прокопий Данилович) носил в монашестве имя Полихроний. Биография этого старца воплотила нестроения сложной и неоднозначной эпохи, отразившей противоречия предреволюционного периода и гонения, последовавшие после него. Он был из тех, кто в своей земной жизни мужественно претерпел многие испытания за веру⁴⁵.

Родился Прокопий 8 июля 1887 года в селе Шпотин Старобельского района Харьковской области в простой крестьянской семье. В 1899 году он окончил курс церковно-приходской школы. Милостию Божией, как гласит предание, стал преемником преподобного Ионы Киевского. И хотя последний почил в 1902 году, он успел оставить заметный след в душе молодого подвижника, который исполнился благочестивым помыслом о принятии монашества. Непосредственно перед призывом его как выходца из крестьянского сословия на службу в Русскую армию чудесный случай изменил его жизнь. Пламенея любовью к Богу и Церкви, Прокопий дал обет: если Владычица благословит послужить не земному Царю, а Небесному, то да управит Она его стопы на Святой Афон.

Несомненным, по его мнению, свидетельством того, что желание его угодно Богу, явилось освобождение Прокопия от воинской повинности. Непосредственно перед отъездом на Святую Гору, как истинный послушник, Прокопий отправился за благословением к духовному сыну преподобного Серафима, широко известному среди православных людей отцу Ионе, основавшему по повелению Богородицы Свято-Троицкий монастырь в Киеве. Однако богопослушные уста этого подвижника благочестия изрекли воспрещение юному воину небесному: “Не благословляю, — неожиданно строго сказал он. — Такие послушники мне и самому нужны, а на Афоне найдутся!” Так и остался юноша Прокопий под мудрым руководством старца Ионы.

С тех пор будущий старец стал послушником Свято-Троицкого Ионинского монастыря, а в 1919 году был пострижен в лик ангельский с наречением имени Полихрония. Неукоснительное соблюдение монашеского устава, высокая ревность о Господе были замечены в нем священноначалием. В 1921 году архиепископ Назарий рукоположил монаха Полихрония в иеродиакона, а в 1927

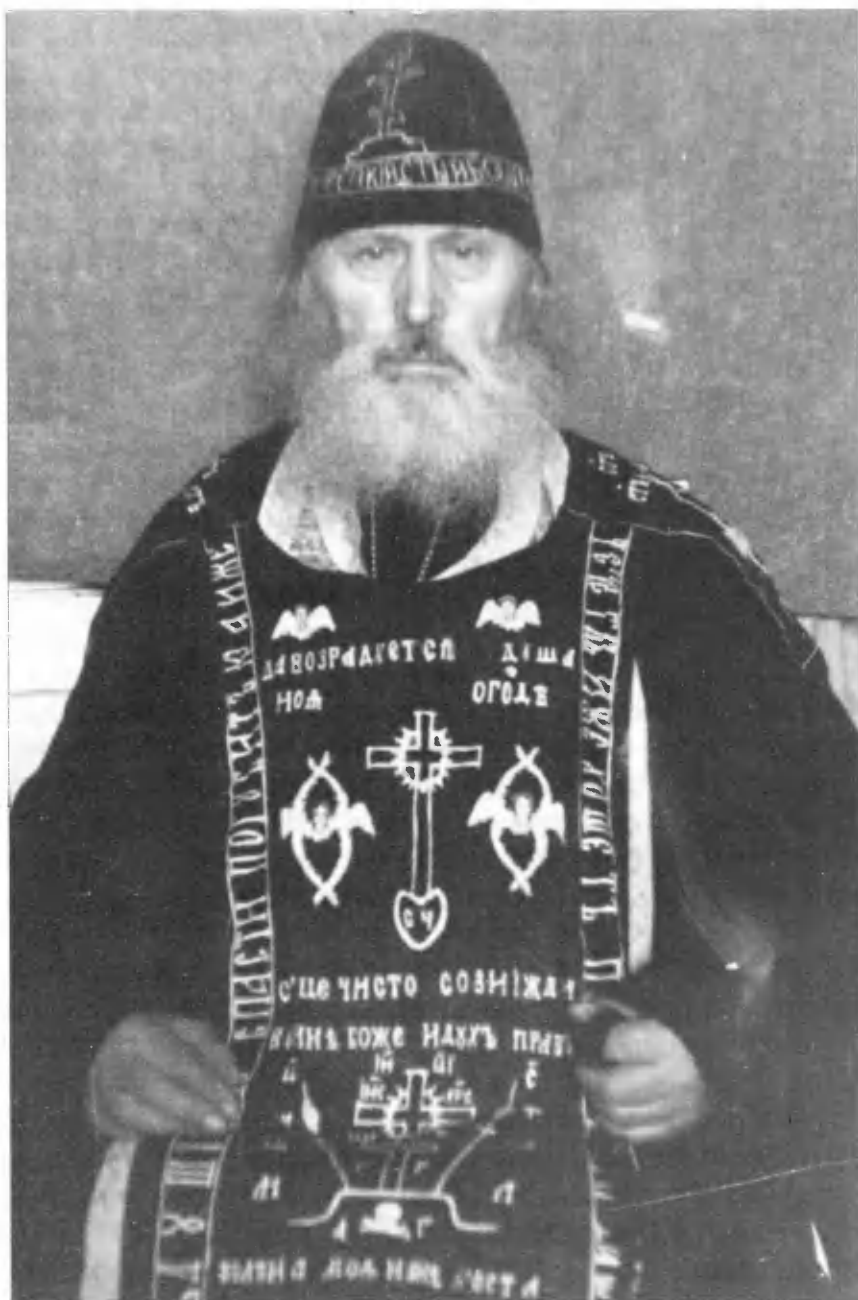
году архиепископ Георгий — в сан иеромонаха. Будучи смиренным и послушливым, он угождал Господу настолько, что сподобился высокого дара прозорливости. За ревность в выполнении послушаний в 1931 году он удостоился высокой церковной награды: ему благословили ношение набедренника. Уже тогда многие люди, видя в нем духоносного и рассудительного наставника, обращались к нему за советами.

Время, в которое иеромонах Полихроний оказался призванным на свещник священнического служения, было чрезвычайно сложным. В годы гонений, обрушившихся на Церковь, постепенно, под различными предложениями, из Ионинского монастыря стали выводить братию, чтобы вскоре закрыть его окончательно. В 1934 году монастырь был закрыт. Иеромонах Полихроний ушел из обители позже всех братий, не по своей воле, а подчинившись жестокому принуждению конвоиров, до последней минуты выполняя свой священнический долг. Когда за ним пришли, чтобы взять под арест, проводимая им Божественная литургия подходила к концу. Чтобы не оставить Святые Дары на поругание, болезнью о находившихся в заключении братиях, иеромонах Полихроний вынес под рясой Тайны Христовы и причастил в тюремной камере всех, желавших сей пищи вечной и питья неистощимого.

Вскоре после закрытия Ионинского монастыря и выдворения из него всех насельников иеромонаха Полихрония выпустили из заточения, и в 1935 году он стал настоятелем прихода в селе Носовка Черниговской области, продолжая и там послушание духовничества. За самоотверженные труды на ниве Господней был награжден наперстным крестом, а в 1936 году преосвященным Стефаном (Проценко; † 1960) епископом Черниговским и Носовским возведен в сан игумена. Однако, привыкнув к монастырской жизни, он тяготился вынужденным пребыванием в миру.

Было в жизни отца Полихрония место и исповедническому подвигу. Тень грозного 1937 года упала на него: он пережил арест, тюремное заключение, познал ужас лагерей, однако не был сломлен. О периоде с 1937 года до поступления в 1945 году в Киево-Печерскую Лавру старец ничего не рассказывал, и даже в послужном списке не содержится никакой информации, проливающей свет на обстоятельства его жизни в это время. Однако от близких к старцу людей доподлинно известно, что он отбывал наказание в сибирских лагерях. Об этом, в частности, свидетельствует схимонах Зосима, бывший его келейником в Почаевской лавре: «Отец Прохор рассказывал мне, что в 1937 году к нему обратилась некая благоче-

стивая женщина с просьбой причастить ее на дому. Властями это строго воспрещалось, но, имея доброе любвеобильное сердце, он не мог отказать страждущей, и, несмотря на опасность, выполнил свой пастырский долг. Когда об этом стало известно в соответст-

Схиархимандрит Прохор (Дубровский)

вующих органах, его тотчас же арестовали и отравили в лагерь за “антисоветскую деятельность, направленную на подрыв государственного строя и нарушение законов”.

Это не испугало мужественного исповедника, который и в условиях тюремного заключения и непрекращающейся слежки умудрялся проводить богослужения. Во время Божественной литургии, совершавшейся тайно, престолом ему служил обыкновенный камень. Нанеся на простое полотенце кресты и сделав из него таким образом епитрахиль, он тайно исповедовал многих верующих и во время работы, укрывшись за кустарником, раздавал им Святые Дары. Господь благословил его труд, явив чудо: причастившись, многие заключенные, страдавшие неизлечимыми болезнями, получили исцеление. Эту бесценную епитрахиль отец Прохор сохранил до конца своих дней, однако, по смирению, избегая человеческой хвалы, практически никогда не вспоминал об этом.

О том, насколько высоким был исповеднический подвиг отца Прохора, свидетельствует рассказ архимандрита Власия, восприемником при постриге которого был приснопамятный старец: “А помнится, как старцы наши говорили нам: “Если скорбно будет, вспомните, как мы жили, в ссылках были, а от Господа никуда не ушли. Господь нас там утешал. Мы ведь тогда молодыми были, что ж нам тогда, — по сорок, по пятьдесят лет было, когда мы в тюрьмах находились”. А я тогда спрашивал: “Батюшка, а вы там пост соблюдали?” — “А как же, там был особый пост. В понедельник ничего не ели, в среду и пятницу тоже редко бывало что. Когда молитвой напитаена душа, когда утолен душевный голод, то тело уже не так чувствует и телесный голод, оно пищи уже не так требует. Нас наполняла прямо бодрость, радость, сладость, — так хорошо было”.

После Великой Отечественной войны, во время которой многие монастыри возобновили свою деятельность, игумен Полихроний с 1945 года был зачислен в число братии Киево-Печерской Лавры, где по благословению священноначалия получил послушание блюстителя пещер и старшего записчика. А в 1955 году правящим архиереем, митрополитом Иоанном (Соколовым) был возведен в сан архимандрита. Не вызывает сомнений, что подвижническая жизнь старца и его исповедническое прошлое оказали существенное влияние на формирование духовно-нравственного облика следующего поколения братии Лавры, пришедшей в обитель в послевоенные годы.

Отец Полихроний обрел широкую известность в среде верующих высотой духовной жизни и тем, что в сложные времена усиливающихся гонений достойно нес почетное и многотрудное послушание духовника. Сам облик отца Полихрония, образ его жизни, высокое смирение, которым он обладал, лучше всяких слов свидетельствовали о его духовности. Это неоднократно подчеркивали в воспоминаниях архимандрит Авраамий (Куява), прошедший аскетическую школу на Абхазских вершинах отец Мардарий (Данилов) и неутомимый отец Руф (Резвых). Об этом же свидетельствовал схииерхимандрит Феодосий (Орлов), с любовью вспоминая о восприемнике. От иеромонаха Мардария известно, что Господь через слугу Своего, духовника Печерской Лавры архимандрита Полихрония, благословил гонимых монахов, тем, кому по силам было понести подвиг пустынножительства, идти в горы на Кавказ.

О незабываемой встрече с отцом Полихронием в Лавре рассказывал приснопамятный схиигумен Амвросий (в миру Павел Титенков), насельник Одесского Свято-Успенского мужского монастыря. “Будучи еще в миру, он собрался провести в лечебнице для душевнобольных — Кирилловской больнице — блаженную Екатерину. Желая поддержать физические силы своей старицы, Павел стал искать в Киеве мед. Но нигде его не находил. Время было тяжелое и голодное. И вот пришло ему на ум, что можно попросить меда в Киево-Печерской Лавре. Павел помолился и, когда пришел в Лавру, как раз увидел полную банку меда на панихидном столике в храме. Павел стал упрашивать требного священника продать ему этот мед для юродивой. Но послушный монастырской дисципли-

*Во время пребывания в Киево-Печерской
Лавре*

плине, тот переадресовал просителя к лаврскому духовнику архимандриту Полихронию. Делать нечего, Павел пошел к названному старцу. Отец Полихроний, узнав, кому предназначается мед, с радостью поспешил в храм, вручил его просящему, поцеловал Павла в лоб и велел ему кланяться блаженной Екатерине. При встрече прозорливая матушка поцеловала его в то самое место на лбу, которое так недавно облобызал старец-архимандрит Полихроний и возблагодарила Господа”⁴⁶.

Когда над Киево-Печерской Лаврой нависает угроза закрытия, и братию под различными предложениями рассредоточивают по провинциальным монастырям, отец Полихроний приходит в Почаев. Власти, безжалостно изгонявшие монахов, не посмели расправиться с ним в связи с широкой известностью старца. Ему не смогли воспрепятствовать поселиться в Почаевской обители, как запретили остальным инокам, судьбы которых сложились порой самым драматичным образом. С 1959 года архимандрита Полихрония зачисляют в число братии Почаевской Лавры, о чем вспоминал, в частности, отец Мардарий: “Уже в 1961 году Лавру закрывают и нас высылают вон. Отец Прохор к этому времени уже перешел в Почаевскую Лавру. Поскольку батюшку все знали как великого подвижника, его приняли в число Почаевской братии, власти не могли ему помешать, и он там остался духовником. Нас же, рядовых монахов, нигде не брали, так как был строгий запрет со стороны властей”.

С 1959 по 1962 годы батюшка наряду с духовничеством исполнял почетное послушание киотного, предстоя перед чудотворной иконой Почаевской Божией Матери. К нему, как и в Киеве, притекали люди, стремившиеся разрешить свои недоумения, получить благодатную помощь. Об этом периоде жизни старца его келейник Зосима вспоминает: “Отец Полихроний был очень кроток и смирен, боялся кого-либо обидеть не только делом, но и словом. Он был духовным другом преподобного Амфилохия, и тот всегда исповедовался у отца Полихрония. Отец Амфилохий часто приходил к нему в келью, и они подолгу беседовали. Так же часто приходил и отец Ахила (Орлов). Отец Полихроний очень любил преподобного Иону Киевского и считал его своим наставником”.

Теплыми словами вспоминал своего духовного отца и старца-восприемника схиархимандрит Макарий (Болотов † 2001). Спустя время в 1958 году отец Прохор оповестил духовное чадо о важном событии в его жизни, являя очередной пример прозорливости, коей удостоил его Господь. “Сынок, Матерь Божия окажет тебе

милость. Приедет незнакомец, — говорил отец Прохор, когда молодого монаха вызвали в военкомат для призыва в армию, — он тебя хорошо знает. И ты его знаешь, но немного подзабыл”.

“И вот я в военкомате. Внезапно появляется Военный, не сказать, что я забыл лицо, но как бы не узнаю его, — красоты ангелоподобной. Выводит он меня из военкомата, подводит к своей машине, отдает все документы на руки и говорит: “Более они тебя вызывать не будут. Это последний вызов. Живи спокойно и меня вспоминай. Ты — мой друг, и я — твой, а ты меня подзабыл. Езжай, ты должен будешь служить для другого Воинства”.

А надо сказать, что с детства отец Макарий пронес горячую любовь к двум святым, отвечавшим ему взаимностью: святителю Николаю и Георгию Победоносцу. Именно великомученик Георгий и был тем самым Военным, который земную воинскую службу переменил ему на службу в армии Небесной. Когда монах вернулся после этого в Лавру, отец Прохор встретил его со словами: “Ну вот, сынок, и милость с тобой!” Так исполнились слова духовного отца о незнакомце. Случай этот очевидным образом свидетельствует, как близок Небесный мир таким старцам, как отец Прохор. Это люди не от мира сего.

Ценным представляется еще одно воспоминание схиархимандрита Макария о том, как духовно окормлял своих чад старец Прохор: “Вот на открытие помыслов, бывало, идешь, а оттуда летишь, — так легко! Думаешь, были бы крылья, — полетел бы от радости. А то бывает по-другому. Такие иной раз наступают минуты, что стыдливость не дает говорить. А батюшка отец Прохор и го-

Духовник обители

ворит: “Нет, чадо, надо все открывать. Гляди, затаишь сатану — он покоя не даст!” Сам себе и думаешь, что лучше: погореть тут немножко от стыда или в будущем от огня? И тогда все рассказываешь. А если что и утаишь да не скажешь по застенчивости, старец и говорит: “Вот, чадо, когда я был молоденький, так меня такие-то помыслы одолевали”. Тогда и сам признаешься: “Батюшка, и у меня такие же”.

У старцев наших один дух был. Нередко в одно слово совет или суждение услышишь от двоих, — как будто они по телефону поговорили. Вот что значит души, соединенные благодатью Христовой. И ведь ревности они друг ко другу не испытывали, напротив была искренность, духовная любовь ко всем. Благословение и напутствие на будущее пастырство нам наш старец Прохор давал такое: “Утешайте людей, ругать их есть кому, а вот утешать некому. Утешайте!” Также поступал и печерский старец, бывший затем в Почаеве, схиархидиакон Иоанн.

В 1966 году отца Полихрония постригли в схиму с именем Прохора. По болезни батюшку освободили от почетных послушаний, однако старческое окормление духовных чад схиархимандрит Прохор не оставил практически до конца жизни. Господь даровал ему долголетие и призвал в горний мир в 90 лет от роду 20 сентября 1977 года. Благодарная память о духоносном старце продолжает жить и до настоящего времени. На памятнике, установленном на могиле старца, выгравированы евангельские слова: “Научитесь от Меня, яко кроток и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим” (Мф., 11:29). В этих словах заключен смысл всей жизни схиархимандрита Прохора.

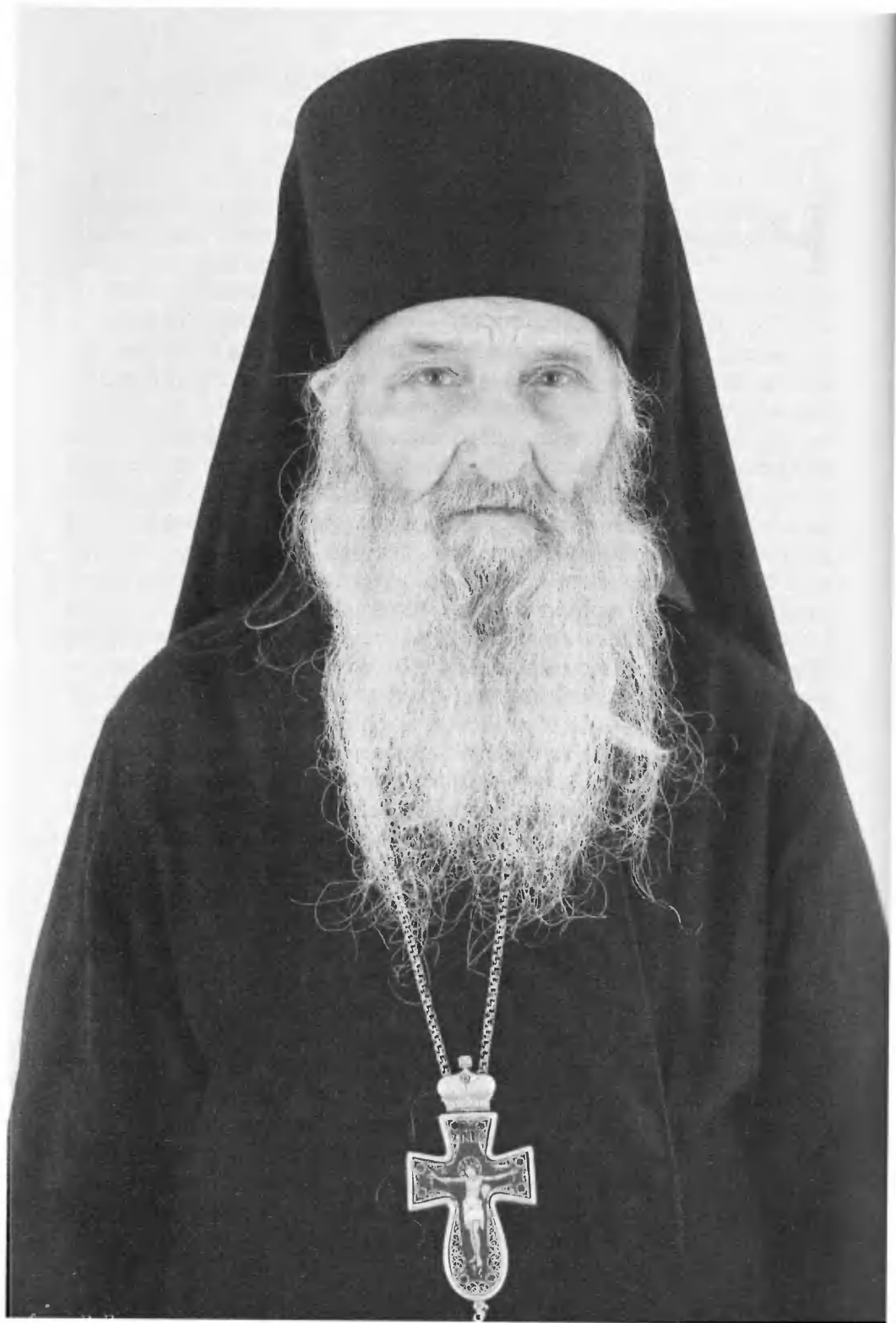
Жизнеописание схиархимандрита Феодосия (Орлова)

(17.03.1906 – 20.06.2003)

Родился схиархимандрит Феодосий (Александр Макарович Орлов) 17 марта 1906 года в Сибири, в селе Кадниковское Томской губернии. Имя его отца — Макар, матери — Матрена. Как и большинство сельских детей, он пошел в школу, окончил четыре класса, а потом — работа. Работал в колхозе, в сельском хозяйстве. Затем был призван в армию и три года служил в Чите. Некогда в частной беседе старец Феодосий вспоминал, что был кавалеристом. После армии его ждали целина и Казахстан, где он десять лет возил зерно, работая водителем. Во время Великой Отечественной войны пять лет работал в Хабаровске на военном заводе день и ночь. После войны странничал. Когда Господь призвал его сердце в монастырь, он пешком из Сибири в Киев за три месяца пришел в Киево-Печерскую Лавру, где его приняли в 1950-м году. В сорок четыре года он стал послушником. В сорок семь лет его постригли в монашество с именем Ахила⁴⁷.

Отец Ахила уже в период странничества хорошо знал тексты Святого Писания и святоотеческие толкования на них. В молодости Александр сподобился дивного видения. Его взору открылась обитель с золотыми, уходящими в небо, куполами, величественной колокольной и глубокими подземельями, в которых обитали святые. Находясь в сибирской глуши, он, возможно, и не знал о Киево-Печерской Лавре, однако Господь духом приоткрыл завесу над благословенной обителью под благодатным Покровом Божией Матери. Когда странник Александр в первый раз посетил святыни Киева, его изумленному взору предстала до мельчайших подробностей запомнившаяся картина, запомнившаяся с юности.

В начале 50-х годов, едва переступив порог Святых врат Киево-Печерской Лавры после многих лет странничества, он сподобился видения, в подлинность которого сам боялся поверить. Вот как об этом он поведал сам: “Когда я пришел в Киево-Печерскую Лавру, монахи приглашали меня в келии, но я не хотел: то под кустиком где-нибудь переночую, то в сарае. И все ходил молиться. Я не мог нарадоваться, что попал в такую святыню. Однажды, когда я вышел из церкви, ко мне подошла Женщина необычайной красоты (Она не одна была, вместе с Ней явилось много людей) и говорит: “Ну, расскажи, что ты здесь видел, что знаешь”. — “Ничего не видел, ничего не знаю”, — ответил я. Она удивилась: “Как? Ходишь по

этим святым камням, и ничего не видел и не знаешь?” От смущения я не мог даже ответить Ей. Она в утешение протянула мне Свой посох: “На тебе Мой посох, подержись за него, — в нем твоя сила”. Когда я взялся за посох, то меня тотчас обожгло, как огнем, от самого низа до верха. “Ну ладно, хватит”, — произнесла Жена и забрала посох.

Еще не растаяли в воздухе удивительные слова, как Владычица, укрывшись звездным омофором, растворилась в воздухе, и вместе с Ней стали невидимыми все, кто находился при Ней во время чудесного видения. С благоговением и радостью воспринял подвижник это явление. По смирению, он отказывался верить, что сподобился подобной милости, и долго расспрашивал окружающих, видели ли они что-либо: “Растерявшись, я стал спрашивать у прохожих о Женщине с посохом, но никто, кроме меня, ничего не видел”... Позже лаврские старцы объяснили Александру, что он сподобился лицезрения Самой Божией Матери, Которая утвердила подвижника на избранном пути, благословив на дальнейший труд. Воистину сила, исшедшая от посоха Пресвятой Владычицы, укрепила дух и плоть отца Ахилы настолько, что для него стали возможны чрезвычайные подвиги, которыми подвизались великие отцы первых веков христианства. Современнику, ослабленному благами цивилизации, даже трудно представить, что в наши дни у Бога еще есть такие подвижники.

В силу всевозможных козней власти сопротивлялись приему Александра в Лавру, на протяжении долгого времени не давая разрешения на прописку. Его нередко арестовывали за “бродяжничество” и во время допросов откровенно глумились над его благочестием и незлобивостью. Иногда же, ощущая, что прямая агрессия не дает желаемых результатов, лицемерно меняли гнев на милость. “Ты же хороший водитель, — уговаривали его, — можешь потрудиться для семьи и для отечества”. Различая их лукавство, он незлобиво, но достаточно твердо и последовательно отвечал: “Я домой хочу, но только дом мой находится не в земных, а в Небесных обителях”. В конце концов, убедившись, что решимость исповедника преодолеть не удастся, на него наклеили ярлык психической неполноценности.

Александра отправили на принудительное лечение, используя старый испытанный метод “переубеждения” инакомыслящих. Отец Феодосий рассказывал впоследствии, как по “милости” своих притеснителей попал в палату буйнопомешанных, и лишь Иисусова молитва, которую он непрестанно творил, сидя в углу,

спасала от нападения людей, одержимых духом злобы. Действие, производимое молитвой, было ошеломляющим. Болящие сбились в противоположном углу палаты и испепеляли его глазами, исполняясь агрессией по отношению к “возмутителю спокойствия”. Это убеждало Александра в том, что причины их повреждения имеют духовный характер. Одержимые впадали в ярость, когда он смирял свою плоть постом в среду и пятницу, поскольку в психбольнице непременно подавали мясо.

Лаврский паспортист, иеродиакон Захария, рассказывал, как, явившись в больницу по благословению наместника Лавры епископа Нестора, с просьбой отпустить Александра в обитель под поручительство священноначалия, стал свидетелем вопиющего факта. Закаленного в житейских бурях монаха бросило в дрожь от того, что открылось его взору: голова Александра была положена на полено, рядом с которым находился отточенный топор. Вскоре в палату зашел милиционер и стал убеждать подвижника: “Вот видишь, Александр, тебя зарубить хотели, а я спас”. В ответ на эти лживые слова странник смиренно ответил: “Все в руках Божиих, на все Его воля! Значит, Господь дает мне еще возможность пожить”.

Иеродиакон Захария добился возможности взять “больного” на поруки. После долгих мытарств забрав подвижника из психбольницы, отец Захария приехал с ним в Лавру. По словам архимандрита Аврамия, он вышел из лечебницы побитым, постриженным и выбритым, но совершенно не озлобленным и не утратившим душевный покой. Дух его был по-прежнему бодр и мирен. Когда его сочувственно спросили, не издевались ли над ним в больнице, он смиренно ответил: “Нет. Все хорошо. За все нужно благодарить Бога”.

Однако искушения не прекратились. Когда он ночевал в монастырском саду, милиция, бывало, избивала его палками, порой достаточно жестоко. Он же лишь крестился и повторял: “Слава Тебе, Господи, слава Тебе!” Однажды Александра вывезли за город, приказав больше в Лавру не возвращаться. Через день он вновь появился в обители, избитый, но не утративший силы духа, и вновь начал трудиться на послушании. Монах, ставший невольным свидетелем этой экзекуции, рассказал об увиденном благочинному, игумену Андрею. Перекрестившись, тот ответил: “Молчи, он все выдержит”.

Александр нес разные послушания: и в записном столе, и на Дальних пещерах, и в качестве разнорабочего. Одним из тех, с кем Александр познакомился в Печерской обители, был монах

Мардарий, пришедший сюда несколько ранее и уже имевший некоторый опыт монашеской жизни. Монашеская судьба промыслительно свела этих людей в одной келье. Промыслительность встречи их тем более очевидна, если учесть, что после закрытия обители и периода рассеяния братия вновь встретились в горной пустыни Кавказа. Иеромонах Мардарий рассказывал: “Отец Ахила был очень строгий, ревностный. Его постоянно преследовала милиция, все проверяли, думали, что он бродяга. Однажды, примерно в 1954–55 годах, его арестовали. Произошло это неожиданно. Он вышел из пещер и только поднялся наверх к выходу, как его забрали в милицию, допросили и положили в психбольницу”.

Обитель, безжалостно разоренная после революции и войны, молитвами и трудами иноков быстро восстанавливалась, однако не хватало специалистов, было катастрофически мало рабочих рук. Трудники, имевшие шоферские права, были редкостью, а тех, кого удавалось нанять хотя бы временно, милиция, требуя прописки, притесняла так, что никто долго не выдерживал. Владыка Нестор лично благословил Александра на это послушание: “Садись, Александр, за руль, вози дрова”. Так пригодился его водительский навык.

Многие насельники Лавры долго вспоминали случай при благоустройстве святых источников, когда доверху груженную кирпичом машину направили вниз по крутому склону, густо усаженному деревьями. Обслуживающий владыку водитель со стажем, внимательно посмотрев вниз, только покачал головой. При всей своей опытности он понимал, что спуститься на грузовике к источникам — задача почти невыполнимая. Александр же, получив благословение, не мудрствуя лукаво, мысленно воззвал ко Господу, перекрестился и не раздумывая направил машину между деревьями по склону. Дорога в самом деле была слишком узкой даже для легкового автомобиля и изобиловала крутыми поворотами между деревьями. Александр, находясь в это время внизу, занимался разгрузкой кирпича. После завершения работы, он молча сел в машину, еще раз осенил себя крестным знамением и попросил благословения у первоначальников святой обители, обращаясь к ним, как к живым людям: “Преподобные Антоние и Феодосие, благословите!”

И машина, несмотря на опасные повороты и крутизну склона, стремительно выехала наверх. Архиерей, внимательно наблюдавший за происходящим, был чрезвычайно доволен увиденным и, не скрывая улыбки, ободряюще сказал: “Ну, Александр, ты действи-

тельно шофер первого класса!” Монашеский искуc Александр проходил легко, с радостью. Любое послушание выполнял безропотно, и за все, что с ним происходило, благодарил Бога, — особенно за скорби, которыми так часто посещал его Господь. Всем было очевидно: в его лице обитель обрела истинного воина Христова, и основные трудности, возникшие перед ним в это время, были лишь в том, чтобы узаконить его пребывание в Лавре.

Получив в Киеве категорический отказ с пропиской, отец Захария отправился на поиски правды в Москву. И хотя попасть на прием к кому-либо из высших правительственных чинов было практически невозможно, решительность лаврского паспортиста преодолела препятствия. Имея биографию, удостоверенную ценной записью в трудовой книжке, он проявил настойчивость и добился приема у самого Хрущева. Тот же, увидев благодарность, заверенную его личной подписью, вынес резолюцию: “Прописать гражданина Орлова”. Парадоксальность ситуации состояла в том, что волей Промысла один из самых жестоких гонителей Православия, по распоряжению которого в 1961 году Лавра была закрыта, а монахи — изгнаны, собственноручно написал распоряжение, которое фактически узаконило положение будущего старца в обители. Теперь Александр стал ее полноценным насельником и с примерным смирением выполнял послушание на просфорне, прилежно трудился в иконной лавке, а позже на Дальних пещерах.

Особо важным и любимым послушанием его было переоблачать угодников Божиих. Раз в году, в жаркое летнее время, святые мощи выносили из пещер в помещение, называемое богадельней, и там переоблачали, просушивая облачение. Считая особой милостью возможность послужить преподобным, подвижник трудился с глубоким внутренним трепетом и непрестанной молитвой на устах. Это было почетное послушание, вымоленное его духовником — схимонахом Дамианом. Кроме послушания переоблачать преподобных, он стоял возле иконы Успения Пресвятой Богородицы, а также, будучи старцем, принимал народ. Еще будучи странником, Александр общался с подвижником Лавры схиигуменом Кукшей (Величко), который предсказал наперед многие события из его будущей монашеской жизни.

Иеромонах Мардарий (Данилов) вспоминал, что, придя в Лавру, Александр навсегда вошел в его жизнь. По его словам, собрат очень любил читать, удивительным образом находя для этого время после молитвы и многообразных послушаний, выполняемых с превеликим тщанием. Он собрал хорошую библиотеку,

в которую входили жития святых, святоотеческие наставления, различного рода поучительные назидания. Любовь к чтению сохранилась до конца жизни. Особое внимание уделял Александр постоянному общению с народом, заботясь о его духовном просвещении. Вспоминая время собственных странствий, он глубоко проникался нуждами пришедших в Лавру людей, жаждущих утешения и духовного окормления, и всеми силами стремился им помочь. По свидетельству иеромонаха Мардария, постригал Александра наместник Нестор приблизительно в 1953 году Великим Постом, вместе с пятью другими братьями и с ним самим, по благословению правящего архиерея, митрополита Киевского и Галицкого Иоанна.

Окормлялся монах Ахила у старца схимонаха Дамиана (Корнейчука), с которым познакомился еще во время странствий, душой и сердцем прилепился к нему, стараясь во всем подражать. Со временем он сподобился стать близким духовным чадом схимонаха Дамиана и даже его келейником. Наставник оказал огромное влияние на возрастание подвижника, который на протяжении всей жизни вспоминал с величайшей признательностью о благодатном времени, проведенном с ним. Те, кто посещал келью схиархимандрита Феодосия, свидетельствуют, что в самом почетном месте, рядом с иконами, всегда находилась фотография седого, благообразного схимника. На вопрос о том, кто изображен на ней, отец Феодосий отвечал: “Это мой старец, отец Дамиан. Святой жизни был старец!”

В Лавре иноков объединяли духовная дружба и истинно христианская любовь. О своем собрате с воодушевлением вспоминал монах Руф (Резвых): “Я с ним вместе в одной келье жил, у нас там такая перегородочка была. Он все время молился, молился и молился, и вечером молился, и все время”. Приехав спустя много лет в Почаевскую Лавру и посетив старца, он рассказывал, что при встрече с ним отец Феодосий с чувством великой радости вспоминал годы, прожитые в Киево-Печерской Лавре, приговаривая во время беседы: “Мы из одного гнезда”.

Иноки, подвизавшиеся в то время в обители, и миряне, окормлявшиеся в ней, единодушно вспоминали о благочестивой традиции, с давних времен существовавшей в Киево-Печерской Лавре: о прибывающих в монастырь паломниках заботились, проводили душепопечительные беседы, по вечерам совместно молились. Отец Ахила с воодушевлением, не ведая усталости, до глубокой ночи молился с богомольцами в пещерных храмах, читая с ними акафист

за акафистом. Господь давал ему удивительную силу, укрепляя в подвиге бдения, а пример схимонаха Дамиана не позволял расслабляться. Архимандрит Авраамий вспоминал, как самозабвенно трудился он изо дня в день, читая акафисты нараспев вместе с паломниками. Жалея его, доброхоты советовали отдохнуть, хотя бы немного поспать, на что он довольно решительно отвечал, надевая маску нарочитой грубости и даже слегка юродствуя: “А что, я спать не хочу”.

Иеромонах Мардарий вспоминал впоследствии: “Он всегда трудился, ни минуты не пребывая в праздности. Владыка видел его самоотверженность и поставил за ящик продавать свечи, иконы и прочее. Послушания он хорошо нес, с примерным усердием. Он такой ревностный, с моления идет на послушание, а затем с народом управляется. Отец Ахила людей любил, всячески подбодрял народ, испытывая от общения с ним такую радость, что почти не спал. Я с ним жил в одной келье, поэтому наблюдал, как каждую ночь он уходил в храм молиться с паломниками. Он за ящиком, а я на клиросе все время, девять лет пропел. Придет с ящика, поужинаем, и я до пяти утра отдыхаю с одиннадцати (мы поздно ложились), а он два часа отдохнет и скорей бежит на ночное моление. Народа — полная церковь, он с хором управляется, тон задает и молится. В Лавре удивлялись, какой подвижник отец Ахила. Всегда с паломниками, с людьми беседует, наставляет, — ревность духовная у него была особая”.

Одно из свидетельств о жизни отца Ахилы в Киево-Печерской Лавре оставил раб Божий Виктор, родной брат вышеупомянутого иеродиакона Захарии. Однажды отец Ахила, придя в келью после ночного бдения с паломниками, прилег и впал в легкую дрему. Когда Виктор постучался, он, не расслышав, вовремя не ответил. Дело же, по которому пришел Виктор, не терпело отлагательства. Самовольно приотворив дверь, трудник увидел, что подвижник отдыхает, затем, подойдя поближе, застыл от изумления: отец Ахила спал на досках, положив под голову камень. Почувствовав, что кто-то находится в келье, он тотчас же открыл глаза и встрепенулся. Виктор, будучи не в силах скрыть свое недоумение, задал ему вопрос: “Вы что, на камне спите?” Монах, не желая раскрывать свой тайный подвиг, ворчливо ответил: “Где? Я на подушке сплю, нет у меня никакого камня”.

В конце 50-х годов на Лавру усилились нападки со стороны властей, которые понемногу, под различными предлогами, стали рассредоточивать ее насельников, рассеивая их по всей стране. Не-

сколько человек отправили в Почаев, пятерых — в Одессу, в Балту. Страшной, неизбежной болью отозвалось в сердцах верующих людей закрытие Киево-Печерской Лавры. Но страшнее всего было инокам. Их самым безжалостным образом изгоняли, расселивали по другим обителям, которые еще не были закрыты, лишали прописки, а вместе с нею и каких бы то ни было прав. Непокорных насильно отправляли в психиатрические лечебницы. Некоторых — просто убивали.

Велик перед Господом исповеднический подвиг лаврской братии в это тяжелое смутное время. Молитвенное заступничество иноков перед Спасителем и Пречистой не позволили уничтожить Православие в богоспасаемом граде Киеве. “Когда в 1961 году Киево-Печерскую Лавру закрывали,— вспоминал отец Мардарий, — многие сразу уехали в Почаев, а отец Ахила до последнего не хотел уходить, его просто насильно выгнали. Нам с отцом Ахилой благословил в пустыню, на Кавказ, и сам с нами поехал отец Анемподист (Васильев), старенький иеромонах из нашей Лавры, такой высокий, скрытный”.

Прибывший в это время из армии в отпуск раб Божий Виктор вспоминал: “Для меня было великой радостью то, что я сподобился хоть в последние минуты увидеть, как уходила братия. Некоторые поступали, как отец Нектарий, который замуровался в стене, а уже позже его нашли в стенах Киево-Печерской Лавры...” С горечью наблюдая происходящее, отец Ахила первоначально пытался остаться в обители, рядом с мощами преподобного Ахилы диакона, чтобы там встретить мученическую кончину. Его одним из последних насильно вывели из пещер сотрудники милиции. Выполняя благословение старца, отец Ахила с глубочайшей скорбью простился с обителью и отправился на Кавказ, в горы. Вместе с ним на Кавказе подвизались отец Мардарий (в схиме — Алексей (Данилов), отец Исаия (Коровай) и иеродиакон Исаакий, убиенный лиходеями в 1968 году.

Дальнейшую свою жизнь он старался скрывать, но известно, что почти десять лет он провел в Сухумской пустыни. Поскольку в те времена начались гонения на Церковь, Сухумская пустыня наполнилась подвижниками. Помимо благословения собственного духовника, каждый из пустынников имел благословение окормлявших общину Глинских старцев, переместившихся в Абхазию и Грузию — Серафима (Романцова) и Андроника (Лукаша). В Тбилиси находился ныне прославленный старец-митрополит Зиновий (Мажуга) в схиме — Серафим, духовник нынеправящего Католи-

коса-Патриарха Грузии Илии II. Митрополит, когда постригал его, сказал ему прямо: “Ты будешь Патриархом”. По сей день Святейший Иверии с величайшим благоговением дорожит своим любимым старцем и всеми подвижниками Кавказских гор. Отец Ахила, подтвердив благословение у схиархимандрита Серафима, обладавшего множеством благодатных даров, поселился за Амткельским озером, в труднодоступном суровом месте.

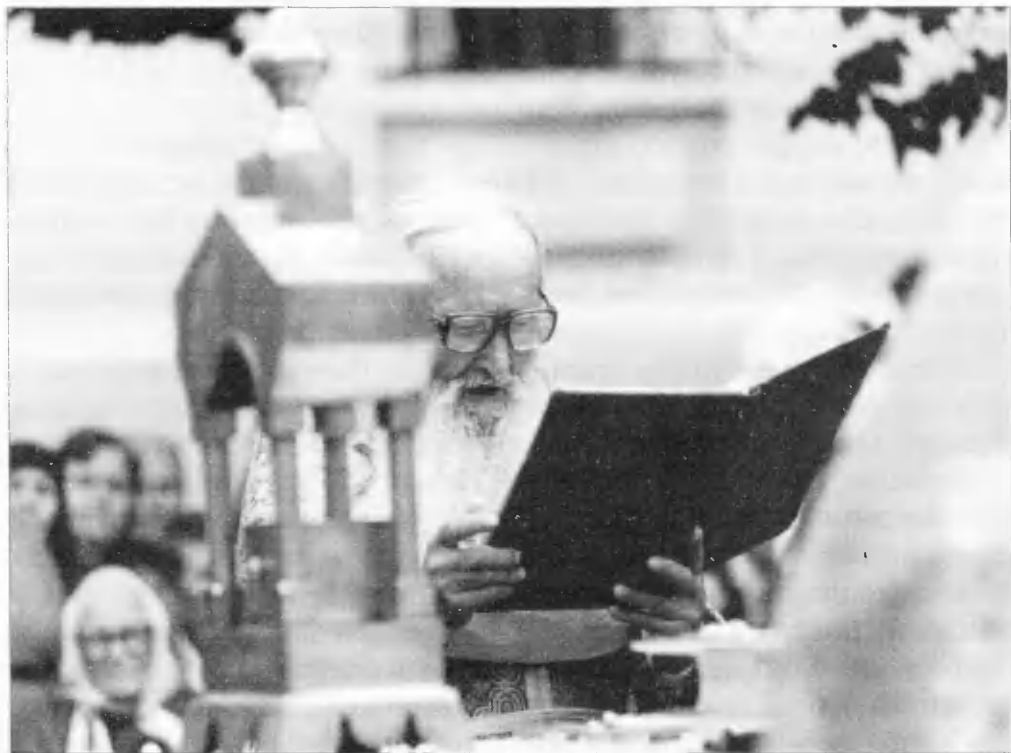
Церковь пустынники построили своими руками. А до того времени, пока церковь не была построена, собирались в чьей-то келье и служили литургию. Был у них антиминс и все необходимое для службы. Отец Ахила, по свидетельству пустынных братий, занимался пчеловодством. Кроме тяжелого труда на огороде, довольно часто необходимо было доставлять продукты из низлежащих селений, а затем разносить их немощным и слабым, а также тем, кто находился в затворе. Отец Ахила, которому часто приходилось выполнять это хлопотное послушание, несмотря на возраст, делал все с необыкновенным усердием: “А ноши таскал какие! Все удивлялись. Несет один десятилитровый бидон с медом, а другой с водою. Ему говорили: “Отец Ахила, что так много несешь, да еще и дождь какой”. Он отвечал: “Что ты говоришь — летная погода”. Вот он какой был”, — вспоминал отец Мардарий.

Однажды двое из братий, живущих в горах, отправились к опытному в монашеском делании старцу за наставлениями. Тот, внимательно выслушав их, пояснил, что каждое слово Иисусовой молитвы должно произноситься четко и полностью. Для этого нужно едва ли не по слогам выговаривать слова, и особенно сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа.

Отец Ахила подвизался в скрытой от людских глаз крохотной келье, находившейся на головокружительной высоте. Келья была приклеена, подобно гнезду птицы, и иноки, знавшие о таком ее месторасположении, высказывали не лишние основания опасения, что ее могут завалить падающие сверху камни. Он, слыша подобные предположения, с улыбкой отвечал: “Ничего, молюсь”. Иеромонах Мардарий впоследствии рассказывал: “Я был в этой келье, она вообще была прямо как птичье гнездышко приклеена, половина — к земле, половина — к дереву. Все боялись не только жить, но и заходить туда, а он нисколько не смущался этим. Была там тропа, ведущая наверх, очень крутая, но и я как-то ходил по ней. Отец Ахила приглашал меня: “Иди, посмотри, Мардарий, где я живу”. Как заходишь туда, все сразу безмолвно. Попадали туда по тропе, но было очень круто, где-то надо было по веревке на стену

подниматься. Даже не все братья знали, что он там живет. Это был настоящий аскет”. Во время бесед с чадами батюшка говорил, что больше всего любит читать жития и уставы древних монахов-пустынников, которые изучал на протяжении всей своей жизни, по мере сил стремясь подражать им. Себя же он самоуничижительно называл “пустым пустынником”.

Был период, когда жить отцу Ахиле пришлось в дупле огромного прогнившего внутри дерева, которых было немало в этой местности. Преимущества такого жилья несомненны, так как оно прекрасно замаскировано и практически незаметно: неискушенному человеку и в голову не пришло бы, что под густой зеленью, за зарослями которой надежно укрывался вход в дупло, могло находиться жилище инока. Суровые аскетические подвиги стали нормой жизни отца Ахилы, вошли в его плоть и кровь. Он, уподобляясь раннехристианским подвижникам, носил власяницу, ограничивал себя в пище, вкушая ее лишь один раз в день, как на Афоне. Еда была простой, безыскусной, и употреблялась умеренно. Борща, сваренного в небольшом количестве, хватало на три дня. В период поста пища не вкушалась по целой седмице.

Торжественное Богослужение на праздник 1000-летия Крещения Руси

Спустя годы, вспоминая о трудной, но спасительной жизни в горах, старец Феодосий, сетуя на немощь плоти, стремящейся к удобствам, нередко повторял своим чадам: “В горах — вот это монашеская жизнь, а что сейчас, разве это монашество? Вот когда-то было истинное монашество. Тогда друг друга поддерживали, друг друга духовно любили, была какая-то сплоченность духовная. Сейчас суeta кругом. А там утром проснешься, солнце восходит, везде горы. Как станешь на молитву, вся молитва прямо летит к Богу”.

Старец рассказывал, как однажды в его келью, надежно укрытую среди скал, все-таки добрались выследившие его бандиты. Наиболее агрессивный из них взял в руки топор, другие связали ему руки и уложили на пенек. Человек с топором в руках, замахнувшись, устрашающим голосом крикнул: “Я тебе сейчас голову отрублю!” В глубоком смирении отец Ахила ответил, покорно подставив голову под смертоносный удар: “Если такова твоя воля, руби, только что же ты от этого будешь иметь?” Убийца ненадолго призадумался, явно борясь с собой, затем встrepенулcя и упрямо сказал: “Ну и что, просто отрублю голову, да и все”. “Хорошо, руби, — спокойно согласился старец, не проявив даже малейших признаков озлобления или страха, — но помни, что душу мою забрать ты все равно не сможешь. Душа-то Божья, голову можешь отрубить, но ничего ты этим не добьешься”.

Гибель подвижника была неотвратима, однако какая-то сверхъестественная сила удержала занесенную над головой исповедника руку. Здоровый детина внезапно нахмурился, пытаясь осмыслить произнесенные старцем слова. Через несколько мгновений, показавшихся вечностью, он, очевидно, приняв решение, выбросил топор и стремительно отошел. Находящиеся рядом люди больше не пытались удерживать старца. А может быть, причина была совершенно иного порядка: надмирного... То, что отец Ахила остался живым, можно объяснить только Божественным святым заступлением.

Иеромонах Константин, пустынник, подвизавшийся в горах в одно время со старцем, рассказал историю, в очередной раз свидетельствующую о его прозорливости: “Отец Феодосий всегда душой рвался на Кавказ, в Абхазию. Он был очень крепкий. Приезжая как благотворитель, носил хорошие ноши. Он очень много помогал пустынникам, поддерживал и бедных людей. Он был очень щедрым, любвеобильным, давал всем просящим или деньги, или продукты, или вещи. Помню один случай. Я договорился о брусках, которые

нужно было перевезти машиной. Когда отец Феодосий приехал в очередной раз, я как раз был в городе и видел, что они привезли продукты на военной машине. Тогда я подошел к отцу Виссариону и сказал, что нужно съездить за брусьями, однако он воспротивился, и отец Феодосий также не одобрил. Потом я еще раз пошел к отцу Феодосию и попросил, чтоб нам отвезли в горы продукты, а на обратном пути забрали брусья из селения. Отец Феодосий нехотя, скрепя сердце, благословил.

Я буквально вырвал у него благословение и поехал, но на душе было нехорошо, потому что внутренне чувствовал, что творю свою волю, а не Божию. Когда мы ехали, военные подобрали человека, который оказался кришнаитом, каким-то гуру, который здесь агитировал. Стало еще неприятнее на душе. Наконец мы приехали, взяли брус и отправились назад. Шофер оказался внуком мусульманского муллы и все время твердил: “Вот у меня дед — мулла, он постоянно за меня молится, я всегда езжу, мне так хорошо”. И вдруг, когда он выехал из двора хозяина с брусом, то не вписался в крутой поворот, и “Урал” влез носом в яму, в болото. Мы были в большой опасности: машина чуть не перевернулась, она сама по себе сползала вниз. Нашли трактор, стали вытаскивать машину, она еще раз едва не перевернулась. Словом, худшие предчувствия старца полностью оправдались.

Отец Феодосий, чувствуя неладное, молился за нас и все время спрашивал: “Не вернулись они? Не приехали еще?” Душа его знала, что с нами что-то произошло, и он всю ночь не спал, молился. Когда другие предположили, что мы заехали к знакомым на ночевку, он ответил: “Да нет. Я вижу машину, уткнувшуюся носом”. Когда после обеда мы приехали, он очень обрадовался. Думаю, что именно его молитвами Господь и сохранил нас, потому что опасность была очень серьезная”.

Неся исповеднический подвиг в горах Кавказа, отец Ахила сподобился зреть дивный лик Богородицы. Однажды, после теплых молитв, обращенных к Пречистой, у которой он просил вразумления, как жить в условиях усиливающихся гонений, Владычица вняла его мольбам и, явившись вместе с Иоанном Богословом, повелела: “Иди в Почаевскую Лавру, ты там должен послужить людям”. О явлении Матери Божией монах Ахила с трепетом поведал духовнику, который, прозревший в откровении указующий перст Божий, благословил выполнить повеление Пречистой. “Иди в Почаев, — сказал он ему, — это воля Божья, иди, я тебя благословляю”. Нелегко было решиться покинуть горы, ставшие для него родными, и братьев, пе-

реживших вместе с ним столько лишений, однако, во исполнение воли Божией, отец Феодосий не колебался.

Вернувшись с Кавказа, монах уже был более молчаливым, и говорил, что надо терпеть — надо все терпеть. По словам отца Авраамия, батюшка до конца жизни терпел и скорби, и притеснения. Он твердо хранил убежденность в том, что кто претерпит все — получит венец. Старец никогда не заплетал волосы в косички, даже в дороге просто укладывал их под головной убор. Однажды дав обет, отец Феодосий, уподобляясь Савве Освященному, никогда не вкушал яблок. И не только собственно их, но и компота, варенья, в общем, всего, что включало в себе этот плод соблазна прародителей. Старец всегда возил на Кавказ продукты и вещи монахам-пустынникам, которые продолжали подвизаться в горах. И когда у него спрашивали: “Батюшка, зачем вам это надо?” Он отвечал: “Аз раб неключимый, исполняю волю Господа моего”.

В Почаеве он был пономарем на ранней литургии. Старец, который стяжал молитву Иисусову, вкусил пустынной жизни, имел такое смирение, что не требовал никаких званий и почестей, а смиренно выполнял благословения. В 80 лет он стал архимандритом, а в 89 лет в 1998 году отец Ахила принял великий ангельский образ — схиму с именем преподобного Феодосия Печерского. О своем небесном покровителе, преподобном Феодосии, он говорил так: “Он большой предстатель перед Господом, потому что сказал, что берет на себя грехи всех живущих в Киево-Печерской Лавре”.

Послушания батюшка выполнял самые разные, и выполнял их добросовестно. Торговал книгами, был кротким, помогал молитвами страждущим. Занимался так называемой вычиткой. Неукоснительно выполняя все послушания, он стремился как можно более умяться перед всеми по примеру возлюбленных им Киево-Печерских иноков. И в Почаеве, как некогда в Киеве, ощущая глубину его щедрой старческой души, всегда стремившейся излить на окружающих безмерную любовь, к нему начали стекаться многочисленные паломники, и отец Ахила поддерживал в них бодрость духа ночным чтением акафистов и духовными беседами. Духовные чада ждали его, как земля ждет весеннего дождя.

Должным образом оценив примерное усердие старца, его стали награждать и продвигать по иерархической лестнице, повышая в сане. Так, в 1980 году отец Ахила был награжден набедренником и золотым наперсным крестом, в 1985 — палицей, 1986 — крестом с украшениями. Старец дважды в неделю продолжал испо-

ведовать в Похвальной церкви. В 1986 году ему благословили послушание кийского. Это принесло старцу несказанное утешение, ибо теперь ему вменялось в обязанность совершать то, что ранее он делал, сообразуясь с повелением сердца: неустанно славить Владычицу, умоляя о милосердной помощи для всех страждущих. Послушание требовало от старца ежедневного пребывания около Царских врат возле чудотворной иконы в ранние утренние часы, когда ее опускали для поклонения многочисленных паломников и прихожан.

Ранее отмечалось, как велика была роль кийского в Киево-Печерской Лавре и какую ответственность возлагало лаврское священноначалие на схимонаха Дамиана, стоявшего возле иконы Успения Божией Матери. Схимонах Дамиан неопустительно поминался его келейником в ежедневных молитвах. Очевидно, и старец наш у престола Господня не забывал своих чад, и воплощением его святых молитв стало новое послушание отца Ахилы. Милостию Божией ему пришлось преемственно потрудиться на этом послушании более пятнадцати лет.

Сам отец Ахила неоднократно отмечал, что дух старчества был присущ многим насельникам Киево-Печерской обители, где он пребывал до закрытия в 1961 году. Лавра в этот период имела сильное духовное ядро: в ней подвизались такие признанные подвижники благочестия, как вышеупомянутый преподобный Кукша, схиархимандрит Прохор (до пострижения в схиму — Полихроний), схиархидьякон Иоанн, монах Феодосий, схимонах Дамиан, игумен Андрей, игумен Герасим и другие. Сложившийся в обители твердый костяк старчества оказал существенное влияние на судьбы отечественного Православия в годы гонений. Во время вынужденного рассеяния старцы разошлись из Лавры по всему миру, неся свет истинной веры и святой крест исповедничества.

Внутреннее устройство собеседников, их помыслы были для отца Ахилы открытой книгой. Однажды, когда поезд на Кавказ проезжал мимо большого города, старец, глянув в окно, восскорбел: "Господи, что тут делается, сколько колдунов! Какая кругом нечисть!" Характерным является случай, когда старец отверг крупную сумму, пожертвованную нечистыми на руку людьми, не считая возможным воспользоваться деньгами, на которых, как открылось ему, была кровь. Многих удивляло, что отцу Ахиле дано было безошибочно видеть лукавых духов, не сомневаясь, кто перед ним стоит и какие у него намерения. Однажды в поезде его послушник Алексей, выйдя в тамбур, стал что-то доказывать сектанту, навязав-

шему ему спор. Старец, сидя в вагоне, неодобрительно покачал головой и сказал: “Вот там Алексей спорит, а с кем он спорит? Этому человеку бес помогает говорить, он его не переспорит никогда, пусть лучше идет сюда”. Он, как всегда, был абсолютно прав, ибо, как учит нас святая Псалтирь, “блажен муж, иже не идет на совет нечестивых” (Пс., 1:1).

Старец отличался примерным великодушием. Однако милосердие отца Феодосия распространялось только на личные человеческие немощи, порой препятствующие несению монашеского креста, но не касалось вопросов исповедания веры. Там, где речь шла о сохранении чистоты Православия, старец был строг, непрклонен и всегда выражал основные догматические принципы канонического Православия, придерживаясь исключительно той позиции, которую определял Соборный разум Церкви. Во исполнение апостольской заповеди он неотступно стоял в вере и чад своих научал тому же.

Ревностью о Господе отец Феодосий был подобен пламенному ветхозаветному пророку Илии. Являя полное послушание Священноначалию, старец наставлял некоторых владык хранить Православие, безбоязненно выступать против всякого рода реформ, заменяющих святоотеческие традиции современными, не поддаваться на различные уловки тех, кто пытается упразднить строгие в понимании некоторых апостольские правила. Он повторял им евангельские слова о спасении тех, кто готов погубить душу ради Христа, убеждая не бояться ничего, кроме греха.

Однажды, пришедшая вместе с паломником дочь сподобилась дивного видения. Едва она приблизилась к чудотворной иконе Богородицы, возле которой стоял старец Феодосий, как чистому детскому взору открылось невидимое: старец, опустив очи долу, молился, окруженный дивным сиянием, исходящим от иконы. Глаза у девочки округлились, уста непроизвольно открылись. Отец, заметив это, с удивлением спросил: “Что случилось?” Ребенок восторженно воскликнул: “Папа, смотри, как батюшка светится, смотри, как светится!” Девочка приложилась к иконе, и батюшка, спрятав в бороде ласковую улыбку, чуть приподнял брови и слегка удержал ее крохотную ручку в своей, поделившись какой-то непостижимой взрослому разумению тайной. “Ничего нельзя выставлять напоказ,— учил старец,— и та глубокая внутренняя работа, которая происходит втайне, должна быть сокрыта от любопытных людских глаз”. Он призывал подвизаться тайно, не вызывая смущения или зависти у других.

его благословение на просмотр телевизора, старец, не вдаваясь в подробности, отвечал коротко, но абсолютно твердо: “Нельзя его смотреть!” Чрезвычайно своеобразно и убедительно он разъяснял людям, в чем состоит опасность компьютеров: “Все компьютеры, какие бы они ни были, большие или маленькие, связаны между собой в одну сеть. И сеть эта организована для слежения за владельцем. Цель одна — полностью проследить за человеком, знать каждое его слово, каждое желание и действие”.

Как-то батюшка благословил одного паломника подождать его после послушания. Подошел и сказал ему: “Молись Аврамию Трудолюбивому и старайся не поправляться, а то теряется благодать”. “По большому счету я так ничего и не понял, — признался назидаемый. — Был я в то время худым, об Аврамии Трудолюбивом толком ничего не знал. Что хотел сказать батюшка, открылось мне спустя годы. Оказывается, отец Ахила уже тогда прозрел, что я приму монашество с именем Авраамий и поправлюсь”.

Жизнь старца, исполненная скорбями и радостями, неумолимо приближалась к концу. Его телесный человек, которого он постоянно смирял трудами и молитвами, заметно слабел. Силы покинули старца в день Святой Троицы, в воскресенье, и в тот же вечер над ним было совершено таинство соборования. Почти всю седмицу шла последняя в земной жизни брань старца с силами зла. Наконец, после пяти дней воистину крестных страданий, в пятницу утром, его причастили, и в тот же день Господь принял его высокую душу, очищенную скорбями. Погребение схиархимандрита Феодосия совершалось в воскресенье, в праздник Всех Святых.

Жизнь старца вместила целую эпоху. Он родился на заре века, венчающего тысячелетие, и почил в начале следующего. Он был из тех, кто мужественно претерпел гонения за веру. Господь благословил его долгоденствием — схиархимандрит Феодосий почил 20 июня 2003 года на девяносто седьмом году жизни, прожив без малого столетие. Схиархимандрит Феодосий оставил бренный мир, отойдя ко Господу, которого так любила и жаждала его боголюбивая душа. Но жизнь его стала песней, нескончаемой и возвышенной. Легендой, переходящей из уст в уста. Призывным голосом колокола, зовущим людей к высокому духовному подвигу.

Жизнеописание схиархимандрита Исаия (Коровая)

(20.06.1926–6.03.2011)

Есть особые избранники Божии, которые призваны стать живыми светильниками, неугасимыми никакими невзгодами, озаряющими людям путь к Небу. Таковым был отец Исаия — истинный монах, беглец от мирских почестей, чинов, богатств и соперничества за первенство. Подлинный пастырь, собиравший овец Христовых везде, где бы ни оказывался сам. Аскет, уподобившийся подвижникам разных веков, посвятивший жизнь молитвенному подвигу, с молодых лет научившийся у Киево-Печерских старцев Иисусовой молитве и не оставлявший ее до конца своих дней, воспитавший несколько поколений монашествующих, священников и мирян. Отец Исаия все мерил духовной мерой, которой только и можно отличить истину от ее лжеискусственного подобия. Современный мир, ослабленный и разрыленный компромиссами, часто не мог снести твердости алмаза, присущей характеру и духу старца. Поэтому батюшка везде был гонимый, но у Бога — любимый.

Родился и вырос Иаков Коровай в старинном селе Носовка на Черниговщине, названном в честь графа Носова, жившего здесь в XVII веке. В семье было три брата и две сестры. Отец его — Марк Игнатьевич, в монашестве Михаил, мать — Мария Федоровна, в монашестве Рафаила. Старший брат Иоанн погиб на войне, младший Григорий — схимонах Серафим, сестра Галина умерла в голодные 30-е годы в младенчестве, другая, Екатерина, в монашестве Евгения. Всех сродников, желавших принять монашество, схиархимандрит Исаия постригал сам. Отец и дед его были атаманами ка-

Схиархимандрит Исаия (Коровай)

заков, сотниками. Деду на одном казачьем съезде Царь Николай II Стасотерпец подарил золотой крест и серебряную ложку, которая потом еще долго хранилась у отца Исаии. Кровь предков-казаков, издавна защищавших веру и Отечество, во всю мощь говорила и в отце Исаии: он был бесстрашный и бескомпромиссный духовный воин, готовый душу положить за веру и Христа⁴⁸.

С детства он был строг, замкнут, и сверстники его боялись, не задирая, как обычных ребятишек. Не смотря на сухопарость, имел большую силу, в молодости подымал мизинцем двухпудовую гирию. Жизнь Якова складывалась промыслительным образом, уже в ранние годы Господь явил на нем Свою милость. Во время немецкой оккупации он доставлял партизанам в лес на подводе продовольствие и боеприпасы, в 1943 году был призван в кадровую армию и до 1945-го служил в полку связи в звании сержанта, а в конце войны воевал на Японском фронте. Однажды, в первые годы Великой Отечественной пятнадцатилетний Яков попал с отрядом в окружение. Во время движения обоза, как вспоминал батюшка, он стал усиленно молиться святителю Николаю Чудотворцу, древняя икона которого была их семейной реликвией. Внезапно Яков услышал голос: “Не бойся! Иди тропинкой, что справа, и всех за собой води”. — “Я спрыгнул с телеги, побежал к командиру. Кричу: “Сюда, сюда сворачивайте!” Все подумали, что я знаю эти места, и двинулись за мной. Вдруг в метрах пятидесяти на поляне показались немцы. Фрицев было не меньше батальона: они сидели, отдыхали, дымились котелки. Ясно слышалась их речь и звуки губной гармошки. Я боялся не того, что они нас увидят, так как полностью доверился святителю Николаю, а что наши их увидят и начнут стрелять, и мы все погибнем, ведь многие из нас были ранеными. Но все полсотни человек на десяти подводах шли, смотря только вперед как глухие. Так, явным чудом, о котором я потом долго боялся говорить, мы прошли живыми и невредимыми”.

Домой он вернулся с орденами на гимнастерке, потом работал в колхозе и свою первую зарплату пожертвовал на женский монастырь. Господь так управил, что затем всю жизнь батюшка помогал женским обителям. В возрасте двадцати двух лет он приехал подавать документы в Киевский институт связи. Но по возвращении домой встретил в селе юродивого и услышал от него: “Оставляя свою работу и иди в семинарию. Будешь батюшкой!” В 1949 году Яков приезжал к преподобному Лаврентию Черниговскому, их встреча произошла за год до кончины святого. Беседа со старцем во многом определила его дальнейший путь.

В 1952 году он стал студентом Киевской Духовной семинарии, где близко познакомился с Гермогеном Шиманским, преподавателем литургики, и Георгием Едлинским, преподавателем истории Ветхого Завета. Он называл Якова “наш освободитель”. Спустя годы отец Исаия с благоговением вспоминал о беседах с архиепископом Ермогеном (Голубевым), который обучал его Иисусовой молитве. Также в Киево-Печерской Лавре Яков сподобился общения с преподобным схиигуменом Кукшей (Величко) и получил бесценные духовные советы и наставления старца.

Учась в семинарии, Яков страдал болями в позвоночнике: сказывались фронтовые ранения. Духовник Лавры игумен Герасим (Стещенко) благословил ему: “Пойдешь в монахи — про болезнь забудешь. Иди, приложись к мощам преподобного Агапита врача”, — и помазал маслом от мощей святого. Фронтовик, исполнив благословение лаврского старца, сразу ощутил, что болезнь отступила. Это событие окончательно решило его желание остаться в монастыре. Яков был пострижен в рясофор в Киево-Печерской Лавре с именем Николай в честь убогавшего его святителя Николая и по окончании обучения остался в обители. Ему благословили послушание экскурсовода и пение на клиросе.

Однажды во время экскурсии при каких-то высокопоставленных чинах, он сказал, что “жиды распяли Христа”. Слушатели, поняли это по-своему и пожаловались уполномоченному по делам религии. Тот позвонил владыке наместнику Нестору и приказал в течение 24 часов выгнать “виновника”. Это случилось в день памяти преподобномученика Евстратия Печерского (28/10 апреля), в XI веке распятого на кресте в Херсонесе богатым евреем с соплеменниками во время празднования иудейской пасхи. Владыка вызвал “провинившегося”, по-отечески утешил, объяснив, что против власти ничего сделать не может и посоветовал ехать в Глинскую пустынь. Отец Исаия так и сделал, приехав в Сумскую епархию к владыке Евстратию (Подольскому). Тот его ободрил, сказав: “Раз ты пострадал в день моего святого, я тебя приму”.

В Глинской пустыни батюшка был пострижен в мантийные монахи с именем Исаия в честь пророка. Здесь он познакомился с известными, ныне прославленными, старцами: Серафимом (Аmeliным, †1958), Андроником (Лукашем, †1974), Серафимом (Романцовым, †1976). 3 сентября 1959 года тридцатитрехлетний монах Исаия был рукоположен в иеродиакона. Также сохранилось свидетельство о рукоположении его в сан иеромонаха, совершенном

9 марта 1967 года в Успенском кафедральном соборе Ташкента архиепископом Гавриилом (Огородниковым).

В 1961 году после закрытия Глинской пустыни вместе с другими насельниками он отправился на Кавказ, где подвизался не менее десяти лет. В горах Абхазии отец Исаия жил как отшельник в труднодоступном месте за Амткельским озером в крохотной келье в дупле дерева. Он был старшим общины, насчитывавшей до тридцати братий, в числе которых подвизались Киево-Печерские монахи Анемподист (Васильев), Ахила (Орлов), Мардарий (Данилов) и другие. Здесь отец Исаия совершенствовал обретенный от духовника, преподобного Андроника, опыт борьбы с помыслами и непрестанной молитвы. После кончины духовника отец Исаия покинул горы.

Митрофорный протоиерей Михаил Макеев, духовник Киевской Митрополии, вспоминал: «С отцом Исаией мы занимались в одном классе Киевской Духовной семинарии. Он был крепкий,

В горах Абхазии. Отец Исаия — второй слева

хорошо учился, принял постриг в Лавре. Затем где-то пропал, и, как оказалось, пошел в Глинскую пустынь. Когда монастырь закрыли, ушел на Кавказ. Была у отца Исаии крошечная хижина. Сидеть в ней было можно, а спать нет. Голова находилась внутри, а тело — на улице. Как-то ночью он проснулся от того, что кто-то его обнюхивал. Открыл глаза, а перед ним стоял шакал. Пришлось сделать ящик, часть которого выходила наружу. Он залезал в него и спал. Однажды посетили его медведица с медвежонком. В итоге медвежонок остался у него. Вид у него был живописный. Патриарх Илия за бороду дергал, сомневался, настоящая ли. Потом ушел в Почаев, где был духовником. Многие благодаря ему научились вычитывать пятисотницы. Клали по пятьсот поклонов. Даже благочинный просил отца Исаию повлиять на людей, потому что они слушались его беспрекословно. Когда Киево-Печерскую Лавру открыли, мы 14 июня 1988 года в четыре часа утра служили первую литургию. Отец Исаия, я, отец Софроний (Шинкаренко) и отец Пимен (Соболев) с Троещины”.

После ухода с гор, наездами отец Исаия посещал Тбилиси и Почаевскую Лавру, где с 1978 по 1980 был насельником, исполняя послушание духовника. Игумен запомнился своими вдохновляющими, яркими проповедями: слушая их, люди плакали. Он очень мало спал: временами по два часа в сутки. Батюшка обладал феноменальной памятью, наизусть цитируя места из Писания и святоотеческих трудов. В беседе священники упоминали: когда стояли клирики возле Католикоса-Патриарха всея Грузии Даниила V, тот поманил Исаию: “Иди сюда поближе. Я знаю, ты как медом намазанный. К тебе все прихожане как пчелы собираются. Может и мне пасечником стать?”

Архимандрит Софроний (Шинкаренко) рассказывал: “В 70-х годах я ездил в отпуск на месяц в горы — на Кавказ. В то время там были митрополит Зиновий (Мажуга), архимандрит Виталий (Сидоренко), игумен Филарет (Кудинов), игумен Исаия (Коровай), архимандрит Серафим (Романцов), архимандрит Андроник (Лукаш) и многие другие. Ни в какое другое время — ни до, ни после — не собиралось в одном месте столько подвижников и старцев. Все съехались на Кавказ — глинские, киевские, почаевские, из России. Праздничные службы там служились ночные, на них причащалась вся братия, но проходили — как за один час. Духовные беседы были такие, что невозможно пересказать. Каждое слово вливалось в душу.

Спустя несколько лет мы встретились с отцом Исаией там же, под Сухумом, сначала в 1974 году на похоронах преподобного Андроника, а через год — преподобного Серафима. В 80-е годы, приезжая к нам в Одессу, отец Исаия стучал в келью и говорил: “Молитвами святых отец наших Андроника, Серафима, Виталия и прочих святых подвижников глинских, кавказских, киевских...” Мы очень радовались этому, зная, что так только отец Исаия может приветствоваться. Но враг нигде не терпел старца. Только батюшка три дня побудет, тут же начальство и милиция велят ему уезжать: “Очистите территорию”. А он смиренно руки сложит, поклонится — и на вокзал”.

Отец Исаия был очень красивой наружности: в 70-е годы серебристая седина уже густо пробивалась в его шевелюре. Батюшка носил не очень длинные волосы, не собирая их в косичку. Очевидно, это была привычка еще со времени гонений на духовенство при советской власти, особенно, в его положении странника и отшельника в горах. Много путешествующий старец вызывал раздражение у компетентных органов, особенно в 70–80-е годы, неоднократно были случаи нападения на него.

У батюшки был опыт врачевания духовно-народными методами различных болезней. Он заваривал травы, делал настои, мази и рекомендовал тем, кто в этом нуждался. В келье, в которой он жил, стоял неповторимый аромат, флакончики с эфирными маслами — розовым, лавандовым, мира... Как-то из Донецкой области приехали к батюшке в Зимовеньку раба Божия Людмила с дочерью. Девочка несколько лет страдала от сильных болей в желудке. Куда они только не обращались: и в Республиканскую детскую клинику “Охмадет”, и к другим специалистам — ничего не помогало. Батюшка благословил накопать корень айра, сделать на водяной бане настой и принимать его в определенных дозах. Вернувшись с дочкой домой, Людмила так и сделала. Через месяц ребенок получил полное исцеление, и радостная мама приехала к старцу с благодарностью. Прощаясь, она протянула батюшке мешочек с корешками: “Может быть, еще кому-нибудь поможет, нам они уже не нужны”. Каково же было удивление всех присутствующих, когда старец открыл упаковку и молвил: “Да это же корни камыша болотного, а не корня айра!” Последовала немая сцена. Стало понятно, что ребенок получил исцеление не благодаря траве, а по молитвам старца ко Господу.

Где бы ни был отец Исаия, он везде учил молодых умному деланию. С сердечной благодарностью об этом поведал архимандрит

Аввакум (Давиденко): “Его обучение сопровождались наставлениями, краткими примерами как из жизни подвижников давних времен, так и нашей недавней истории. Он был в высочайшей степени бесхитростен, доступен, откровенен и открыт. И вместе с тем в нем чувствовалась какая-то могучая богатырская сила. Батюшка Исаия практиковал деятельную Иисусову молитву, помню, с поклонами... Также требовал произносить имя Иисусово с особым благоговением, на распев — Иисуусее! Высочайшая степень благоговения! Все его дельные наставления — опыт Афонского исихастского монашества в лучших, совершенных и достойнейших формах, восходящий к святителю Григорию Паламе. Но заслуга старца в том, что он в понятной форме открыл и донес до нас, до наших сердец его первым. И за это земно кланяемся мы ему”.

По мнению людей, близко знавших старца, батюшка был истинным прозорливцем, от которого невозможно было что-либо утаить. Однажды на просфорню пришел один известный ныне протоиерей С. и начал как всегда рассказывать какие-то новости и байки. Шум и гам возобновился. Отец Исаия посмотрел на него раз, другой, вздохнул укоризненно. Начали читать молитву, а протоиерей не умолкает, все свои басни повторяет. Наконец работа на просфорне закончилась и вокруг отца Исаии столпилась братия, спрашивающая советы от различных недугов. Здесь заинтересованно прислушивался и протоиерей, протягивая руку батюшке: “А мне что делать? И мазью мазал и кремом, все напрасно. Аж неудобно давать руку целовать при благословении”. Все руки у него были в глубоких трещинах. Отец Исаия посмотрел на руку, на батюшку: “А вы, отец, попробуйте пить меньше. Много вы пьете. А лучше вообще прекратите. Руки у вас станут как у младенца”. Отец протоиерей так и остался стоять с открытым ртом. Когда ушел отец Исаия, начал дергать всех за рукав: “Кто? Кто сказал этому, что я пью? Ну зачем вы это?” Никто не мог убедить батюшку, что никакого разговора о его немощи не было.

Братия духовно расположилась к подвижнику, ибо он учил их христианской жизни не столько словом, как примером собственного благочестия. Однако враг рода человеческого восставал на него через некоторых насельников, клеветующих священноначалию. Батюшка благодушно переносил клевету, безоговорочно прощая тех, кто по своему неразумию его преследовал, и молился за них. В 1980 году “неудобного” священника, говорившего нелцеприятную правду, так и не прописав в число братии, удалили из обители. Вечером за ним приехала машина, которая отвезла

его из Почаева в Покровский монастырь Киева, где на некоторое время его приютила игуменья Маргарита (Зюкина). В скитаниях старца был Промысел Божий: полем его деятельности стало практически все православное пространство бывшего СССР, все двенадцать действующих монастырей, где попеременно он пребывал. В любом деле есть теоретики и практики. Отец Исаия был великим практиком! Всю свою веру и слова он переводил в дело — спасение собственной души и душ православных христиан, желающих этого спасения.

Накануне 1000-летия Крещения Руси отец Исаия ездил в Троице-Сергиеву Лавру к архимандриту Кириллу (Павлову) за благословением, после чего возвратился в Киев, где в 1988 году открылась Киево-Печерская Лавра. Вернувшись в родную обитель, отец Исаия участвовал в первой литургии на Дальних пещерах. Жил старец в 50-м корпусе на втором этаже. Выполнял послушание рухлядника и певчего, исповедовал паломников и прихожан. Часто проводил вычитки, но делал это индивидуально.

*Первый монашеский постриг в Киево-Печерской Лавре. Отец Исаия —
восприемник новопостриженных*

28 октября 1988 года в обители состоялся первый монашеский постриг: среди лаврских постриженников были ныне митрополит Могилев-Подольский и Шаргородский Агапит (Бевцик), наместник Киевского Введенского монастыря епископ Фастовский Дамиан (Давыдов), Феодосий (Ивашенко), епископ Сизьмский (РПЦЗ), архимандрит Антоний (Новицкий), архимандрит Никон (Русин) и другие. Духовным восприемником новопостриженных монахов стал игумен Исаия. По воспоминаниям насельников, в стенах древней обители он также обучал молодых монахов Иисусовой молитве, исповедовал их помыслы. Книжки об умном делании приобрести тогда было сложно, поэтому живой пример и практический опыт старца невозможно переоценить.

Старец как обычно не жалея себя помогал людям, откликаясь на их скорби. С племянником одной из духовных дочерей батюшки, Александром, случилась беда: он пил, затем пристрастился к наркотикам. Жена его бросила, дочь ушла жить к бабушке. И тогда бедняга по слабости характера вскрыл себе вены. Тетя, обнаружив его истекающим кровью, моментально вызвала скорую, однако врачи в больнице сказали, что дела плохи: потерял слишком много крови, нужно готовиться к летальному исходу. Тетя Александра на машине ночью помчалась к старцу и умоляла его помочь. Отец Исаия согласился и поехал в больницу. Пройдя в реанимационную палату, остался на ночь, накрыл несостоявшегося самоубийцу епитрахилью и стал читать над ним Евангелие. Каково же было удивление врачей, когда утром они увидели не труп, а живого человека. Днем пациент встал и самостоятельно ушел из больницы. Среди многих приходивших в палату была и главврач, не верившая, что человек может выжить с таким малым количеством крови. Позднее Александр стал верующим человеком, жена и дочь вернулись к нему.

Насколько глубокий и серьезный след в жизни вновь открытой Лавры и судьбах своих чад оставил старец, можно судить по словам ее насельников, которые ныне сами стали опытными духовниками. Архимандрит Киево-Печерской Лавры архимандрит Антоний (Новицкий) рассказал: “Как-то я вышел из Покровского монастыря и увидел батюшку Исаию. Говорю ему, что хочу поехать в Почаев к старцу и слышу от него такой ответ: “Я так тебе на всю жизнь скажу — не ищите прозорливых, а ищите Бога. А Бог возле нас. А “прозорливые” бывает, как наговорят, то на вербе груши уродят”. Отец Исаия был восприемником у меня на постриге. У него была масса духовных чад. Когда он вернулся в Носовку, то за ним пое-

хало народа пол-Киева. А на похороны старца так весь верующий Киев собрался. Я тоже присутствовал на похоронах. Отец Исаия был сильный духовник, его любили. Он в горах жил, молился и спасался там — это серьезно”.

Духовное чадо старца архимандрит Парфений дополнил: “В быту старец был аскетом. Молясь, совершал до двух с половиной тысяч поклонов. Да и на Кавказе некогда трудился сверх меры. Везде, где бы он ни был, оставлял после себя неизгладимую память. И почти везде враг рода человеческого не терпел его и через бездуховных лиц изгонял”.

С неослабевающей любовью и чувством благодарности вспоминает о благословенных годах с наставником архимандрит Никон (Русин): “В конце 80-х годов началась перестройка, а следом всеобщий хаос, дефицит, обесценивание денег. Молодая братия, и я в их числе, спрашивали отца Исаию: “Батюшка, к чему это все приведет? Успокоится ли мир?” — “Нет, в ближайшее время спокойствия не будет. На воде плаваем, нет твердой почвы”, — отвечал старец. Вспоминаю, как нас, только рукоположенных, отец Исаия, стоя на клиросе во время богослужения, поправлял: он сам был певчим. Пел он баритоном, вторым голосом и где полупрошептом, где жестами или просто кивком головы указывал, куда нужно проходить во время каждения или чтения Евангелия. Мы идем с иеродьяконом, смотрим только на батюшку и споткнулись о коврик так, что чуть не упали. Он потом подбодрил: “Ничего, главное потом в жизни не спотыкайтесь”.

Старцы боялись уронить честь любого человека, ценили каждое слово, ведь они прошли суровую школу выживания в советские годы гонений и на себе знали, что такое злословие или осуждение. Но, когда дело касалось греховной жизни человека или каких-то моментов в выборе спасительного пути, то они, как и отец Исаия, были бескомпромиссны.

Проповеди отец Исаия говорил кратко, ясно, доступно для народа. Он умел подбирать такие слова, вроде бы простые, но очень удачные примеры и запоминающиеся фразы. Ведь в то время в Лавру приходило много людей, как говорится, “с улицы”, не имеющих элементарных понятий о вере, о православии. Многие спрашивали только, куда и кому свечку поставить. Когда отец Исаия перед исповедью или на проповеди обучал элементарным христианским правилам поведения в жизни, не все люди адекватно, со смирением воспринимали наставления батюшки. Особенно, когда он делал замечания женщинам и девицам об их неподобающем

одеянии, использовании косметики и прочего. Некоторые даже жаловались наместнику на батюшку: и тот запретил игумену высказываться на эту тему.

Все старцы были спокойными, уравновешенными, рассудительными. Нам это казалось невозможным. Мы бежали, суетились, хотели узнать и постичь все и сразу. Больше всего людей на исповедь собиралось к отцу Исаии. Я не могу пересказать тонкости этих бесед, но, поверьте, исповедь любого человека у отца Исаии была незабываема. Таких старцев уже нет, мир настолько облуквился и изменился... Мы радовались, что у нас есть старцы, которые нас научат всему, что знают. Никто не мог подумать, что пройдет всего лишь несколько лет — и многих мы для себя потеряем. Мы не знали истинных причин конфликта, но потом понимали, что бесы, не выдерживая молитв старцев, всячески старались изгнать подвижников из стен обители. Для нас это был шок. Об этих временах вспоминаешь с грустью, но и с надеждой, что Господь воздаст им за труды и скорби, понесенные в их жизни”.

“Жизнь есть не рай, но изгнание из рая!” — повторял архимандрит Исаия. Еще Глинские старцы ему, молодому монаху, говорили: “Будешь гоним от куста к кусту”. Он рассказывал близким людям, что три дня плакал — просил снять это благословение. Но получил твердый ответ: “Иначе не спасешься!” Господь ведает сердце человека, его силу, выносливость и способность смиряться.

Воля Божия была такова, что на отце Исаии в наибольшей мере исполнилась заповедь: “Блажени есте, егда поносят вам, и изженут, и рекут всяк зол глагол на вы, лжуще Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех”.

Всю жизнь отец Исаия был гоним, терпел скорби и унижения, козни дьявольские за то, что столько потрудился на духовной ниве. Спустя десятилетия ему вновь пришлось испытать чашу изгнанника в древней Лавре. Сначала, узнав биографию старца, наместник был благосклонен к нему. Но спустя некоторое время до тогдашнего экзарха, будущего раскольника Филарета, дошел слух, что старец указывал в беседах на вред, который приносила в жизнь Церкви так называемая “сестра” митрополита. Прошло время, и однажды случился инцидент: наместник при всех накричал на старца. Тот спросил: “Мне уходить?” — “Да, я вас не держу”, — таков был ответ. И вновь отец Исаия в который раз лишился крова. Собрал нехитрые пожитки, возблагодарил за все Господа и уехал в Курск. Туда его позвал архиепископ Ювеналий (Тарасов) для восстановления Курской Коренной пустыни в качестве наместника монастыря. А спустя годы изгнавший его некогда из Лавры владыка Ионафан (Елецких), встретив отца Исаию в Троице-Сергиевой Лавре, прилюдно попросил у него прощения, объясняя свой поступок давлением Филарета.

Господь, взирая на смиренное перенесение скорбей Своим избранником, удостоил его различных духовных даров. Однажды в начале 1990-х годов посетив батюшку в Курской Коренной пустыни, где он был наместником, духовные чада засобирались домой в Киев и стали просить благословение на дорогу: “Мы уже билеты взяли”. А старец не соглашается:

“Нет вам моего благословения!” Те стали упрашивать, мол, детки дома заждались, но батюшка ни в какую: “Нет и все! Завтра поедете. Аминь!” Что делать, послали старшую на вокзал сдавать билеты. На следующий день билетов не было, взяли на послезавтра. А когда пришли на станцию, с ужасом узнали, что ушедший накануне поезд потерпел крушение и много пассажиров погибло. Домой ехали в гробовом молчании, каждый чувствовал, что смерть, наверное, прошла рядом и уберегла от нее только прозорливость старца. Через время они снова приехали в Пустынь и со слезами благодарили батюшку за свое спасение. Тот похлопал каждого по голове: “Ну что, непутевые мои, какой путь домой короче оказался?”

После Курской обители молитвенный труд подвижника продолжался в небольших скитах Белгородской и Воронежской об-

ластей. Сочувствуя многим возрождающимся обителям, батюшка помогал им материально. Исходив много дорог, став как “сор для мира, как прах, всеми попираемый” (Кор., 4:13) и взойдя на высшую ступень смирения, он с радостью переносил преследовавшую его клевету. Духовные причины гонений отчасти были связаны и с вычиткой — он изгонял бесов, и они ему мстили, через них старца гнали, и власти и церковные чины.

Случай, поведанный схиархиепископом Алипием (Погребняком), поражает примером редкой духовной проницательности отца Исаии. Некоторое время в начале 70-х годов будущий владыка был смотрителем Патриаршей резиденции. И когда отец Исаия приезжал в Лавру, то останавливался у него. В то время в Лавру привозили целые мешки старинных книг от букинистов и хранилищ, из которых отбирали необходимые на церковнославянском языке. Из этого развала отец Алипий вытащил красивый фолиант в кожаном переплете на французском. Языка он не понимал, но прочел заглавие “*Magia. Paris. 1853*”. Батюшка пролистал ее, посмотрел некоторые иллюстрации и отнес в подвал, сжег в печке. Вскоре после этого у него началась сильнейшая брань: враг стал видимым образом являться, страшить и смущать. Было много бессонных ночей, архимандрит заметно поседел. Он говорил об этом ужасе своему духовнику Кириллу (Павлову), но страхования не проходили. Вскоре в Лавру приехал отец Исаия, и отец Алипий попросился к нему на исповедь: “Я начал исповедоваться как обычно принято у священников. Закончил, жду разрешительной молитвы. Так как голова моя была накрыта епитрахилью, я не видел старца, только в тишине слышал его дыхание. Прошло несколько минут, пять, десять... Да что ж это? Может, батюшка задремал с дороги? Или молится? У меня уже и колени заболели, но неудобно было прерывать старца, тем более на исповеди. И вдруг как гром среди неба: “Отец Алипий, а ты черную магию держал в руках?” Я обомлел. Меня как током ударило: “Да, батюшка, держал”, — говорю. — Был такой случай. Но я ее не читал, а в руках держал”. До вопроса отца Исаии у меня этот случай полностью выветрился из головы, и я никак не связал его с явлением нечистой силы. “Соприкоснувшись с этой книгой, ты сделался удобоприступным для воздействия демонической силы”, — сказал старец. После прочтения надо мной разрешительной молитвы и отпущения грехов я с неимоверным облегчением вздохнул. Как вновь на свет родился. Милостью Божией столько времени уже прошло, ни разу с тех пор мне не было никаких видений и страхований. Только когда я слышу

имя Исаии, всегда на ум приходит батюшка, мой избавитель — схимандрит Исаия. В моих молитвах он всегда будет на первых страницах синодика”.

Несмотря на покушения на жизнь старца, постоянную травлю, он продолжал нести свой крест. В конце 90-х годов, ему отказали в приюте в Покровском монастыре. Старец имел твердое мнение о кодах, мирянам давал возможность духовного выбора, вникая в проблемы каждого человека. Монахов же всячески стремился удержать от этих утесняющих людей нововведений и всех предупреждал об опасности их принятия. Покинув Киев, он подвизался в епархиях России, время от времени возвращаясь в столицу, где его ожидали многочисленные чада и паломники. До конца дней основным делом старца было создание небольших скитов-пустынок и обучение насельников Иисусовой молитве.

Отец Исаия был подлинным духовным воином, и какие бы не нес скорби сам, всегда стремился защитить от вражьих нападений вверивших ему себя людей. Он и сам был похож на витязя-отшельника, не любил и не позволял, чтобы за ним собирался какой-то шлейф почитателей, келейников, толпы чад, но просивших совета — не отгонял. Перед окнами его келье собиралась очередь, а послушницы старались их как-то сдерживать, чтобы батюшка мог отдохнуть. Когда он об этом узнал, очень сердился: “Кто отвечать перед Богом будет? А если человек умрет? Еще так сделаете — самих вас отправлю!”

В середине 90-х годов отец Исаия вновь вернулся в Киев и жил в Покровском монастыре, обретя там духовного друга и единомышленника — протоиерея Михаила Бойко. В скромной келье архимандрита бывали не только паломники и богомольцы, но и политики, депутаты, приходили владыки. Обстановку составляли лишь жесткий стул, кровать и небольшой шкафчик. Утром чада часто видели нетронутой батюшкину постель для отдыха. Люди приходили к нему с пяти часов утра, а ночью он молился. И так продолжалось сутками. Встречи со старцем, проникновенные беседы с ним становились чрезвычайно важными событиями в их жизни. Когда отцу Исаии задавали вопрос, он отвечал по сути, как есть на самом деле, без обиняков. Доверие к духовнику было безграничным. Киевлянам отец Исаия говорил: “В этом столичном городе вы должны жить как в пустыне”. Сподобившись побывать на Святой Земле и на Афоне, старец больше никуда не стремился, считая, что Божий человек, неважно, где он пребывает, везде может напитаться Духом Святым. Самое главное — это трудиться над сос-

тоянием души, а это дается большими усилиями.

Находясь в Покровском монастыре, отец Исаия сильно заболел, у него случился инсульт. Тогда он говорил, что ему являлись преподобные Антоний и Феодосий Печерские в той же его комнатке возле рабочей трапезной. Сестры думали, что уже попрощаются со старцем навсегда. Вызвали духовника Лавры архимандрита Авраамия, и он постриг болящего в схиму в честь преподобного Исаии Печерского. Спустя два дня ему стало легче, а вскоре он совсем поправился.

В родной Носовке

На склоне лет он вернулся к себе на родину в Носовку, где организовал женскую общину. Когда у старца спрашивали, почему он больше помогает женским обителям, отец Исаия отвечал: “Женщины — немощной сосуд. Кто же им поможет?” Духовная зрелость старца была такова, что Господь задолго до его кончины открыл ему время упокоения. Когда духовного друга батюшки протоиерея Михаила Бойко парализовало и он лежал не вставая, отец Исаия каждый день навещал его. В искренних соболезнованиях и духовной помощи ему не было равных. Тогда же он сказал: “Через восемь лет и я уйду”, что в точности исполнилось.

6 марта 2011 года, в Прощеное воскресенье, на восемьдесят пятом году жизни в селе Носовка Черниговской области, окруженный многочисленными чадами, схиархимандрит Исаия отошел ко Господу. Многотрудный земной путь старца завершился там, где он родился и вырос, где был дом его родителей, могилы дедов-прадедов. Отпевание состоялось 8 марта в Свято-Троицком храме, где отец Исаия служил последние годы. Проводить старца в последний путь приехали монашествующие, духовенство и миряне с разных концов страны. Длинная скорбная процессия, возглавляемая священнослужителями, более трех километров несла гроб с телом батюшки. Среди своих сродников на Федченковском кладбище он и был погребен.

Жизнеописание схиархимандрита Феофила (Россохи)

(10.08.1928 – 22.03.1996)

Святые отцы говорили, что самая характерная черта, по которой человека духовного можно отличить от прельщенного — это смирение. Жизнь схиархимандрита Феофила, более известного верующим как отец Пафнутий, исполненная многоразличных скорбей и испытаний, прекрасно иллюстрирует эту святоотеческую мудрость. Чад своих он более всего учил искренней молитве, покаянию и смирению. “Будьте смиренны и кротки”, — постоянно повторял он и едва ли не со слезами просил: “Если придет время, когда будут меня расхваливать, вы против этого будьте”. Стараясь не нарушить завета старца, поведем о том, что может послужить для общей пользы⁴⁹.

10 августа 1928 года в деревне Калита Броварского района Киевской области в православной семье Саввы Григорьевича и Прасковьи Григорьевны Россох родился сын, которого в Святом Крещении назвали Петром. Семья будущего подвижника отличалась истинным христианским благочестием. Кроме Петра, в ней росли еще сын Владимир и дочь Надежда. И хотя детство Петра проходило в тяжелые 30-е годы, родители как могли окружали сына заботой. Будучи восьми лет от роду, мальчик был отдан в школу. Радея о благочестивом воспитании своих детей, Савва Григорьевич с детских лет приучал их к посещению храма Божия. Будучи совсем юным, Петр уже пел и читал на клиросе. Господь щедро

одарил мальчика — у него был необычайно красивый голос, и не раз, собираясь на службу, Прасковья Григорьевна говорила: “Пойду своего соловушку послушаю”.

После окончания школы юноша около двух лет подвизался в своем родном Никольском храме, а в 1947 году поступил в Киевскую духовную семинарию. Никогда не расстающимся с книгой запомнился он тогдашним семинаристам. Петр очень любил читать святоотеческую литературу, и на его столе всегда можно было увидеть раскрытым любимое Добротолюбие. Невысокого роста, скромный, застенчивый, Петя вскоре стал пользоваться большим уважением преподавателей и студентов. “В самом облике юноши было нечто особенное, выделявшее его среди других, — вспоминал учившийся с ним В.К. Муратов. — У него были очень красивые глаза, светлые, лучистые. И никогда не сходила улыбка. Можно было, не зная его серьезности, на первых порах подумать, что он немного легкомыслен, но, пообщавшись с ним, понимал, что этот человек был очень богат душой. От него постоянно исходила доброта, которая притягивала к нему, с ним хотелось общаться...”

Все свое свободное время юноша проводил в Лавре. Поднимаясь в четыре-пять часов утра, он спускался от Андреевской церкви на Крещатик, и поскольку ни троллейбусы, ни трамваи еще не ходили, пешком добирался до Лавры. Помолившись на ранней литургии и приложившись к мощам в Ближних и Дальних пещерах, он возвращался к десяти часам в семинарию. В то время Лавра была богата истинными подвижниками монашеского благочестия: архимандрит Кронид, наместник Лавры, сильный проповедник, постоянно напоминавший о том, что грех омрачает совесть; смиренный и кроткий прозорливец схиигумен Кукша: принявший подвиг юродства игумен Андрей, проводивший отчитки; схиигумен Амфилохий, бывший военный летчик и врач, принявший монашество и одно время бывший врачом в семинарии. Преподобный Кукша, обладая даром прозорливости, еще тогда предсказал Петру нелегкую и гонимую жизнь.

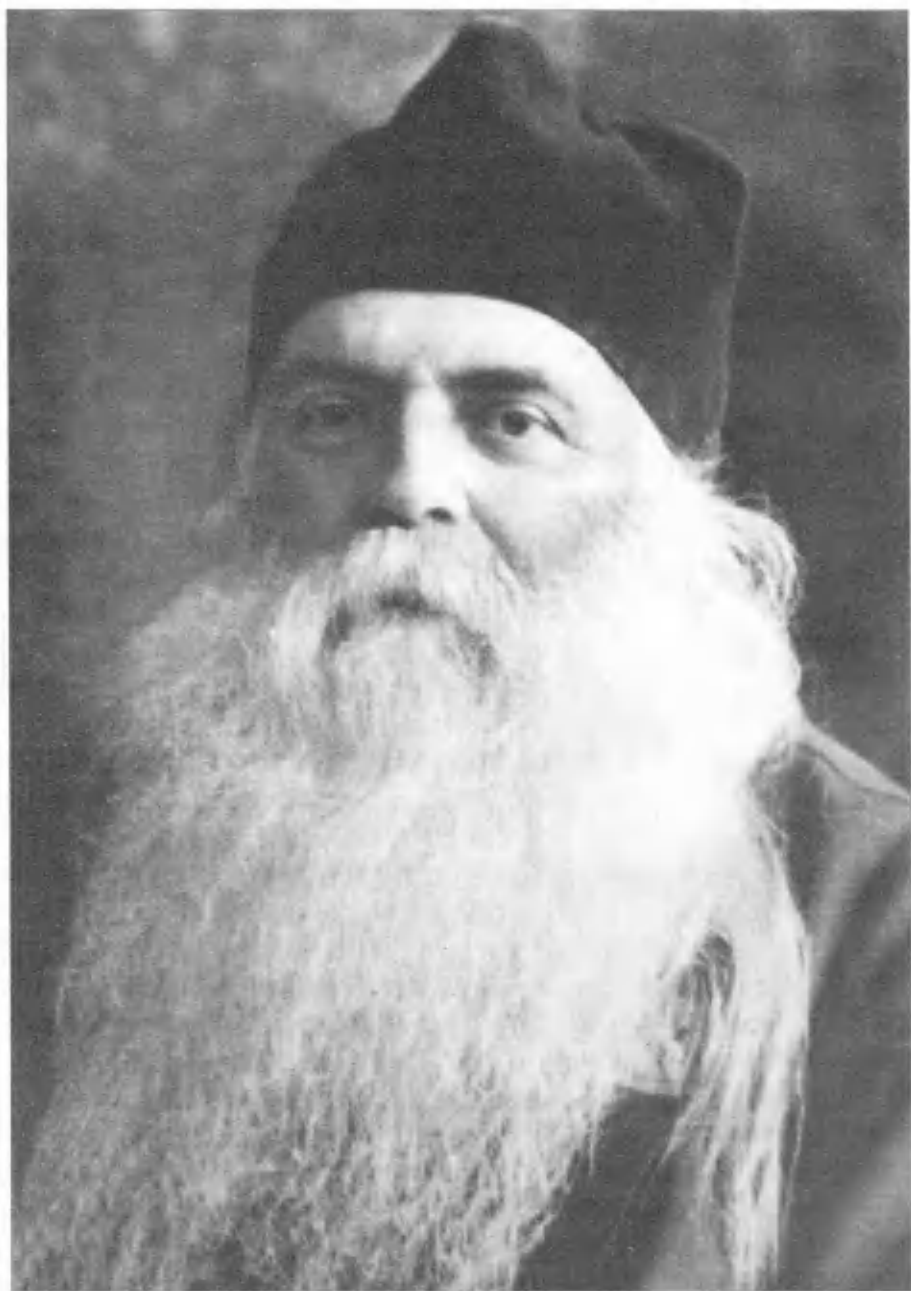
Там же, в Лавре, Петр познакомился с игуменом Феодосием (Сердюком), блюстителем Дальних пещер и лаврским регентом. Был он чрезвычайно одаренным, добрым, но воспитывал монахов в строгости. Именно у него юный подвижник получил первые уроки благочестия, а затем, по его же благословению, поступил впоследствии в Московскую Духовную Академию. Семинарию юноша окончил в 1951 году с блестящими отметками и был почти-

тельнейше рекомендован в числе немногих выпускников для поступления в Московскую Духовную Академию, куда и был зачислен после успешной сдачи вступительных экзаменов.

В годы учебы в Академии он по-прежнему выделялся своей особой молитвенностью и стремлением к подвижнической жизни. “Он раньше всех поднимался и отправлялся в Лавру на полунощницу, — вспоминал учившийся вместе с ним протоиерей Владимир Тимаков. — Четыре-пять часов утра! Студентам спать особенно хочется, а он встанет и бежит, а потом придет потихоньку, но от студентов разве может укрыться? Конечно, не укроешься. А как только узнали, сразу давай ему величание петь как подвижнику. Он бросился к нам: “Да нет, я самый грешный, самый худородный”. Мы же продолжали его искушать”. В это время вместе с Петром в Академии учились будущие архимандриты и старцы Тихон (Агриков) и Кирилл (Павлов). Кротость, смирение, открытость привлекали к студенту Россохе учившихся с ним сокурсников. Был он отзывчив и нетребователен, если было чем поделиться, то делился сполна. Свойственна была ему и абсолютная нестяжательность.

7-го июля 1954 года в день Рождества честного и славного Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна студент Академии Петр Россоха был пострижен в монашество с именем Пафнутий — в честь прп. Пафнутия Киево-Печерского. Спустя одиннадцать дней рукоположен во иеродиакон, а 7 марта 1955 года митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем) в Никольском храме, что в Хамовниках в Москве, возведен в сан иеромонаха. Для своей кандидатской диссертации молодой иеромонах избрал в качестве темы “Лествицу” прп. Иоанна, игумена Синайского и после защиты был удостоен степени кандидата богословия.

Душа начинающего подвижника стремилась в Киев и, написав прошение, он осенью 1955 года был переведен в Свято-Успенскую Киево-Печерскую Лавру. В обители, к радости отца Пафнутия, появились новые насельники: из далекого алтайского края пришел странник Александр, в будущем прославленный старец, схиархимандрит Феодосий (Орлов). Принял монашеский постриг с именем Мардария Михаил Данилов, будущий пустынножитель Кавказа (в схиме Алексей), стал послушником Володя Дзюбанин, впоследствии схиархидиакон Иларион. К переоценке ценностей и уходу в монастырь привела война и будущего монаха Руфа, военного летчика Василия Резвых. К своей величайшей радости, вернувшийся в родные стены иеромонах познакомился здесь с послушником

Схиархимандрит Феофил (Россоха), фото А. Петренко

Павлом Адельгеймом, будущим знаменитым протоиереем, окормляемым в то время лаврским регентом, игуменом Феодосием (Сердюком), с которым отца Пафнутия связывали многолетние дружеские отношения.

Одно время они даже проживали в одной сторожке.

Дар проповедника и наставника, проявившийся еще в годы учебы, все больше раскрывался в молодом иеромонахе. Люди тянулись к нему за живым словом, наставлением и утешением, хотя и было ему в ту пору всего двадцать семь лет от роду. “Как отец Савва (Остапенко) Псково-Печерский говорил, что сейчас времена такие, как на фронте, за год уже и несколько чинов получишь, и медалей, и наград. Было большое гонение, но и сильное духовное созревание. Он и тогда был очень мудрый, притчами говорил, а не мирским языком, всегда какое-то такое изречение скажет, которое коснется всех твоих состояний, укажет на главное и наставит, как дальше продолжать”, — так вспоминал о нем иеромонах Алексей с Нового Афона.

Имея сильную любовь к Богу и будучи весьма инициативным, вместе со своим другом по семинарии отцом Иоанном Никитенко он решил перефотографировать иконы и раздавать их как благословение. Тогда негде было взять ни иконки, ни крестика, а каждому ведь хотелось их иметь. И вот в сарае домика отца Иоанна отец Пафнутий фотографировал иконы и рассылал. Когда кто-то донес на них, Никитенко чуть не лишили сана, а отцу Пафнутию сказали: “Поезжайте куда хотите, но вас на Украине быть не должно”. Так еще в 1958 году за три года до закрытия Киево-Печерской Лавры, иеромонах Пафнутий был сослан в изгнание, которому суждено было продлиться тридцать лет. Первым местом в длинном послужном списке будущего старца была Алма-Ата, куда он был назначен указом Патриарха Алексия I епархиальным секретарем, затем около года был ключарем Никольского Алма-Атинского кафедрального собора, после чего последовала длинная вереница перемещений из епархии в епархию, с прихода на приход.

Сам отец Феофил рассказывал о своих мытарствах незадолго до своей кончины, шутя и улыбаясь: “В Саратове были на службе, потом в Костроме были на службе, потом в Жировицкой обители больше трех лет были, потом в Одесской обители около двух лет были, а потом Одесский архиерей сделал меня врагом народа и пять с половиной лет нигде не давали служить, — при последних словах старец рассмеялся. — Ничего, все бывает”. О тех годах в жизни батюшки мало кто знал. Находясь в изгнании, он не забывал родных и близких, но письма писал, ограничиваясь благословением и поздравлением с праздниками, — КГБ внимательно следил за перепиской. Приезжая же в Троице-Сергееву или в Киево-Печерскую Лавру, в беседе со своими однокурсниками и одноклассниками был немногословен и никогда не жаловался на свое положение.

Бывая в Лавре, отец Пафнутий часто останавливался в селе Селище Киевской области у своего друга протоиерея Михаила Макеева, который всегда был рад приютить гонимого собрата. За время пребывания в Селище он так полюбился настоятелю и прихожанам, что когда настало время расставаться, было по-настоящему скорбно. Отец Михаил вспоминал: “В одну из ночей меня неожиданно разбудил отец Пафнутий. Видя, что он уже полностью одет, я спросил: “Ты куда собрался, батюшка?” А он в ответ: “Уезжаем”. Попрощался и уехал, но не сказал куда. После этого он еще часто приезжал ко мне погостить”.

Стремительный ночной отъезд отца Пафнутия был связан с долгожданным получением благословения прибыть к месту нового назначения. На этот раз Господь направил его в богоспасаемый град Одессу, под Покров Божией Матери. К радости батюшки, в 1969 году он был зачислен в число братии Свято-Успенского Одесского монастыря, где в 1964 году почил и был погребен один из его духовных наставников, схиигумен Кукша (Величко), спустя некоторое время прославленный в лике святых. Можно было посещать дорогую могилку, молиться на ней, поверять ему, как живому, свои скорби. А их хватало, поскольку старец не терпел компромиссов, когда дело касалось правды Божией.

“Отец Пафнутий был обличителем и обличителем ревностным. Он шел в лобовую, — рассказывал о нем старец Кирилл (Павлов). — Сам такой справедливый и, видимо, за правду мог постоять и вопреки какой-то силе пойти в столкновение, когда видел, что неправда вторгается. У него был прямой характер”. Усердное служение молодого игумена, отсутствие у него страха перед атеистической властью и тот авторитет, которым он пользовался среди верующих, вызывали резкое неприятие со стороны мирских властей. В результате и отношение церковных властей, ориентировавшихся в то время на власть предрежущих, зачастую было отнюдь не доброжелательным.

Следствием чего и явились бесконечные перемещения из епархии в епархию. Батюшку отправляли на самые дальние приходы, где подчас нечего было есть, где был лишь заброшенный храм, нуждающийся в восстановлении. Находясь в изгнании, он иногда приезжал в Киев — жить без преподобных угодников Печерских он не мог. И хотя Лавру тогда уже закрыли, а пещеры были музейными, он все же вместе с экскурсиями проникал в дорогие для него лаврские подземелья и там со слезами молился святым угодникам Божиим.

Раб Божий Виктор, который в те годы оставался ближайшим духовным чадом и помощником отца Пафнутия, запомнил на всю жизнь, как, путешествуя на знаменитой “Победе”, они с батюшкой объехали все действующие монастыри Союза. Одно только неудобство Виктор испытывал: отец Пафнутий никогда не брал с собой съестных припасов, да и сам почти не вкушал пищи. Трудно приходилось без запаса бутербродов, да что поделаешь — не благословлялось. “Борода, — рассказывал впоследствии отец Виктор, — едва не до земли у батюшки стелилась. Он ее под подрясник заправлял, чтобы не смущать всевозможных оперуполномоченных”.

За эти годы Господь даровал ему множество духовных чад. И сами священники, по словам киевского протоиерея Михаила Бойко, между собой называли его “всероссийским духовником”. “После его кончины, — вспоминал протоиерей Петр Слободян, — среди его личных вещей оказалось очень много поминальных книжек из Киргизии, Грузии. И, конечно, он не случайно их захватил, а все время пребывал в молитве за этих людей. Молитва была самым главным для него, и за этот молитвенный труд Господь сподобил его многих даров”.

В 1988 году после тридцати лет вынужденного странничества игумен Пафнутий возвратился в Киев. Это было в тот самый год, когда древняя святыня — Киево-Печерская Лавра — была возвращена верующим. И старец, вышедший к тому времени по состоянию здоровья за штат, попросил тогдашнего Киевского митрополита Филарета (Денисенко) принять его в братию монастыря. Но митрополит, невзлюбивший старца еще со времен совместного обучения в Духовной Академии, отказал ему. Однако старец не уехал из Лавры. Исполняющий обязанности наместника архимандрит Ионафан (Елецких), в будущем архиепископ, не препятствовал пребыванию старца в обители, и отец Пафнутий имел возможность проводить Богослужения, петь на клиросе, выполнять текущие послушания, возрождать обитель. Хотя жить ему приходилось на полуполюгальном положении.

В распоряжение монастыря была передана территория Дальних пещер (Ближние все еще принадлежали музею) и сами пещеры. Первая литургия в пещерном храме прп. Феодосия Печерского состоялась 25 июня 1988 года. Возглавил ее тогда еще канонический Предстоятель Церкви, митрополит Филарет (Денисенко). Сослужили ему архимандрит Софроний (Шинкаренко), архимандрит Игорь (Воронков) и диакон Иоанн (Новицкий). На клиросе пели архимандрит Ионафан (Елецких), впоследствии архиепископ и

схиигумен Агапит (Кармаз). Каким же радостным было это благословенное время!

Здесь, на святой горе Печерской, где с незапамятных времен пребывала высокая ревность о Господе, дух братолюбия и любви, строгое следование Правилам святых апостолов, установленное трудами и молитвами ее первоначальников и преемственно закрепленное аскетическими подвигами подвижников благочестия последующих поколений, сердца паломников и прихожан наполняли мир и изобильная благодать древней обители. До сих пор с сердечным трепетом прихожане вспоминают одну из первых литургий в возродившейся Киево-Печерской святыне, проведенную на Дальних пещерах. Вспоминают и наших исповедников-старцев, вернувшихся в родную Лавру после страшной хрущевской “оттепели”. Время наложило свой неумолимый отпечаток на их внешний вид, не сломило дух: седые, постаревшие, они по-прежнему оставались несломленными, мужественными, благолепными.

Наместник Спасо-Преображенского монастыря в Княжичах архимандрит Софроний (Шинкаренко) поведал: “Собралось нас человек десять старой братии. Стали служить две литургии, раннюю и позднюю. Пещеры закрывались в десять часов вечера. Был огромный поток народа. Служили акафисты каждый день. Был великий подъем духовной жизни. Своими силами восстанавливали Лавру — никто не давал тогда ни копейки на восста-

новление”. Теплые, дружеские отношения с отцом Пафнутием архимандрит Софроний хранил всю жизнь.

Однажды, на четвертом или пятом году после открытия Лавры, в Великий Пост, архимандрит Софроний, бывший к тому времени казначеем Лавры, благословил первые три дня первой седмицы поститься “строго по уставу”, то есть вовсе без вкушения пищи до среды. В понедельник первой седмицы по окончании утреннего богослужения отец Пафнутий в великом смущении вбежал в свою келью: “Ах, Софроша! Ах Софроша! Решил всех святыми сделать! Ишь, что придумал!” К тому времени большинство братии и послушники были довольно неокрепшими молодыми людьми, которым такой подвиг был бы не под силу. И вот через полтора часа отец Пафнутий появился снова с двумя ящиками апельсин и яблок, которые стал раздавать братии, обходя все кельи 50 корпуса.

Прихожанка Лавры того времени раба Божия Людмила вспоминала: “Удивительные службы проходили в Крестовоздвиженском храме. Это была первая милость Господня и Матери Божией. Мы в шесть часов вставали и шли пять-шесть человек. Как свечечки стояли. Монахи, тут же и мы рядом, смотрим и то же делаем, что они.

Службы были длинные. А после батюшка всех приглашал под навес, где кормил обедом. Это была сокровенная тайная любовь, с которой мы встретились в Лавре. Батюшка был молчалив, говорил односложно, а в келье всегда шутил. Отец Пафнутий никогда не показывал, что он молитвенник. Он сострадал. Это премудрость Божия. Невидимо он связывал с собою навсегда своей большой милостью и силой, духовной мощью. Тогда мы этого не понимали, а понимаем только сейчас”.

В 1989 году наместником Киево-Печерской Лавры назначили архимандрита Елевферия (Диденко †2016). По словам братии, он был человеком высокой духовной жизни и больше духовником, чем начальником. Он бережно относился к лаврским старожилам, стремясь возродить традиции духовности, присущие обители. В 1992 году архимандрит Елевферий был смещен с должности наместника Филаретом (Денисенко) за отказ братии Киево-Печерской Лавры поставить подписи в поддержку решения Собора УПЦ о даровании ей автокефалии. Только после того, как митрополит Филарет ушел в раскол, а новым Киевским митрополитом стал Владимир (Сабодан), отца Пафнутия официально приняли в число братии Киево-Печерской Лавры, и он получил благословение проводить вычитки болящих и немощных.

По промыслу Божию батюшка после возвращения в Киев имел радость общения с юродивой во Христе монахиней Алипией незадолго до ее упокоения. По словам раба Божия Александра Петренко, бывшего в то время его келейником, однажды отец Пафнутий спросил у него, не знает ли он в Киеве кого-либо из современных подвижников благочестия. “Знаю, батюшка”, — ответил я. — “Кого?” — “Матушку Алипию. Это моя духовная мать”. — “Так что же ты молчишь? Поехали к ней побыстрее!” Садимся мы с батюшкой в его старенькую зеленую “Победу”. Он за рулем, конечно. Едем на всех парах. Батюшка любил быструю езду. Все ему дорогу уступают, вслед кричат: “Батя, во молодец!”. А батюшка едет и песни поет. Слух и голос у него были замечательные, заслушаешься. Вообще батюшкиной отличительной чертой была живость характера, подвижность и энергичность. Все это выражалось в любви к Богу и людям. Ни скучающим, ни унывающим, ни даже расстроенным его невозможно было увидеть. Особенно он любил семинаристов, которых подкармливал и всячески поддерживал материально, делая это по возможности тайно.

Когда мы приехали в Голосеево, я несказанно удивился. Как-то странно было то, что ни единого человека в это время у матушки Алипии не оказалось, хотя обычно ее посещали толпы народа. Батюшка остановился и вышел из “Победы”. Старица устремилась ему навстречу. “Благослови, мать”, — величественно изрек он.

“Нет, ты благослови, ты — архимандрит”, — решительно сказала она. Это смутило батюшку. “Какой же я архимандрит? — с удивлением проговорил он, — я игумен”. — “Молчи, архимандрит, — довольно дерзко возразила она, — мой все знает, лучше тебя знает, кто ты”. Затем она взяла в руки четки, начала истово креститься и тут же всю батюшкину жизнь рассказала от рождения до сего дня: как гнали его, где страдал, где в затворе был, как издевались над ним, — ничего не забыла. После этого матушка внимательно посмотрела на него и сказала: “Знаешь, архимандрит, я такой больной, помолись надо мной”. Батюшка накрыл ее епитрахилью и начал исповедовать, а я отошел подальше, чтобы не слышать. Думается, таким образом матушка дала ему понять, что он в дальнейшем будет вычитывать болящих, спасать недужных”. Так и произошло.

После многочисленных испытаний, лишений и скорбей Господь сподобил Своего избранника множества духовных даров, возложив на него тяжкое бремя старчества. И потянулись к нему люди за советом, наставлением и утешением. Тогда же начали про-

У чудотворной иконы Успения Пресвятой Богородицы

водиться первые вычитки, за которые впоследствии старцу пришлось многое претерпеть. Дважды в неделю по средам и субботам у Дальних пещер собирались огромные толпы народа. Одержимые злыми духами, страждущие от различных душевных и физических болезней люди стремились попасть на специально проводимый старцем молебен о здравии, на котором читалось несколько заклинательных молитв об изгнании злых духов.

Раба Божия Людмила К. запомнила это так: “Сначала батюшка вычитки проводил один без послушника. Огромная толпа людей и он со святой водой один-единственный молится. Всегда мокрый, пот градом с него льется... Потом ему дали послушника, и он его защищал от людей, страшно больных. Когда мы подходили к нему, он говорил: “Помазуется раба Божия” и называл имя, а затем и всю семью. При этом говорил: “Антоние, Феодосие, молитесь Бога о нас”, — так он просил преподобных”. Вычитки, проводимые старцем, привлекали множество народу. “Люди быстрее идут к бабкам, к экстрасенсам, и батюшка делал такие молебны о здравии, чтобы привлечь людей к Церкви, в храм Божий, чтобы они начали веровать

и исполнять заповеди Господни, причащаться”, — объяснял причину стечения такого огромного количества народа иеромонах Ф.

Один из свидетелей духовной брани, которую непрестанно вел батюшка, Ярослав Ж., вспоминает, как, посетив пещеры Киево-Печерской Лавры, был поражен устрашающими криками бесноватых. На вопрос, что, собственно, происходит, один из пещерников с улыбкой ответил: “Батюшка Пафнутий в келье молится, и его молитва приводит бесов в неистовство”. И это было правдой. Монахиня К. рассказывала впоследствии, что наблюдение за неадекватностью поведения людей, одержимых духовными недугами, убедило ее, тогда еще невоцерковленную, в том, что Бог есть, равно как есть и враг, от которого необходимо всеми силами спасать душу. Это привело ее к длительным поискам истины, увенчавшимся монашеским постригом. “Я дала себе слово, — говорила она, — что сделаю в своей жизни все от меня зависящее, чтобы не оказаться в подобном положении”.

Неоднократно приходилось батюшке из уст одержимых слышать угрозы в свой адрес. “Ненавижу Пафнутия”, — кричали одни искаженными голосами. “Убьем его! — истошно выли другие. — Имя нам — легион!” Некоторые обманывали: “Пафнутий, я уже вышел, вышел, перестань читать свои проклятые молитвы!” Молитвы старца ни в коем случае не были самочинием: получив благословение на этот тяжелый духовный труд у старца Павла Буланова, он подтвердил его у священноначалия и исполнял как послушание. Подобным образом проводятся они и в Почаевской Лавре, и в Троице-Сергиевой.

Справедливости ради следует отметить, что практика проведения вычиток у различных духовно опытных старцев была все-таки разной. К примеру, отец Исаия (Коровай) в отличие от игумена Пафнутия был убежден, что читать запретительные молитвы необходимо только индивидуально. Возможно, отчасти он был и прав, потому что понести такие труды мог далеко не каждый подвижник. Однако отец Пафнутий, сострадая всем страждущим от этого тяжкого духовного недуга, стремился помочь каждому. Одержимые, чая исцеления, приходили на вычитку, и многие из них по молитвам старца получали благодатную помощь. Некоторые священнослужители были настроены по отношению к отцу Пафнутию весьма критично и довольно жестко упрекали его за проведение вычиток. Однако польза от них была несомненной: исцеление, причем не только телесное, но и духовное, получало большинство из страждущих, навсегда оставаясь в лоне Церкви. Ни у кого из

людей, близко знавших батюшку, не возникало ни малейшего сомнения в том, что данная ему от Господа сила “наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью” (Лк., 10:19) служит во исправление грешников, закосневших в нечестии.

Всякая болезнь, в том числе одержимость, является следствием греха, и нуждается прежде всего в исцелении души, чтобы человек пришел к Богу, покался, изменил свою жизнь. Иначе он не в силах будет принять дарованное ему от Господа исцеление. “Старец старался привлечь людей в Церковь и после молебна обязательно приглашал на службы. Его задачей было не столько изгнать бесов, но исправить человека, чтобы он пришел к Богу, стал христианином”, — рассуждал иеромонах Ф. И многие обретали веру по молитвам старца. “Он нас именно исправлял. Помогал нам исправиться. Ты приходил сам, а он начинал и за тебя молиться, и за твоих родственников. Так постепенно один пришел, причастился, покался, другой пришел, причастился, покался. Он все наши семьи привел к покаянию”, — с благодарностью говорила одна из батюшкиных чад.

Приходили к старцу не только одержимые, но и пострадавшие от колдовства, порчи. Раба Божия Татьяна Е. из Киева поведала свою историю: “Мы пришли к батюшке из-за маминой болезни. У мамы перестали ходить ноги. Ее положили в госпиталь. В госпитале она четыре месяца пролежала, ее закололи уколами, от которых у нее началась аллергия на все лекарства. Врачи сказали: “Мы не знаем, что с вами делать, у вас болезнь совершенно по-другому развивается. Пошло отмирание тканей на ногах. Мы можем предложить только ампутацию, иначе начнется гангрена”. В отделении гнойной хирургии возле нее лежали женщины и умирали после ампутации ног при сахарном диабете. Она была полностью духовно сломлена, не хотела жить и ждала своего конца. До ноги дотронешься — как будто в морозильной камере побывал, такой холод шел. Опустить ноги она не могла — боль была адская. Так она и лежала, встать не могла.

Мне все время советовали: “Сходи в Лавру к мощам”. А мы, живя в Киеве, очень редко ходили в Лавру. В своем храме я узнала, что в Лавре есть старец, который принимает и делает вычитки. Врачи от мамы отказались и сказали: “Забирайте ее домой. Если начнется гангрена, приедете, мы проведем ампутацию. Обращайтесь к бабкам, к экстрасенсам, к кому угодно, мы сделать ничего не можем”. Я предложила маме: “Поедем в Лавру, я слышала об отце Пафнутии”. Но она все как-то колебалась. Родственники

стали ее склонять пойти к какой-то бабке. Говорю: “Мама, мы верующие, православные, какая бабка может быть?” Но она меня не послушала, ее повезли к бабке, и та ей сказала: “Я сделать ничего не могу, вам сделано на смерть. Нужен сильный священник. Идите в Лавру”. “Ну вот, мама, — удивилась я, — тебе уже лукавый говорит, что надо идти к священнику”.

Вначале я сама поехала к батюшке, который тогда принимал на Дальних пещерах. Подошла к нему, спросила совета, что делать. Батюшка принял так, будто давно меня знал. “Ой, кого я вижу!.. — Обнял меня, поцеловал и сказал: — В следующую среду маму привезешь”. Приехали мы, мама на костылях. Но милостью Божией выстояла вычитку. На следующей вычитке мама говорит: “Удивительно, сколько времени у меня опущены ноги и не отекли”. А у нее моментально распухали ноги, стоять она не могла. Через три вычитки она уже не с костылями, а с палочкой приехала. И через месяц хоть с палочкой еще ходила, но уже более или менее свободно. Запомнился такой случай: батюшка выходил из Ближних пещер, а мы его ждали. Мама что-то ему говорит, а он ей: “Ну-ну, Галина, идем,

я спешу, спешу”. А сам бежит по ступенькам в Дальние пещеры. Мы с братом смотрим: мама побежала за батюшкой! Что-то говорит ему вдогонку и бежит! А ходила только с палочкой и на нас опиралась. Но тут про все забыла и за батюшкой бегом!”

“Месяц мы к нему ходили на вычитки, и с каждым разом я себя чувствовала все лучше и лучше, — подтверждает сама исцеленная Галина. Когда я пришла в госпиталь, у врачей глаза от удивления расширились: “Чем вы лечились?!” — “Да, — говорю, — те назначения выполняла, которые вы дали”. А что я буду им объяснять? Бабка, к которой ездили, сказала, что порча была сделана на смерть. А батюшка мне говорил: “Да-да, делают, и еще как делают. Не волнуйтесь — Господь сильнее”.

Люди приходили к Богу через горе, болезни и страдания. И старец помогал им идти по этому нелегкому пути, облегчая их беды и скорби, помогая обрести веру и покаяние. Он лечил их искалеченные души, очищал от скверны, устранял нравственные причины болезни. И Господь по молитвам праведника совершал исцеления страждущих. Всех их с любовью принимал батюшка, окружая заботой и теплотой, помогал обрести единственно правильный путь в жизни. На исповедь к старцу приходили не только прихожане и паломники, но и братия монастыря, и семинаристы, и послушники. Он выслушивал человека, давал краткий совет, и этих нескольких слов хватало, чтобы получить ответ на то, что тревожило и мучило. И братия монастыря, и духовные чада отца Пафнутия знали о его прозорливости. Часто Господь открывал старцу прегрешения кающегося, и тогда он называл те самые грехи, о которых человек либо забыл, либо не осознавал как грех.

Фактически у батюшки не было свободного времени. К нему ехали и ехали люди. С горем, с радостью, за советом, за благословением. Возле корпуса, где жил старец, постоянно толпился народ — ждал своего пастыря. И когда батюшка выходил на улицу, этот людской поток поглощал его: все стремились хотя бы прикоснуться к нему, получить благословение. Особенно много людей собиралось в среду и субботу, в дни, когда батюшка проводил вычитку для болящих. Сидит старец на стуле после чтения Святого Евангелия и помазывает подходящих к нему людей, а в помещении стоит духота, народ напирает со всех сторон, несколько послушников пытаются сдержать эту людскую лавину, но тщетно. Любой бы человек возмутился, а батюшка лишь повторяет: “Будьте смиренны и кротки”. Он никогда не сердился на теснивших его, порой весьма бесцеремонно, людей, не обижал их и учил этому других.

Старец никогда не настаивал ни на чем. Он ненавязчиво направлял людей на путь истинный. И всегда в разговоре с людьми проявлял заботу, такт и смирение. В каждом его совете и слове чувствовалось такое знание сердца человеческого, такое проникновение в самую глубь народного быта, душевной жизни народа, что ни один из подходивших к нему иногда с глазами полными слез, не уходил от него с лицом не просветленным. Чувствовалось, что каждый получал свое утешение.

Многие скорби и поношения пришлось претерпеть старцу за тот подвиг, который он нес во имя Господа, ради страждущего человечества. Его усердное служение и толпы людей, стремившихся попасть на вычитки, вызывали ревность и раздражение даже у монашествующих. Многие подвижники подвергались гонениям от врага рода человеческого, достаточно вспомнить старца Льва Оптинского, Гавриила Седмиезерского, прп. Иону Киевского. Вот как говорил об этом старец Иона Киевский, к коему притекало море людское за помощью и благословением: “И начался страшный ропот и негодование на меня. Как только меня не называли — и волшебником, и колдуном, и чернокнижником. Я все это слышал, но им ничего не говорил, молился о них, жалел их. Молчу, молчу, притаился, как будто ничего не знаю”. Такие же скорби, клевету и поношения пришлось терпеть и отцу Пафнутию.

Бог совершал множество исцелений по молитвам старца. А сам он всегда смиренно повторял: “Это Господь, а я, грешный, только молюсь”. Протоиерей Петр С. припоминал: “Бывало, люди приезжали к нему, просили о помощи, а он дружески хлопал по плечу и говорил: “Иди, иди, Господь тебе поможет, молись, молись...” И человек думал: “Как же так, я ехал, а он вроде бы и не помог?” Но проходило время — и человек выздоравливал. Он молился за этих людей, и люди получали помощь. Его молитва имела силу на расстоянии. И необязательно было человеку присутствовать на этой молитве”.

На литургии батюшка обычно поминал очень много имен. Для того чтобы помянуть всех, подавших ему записки, он приходил заранее, даже если не служил. Располагал свои записки на поминальном столике и вынимал очень много частиц. Обычно к нему подходили послушники или монашествующие с просьбой помянуть своих близких: “Батюшка, помяните Андрея!”

— Андрея, Андрея, Андрея, — поминал старец, вынимая частицы, — всех Андреев, всех Андреев, всех Андреев, всех сродников, всех Андреев...

14 апреля 1993 года Блаженнейшим Митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром отец Пафнутий был возведен в сан архимандрита. Один из протоиереев, присутствовавших при этом событии в жизни старца, вспоминал, как стоял он после службы, прижимая к своей груди пожалованную ему митру, а на глазах его блеснули слезы... Он никогда не искал ни наград, ни почестей, ни славы. Но эта награда была им заслужена. “От естества есть в душе желание славы, но только горней”, — сказано у любимого им прп. Иоанна Лествичника. И на протяжении всей своей жизни старец, желая славы горней, стремился угодить лишь Богу, а не человеку.

24 августа отец Пафнутий назначается скитона начальником Китаевской Свято-Троицкой пустыни, старинного скита Лавры. Китаевский скит по преданию был основан в XII веке при св. благоверном князе Андрее Боголюбском. В XVIII веке здесь подвизалась преподобная Досифея, некогда благословившая на подвиг юношу Прохора Мошнина, будущего старца Серафима Саровского. В XIX веке здесь нес свои подвижнические труды святой иеросхимонах Феофил Христа ради юродивый. После запустения в советские годы в 1992-м скит вернули Православной Церкви, а когда в августе 1993 года наместником был назначен архимандрит Пафнутий, началось подлинное возрождение Китаевской пустыни. Невозможно перечислить те труды, которые приложил старец для возрождения этой порушенной святыни Православия. Сразу же по своему приходу в пустынь отец Пафнутий открыл больницу-богадельню, полностью содержащуюся на скудные средства обители. А для болящих стал по четвергам проводить особый молебен о даровании душевного и телесного здравия.

Но не только болящие стекались к старцу в Китаево. В коридорчике перед его кельей, каждый день переполненном народом (порой очередь тянулась через весь монастырский дворик), можно было увидеть кубанского казака и шахтера с Луганщины, сельского учителя и воспитателя колонии для несовершеннолетних, который пешком пришел из Одессы за советом и благословением всей семьей вступить в монастырь, кадрового военного и вора-рецидивиста, известного литератора и председателя колхоза, иеромонаха из Троице-Сергиевской Лавры и оккультиста, экстравагантную барменшу из Севастополя и прикованного болезнью к инвалидной коляске сотрудника госбезопасности. До конца дней сохраняют в своем сердце люди, имевшие неповторимую радость общения с батюшкой, его удивительный облик:

улыбающиеся пронизательные глаза, окладистую белую бороду, нос с горбинкой.

Первые полгода старец служил один, не было ни диакона, ни второго священника. После “Отче наш” выходил он из алтаря и начинал исповедовать пришедших богомольцев. Тяжело было, но Господь не оставлял его Своею благодатью и давал силы для служения. Постепенно прихожан становилось все больше, в воскресные и праздничные дни церковь всегда была полна народу. Перед началом службы люди собирались на монастырском дворе, ожидая появления старца. В сопровождении своего келейника он медленно спускался по ступенькам с крыльца и, раздавая по дороге благословения, в окружении богомольцев направлялся к храму. По окончании литургии он также в сопровождении людей возвращался к себе в келью и после вычитывания монашеского правила и краткого отдыха начинал прием посетителей.

Келья старца состояла из двух небольших комнат. В первой он принимал народ, а во второй уединялся в краткие часы отдыха. В углу под образами горела лампадка, слева находился диван, у окна стоял стол, заваленный различными приношениями от благодарных посетителей.

Эти приношения тут же раздавались батюшкой приходящим к нему за советом и утешением. Всех отец Пафнутий встречал с улыбкой. Миром и спокойствием веяло от него, а его удивительно молодые и добрые глаза, наполненные состраданием, поражали буквально каждого из приходивших. Терпеливо, ласково и внимательно выслушивал он обращающихся к нему за советом. Определяя недуг, давал соответствующее каждому духовное врачевание. И выходили от него люди утешенные, исполненные надежды и веры. Старец не гнушался никакими грешниками, ибо в каждом видел образ Божий. Он говорил: “Любовь покрывает все”. И он любил всех божьих, одержимых, несчастных. Идет человек грязный, немытый, он его приласкает, приголубит — и человек сияет, он уже самый счастливый на земле. Прп. Силуан Афонский говорил, что нет большего чуда, как любить грешника в его падении. В дни “оскудения любви”, когда в сердцах многих поселились злоба, вражда и насилие, Господь явил в лице старца истинную христианскую любовь.

Киевлянка раба Божия Таисия Избицкая вспоминала: “Сын моей подруги Александр пришел с совершенно больной рукой. Она у него не двигалась, опухла. А батюшка посмотрел ему в глаза и взял его руку в свою: “Ой, рука у тебя болит, опухла...” И так по-

держал свою руку над его. А у него эта рука уже синяя была. Александр пришел от батюшки домой и крепко уснул (хотя прежде боль спать не давала), а потом проснулся, звонит матери и говорит: “Мама, я так долго спал, и рука у меня уже не болит, боль прошла”.

Деньги, собранные на водосвятных молебнах, старец передавал на строительство и возобновление монастырей. До конца своих дней он не переставал творить дела милосердия. Пантелеимоновский в Феофании, Толгский, Елецкий, Козелецкий, Покровский в Киеве, Красногорский, Густынский в Прилуках — вот лишь некоторые из обителей, в восстановление которых внес свою посильную лепту старец Пафнутий.

5 апреля 1994 года наместник Киево-Печерской Лавры архимандрит Павел (Лебедь) совершил постриг архимандрита Пафнутия в схиму с наречением имени Феофил — в честь местночтимого святого Феофила, Христа ради юродивого, рака с мощами которого находится в Свято-Троицком храме, расположенном на территории Китаевского монастыря.

Сорок лет совершал старец Феофил монашеский и священнический подвиг. Жизнь его была полна трудов, гонений и скорбей, но до последнего издыхания он молился за мир. В Прощеное воскресенье Великого поста 1996 года многочисленные паломники и молящиеся, заполнившие храм Двенадцати апостолов Китаевской пустыни, чувствовали, что совершается особая, действительно прощальная служба. Когда старец вышел из алтаря с крестом, стал на колени и принялся просить у молящихся прощения, в храме стоял плач. Батюшка действительно прощался со своими многочисленными духовными чадами. Они подходили по одному, и батюшка, внимательно глядя на каждого, говорил несколько слов, самых важных, напутственных.

21 марта отцу Феофилу посоветовали лечь в больницу. Обитель сразу как-то опустела. 22 марта 1996 года в 16 часов, за полчаса до своего упокоения, старец угостил сестру больного, который лежал с ним в одной палате, блинчиками и попросил их пойти погулять, чтобы ему остаться одному. Когда через полчаса они вернулись, старец лежал на боку, со спокойным, умиротворенным лицом — будто уснул. Когда тело привезли из больницы в монастырь и начали готовить к погребению, присутствовавшие ощутили исходящее от его рук благоухание. “Такое благоухание, как от мощей, запах тонкий и в то же время сильный...” — рассказывал один из иноков. Погребен отец Феофил на территории Китаевского мо-

настыря близ Свято-Троицкого храма, возле могилы иеросхимонаха Феофила Христа ради юродивого, своего покровителя.

У креста над местом его упокоения всегда кто-то стоит, молитвенно обращаясь к старцу как к живому. И в ответ память приносит его каждодневное наставление дорогим голосом батюшки: “В храмах чаще бывайте, веруйте, посещайте главные святыни Киевской Руси, особенно Лавру Киево-Печерскую. Угодникам Божиим целуйте ручки, подражайте им в жизни их. Вот и будете вы настоящими, тоже хорошими христианами. Дай вам Бог преуспевать во всем, и идти от силы в силу, и достигать высшего духовного совершенства”.

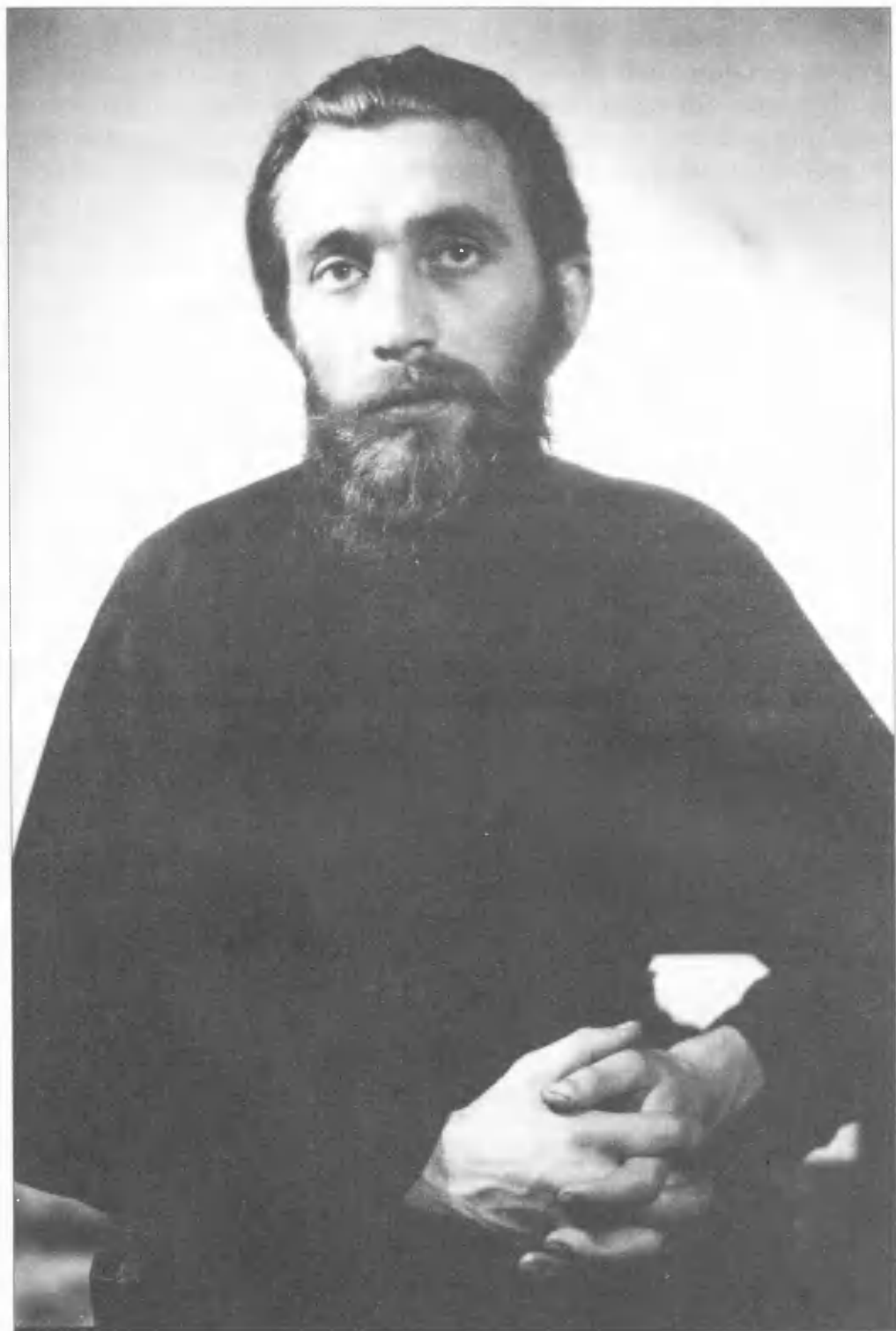

Жизнеописание схиархидиакона Илариона (Дзюбанина)

(5.03.1924 – 21.10.2007)

Схиархидиакон Иларион явил бесценный для нашего времени пример жизни в Боге. Господь провел его сквозь бушующее пламя войны и сберег в горниле самого великого и нещадного сражения в мировой истории — грандиозной Курской дуге — когда вокруг плавился металл и падали тысячи убитых. Едва развеялся пороховой чад и дым пожарищ, Он привел его к Дому Своей Матери, к Великой церкви Лавры, от которой остались развороченные глыбы древней плинфы, тысячу лет тому сложенной руками византийцев. Пришли сюда невидимо и преподобные первоначальники обители благословить этого воина, ибо видели, что в центре пепелища, в солдатской гимнастерке стоит схимник. Благословение это утвердилось в душе отца Илариона: он всегда тянулся к заветам древних отцов, любил, чтоб было как в старину, поскольку молитвами преподобных Печерских познал, что Бог и заповеди Его неизменны. Время установлено Им для жизни временной, земной. А в Царствии Божием — вечность. И тот, кто безрассудно бежит за временем, наипаче в деле церковном, — изменяет Неизменному.

О своей жизни отец Иларион (в миру Владимир Михайлович Дзюбанин) рассказывал весьма скупом⁽⁵⁰⁾: “Родился я в 1924 году в городке Щигры Курской области. Рос и учился, как большинство сверстников, в окружении богопротивников и атеистов. Затем семья переехала в Харьков. Жили мы в частном доме. В 1934 году умер отец, прожив сорок шесть лет. В 1937 году я окончил семь классов. В молодости был я харьковский босяк, гулял, в Бога не верил. Воевал на фронте в Великую Отечественную войну. Но Господь вразумил, я покался, начал новую жизнь. Первые семена веры в моей душе посеяла моя тетя — еще “царская” монахиня Нектария. Когда я был призван на фронт, она дала мне в благословение пояс с напечатанным на нем 90-м псалмом “Живый в помощи Вышняго...” И когда в 1943 году на Курской дуге я, ефрейтор артиллерии, в жесточайших боях, казалось, был на дне ада, когда пулями и осколками снарядов убивало находившихся рядом товарищей, я вспоминал о благословении тети, читал этот псалом, и Господь не раз спасал меня от неизбежной гибели... В годы Великой Отечественной войны я также участвовал в освобождении от фашистов Киева, Венгрии, Румынии, Австрии, Польши, Германии и Чехосло-

Послушник Владимир Дзюбанин

вакии. В одном из наступлений был контужен, проходил лечение в госпитале. Демобилизован в 1947 году”.

На силу 90-го псалма воину Владимиру было указано сугубо. Вот что старец рассказал однажды в Иерусалимском монастыре Марии Магдалины в Гефсимании архимандриту Серафиму из киевского Ионинского монастыря: “Было страшно: снаряды рвались, все гудело, земля разрывалась, железо плавилось, лопались барабанные перепонки. И я дал обет Матери Божией: если выживу, буду служить Господу всю жизнь... Раз на фронте в полевой кухне на трапезе между боями, попался мне кирпич хлеба, а в нем листик с запиской: “Читай, воин, этот псалом 90-й, и ни пуля тебя не возьмет, ни штык”. Какой-то пекарь-христианин или раба Божия таким образом помогали воинам на передовой. Вот этот псалом я и читал всю войну, детки”.

Когда освобождали Киев в 1943 году, зенитный расчет Владимира Дзюбанина стоял за стенами Лавры, откуда хорошо были видны колокольня и взорванный Успенский Собор. Глядя на купола, он думал: “Кто такие монахи, что они там делают за стеной, живы ли еще?” Он чувствовал, что за той старинной каменной оградой с бойницами сокрыта некая важная тайна, но еще не знал, что через несколько лет сам окажется внутри древних стен. “В 1949

Руины Успенского собора, 1943 год

по молитвам монахини Нектарии, — рассказывал позже монах, — я принял решение посвятить оставшуюся жизнь служению Богу. В 1950 году поступил послушником в Киево-Печерскую Лавру. Там в 1957 году принял монашество с именем Игнатий. В Лавре встретил моих старцев-наставников — схимонаха Дамиана, архимандрита Полихрония, преподобного Кукшу (Величко), игумена Андрея и монаха Пиора (с ним случилось чудо: он прошел по мытарствам, и душа вернулась на землю. После этого он ушел в Лавру)⁽⁵¹⁾.

Протоиерей Мефодий Финкевич, который знал отца Илариона с молодых лет, хорошо помнил те события: “В 1950 году приехал Владимир в Киево-Печерскую Лавру. Увидел руины Успенского собора, колокольню огромную, — сердце защемило. Подходит к нему благочинный, спрашивает: “Ну что, служивый, сберег Господь? Пойдешь к нам в братию?” Тот отвечает: “Да я и молиться-то не умею толком, батюшка... А попробовать можно?” — “Конечно. Давай, я и сам фронтовик, офицером был. Зовут игумен Нестор”. И будущий владыка принял двадцатисемилетнего Владимира Дзюбанина в послушники”.

Послевоенная братия запомнили его вечно худого, с распущенными длинными волосами и небольшой бородкой. Какое-то время он трудился келейником у наместника Лавры владыки Нестора, потом был помощником блюстителя Ближних пещер иеромонаха Иосифа. Убирал в пещерах, чистил раки и подсвечники, помогал в переоблачении мощей преподобных, а еще по примеру своего начальника, отца Иосифа, сопровождал богомольцев по пещерам и рассказывал о житиях киевских святых. Послушание курсовода он исполнял потом до старости.

Несколько лет Владимира опекал известнейший на то время прозорливый старец схимонах Дамиан (Корнейчук). А после смерти подвижника в 1954 году послушник окормлялся у лаврского духовника, архимандрита Полихрония (Дубровского). В 1957 году наместник Лавры епископ Нестор постриг послушника Владимира в монашество с именем Игнатий в честь преподобного Игнатия, архимандрита Печерского, в Дальних пещерах почивающего. А через два года рукоположил его в сан диакона. Годы послушничества в Киево-Печерской Лавре стали для молодого подвижника духовным университетом, постижением превысшей монашеской науки, которой его обучали дореволюционные старцы, подлинные рабы Божии. Их молитвами Господь пожег тернии многих страстей Своего избранника: он стал монахом редкого смирения — любвеобильным и чутким. Эти благодатные дары у отца Илариона

Отец Игнатий в Киево-Печерской Лавре, 50-е годы

оттеняло юродство, которое в наше время бывает не всеми понимаемо.

В 1960 году за год до закрытия Киево-Печерской Лавры иеродиакон “переместили”, как было написано в его послужном списке, в Почаевскую Лавру. Но в 1962 году волна хрущевских гонений докатилась и до Почаева. Отца Игнатия вызывали в КГБ, грозили арестом. Фронтовик не просто отказывался покидать обитель, но и обличал гонителей как предателей веры отцов, грозя им судом Божиим. Во избежание ареста почаевский наместник благословил отцу Игнатию перебраться на тихий приход. Так он на пятнадцать лет оказался в родном Харькове — рядом с владыкой Нестором (Тугаем), который с 1961 по 1964 годы служил епископом Харьковским и Богодуховским. Иеродиакон служил в храме во имя иконы Божией Матери Озерянской. А жил одно время у своей мамы Параскевы Ивановны Дзюбаниной — схимонахини Веры. Матушка прожила семьдесят восемь лет и умерла в один год со своим старшим сыном Сергеем.

Православный фотограф раб Божий Сергей Фрич, много лет знавший старца, указал на красноречивые детали жизни, которые

свидетельствуют о его высоком духовном устроении: “В моей памяти схииеродиакон Иларион (я знал его больше как архидиакона Игнатия) навсегда останется благообразным, с улыбающимися лучистыми глазами, спешащим на богоугодное дело. Любимым приветствием его были слова: “Ну как ты спасаешься, деточка?” Знал я отца Игнатия с 1980 года, еще в пору своего послушничества в Почаевской Лавре. Он тогда был трапезным, а в подчинении у него находились три-четыре послушника. Трудился среди нас послушник в халате, Николай из Москвы. Так вот этот Николай был немножко болящим, хотя внешне это почти не замечалось. Однажды он что-то не так сделал в трапезной, отец Игнатий начал его корить за это, тот в крик: вы сами, мол, старый дурак, ничего не понимаете. Мы, человека два-три, замерев, стояли неподалеку, наблюдая эту сцену. И вдруг отец Игнатий бухается на колени, бьет головой в пол и говорит: “Прости меня, Коля”. Тот, оторопев, тоже падает на колени перед иеродиаконом, и вот уже оба стоят друг перед другом на коленях и бьют лбами в пол со словами: “Прости, прости”.

Бывало, отец иеродиакон поучал: “В монастыре почти все, как в армии. В армии какая первая заповедь? Будь поближе к кухне и подальше от начальства. Здесь же первое замените на Бога, а второе оставьте без изменений”, — при этом он улыбался с хитрым прищуром. “На фронте же по-другому: будь ближе к передовой, и Бог будет с тобой. Вот так-то. А меня когда спрашивают: вы в армии служили? Отвечаю: “В армии не служил, я воевал на фронте. Прошел огонь, воду и Курскую дугу”. Старец говорил, что монахов совершенно справедливо называют воинством Христовым. Слово “братия” весьма сходно со словом “гвардия”, монашеская мантия в чине пострига называется броней правды, крест — щитом веры, четки — мечом духовным, клобук — шлемом спасения. Но, в отличие от мирской армии, демобилизация у монахов не предусмотрена.

Впоследствии старец мало кому доверял пережитое на войне. Спустя многие годы, когда на юбилей освобождения от немецко-фашистских захватчиков отцу архидиакону вручили награду, получавшие вместе с ним медали архимандриты спросили: “Отец Игнатий, а тебе за какие заслуги награда?” Он во всегдашней своей шутиливой манере ответил: “За то, что я не стрелял, а если стрелял, то не попадал”. После того как он принял схиму, к нему однажды в праздничный день 9 Мая подошел плотник Киево-Печерской Лавры Василий и, зная, что батюшка фронтовик, сказал: “Отец Иларион, поздравляю вас с Днем Победы!” На что схимник ответил: “Вот когда пройдем мытарства, тогда и будет День Победы!”

Иногда слова и поступки архидиакона, которые воспринимались как юродство, по сути были истиной, глаголемой Божиим человеком. При этом он утверждал, что юмор лечит человека от спеси и лицемерия, и часто вспоминал слова преподобного Серафима Саровского: “Презревший мир всегда весел, зато печаль — неразлучна со страстями”. Некоторые еще помнят историю, когда в 1980-х в Почаевскую Лавру приехала представительная группа офицеров во главе с генералом. Офицеры выстроились. Появился монах с огромной связкой ключей и бодрым шагом направился к строю. Молодые офицеры вообще видели монаха первый раз в жизни. Ситуация была нештатной. Генерал скомандовал “смирно”, отдал честь и представился: “Начальник штаба Краснознаменного Прикарпатского военного округа генерал-лейтенант Грачев”. Отец Иларион представился с не меньшей торжественностью: “Воин Царя Небесного, архиерей Игнатий, монастыря Почаевского...”

На самом деле именно так он себя и числил, без всякой пафосности. И, исходя из этого, относился к своему служению. Протоиерей Леонид Кузнецов из Киевской Свято-Покровской церкви на Приорке в молодости был на послушании в трапезной Почаевской Лавры. Не один раз юного послушника Леонида поражало необыкновенное чувство времени, которым обладал архиерей. То ли на полунощницу, то ли на литургию, либо перед вечерней службой старец мог, не посмотрев на часы и не пользуясь будильником, пребывая в глубоком сне или кратком отдыхе, моментально пробудиться в нужное время с точностью до нескольких минут. “Меня как кто за рукав дергает, — признавался он, — как бы сильно ни устал, спать больше не могу”.

На 1000-летие Крещения Руси в июне 1988 года отец Игнатий взял благословение на свое возвращение во вновь открывающуюся Киево-Печерскую Лавру. Многие воспоминания проплыли в памяти батюшки, когда он переступил Святые врата родного монастыря. Серые тяжелые облака, висящие над Великой колокольной в 1943-м, весенний аромат лаврского сада, в зелени которого молодые братья Лавры фотографировались на память незадолго перед изгнанием, недобрый “кашель” грузовика, увозящего его из монастыря в 60-м... С великим благоговением относился всегда служитель Божий к древнему Уделу Богородицы. Подъезжая к Лавре, старец еще издавна всегда крестился на святую обитель.

Архимандрит Алипий (Светличный), один из первых постриженников Киево-Печерской Лавры, припомнил, как старец не раз

изумлял монастырскую молодежь благодатными дарами: “После Пасхи был такой случай: отец Игнатий вел по коридорам пещер очередную группу, вдруг услышал плач и побежал на него. У раки с мощами одного из святых горько плакала молодая женщина. Архидиакон тут же и сам расплакался над нею. Он коснулся ее головы и стал гладить со словами: “Бедненькая! Бедненькая!” Девушка, растроганная сочувствием, припала к его ногам, а старец вдруг сказал ей: “А ты все-таки не убивай деточку!” — “Как же мне тогда быть, батюшка?” — не удивляясь тому, что монах узнал ее тайну, спросила заплаканная. — “Ты не бойся, что тебя замуж не возьмут. Возьмут! Еще как возьмут. Ты, главное, ребеночка только роди и начни воспитывать. А потом сложится все, как надо!” Вытер ей слезы, развернулся и, сам заплаканный, пошел к своим экскурсантам, потрясенным тем, что они видели.

В присутствии людей отец Игнатий был степенным старичком, иногда как бы старше своего возраста и даже едва передвигающим ноги. Но когда никто не видел (или он думал, что его не видят), старец иногда шалил, особенно в деревянных галереях, что ведут из Дальних пещер к Ближним. Он разгонялся на ступеньках, а потом по ровной поверхности по-мальчишески бежал вприпрыжку, развеивая мантию. В одну из таких пробежек, когда Ближние пещеры были тоже возвращены Церкви и службы совершались в Крестовоздвиженском храме, отец Игнатий по дороге на службу разорвал мантию, зацепившись ею за ручку двери, которую кто-то оставил открытой на середине галереи. Он остановился в раздумье: возвратиться, чтобы зашить мантию, или идти на службу как есть? Подумав, старец решил все-таки пойти сначала на богослужение, на которое и так опаздывал.

И тут ему навстречу идет молодой монах, который, заметив разорванную мантию и догадываясь, почему она в таком состоянии, решил пошутить: “Отец Игнатий, вам бес мантию порвал!” Архидиакон тут же нашелся: “И не только это он мне сделал! Он еще хотел, чтобы я в келью вернулся по важному делу. Чтобы службу пропустил. А в келье у меня печенье с панихиды лежит и сахар для чая, а воду в чайник нетрудно ведь набрать...” И пошел в храм. А монах тот остановился, подумал и тоже вернулся, поняв, что это старец его так тонко и точно обличил.

После принятия схимы стал проявляться у старца особый дар прозорливости: он часто видел глубины происходящего или грядущего. Люди, на себе познавшие этот его дар, рассказывали о нем друг другу. И к нему вновь пошли толпами. Однажды во время

беседы с паломнической группой отец Иларион внезапно повернулся к парню и строго сказал ему: “Ты в тот институт, куда хочешь, не иди: глупостям тебя там только научат. Ты к летчикам иди!” Юноша возразил: “Батюшка, но ведь я уже подал документы в институт легкой промышленности!” На что схимник сказал: “А ты сегодня к ним приди — они тебе без слов отдадут твои документы! А на инженера самолетов тебе трудно будет поступить, но ты поступишь!” Как ни странно, этот парень действительно, как уверил старец, получил обратно свои документы, едва появившись на пороге института легкой промышленности. А в Киевском институте инженеров гражданской авиации сразу не хотели принимать документы, поскольку прием уже закончился. Но потом приняли. И он, к своему удивлению, сдал хорошо экзамены и был зачислен в студенты КИИГА.

У отца Илариона было также послушание после литургии стоять возле чудотворной иконы Успения Божией Матери Киево-Печерской, пока люди шли к ней прикладываться. Как-то подошла женщина к иконе, хотела приложиться, но схимник вдруг испугался, икону от нее в сторону отодвинул и сказал высоким срывающимся голосом: “Сама дочку гадостям учишь, а к Матери Божией идешь: думаешь, простит Она тебя?!” Женщина та ни слова не возразила, а только схватилась с места и побежала вон из церкви. Я спросил у старца, зачем он так с той женщиной поступил. Он тогда сдвинул плечи и говорит: “А зачем она говорит дочери, чтобы та с начальником ради высокой должности блудила? И в карты гадать ее учит...” — “Отец Иларион, а вы что ее знаете?” — “Да откуда мне ее знать, когда она первый раз в жизни в церковь пришла?” — ворчливо закончил он.

В келье отца Илариона было установлено спальное “ложе” — узкий щит из досок, стоящий на четырех деревянных столбиках. Здесь же, у стены, стоял открытый гроб — для “памяти смертной”. Приезжие духовные чада, задержавшиеся в Лавре и остававшиеся иногда ночевать в келье старца по его приглашению, терялись перед заданным старцем вопросом: “Ты где желаешь почивать — на постели или во гробе? Во гробе мы ближе к Богу...”

Архимандрит Киево-Печерской Лавры Варлаам поведал, при каких обстоятельствах в келье старца появился гроб: “Однажды батюшка тяжело заболел. Скорая его забрала в 12-ю больницу на улице Подвысоцкого. Состояние было очень тяжелое. Меня, в то время помощника эконома, и игумена Иеремию благословили ехать в больницу проведать и причастить отца Илариона. Ба-

Такой была братия Лавры в конце 50-х. Слева направо: протоиерей Мефодий Финкевич, регент архимандрит Поликарп (Будаква), архимандрит Авраамий (Куява), иеромонах Мардарий (Данилов), архимандрит Игорь (Воронков), иеромонах Сисой, схиархидиакон Иларион (Дзюбанин), иеромонах Павел (Чупрун), игумен Никон (Гаркушенко)

тюшка лежал еле живой в предсмертных судорогах и плакал. Состояние было такое тяжелое, что, по мнению врачей, до утра он мог не дожить, поэтому лаврский эконом Нил дал столярам команду сделать гроб. Но, к удивлению всех, после причастия схиархидиакон дожил до утра, резко пошел на поправку и через два-три дня чувствовал себя совсем здоровым. Узнав, что для него сделали гроб, он сначала обиделся на эконома, но затем, смирившись, пришел и сказал: “Мне сделали, значит, себе и заберу”. И унес его к себе в келью”.

Спустя годы он делился с доверенными чадами: “Здесь, в монастыре, ты прикасаешься к тайне монашества, а это высшая наука на земле, монастырь же — школа, равной которой не было и нет нигде в мире. Здесь научаются жизни с Богом, учатся очищать себя и приближаться к Господу, учатся молитве и тому, что называют единым на потребу. Мир не понимает этого, не знает этой великой науки, а точнее сказать, искусства святости. Никакая культура, литература,

искусство, никакое иное дело не сравнится с монашеским подвигом и деланием. Я ведь не учился в духовных школах, не кончал университетов, и то, что говорю сейчас, говорю из личного опыта, из того, что Сам Господь открыл. Истинное знание дает только Господь. И Он дарует сказать человеку такое слово, которое убеждает, независимо от его образования, знаний, области интересов, ибо это знание от Бога, а не от человеков”.

Схиархидиакон Иларион с наместником Лавры архимандритом Елевферием

С уст отца Илариона часто слетали крылатые выражения, лаконично описывающие нестроения и беды наших дней. “Раньше ученых людей было мало, зато умных много. А в наше время — наоборот”, — вздыхал старец. Иллюстрацией тому послужил эпизод, случившийся в конце 90-х годов в Киево-Печерской Лавре. Вальяжный господин на выходе из храма остановил отца Илариона: “Будьте добры, уважаемый. Где тут у вас благоприятная среда? Мне самонаводящую ауру прочистить нужно”. Старец вынул из кармана носовой платок, высморкался смачно, спрятал в подрясник и прорек нежным голосом: “Сегодня, мил человек, не среда, а пятница. А прочистить действительно нужно. Хорошо бы вам съездить в Почаев к отцу Ахиле на вычитку. Он добрый, поможет”. — “Зачем мне читать? Я и сам грамотный — психиатр, доктор наук. Пять языков иностранных знаю”. — “Но этот батюшка будет говорить с вами на самом главном языке — на языке Господа”. — “Да... Этого языка я действительно не знаю. И если вы советуете... Пожалуй, съезжу”.

Отец Иларион не любил никаких крайностей. Особенно это касалось осуждения кого-то или хвалебных отзывов. Сергей Фрич запомнил разговор в беседке возле келье, что на Ближних пещерах, когда восторженная почитательница старца делилась с ним своими впечатлениями: “Ой, батюшка, я была недавно у матушки N., она такая подвижница, такая молитвеница”. Старец тут же оборвал ее: “Какая подвижница? Что она мебель у себя в келье двигает? Ты за собой смотри, за своими грехами, а не подглядывай, кто сколько молится”. При этом старец прекрасно знал матушку N. и сам был ее почитателем, но тем не менее считал, что нет хуже зла для настоящего подвижника, чем хвалебные отзывы и восторги ближних. “Лучше быть гонимым, — не раз говорил он, — даже от своих братьев православных, чем при жизни быть в почете и славе! Не забывай о нищем Лазаре, — если все получишь на земле, то трудно будет со страстями на Небо попасть”. Главной темой, на которую всегда поворачивал разговор старец, была тема мытарств и Страшного Суда. Если он делал кому-то замечания по каким-то прегрешениям, то часто говорил: “Ой, смотри, мытарства не пройдешь” — и грозил пальцем.

Везде, где нес свое служение Богу отец Иларион, ангел Божий посылал его на помощь людям. Часто духовные чада, находясь в каких-либо житейских нуждах, едва подумают о том, чтобы Господь помог увидаться с отцом Иларионом, а он уже стоит на пороге и улыбается: “Ну что, соскучились за мной, деточки?” Возле беседки

С братией на Дальних пещерах

у келье старца часто можно было увидеть ожидающую его толпу. Как-то к старцу подошла женщина: “Отец Иларион, как кушать, — много? Мало?” — “Главное соблюдать пост, — отвечает старец. И тут же добавляет: — Но важнее пост духовный, чем телесный. Старцы говорили: “Все ешьте, — только друг друга не ешьте”. Я сам обжора страшный, — улыбался тощий схимник, — ем все подряд, но видишь, всю жизнь худой, как спичка. А ты, если можешь и организм позволяет, кушай, как птичка: там зернышко клюнешь, здесь. Будь воздержанна, не думай о еде, и она забудет о тебе. И в другую крайность не впадай, чтобы не быть похожей на вечно жующего хомячка”. — “Ой, батюшка, — причитает та, — я же с голода умру!” — “Молчи! — строго обрывает старец. — Это не ты есть хочешь, а жаба, которая в тебе сидит”.

В век, перенасыщенный информацией, даже молодые люди ощущают трудности с запоминанием. А Господь давал старцам такую благодать, что их седые головы хранили тома помяников. Раба Божия Надежда не перестает удивляться примеру тому со схимником: “Подхожу однажды после литургии к чудотворной иконе Успения Пресвятой Богородицы Киево-Печерской. Возле нее в схимническом куколе стоит отец Иларион, глаз почти не видно. Вдруг слышу, батюшка говорит: “Помяни, Господи, Надежду, Алек-

сандра...” Это мужа моего и еще шесть имен наших родственников называет. Я обомлела, ведь всего-то один раз как-то мельком упомянула в разговоре со старцем о своей родне. Сам же он всегда просил молиться о упокоении своих родителей — Михаила и схимонахини Веры, и сродников — схимонахини Нектарии, инокини Виктории, монахини Анастасии... “И Сережку помяните, — просил. — Он крещеным умер!” Это брат его, который был неверующим”.

Искренняя любовь и забота к ближнему располагала к старцу и монахов, и мирян. С начальных лет своего служения проникся к отцу Илариону наместник Глинской пустыни Антоний (Крипак), епископ Путивльский: “Познакомился я с батюшкой в Глинской пустыни. Он очень любил наш монастырь, не раз бывал здесь еще с юных лет и позже приезжал окормляться духовно у наших отцов-подвижников. Его родная тетя, монахиня Нектария, хорошо знала глинских старцев. Несколько раз я бывал у отца Илариона в Киево-Печерской Лавре. Он всегда с восхищением вспоминал о глинских старцах, которых знал лично — схиархимандритах Серафиме (Романцове), Андронике (Лукаше), Серафиме (Амелине). Говоря о них, с радостью повторял: “Это были ангелы на земле”.

В нашем общении помнится один случай, который показал духовную высоту батюшки. В то время мне было очень тяжело, состояние души не передать словами. И вот в эти дни батюшка приехал к нам в пустынь. Ко мне он относился очень тепло, всегда называл меня Антошей. Пробыв у нас несколько дней, старец сказал, что завтра хочет исповедоваться и причаститься, после чего вернется в Лавру. Батюшка выразил желание исповедаться у меня. Мне это было так странно: он такой духовный человек, а кто я? Молодой иеромонах и буду исповедовать старца? Ведь есть другие, более опытные отцы. Но он повторил: “Только ты будешь меня исповедовать!”

На следующий день во время службы я спрятался подальше от его глаз. Но отец Иларион подошел ко мне. Это была необычная исповедь: батюшка в точности говорил о моем тогдашнем состоянии, моих скорбях, о том, что так болело. Он открыл в своей исповеди то, что я сам испытывал, и такими словами, которые мне надо было услышать. Батюшка причастился, состояние у него было радостное, благоговейное. Он пошел в келью отдохнуть. Лежит на кровати и говорит: “А ты знаешь, как каждый из нас должен следить за чистотой своего внутреннего состояния, за своей душой? Ее надо защищать, как пограничник стоит на страже, охраняет Родину!”

Еще один пример прозорливости старца услышан из уст рабы Божией Марии: “Было лето 2006 года. Я в келье отца Илариона читала ему книгу. Вдруг он вскочил с кровати и закричал: “Бери молоко и булки, что на столе, и несем”. И быстро, по-старчески держась за стенку, направился к выходу. Я — за ним. Когда он открыл дверь на улицу, я увидела, что перед входом на коленях стоит молодая женщина, а в беседке рядом сидит пятеро деток и мужчина, который плохо говорил по-русски. “Мария, — улыбается отец Иларион, — я же тебе сказал взять молоко и булки, гости у нас”. Оказалось, эта женщина, Валентина, десять лет назад взяла у него благословение на брак и уехала жить в Германию. И вот приехала на Родину с пятью детками и любимым мужем. Так как ее не пускали к бабушке в келью, женщина стояла на коленях перед входом в корпус и молилась, чтобы он вышел побеседовать. Отпуск у них заканчивался, и очень хотелось увидеть старца. Валентина, глотая слезы, поднялась с колен: “Я знала, что вы выйдете”. Мы сидели в беседке, дети пили молоко, и Валентина с мужем рассказывали о своей жизни. А когда его самого спрашивали “что вам принести?”, ответ обычно был такой: “Мне ничего не нужно, только Царствия Небесного”.

Бывало, что когда я приходила к отцу Илариону, то не могла припомнить вопросы, которые хотела задать ему при встрече, поэтому батюшка благословил мне записывать их дома и при встрече зачитывать с листочка. Как-то прихожу к батюшке с пятью вопросами, но он куда-то очень торопится. Я даже не успела открыть рта, как он сказал: “Благословляю тебе прийти завтра, а на твои пять вопросов такие ответы”. И, не ожидая моих вопросов, ответил на мою записочку”.

Приняв великую схиму с именем в честь преподобного Илариона схимника Печерского, почивающего в Дальних пещерах, старец засобирался на Афон. В 2001 году по благословению митрополита Киевского и всея Украины Владимира он был отпущен на служение в Свято-Пантелеимонов монастырь на Святой Горе, где провел более года. А его первое паломничество на Афон, судя по сопутствующим этому обстоятельствам, управляла Сама Богородица. Митрополит Николаевский и Вознесенский Питирим (Старинский) так вспоминал об этом: “Отец Иларион был простой монах и вместе с тем удивительный человек. О каждом можно составить мнение, исходя из его возможностей и дел. Попасть на Афон без диамонитириона! Старец месяц прожил в одном из двадцати монастырей — Эсфигмене, куда вообще никого из приезжих

не пускают! Не зная греческого да никакого другого языка, кроме русского и украинского, он и с зилотами нашел общий язык — язык молитвы”.

По смирению отец Иларион не принял священство. Почему избегал его, он однажды объяснил приехавшему в паломничество на Афон писателю Александру Трофимову: “После закрытия Лавры я жил в Почаеве. Здесь меня наместник монастыря уговаривал принять священство, но я не хотел. Недаром святые отцы бегали сана. На Афоне до недавнего времени старцы по обычаю не принимали священного сана. Кто-то из их учеников был священником, чтобы совершать богослужебный круг. А старец делал то, что должен — молился, окормлял духовно, вел ко спасению, принимал откровения помыслов. Раньше никогда не позволяли рукополагать во иерея до тридцати лет, а во диакона — до двадцати пяти. Тогда были на Руси исповедальные попы — опытные духовники, только они и исповедовали. Никогда такого не было, чтобы любые священники, тем более молодые, исповедовали всех подряд, особенно женщин. А сейчас безусый батюшка выйдет на исповедь и сам тут же повредится...

Служение священника страшное! Но священник — высшее звание на земле — он выше царя: ведь исповедует и его! Священнику никак нельзя жить и служить без любви. А любовь оскудела ныне, поэтому многие не спасаются. Кругом погоня за почетом, привилегиями, достатком, но главное — нет любви. И страха Божия нет. Мир же держится не подвигом, а любовью. Все истинное движется любовью. Любовь Божия в том, чтобы все люди спаслись. На исповеди священник должен быть взыскательным, добираться до корней грехов исповедующегося, а не только выслушивать то, что он говорит. Но епитимьи сейчас не следует раздавать, надо любовью помогать и исправлять, быть снисходительным. А то неукрепленный в вере может впасть в уныние.

Диавол не ведает, как Господь спасает людей, какими путями ведет, какими тропками и испытаниями. Мы с нашим скудным разумом не можем постичь величие замысла Творца и Его любви к Своему созданию. Попечение Божие распространяется на всякого человека, независимо от места его рождения, вероисповедания, образа жизни и т. п. Нам неведомо определение Божие о душе человеческой, и поэтому никогда никого не следует осуждать, предварять Суд Божий и лишать надежды на спасение. Мы не можем знать наверняка, кто спасется, а кто — нет”. Отец Иларион раздавал людям распечатанные листики с назиданием: “И слепому,

и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажи почтение, как образу Божию. Что тебе до их немощей и недостатков! Наблюдай за собою, чтобы тебе не иметь недостатка в любви”.

Увидев как-то старца впервые, лаврский прихожанин Владимир Спиртус сразу обратил внимание на необычного монаха, вид которого свидетельствовал о глубине духовной жизни и непрестанной молитве.

“Благословите, батюшка!” — подошел к схимнику раб Божий. “Я не батюшка, — улыбнулся тот. — Господь благословит”. — “Батюшка, а есть сейчас в Лавре такие старцы, как раньше?” — “Старцы наши Антоний и Феодосий, им молитесь... Какие старцы! Стариков и то пара осталась. Вот уйдем мы, вас всех, и монахов молодых тоже, бесы заедят...”

Старцы видели настоящее и созерцали судьбы Божии оком веры, оком духовного разума. И картина, которая им открывалась, выглядела иначе, чем представляется потопавшему в грехах миру. “Сейчас нет ничего важнее спасения души, — повторял отец Иларион. — Ведь мир движется к концу. А в мире сегодня — сущий ад. По церковному преданию есть четыре признака близости кончины мира. Первый: засохнет дуб Мамврийский. Второй: перестанет сходить благодатный огонь в Иерусалиме перед Пасхой. Третий: будет восстановлен Иерусалимский храм, разрушенный римлянами. Четвертый: Иверская икона Божией Матери — Вратарница Афона — уйдет со Святой Горы. Деточки, если бы вы знали, как близко то, что Господь определил к завершению мира. Поэтому так страшно сейчас жить в мире, снедаемом суетой. Самое опасное, разорительное и вязкое состояние для духовной жизни — суета. Она угрожает главному делу спасения души и жизни с Богом, поглощает все время, силы души и тела”.

Щитом от обступающей со всех сторон греховной суеты схимник называл молитву Иисусову. О высоте молитвы своего земляка и духовного наставника свидетельствовал протоиерей Анатолий Булгаков, настоятель Свято-Владимирского храма в Харькове: “В этом дивном старце прекрасно сочетались телесная немощь и сила духа. Он любил всех, за всех молился, и по его молитве люди исцелялись. Помню однажды, провожая батюшку в Киев, мы забыли взять его мантию. Обнаружили это только на вокзале. Отец Иларион расстроился и никак не хотел уезжать без мантии. До отправления поезда оставалось 15–20 минут, а возвращаться нужно было далеко — на Новожаново. Конечно же, за такое

время привезти мантию было просто невозможно. Отец Иларион посмотрел на водителя Олега и спокойно сказал: “Ты езжай, а я буду молиться”. И совершилось чудо: время как будто замедлило свой ход. Вдобавок на всем пути Олега ни разу не остановил красный сигнал светофора. Когда он привез мантию, отец Иларион засиял от радости и сказал: “Ну вот, а ты говорил “невозможно”. У Бога возможно все!”

Господь многое открывал отцу Илариону. После возвращения с Афона он вдруг сказал мне о своей сестре: “Нужно срочно постричь Валентину в монашки, а то она скоро умрет”. Собственно, это дело и было одной из главных причин его возвращения со Святой Горы. Услышав такие слова, я очень удивился, ведь, на мой взгляд, Валентина чувствовала себя намного лучше самого старца. А он добавил: “Отец Анатолий, тебе придется ее отпевать!” Так и случилось: постригли ее в монахини с именем Анастасия (она сияла как ангел) и в скором времени она преставилась. Я ее отпевал в нашем храме”.

Прошло несколько лет, и старец стал заметно ослабевать сам. В августе 2006 года отец Иларион по благословению священноначалия, наместника Киево-Печерской Лавры архиепископа Павла, переехал в Стеблевскую обитель Черкасской области. Последний год жизни он провел в Спасо-Преображенском женском монастыре. Сестры монастыря сначала побаивались батюшку, зная, что он видит их насквозь. Но потом почувствовали, что он их любит, являя простоту, искренность, детскую открытость. Он не жалел себя, тратил все свои силы на многих людей, хотя сам был очень болен, и иногда повторял: “Я пришел к вам, детки, умирать. Похороните меня в Стеблево, а умру я в воскресенье”.

Так и случилось: воскресным днем 21 октября 2007 года отошел ко Господу старец, великий молитвенник и подвижник, который любил всех и которого любили все. “Детки мои, не оставляйте меня никогда, и я вас не оставлю. Молитесь за меня, грешного, а я за всех молюсь”, — так часто просил отец Иларион. Хоронили его 23 октября, в день памяти преподобного Амвросия Оптинского, которого батюшка так любил. С тех пор в день памяти отца Илариона монастырь устраивает поминальный обед и кормит всех прибывших помянуть старца. И всегда люди, вспоминая благодатного схимника, рассказывают как кто-то по его молитве исцелился от страшной болезни, кто-то устроил свою судьбу, кому-то Бог послал ребенка. Старец продолжает молиться о нас пред престолом Божиим, как и обещал...

Жизнеописание архимандрита Спиридона (Лукича, в схиме — Дионисия)

(30.06.1908–2.09.1991)

Каждому призванному к монашескому подвигу Господь благословляет Свое особое послушание для службы Ему, одаряя для исполнения такового необходимыми способностями. Отец Спиридон, отличаясь прекрасной памятью, тонким художественным чутьем и ревностью к богослужебному уставу, с юности досконально усвоил древние традиции лаврского распева и монашеского благочестия прежней поры. Промысел Божий сохранил его в горниле тяжких испытаний, поскольку всему тому, что он знал, надлежало быть переданным грядущему поколению, которому через годы и годы предстояло облачиться в мантии. Хотя отец Спиридон, претерпевший на своем исповедническом пути многие скорби, в такое даже не верил.

Но в нужный час, все становится так, как написано от начала перстом Божиим. Этот перст коснулся и живой сокровищницы, хранимой в памяти убеленного сединами архимандрита, который в неизменном виде сберег дух и букву лаврского наследия и церковного обихода. И в том, что мы сегодня слышим красивейшие и торжественные, ликующие и умилительные песнопения на благолепных лаврских службах, огромная заслуга почившего уставщика.

Архимандрит Спиридон (в миру Кирилл Николаевич Лукич) родился в Киеве 30 июня 1908 года⁵¹. О родителях его известно немного. Говорили, что отец его был генералом и потомственным дворянином. Но о генеральстве его доподлинно неизвестно. Сам архимандрит Спиридон говорил, что отец его служил инженером-строителем. А то, что батюшка был дворянского происхождения, сомнений не вызывает: род Лукичей занесен в первую часть книги дворянских родов Волынской губернии.

В 1918 году Кирилл поступил в 6-ю Киевскую гимназию на улице Дорогожицкой (ныне Мельникова, 81). Однако завершить учебу в гимназии ему не довелось. Страшные нестроения, принесенные в жизнь Октябрьской революцией, и смерть отца изменили судьбу отрока. Во время Гражданской войны родитель его был мобилизован в Красную Армию как специалист и в 1920 году скончался от тифа во время свирепствовавшей в те годы эпидемии. По причине тяжелых семейных обстоятельств Кирилл не мог более продолжать учебу. Его образование закончилось на третьем классе гимназии. “Но в то время третий класс, это не то, что теперешний третий класс,

а намного больше”, — говорил позже батюшка.

У Кирилла рано обнаружили большие способности к рисованию, и в 1921 году мать определила мальчика, мечтавшего стать художником, в живописную школу-мастерскую при Киево-Печерской Лавре. Юный молитвенник избрал Лавру, как сам потом объяснял, “из-за любви к святыне”. Там он получил вместе с художественным и общее образование примерно в размере шести классов программы Духовной семинарии. Однако художественное образование завершить ему тоже не удалось. В 1924 году лукавые идеологи ре-

волюции учредили “Живую церковь”, соблазнив в нее малое число из братии, и “живоначалники” захватили власть в обители, сразу опустевшей после их захвата. Лаврскую живописную школу, как и прочие ее учреждения, закрыли.

С тринадцатилетнего возраста привыкнув к монастырю, Кирилл избрал иноческий путь и через год после смерти отца поступил в Свято-Троицкий Ионинский монастырь. Маленьким послушникам благословляли носить монашескую одежду: подрясник, пояс, шапку. По рассказам самого отца Спиридона, в Ионинском монастыре он жил в одной келье с келейником преподобного Ионы Киевского. Келейник этот был уже в летах, но хорошо помнил старца Иону и много назидательного рассказывал о нем юному послушнику. Эти рассказы о монашеской жизни, о духовном послу-

Иеромонах Спиридон, 30-е годы

шании, как отборное зерно, падали на благодатную почву юного сердца.

Запомнилась Кириллу такая назидательная история. Как-то раз преподобный шел по монастырю, а ему навстречу шел послушник, который нес послушание на кухне. В руках у него была стопка тарелок, поэтому взять благословения у старца он не мог. Послушник растерялся, а старец ему говорит: “Кинь!” Тот, не раздумывая, бросил тарелки на землю, и старец его благословил. Тарелки, конечно, разбились, за что послушник был наказан. Но вскоре сам преподобный Иона ходатайствовал, чтобы послушника за такое безоговорочное послушание постригли в монахи, несмотря на то, что он совсем недавно пришел в монастырь. Крепко запал в память еще один пример. Преподобный Иона, увидев, что один из его помощников, убирая в келье, поставил книгу вверх ногами, заставил других келейников перевернуть провинившегося вниз головой и спросил: “Ну как тебе? Нравится?!” Этот урок на всю жизнь запомнил не только нерадивый келейник, но и другие, в том числе и отец Спиридон.

В это же время Кирилл познакомился с проживавшим в Киеве на покое схиархиепископом Антонием (Абашидзе), у которого в те годы духовно окормлялись многие церковные люди, и стал его духовным сыном. В 1926 году юноша вливается в братский союз лаврских монахов по благословению архимандрита Ермогена (Голубева). В октябре того года отец Ермоген был назначен настоятелем Киево-Печерской Лавры и в течении пяти лет руководил лаврской братией, которая в то время насчитывала до шестисот человек. Лавра всегда была крупнейшим монастырем. К концу XIX века вместе с пустынями и хозяйственными угодьями она насчитывала до трех тысяч насельников. В 1914 году Лавра отправила на Первую мировую войну шестьсот временно определяемых послушников.

После того как новая власть передала Киево-Печерскую Лавру обновленцам в конце 1924 года, богослужения продолжили совершать неподалеку от захваченного монастыря в Ольгинской церкви на Печерске. А многие монахи переселились в лаврские пустыни. Основная часть братии сосредоточилась вместе с лаврским духовником схиархиепископом Антонием (Абашидзе) и настоятелем архимандритом Ермогеном в Китаево. В 1929 году архимандрит Ермоген постриг Кирилла в монашество с наречением имени Спиридон. В пустыни молодой монах нес послушание пономаря и помощника ризничного, а кроме того, пел на клиросе, где

С наместником епископом Нестором, 50-е годы

изучил лаврский богослужебный устав. А поскольку он был еще и иконописец, то ему поручили реставрировать обветшавший иконостас Троицкой церкви, за что он получил благодарность от Духовного собора.

Во время его послушничества в Китаевской пустыни в конце 1920-х годов случилась такая история. Однажды его отпустили из монастыря домой, проведать маму, а он вовремя не вернулся, что-то его задержало. В наказание за проступок его на две недели отправили на кухню чистить картошку. Он пришел к повару и говорит, мол, так и так, меня к вам направили в наказание на две недели. Услышав это, повар воскликнул: “Чем же я так провинился, что уже 20 лет картошку чищу?!”

В 1931 году в Китаевской пустыни арестовали отца Ермогена и часть братии. Но притеснения монахов начались гораздо раньше. Прежде всего, властями были запрещены постриги и рукоположения. Вот почему отец Спиридон был рукоположен “вне стен монастыря”: в 1930 году в сан иеродиакона, а в апреле 1934-го в сан иеромонаха. К этому времени в Советском Союзе были закрыты все монашеские общины и всех “социально неблагонадежных” граждан выселяли за 100-километровую зону от столицы. Так иеромонах Спиридон оказался в Житомире.

В эти годы Житомир был благоприятным местом для проживания духовенства. Местная власть не очень ревностно преследовала духовное сословие, и православные жители охотно помогали и поддерживали гонимых священнослужителей. К тому же в городе действовали тайный женский монастырь и благотворительное Свято-Николаевское братство. Некоторые из изгнанных с приходов священников смогли устроиться на работу дворниками или рабочими на стройку или на завод, а кто-то стоял с протянутой рукой на церковной паперти... Житомир расположен всего в 130 км от Киева, что также определило выбор отца Спиридона, поскольку это давало ему возможность время от времени навещать больную мать. Кроме того, в Житомире проживала его двоюродная сестра.

Иеромонах Спиридон поселился на окраине города, в районе Малёванка. Он и сегодня напоминает большую деревню, усадьбы которой утопают в садах. Население Малёванки составляли преимущественно крестьяне, народ в большинстве своем верующий, и поэтому к духовенству и монахам относившийся по-доброму. Отец Спиридон зарабатывал на хлеб тем, что ремонтировал дома, красил крыши, поскольку, как он сам писал, “не желал делать из своего сана профессии и способа к материальному существованию”. Уди-

вительно то, что он всегда ходил в подряснике, с длинными волосами. Переодевался только для работы. Сейчас вид человека в монашеской одежде уже мало кого удивляет, но в годы откровенного террора позволявший себе так открыто заявлять о своих религиозных убеждениях, рисковал навлечь на себя гнев властей и безбожников. Сам отец Спиридон спустя годы писал: “Внешнего вида я не изменял (волосы, ряса), переодевался лишь на время работы. Только поэтому я не поступал на работу в государственные учреждения, чтобы получать лучшее материальное обеспечение”.

Живя в Житомире, батюшка в близкое общение ни с кем не вступал, не принимал у себя гостей на квартире и сам не ходил в гости. Он так писал о себе: “По натуре своей и неразговорчивому характеру я всегда предпочитал уединение”. Кроме двоюродной сестры и двух-трех священников, знакомых еще по Киеву, батюшка никого не посещал, но тем, кто нуждался в приюте и помощи, не отказывал. Виделся он иногда с тайно проживавшим в Житомире воспитанником Киево-Печерской Лавры и тоже духовным сыном владыки Антония (Абашидзе) архимандритом Леонтием (Филипповичем), впоследствии архиепископом Чилийским.

В 1935 году он разделил свой кров с вернувшимся из ссылки в Житомир знаменитым борцом с обновленческим расколом епископом Полонским Максимом (Руберовским). Ему было отказано в праве управлять викариатством и даже совершать богослужения. По-видимому, власти хорошо помнили пламенные речи владыки, в которых он прямо заявлял, что обновленчество — порождение НКВД. Владыке негде было жить, и отец Спиридон предоставил изгнаннику половину своей комнаты, разгородив ее занавеской. Живя уединенно, отец Спиридон мог предаваться молитве и совершать литургию. Он много читал святоотеческой и художественной литературы, писал стихи, записывал в тетрадь мысли о прочитанном. Но с поселением у него владыки Максима размеренная жизнь его была нарушена. По характеру они были совершенно разными людьми: отец Спиридон был молчалив и по-монашески малообщителен, а епископ Максим, напротив, был открыт, общителен и горяч. Вследствие чего посещение квартиры увеличилось. Поэтому при первой же возможности отец Спиридон, как только он подыскал себе другое жилье, съехал от владыки и с тех пор у него не бывал.

Тем не менее, в ночь с 29 на 30 августа 1937 года он был арестован как член контрреволюционной организации, якобы руководимой епископом Максимом. Настала очередь пострадать за

Христа и для отца Спиридона, арестованного местным НКВД и заключенного в тюрьму. В течение двух недель батюшку не вызывали на допросы, не объясняли, почему он арестован, в чем его обвиняют. Но потом сам допрос запомнился ему на всю жизнь. “Не буду говорить о способе ведения допроса, <...> который длился с 8 часов вечера до 8 часов утра <...>, скажу только, что допрашивало наперебой столько лиц, — писал отец Спиридон, — что я затрудняюсь ответить, кто именно вел следствие.

В процессе допроса мне старались навязать многое такое, что мне и не снилось, но в конце концов свели в одно положение: якобы я был завербован Руберовским Михаилом (отчества не помню) — епископом Максимом, — жившим в свое время со мною на одной квартире, — и состоял членом возглавлявшейся им подпольной контрреволюционной организации. От меня требовали, и увещаниями и угрозами, рассказать, что я знаю о деятельности Руберовского и других членов организации, и о том, что сделано мною в том же направлении по его, Руберовского, директивам. Я, разумеется, рассказать о том, чего не знал и чего не было, не мог. Следователь принуждал, чтобы я “сам сознался”, т. е. лжесвидетельствовал на себя. Неужели, — спрашивал, уже находясь в лагере, отец Спиридон, — так мало нужно (или вовсе не нужно)... для того, чтобы возвести на человека такое обвинение, благодаря которому он обречен незаслуженно находиться в заключении столь продолжительный срок?!”

Кроме проживания в одной квартире с епископом Максимом, отцу Спиридону вменялось в вину то, что в 1932 году он дважды приезжал из Киева с продуктами для передачи своему “давнему другу по монастырю” монаху Никодиму (Филиппову). С отцом Никодимом батюшку связывала не просто дружба, но духовное братство. Оба они были пострижены в один день архимандритом Ермогеном в бытность его настоятелем Лавры. По сану архимандриту Киево-Печерской Лавры полагалось, как и архиерею, служить с иподиаконами, поэтому настоятелем были пострижены в монашество две пары иподиаконов: Спиридон и Никодим, Геронтий и Леонтий (отсюда многолетняя духовная дружба батюшки с будущим архиепископом Чилийским Леонтием). После ареста Никодим (Филиппов) находился в узах в житомирской тюрьме и, по словам отца Спиридона, “очутился в затруднительном материальном положении в чужом городе”. Батюшка в своем обращении к прокурору писал, что он “счел своим долгом” оказать помощь бедствующему брату.

Вскоре после отца Спиридона арестовали и епископа Максима с несколькими иеромонахами. Следователям не удалось сломить волю и дух владыки и 23 ноября 1937 года епископа-исповедника расстреляли. В тот же день “тройка” вынесла постановление: “Лукича Спиридона Николаевича заключить в ИТЛ сроком на 10 лет”. Ничего не объясняя, его посадили в арестантский вагон и только в лагерном пункте Вятлага объявили приговор.

В лагере иеромонах Спиридон тяжело заболел. Порок сердца, анемия, цинга, ревматизм и другие болезни превратили его в инвалида, “доходягу”, он не мог ходить, передвигался на костылях. Часто человеку кажется, что выпавшие на его долю испытания ему не перенести, и он сойдет в могилу. Но батюшка оказался одним из тех немногих мучеников за веру, кто не погиб в советских лагерях, а, претерпев все ужасы каторги, выжил, не был сломлен духовно и послужил еще на благо святой Церкви Христовой.

Отец Спиридон не любил говорить о годах, проведенных в заключении. Но немногие крупницы его воспоминаний позволяют представить, с каким достоинством он нес свой исповеднический подвиг. Отец Спиридон рассказывал, что “высоконравственный авторитет монашествующих в лагерях был настолько высок”, что уголовные хранили у них свои ценности. О себе он не говорил, но, по-видимому, одним из таких “высоконравственных авторитетов” был он сам. Как-то батюшка заметил: “Я никогда в жизни не плюнул на землю, даже в ссылке, когда не было под рукой ни-

Во время служения в Пензе

чего, потому что “земля еси и в землю отыдеши”, и там прах наших отцов и дедов, и я к земле всегда относился благоговейно”.

По словам батюшки, питание в Вятлаге было гораздо хуже, чем на Соловках. И, тем не менее, будучи крайне ослабленным от недоедания и цинги, он “сохранился от вкушения мяса все десять лет пребывания в лагере”. Как инвалида, из-за сердечной недостаточности, батюшку не отправили на лесозаготовки, а определили в мастерскую расписывать игрушки. Так умение рисовать, приобретенное в Лаврской иконописной школе, спасло его от, казалось бы, неминуемой смерти.

30 августа 1947 года закончился десятилетний срок заключения и отец Спиридон покинул Вятлаг. Он приехал в Киев, надеясь вернуться в родную Лавру, которая уже была открыта, но власти отказали ему в прописке. И вновь он вынужден уехать в Житомир. Старые лаврские прихожане рассказывали, что когда отец Спиридон по возвращении из лагеря впервые пришел на службу в Лавру и стоял в Крестовоздвиженской церкви возле иконы Спасителя, то братия еле узнала его. И хотя власти не разрешили ему вернуться в родной монастырь, батюшка по-прежнему фактически оставался лаврским монахом.

Схиигумен Агапит (Кармаз) рассказывал, что у батюшки на клиросе было свое место, и всякий раз, приезжая в Лавру, он пел за богослужением. По словам нынешнего уставщика Киево-Печерской Лавры архимандрита Поликарпа (Линенко), он видел несколько справок, выданных в 1950-х гг. отцу Спиридону, о перечислении им разных денежных сумм в качестве пожертвований на монастырь. Таким образом, батюшка, как только мог — и пожертвованиями, и присутствием — участвовал в жизни Лавры.

В 1950 году его перевели настоятелем на приход в Чернигов. В Чернигове очень близка была отцу Спиридону много помогавшая ему инокиня Анна, впоследствии игумения Черниговского Елецкого монастыря Амвросия (Иваненко). Вместе с матушкой они восстанавливали Черниговский Троицкий собор и реставрировали его росписи.

На приходе отец Спиридон был недолго, дефект речи — следствие лагеря — мешал ему благоговейно совершать богослужение, и он ушел за штат. Батюшку взял к себе священник Димитрий Погорский. В 1957 году отец Димитрий был пострижен в монашество с именем Феодосий, возведен в сан архимандрита и назначен ректором Саратовской духовной семинарии, а в следующем году рукоположен во епископа. Когда ему предложили принять епископский

сан, он пригласил к себе отца Спиридона и сказал: “Если вы согласитесь наставить меня во всем монашеском и епископском, я приму сан”.

После назначения владыки Феодосия на Пензенскую кафедру он забрал батюшку в Пензу. И в Чернигове и в Пензе отец Спиридон был настоятелем архиерейского крестового храма, в его обязанности входило и обучение ставленников.

В 1954 году отец Спиридон обратился с просьбой пересмотреть его дело и снять судимость. Он писал: “По своему состоянию здоровья я являюсь по существу инвалидом... нуждаюсь в систематическом лечении и наблюдении опытных врачей. Но меня лишают этого, так как нужные мне врачи имеются только в Киеве, а жить мне там хотя бы и временно не разрешают... Судимость гнетуще действует на мое состояние”. В следующем году батюшку реабилитировали. В мае 1956 года его возводят в сан игумена, а в марте 1961-го — в сан архимандрита. Но радость реабилитации была омрачена новой волной гонений на Церковь: в эти мрачные дни архимандриту Спиридону второй раз пришлось пережить закрытие дорогой его сердцу обители — Киево-Печерской Лавры.

В 1970 году батюшка вышел на покой и поселился в Житомире. Православные житомиряне всегда любили его, поддерживали и помогали, чем могли. Образ жизни отца Спиридона оставался таким же неизменным, как и прежде. По свидетельству ректора Никола-Перервинской духовной семинарии протоиерея Владимира Чувикина, батюшка каждый день совершал келейно весь суточный круг лаврского богослужения. Сам он был большим постником и молитвенником. Но когда однажды в Петров пост один из его духовных чад решил первые два дня поститься сугубо, батюшка строго сказал ему: “Этого в Уставе нет. И такую самостоятельность разводить нельзя”. Мария Васильевна, мама отца Владимира Чувикина, которая ухаживала за батюшкой, рассказывала, что однажды так случилось, что в доме, где жил батюшка, кончились продукты. Оставались только яйца, а день был постный. И батюшку стали уговаривать съесть яйцо, дескать, Бог не вменит это в грех, поскольку есть нечего. Но он ответил: “Нет, надо потерпеть. Господь испытывает нашу веру”. И не стал есть.

В Житомире батюшка взял к себе двух старушек монахинь, которые ухаживали за ним и вместе молились. Когда эти матушки умерли, по каждой из них отец Спиридон в течение года ежедневно вычитывал всю Псалтирь, что занимает пять-шесть часов в день. Часто посещал он Житомирский Спасо-Преображенский собор,

принимая участие в богослужении. В свободные часы отец Спиридон вел записи по вопросам богослужебного устава и пения, монастырского быта. Из-за своего почти затворнического образа жизни батюшка никуда не ходил. Богослужение он часто совершал дома, потому что когда видел недочеты, нестройность службы, это его очень больно задевало. Господь даровал батюшке талант крепкой памяти. Он был одним из редчайших знатоков православного богослужения, знал наизусть многие богослужебные тексты и песнопения, помнил, как была расписана та или иная церковь в Киеве и в Лавре.

В начале 1980-х годов возникла инициативная группа из бывших монахов Киево-Печерской Лавры, чаявших открытия монастыря, и не только чаявших, но и готовящихся к этому. Они собирали богослужебные книги, лаврские нотные сборники... Иеродиакон Захария в Почаеве составлял списки тех оставшихся в живых лаврских монахов, послушников и почитателей Лавры, которые бы могли в нее вернуться. Список этот насчитывал до тридцати человек. Но отец Спиридон, так много претерпевший и переживший, не верил, что это когда-нибудь произойдет. Он говорил: “Даже если Лавру откроют, кто туда пойдет — комсомольцы и пионеры?!” Но когда после открытия Лавры он в первый раз приехал в нее и увидел множество молодежи, то плакал от умиления. “Откуда, — спрашивал он, — в Советском Союзе могло взяться столько молодых людей, пожелавших пойти в монастырь?”

Для возрождающейся Лавры был очень дорог бесценный опыт архимандрита Спиридона. Наместник Лавры архимандрит Ионафан (Елецких) пригласил старца быть духовником монастыря. Батюшка часто приезжал в Лавру, подолгу жил в ней, окормлял молодую монастырскую братию, совершал постриги, исповедовал. Насельники Лавры тоже нередко посещали его в Житомире, чтобы почерпнуть от него, как из живого источника отеческого предания, знание лаврской богослужебной и монашеской традиции. Все это по возможности претворялось в жизнь. Кое-что даже до сих пор поется только как выученное с его голоса. “При почтенном, восьмидесятилетнем возрасте отец Спиридон имел светлый ум, его можно было слушать сутками, из его уст изливался обильный поток сведений по всем областям церковной жизни”, — вспоминает о батюшке архимандрит Поликарп (Линенко).

Отец Спиридон говорил, что в старой Лавре особенное внимание уделялось певчим Великой церкви (Успенский собор), так называемым великоцерковным клирошанам. Они жили в отдельном

двухэтажном корпусе, который до сих пор называется певческим корпусом. И благочинному вменялось в обязанность накануне всенощных бдений проходить по корпусу и проверять, чтобы как минимум два часа каждый певчий поспал перед большой, в особенности ночной, службой.

Иногда после причастия в Лавре старец пребывал в таком состоянии, будто уже находился не на земле: не вкушал, не откликался на разговор. У него был очень просветленный благодатный вид, он отстранялся от всего, ничего не желал, а находящиеся рядом не понимали, что с ним происходит, даже пугались, хлопотали вокруг: “Батюшка, батюшка”, думали ему плохо. Один из близких людей старца вспоминал: “Бывало, придешь к нему придавленный, с какой-то тяжестью, он посмотрит, ничего не спрашивает, и на этот счет совсем не говорит — на отвлеченные темы беседует. А когда от него уходишь, земли под собой не чувствуешь: все гнетущее куда-то делось, исчезло, на душе легко и радостно”.

Отец Спиридон редко давал прямые указания, чаще его духовное руководство осуществлялось как бы исподволь, незаметно. Снисходительность и деликатность делала его очень близким к окружающим. Леонид Иванович, который в последние годы тесно общался с отцом Спиридоном и помогал ему, рассказывал: “В 1985 году, когда я только пришел в церковь, мы поехали в паломничество в Почаев. В Лавре я встретил архидиакона Илариона (Дзюбанина), который, узнав, что я из Житомира, попросил: “У вас там отец Спиридон живет. Передайте ему просфорочку и поклон”. Так я первый раз пришел к батюшке. Во второй раз отец Иларион передал батюшке почаевский календарь. И тут отец Спиридон меня уже сразу не отпустил. Начал расспрашивать обо мне, о том, какие книги читаю. “А письма Макария Оптинского читали?” — спрашивает. И вынес мне томик. У меня в ту пору появилось много разных вопросов и затруднений, с которыми я не знал к кому обратиться. И только я стал читать эту книгу, все мои вопросы разрешились: именно в ней содержались нужные ответы. Отец Спиридон будто знал, что мне нужно и что поможет. Меня это совпадение просто изумило”.

Еще одна история. Две женщины, которые помогали ему, Мария и Лидия, собрались как-то идти за грибами. Батюшка услышал их разговор и говорит: “Не ходите, не надо”. Но они не послушались и тихонько убежали. В лесу их настигло большое искушение. Они не заметили яму с водой, которая была притрушена ветками и листьями и упали в нее. Бедняжки еле из этой ямы выбрались, продрогли, потому что уже было холодно. В общем, они

сильно раскаялись, что не послушались старца. Когда они вернулись домой, то бросились к отцу Спиридону, прося прощения, сказали, что больше никогда без его благословения делать ничего не будут. А старец, видно, прозрел, что им бесполезно туда идти и хотел уберечь. Но он свою духовную жизнь никак не выказывал, держал себя очень сдержанно.

В последний раз батюшка приехал в Лавру на Великий пост 1991 года. Он планировал побыть весь пост и Пасху, а потом поехать в Житомир, чтобы решить какие-то житейские дела. Но задержался и уехал только через три или четыре недели. В Житомире он заболел. У батюшки внезапно начались сильные боли в животе. Врачи долго не могли установить причину и назначить лечение, легкие болеутоляющие средства не помогали, а от сильных батюшка отказался, так как, по его словам, “они затуманивают разум”. Кроме того, у него из-за сердечной недостаточности очень отекали ноги, и на них образовались незаживающие язвы, которые хоть и не болели, но требовали частых перевязок и причиняли большие неудобства. К своим болезням отец Спиридон относился очень спокойно и не придавал им особого значения, но за послушание все предписания врачей выполнял беспрекословно. Из-за болей батюшка вынужден был постоянно находиться в полусидячем положении, отчего образовались большие пролежни.

Зная давнишнее желание отца Спиридона принять великую схиму и учитывая его болезненное состояние, обратились с письмом к тогдашнему наместнику Лавры архимандриту Елевферию (Диденко). Отец Елевферий, взяв с собой певчих, приехал к батюшке, чтобы совершить постриг. Но батюшка, попросив прощения у отца наместника, отказался, объяснив, что по канонам постригать в схиму может только схимник, а так как наместник не схимник, он “не может дать того, чего сам не имеет”. Столь великим ревнителем канонов был отец Спиридон, что даже на смертном одре отказался нарушить их. Когда-то, еще до своей болезни, батюшка говорил, что если человек пожил и потрудился в схимническом звании, то поминать его следует именем схимническим, а если пострижен на одре смертном, то поминать нужно монашеское имя, в скобках указав имя в схиме. Так батюшка и был записан в Лаврский синодик и так всегда поминается — архимандрит Спиридон (в схиме Дионисий).

Через неделю приехали три священника-схимника и постригли батюшку в схиму. За три дня до пострига у отца Спиридона прекратились изнуряющие боли, исчезла отечность ног, стали затяги-

ваться язвы и пролежни и начались посещения из мира духовного. Свидетелем последних дней и кончины отца Спиридона стал его помощник Леонид Иванович: “Господь сподобил меня послужить батюшке в последние дни его жизни. Так совпало, что в тот день, когда он заболел, у меня как раз начался отпуск. И я весь отпуск провел у него. В эти дни и мне, грешному, кое-что приоткрылось из его духовной жизни. За три дня до пострижения в схиму у него начались духовные посещения из горнего мира. Находясь рядом в эти моменты, я тоже чувствовал, что происходит что-то необычное, присутствует неземная сила, хотя и не понимал таких вещей. Началось с того, что отец Спиридон вдруг днем стал с кем-то разговаривать. Я подумал: что ж там такое? Но не осмелился заходить к нему. Зашел, когда он уже замолчал. Вижу, батюшка сидит весь задумчивый и говорит: “Кто ж это такие были? Все такие одинаковые...” Я даже не стал спрашивать о ком он, знал, что мне в это не положено вдаваться.

В какой-то из этих дней я вошел к нему в келью, и отец Спиридон попросил: “Проводите их”. Спрашиваю: “Кого, Батюшка?” — “Ну, вот же стоят”, — показывает он. “Здесь никого нет”, — отвечаю. “А-а...” — с некоторой досадой взмахнул он рукой, из-за того что я ничего не вижу. И вот приехало три схимника из Лавры постригать его. Когда они вошли, отец Спиридон приветствовал их пасхальным: “Христос Воскресе!” Я тогда подумал, может, так положено перед постригом. Как выяснилось вскоре, среди виденных батюшкой был затворник Печерский Дионисий, некогда приветствовавший пасхальным возгласом преподобных, мощи которых почивают в пещерах, и получивший от них ответ. А когда отцы ехали, то еще не знали, каким именем нарекут батюшку. Но когда прибыли на место и вняли слову отца Спиридона, тогда уразумели волю Божию и нарекли его в схиме Дионисием в честь преподобного Дионисия”.

Господь открыл старцу время его кончины. После пострига здоровье батюшки к радости его окружавших явно пошло на поправку. Но отец Спиридон знал, что это не к исцелению, и никак этой радости не разделял, а готовился в последний путь. На третий день наступило резкое ухудшение, и он попросил пригласить священника. Пришел настоятель кладбищенской церкви во имя святителя Николая (на Смолянке) отец Василий Кобелюк. “Батюшка, читайте отходную”, — обратился к нему отец Спиридон. — “Что вы? — отвечал священник. — Давайте сначала причастимся”. — “Я уже выпил таблетки”, — сказал батюшка. Но священник настоял, и

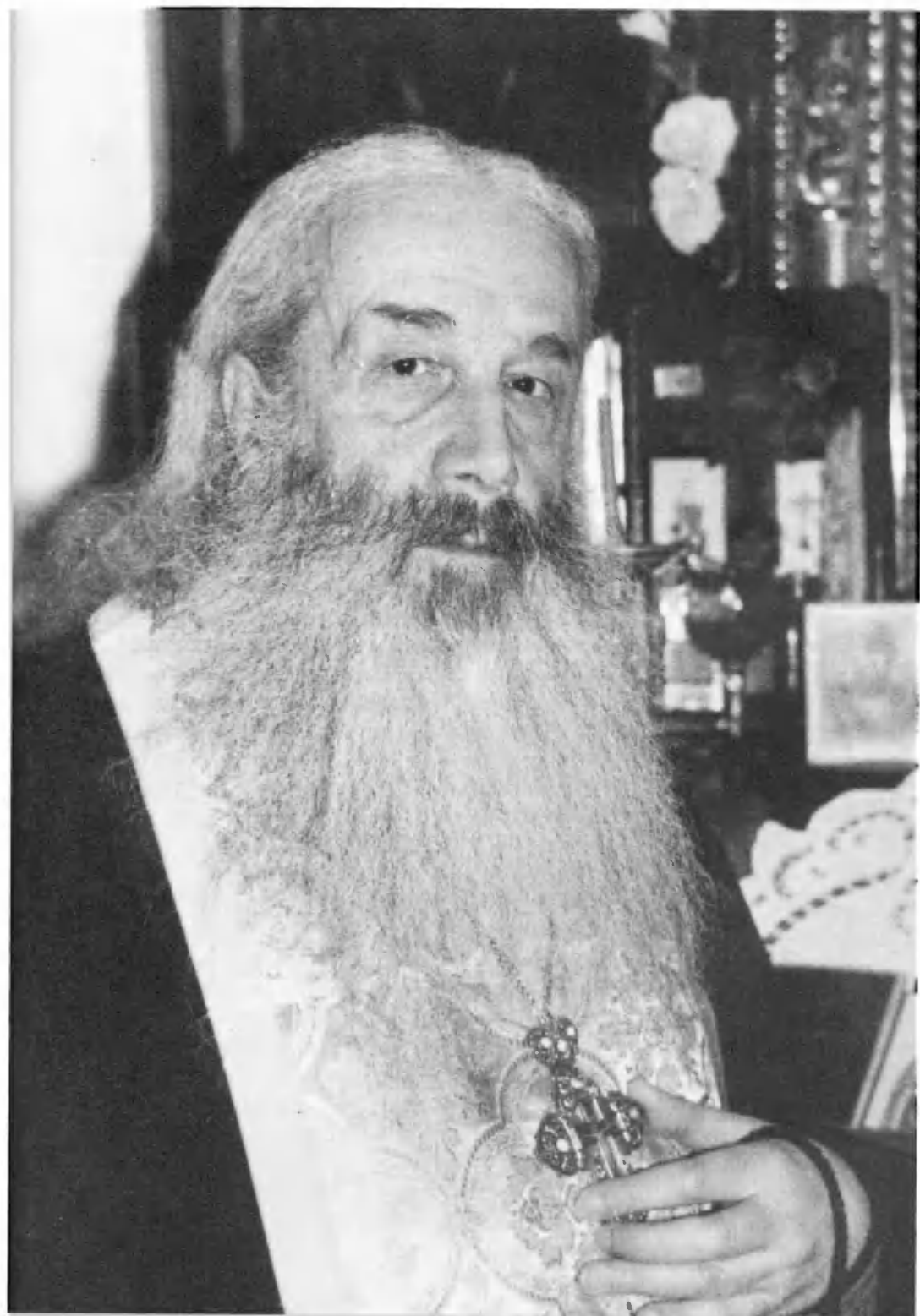
батюшка его послушался и причастился. Причастившись, он опять попросил читать отходную. Отец Спиридон, облаченный в схиму, сидел на кровати с закрытыми глазами. Дыхание становилось все реже, все тише, потом он открыл глаза, посмотрел на стоявших перед ним, из глаз выкатилась слеза, вздохнул последний раз — и почил, через час после принятия Святых Таин.

Об этом сообщили в Лавру. Умер отец Спиридон в понедельник утром, а во второй половине дня лаврские монахи были уже в Житомире. Облачили почившего старца и всю ночь читали над ним Евангелие. Батюшку похоронили на Зверинецком кладбище. Гроб поставили в Крестовоздвиженском храме. Было поспразднство главного праздника Лавры — Успения Божией Матери. Поскольку храм маленький, гроб стоял посредине, а вокруг встали священники. Архимандрит Поликарп, участвовавший в отпевании, говорит, что, когда он хотел поправить крест в руках батюшки, его поразило то, что рука была светлая, как воск мягкая и даже теплая.

Значение трудов отца Спиридона для Успенской Киево-Печерской Лавры, да и, наверное, для всей нашей Церкви неоценимо. Во многом благодаря ему сегодня мы можем видеть лаврское богослужение во всем его благообразии. “Как благодать священства от святых апостолов до наших времен передается живыми преемниками в таинстве рукоположения, так и отец Спиридон явился для Киево-Печерской братии живым носителем и передатчиком той монашеской культуры и традиции, того святого Устава монашеской жизни и молитвы, посредством которого лики преподобных отцов Печерских восходили в горние обители”, — говорит архимандрит Поликарп (Линенко).

Духовному чаду старца, матушке Людмиле Чувикиной, супруге протоиерея Владимира Чувика, батюшка запомнился таким: “В нем чувствовалась связь времен. Он был как бы из другого времени, из дореволюционной России. И хотя отец Спиридон дожил до 90-х годов XX века, было ощущение, будто видящий его переносится с ним в дореволюционное время. Он жил тем духом. Это был “старинный”, “николаевский” человек. Монах прошлого поколения, до которого современным инокам очень далеко”.

Батюшка хотя всегда говорил о важности преобладания внутреннего содержания над внешним во всяком проявлении церковной жизни, однако весьма любил и внешнее благочиние, аккуратность, точность, основательность, благообразие во всем”. И многое из этого он успел передать нынешнему поколению насельников Лавры.

Жизнеописание монаха Руфа (Резвых)

(9.02.1922 – 26.03.2009)

Старец Киево-Печерской Лавры отец Руф принадлежал к тому поколению подвижников благочестия, которое пришло в обитель сразу после войны и несло свое служение Богу, когда Церковь начала восстанавливаться после небывалого дотоле разорения богоборцами. Господь призвал его в ряды Своих ратников от воинства земного: на нем был явлен чудесный Промысел Божий, спасший летчика-истребителя от неминуемой смерти во время войны. Пережитое настолько потрясло и преобразило будущего старца, что вскоре после долгожданной Победы, ведомый Провидением он прибыл в Лавру, где сподобился приложить труды к возобновлению монастыря из запустения и к возрождению его духовных традиций.

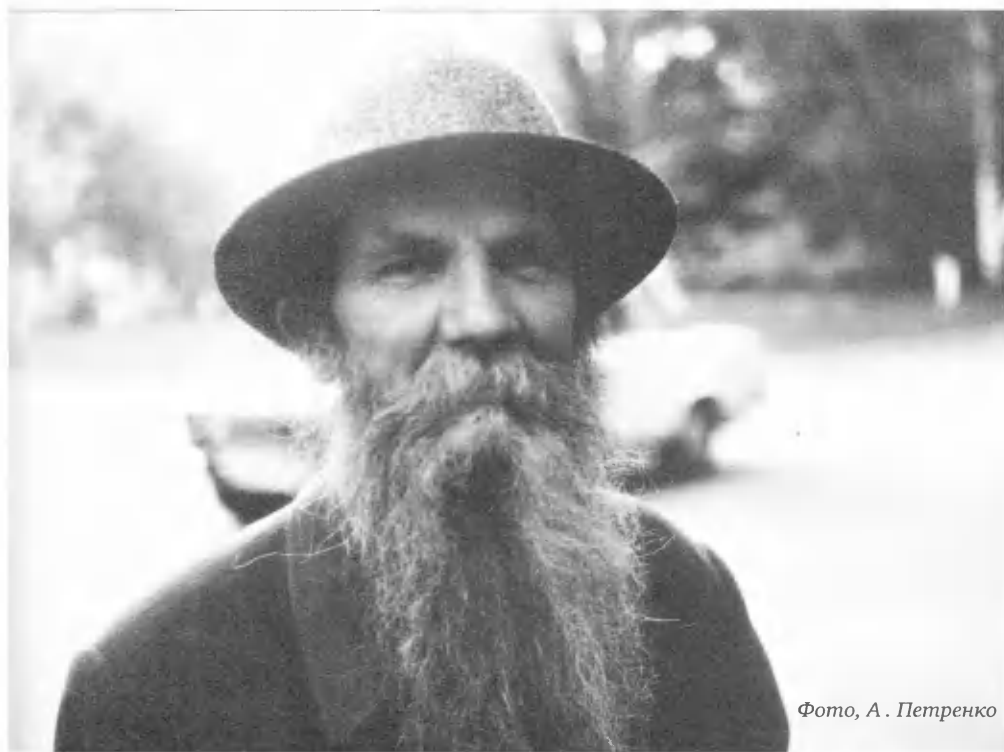
Монах Руф (Василий Филимонович Резвых) родился 9 февраля 1922 года в селе Архангельское Уржумского района Кировской области (бывшая Вятская губерния) в благочестивой крестьянской семье. Его мама Анастасия Григорьевна по благословению старца вышла замуж за Филимона Григорьевича, вдовца с детьми. Муж ее чтит и берег, в доме царили мир и любовь. Милостью Божией семья пополнялась: в ней росло четыре брата и сестра. Все братья прошли Великую Отечественную войну и, усердными молитвами матушки ко Господу и Богородице, вернулись домой живыми. А младшая сестра, в постриге Мария, которая с молодых лет стремилась к иночеству, позже стала монахиней и подвизалась в Киевском Покровском монастыре. Родители жили скромно, но достойно, питаясь от трудов своих, и никогда не забывали благодарить Бога за милость к их семье. Отец Василия почил молодым в 1935-ом, и мама осталась вдовой с пятью детьми в голодные тридцатые годы. Но, уповая на Бога, они выдержали все испытания.

По свидетельству близких, уже с детства у Василия был ярко выраженный талант к рисованию. Он не расставался с карандашом и бумагой в любое время: когда пас коров на лугу, любовался зарей или уединялся на лесной поляне. Преподаватель рисования предсказывал ему большое будущее. “У тебя талант, Василий, — говорил учитель, — трудись и развивай его, чтоб принести достойный плод”. В художественном кружке, который он посещал, отрок обрел много полезных навыков. И с 1938-го три года продолжил учиться в Кирове, где получил художественное образование, параллельно посещая занятия в аэроклубе. Но в преддверье войны художе-

ства пришлось отложить. Его поколение вчерашних выпускников первым оказалось лицом к лицу с вражеским огнем, лишившем страну мира на долгие пять лет. В 1941-м Василий попал в военную школу в Норисхале на Кавказе и через год был направлен в авиаполк в Баку летчиком-истребителем.

Фашистские войска, захватив Украину, Белоруссию и Дон, рвались к Северному Кавказу на прорыв к Каспийскому морю. Бои шли в стратегически важном Каспийском регионе за золотые запасы нефти, необходимой на фронте и в тылу. Советские самолеты вылетали на боевые задания постоянно, контролируя обстановку и не допуская немцев к складам с горючим. Этот ангар, по образному сравнению отца Руфа, растянулся на сотни километров. Однажды у его самолета забарахлил мотор, при посадке двигатель не тянул, начал работать с большими перебоями, из-за этого пилот значительно снизил глиссаду, по которой планирует самолет, и зацепился шасси за трос.

Самолет кувырком перевернулся по посадочной полосе и приземлился на “спину”. Пристегнутого ремнями пилота должно было сплюснуть в лепешку, невозможно было, чтоб он уцелел в такой катастрофе. Но в роковую минуту летчик из глубины души возопил:

Фото, А. Петренко

“Господи, помоги!” И произошло невероятное — десница Божия простерлась над ним и он остался жив. В кармане его гимнастерки, в обложке военного билета, был спрятан нательный крестик и ладанка — мамино благословение перед войной. Отец Руф на неделю попал на больничную койку и получил в полетную книжку выговор за “нарушение правил посадки”. Эту запись он хранил как реликвию до конца дней в память о безграничной Господней милости. Его жизнь разделилась на “до” и “после” катастрофы.

Оставаясь по-прежнему бесстрашным и жизнерадостным, Василий стал задумываться над смыслом жизни. Как и раньше, он вылетал на задания, ценил фронтовую дружбу, в редкие свободные минуты пел с товарищами военные песни. Все это было, но его духовный взор уже тогда улетел за облака в поисках Того, Кто отозвался на его мольбу и продлил жизнь. После чудесного спасения от неминуемой смерти душу летчика объяла великая благодарность и стремление послужить “Богу вышнему, Богу, благодетелю моему” (Пс., 56:2). Небесное заступничество было настолько явным, что он стал задумываться о монашестве.

Вернувшись домой после Победы, Василий Резвых поступил в Ленинградский академический художественный институт⁵². Приемная комиссия оценила экзаменационные работы летчика-фронтовика, который очень хорошо рисовал, и он был принят на стационар. Василий жил в общежитии, с вдохновением слушал лекции профессоров и на уроках живописи забывал о времени. Однажды, будучи на втором курсе, он отправился в Вырицу. Кто-то из знакомых сказал ему, что там живет старец, и у него появилось сильное желание отправиться в этот поселок под Питером.

В той же военной гимнастерке, в которой ходил на занятия, он сел на электричку до Вырицы. Когда Василий подошел к домику старца, то увидел в окно лежащего в келье иеросхимонаха Серафима Вырицкого и рядом с ним сестер. Едва он отошел дальше по улице, как из калитки показалась матушка и окликнула студента, сказав, что его зовет старец. Василия проводили в келью. Преподобный Серафим тогда уже был слаб и лежал в углу под иконами. Батюшка спросил его: “Чем ты занимаешься, чадо?” Василий ответил: “Учусь в институте, хочу стать художником”. Старец помолчал, молясь, и прорек: “Заканчивай институт. Но тебя ждет другой путь и ученье”. Так, словом преподобного Серафима, Господь благословил Василия на служение Себе.

Вскоре его вызвали в деканат. Стало известно, что студент Резвых посещает Никольский собор. “Вы что, ищите там сюжеты

для рисования?” — подал идею отговорки декан в присутствии человека в штатском. “Нет, профессор, — не кривя душой ответил Василий. — Я молюсь Богу”. И его исключили “за религиозные убеждения”. Он не удивился. Пришел в храм, поставил свечку об упокоении фронтовых друзей, подошел под благословение священника. “Не печалься, сынок, — положил руку на голову младшего лейтенанта переживший блокаду батюшка. — Господь лучше нас знает. Твои слезы обернутся светлой радостью. У каждого свой крест. Выше сил Господь не даст испытания”.

Василий поехал в Харьков. Работал лаборантом в вузе, жил в студенческом общежитии без прописки, писал картины и снова постоянно ходил на службы в кафедральный собор. “Я все чего-то ждал, — рассказывал отец Руф. — Ждал воли Божией, как устроить свою жизнь”. Еще одно указание об этом он получил в 1949 году, когда побывал в Троице-Сергиевой Лавре, и известный старец схиигумен Савва (Остапенко) благословил его на монашество в Почаев. А в Харьковском кафедральном соборе Василий познакомился с матушками, пребывавшими в тайном постриге. Расположенные к молодому молитвеннику, они отвели его к своей старице-схимонахине, которая при первой же встрече молвила: “О-о! К нам монах киево-печерский пожаловал”. И благословила Василия отправляться в Киев, в Лавру. “Так Господь призвал меня к монашеству”, — вспоминал отец Руф.

При путешествии в Почаев 22 июля 1953 года в день, когда служилась праздничная всенощная прп. Антония Печерского, Василий задержался в Киево-Печерской Лавре. И ощутил сердцем — быть ему здесь. Наместник архимандрит Кронид благословил фронтовика на послушание пещерника. В том же году он стал студентом Киевской Духовной семинарии. А 19 декабря 1958 года на праздник святителя Николая Чудотворца состоялся монашеский постриг при епископе Несторе. Василия нарекли Руфом — в честь преподобного Руфа, затворника Печерского. “В затвор тебя посылать не будем. Но, может, в чем и уподобишься своему небесному покровителю”, — сказал наместник. Со временем эти слова исполнились, когда монах Руф был заключен в колонию на пять лет. Отец Руф хорошо запомнил момент, когда, читая Евангелие, замер на месте, повествуя о том, как Христа вели на Голгофу, и как римские воины схватили Руфова отца Симона Киринаянина, чтобы тот нес крест Господа для распятия.

Прописаться в Лавре тогда было практически невозможно. В ней нелегально обитало немало подвижников, желавших

посвятить себя Богу. Во время облав их ловили, избивали, предавали неправосудию... Но студента Резвых прописали как ученика Духовной семинарии. Как бывшему летчику ему делали поблажки, но книжные знания мало привлекали молитвенника. По свидетельству протоиерея Михаила Макеева, на занятиях отец Руф часто занимался рукоделием, вырезая кресты и думая лишь о Боге. Когда его вызывали к доске, он порой не сразу мог встать, потому что собирал в подрясник опилки. А получив неудовлетворительную отметку, простодушно благодарил преподавателей: “Спаси Господи”. Духовником и восприемником отца Руфа был известный старец Полихроний, в схиме Прохор (Дубровский).

После окончания семинарии отец Руф остался в обители. Но над Церковью снова сгущались тучи гонений. Готовясь закрыть Лавру, власти постоянно посылали в монастырь журналистов, собиравших на монахов “компрометирующие материалы” и всячески провоцирующих их своими вызывающими действиями. Однажды один из таких “корреспондентов”, бесцеремонно вторгаясь в жизнь монахов с фотоаппаратом, настолько досадил наместнику епископу Нестору, что владыка благословил инокам, среди которых находился

и отец Руф, забрать у него аппарат. Будучи сильным и тренированным, отец Руф не без труда отнял у него фотоаппарат. Это послужило причиной ареста и последующего заключения братий.

В мае 1960-го центральная украинская газета “Правда Украины” писала о “хулиганских действиях” монахов Киево-Печерской Лавры. Следствием газетной шумихи, поднятой “Правдой Украины” вокруг этого дела, стало то, что возобновленная во время войны Киево-Печерская Лавра по указанию правящих советских богоборцев снова была закрыта под предлогом ремонта. Органы КГБ взяли на вооружение целый арсенал различных приемов “борьбы с попами”. Одним из них стал разыгранный сценарий “избиения лаврскими монахами фотокорреспондента “Правды Украины” товарища Осадченко”. Во время заранее подготовленного инцидента за углом Лавры стоял “воронок” с приготовленными для монахов наручниками. В стране действовали, в том числе и с грифом “совершенно секретно”, указы “об усиленных мерах по борьбе с религией”. Хрущев заявил во всеуслышание, что в 1980 году по телевизору будет показан “последний поп”. Вспоминая об этом заявлении, митрополит Владимир (Сабодан) в своих дневниковых записях заметил, что речь шла непосредственно о нем: Хрущев на московской фотовыставке указывал на его фотографию.

Когда закрывали Лавру, отец Ахила (Орлов) спросил раба Божьего из близких прихожан: “Что тебе дать на память о Киево-Печерской Лавре?” Тот посмотрел и видит кресты, которыми постригали монахов. Они такие красивые, деревянные — из кипариса. Делал их отец Руф, когда еще был в послушниках. Говорит: “Вот тебе крест, он останется на всю жизнь. Это благоухание святых угодников. Когда гробики истлевали, целые доски переделывали на кресты”. Этот крест источал аромат кипарисового дерева годы спустя.

Отец Михаил Макеев рассказал: “Братиям дали по пять лет. Отца Руфа очень уважали заключенные бандиты. Считали за счастье, если он посидит на их кровати”.

Когда отца Руфа заключили в тюрьму, его мать обратилась в Верховный Совет с ходатайством: “Как мать, прошу о помиловании моего сына Резвых Василия Филимоновича. Семь лет Василий находился в рядах Советской армии, являясь младшим лейтенантом, летчиком-истребителем; на протяжении Отечественной войны принимал активное участие в боевых операциях. Осушите мои слезы, верните моего сына, чтоб он был моей опорой в старости. Очень надеюсь на вашу чуткость к материнской просьбе”. Однако

этому прошению не вняли, и по воле Божией отец Руф до конца пронес исповеднический крест.

После завершения лагерных мытарств монах вернулся в Киев, и, поскольку получить прописку иным образом было невозможно, он работал дворником и чистил туалеты на Днепровской набережной под горой, лишь бы быть поближе к родной обители. Господь ведаёт о тех восемнадцати годах, проведенных отцом Руфом после заключения в подвальной комнате при месте службы. Протоиерей Леонид Цыпин вспоминает: “Я немало общался с отцом Руфом в начале 1980-х годов. И как-то спросил его: “Отец Руф, а где Вы работаете?” На что он ответил: “Маленькая такая работка, на которой безбожники работают и даже хуже”. Вот так видел он свое место на земле. “Блаженны кроткие...”

Экскурсоводы музея “Киево-Печерский заповедник” полюбили доброго монаха и позволяли ему прикладываться к мощам преподобных Печерских и даже приводить с собою других православных. Необыкновенно добродушное лицо, ласковый взгляд, быстрая речь. Старец дружил с разного рода блаженными и юродивыми, понимал их язык, записывал предсказания. Он хорошо знал матушку Алипию Голосеевскую, которая любила его, и пользовался ее советами.

Среди духовных друзей отца Руфа были блаженные матушки, славящиеся среди православного люда как прозорливые молитвенницы. Он ездил к старице Ольге в Ростов, знал Екатерину вышгородскую, тесно общался со старицей Марфой киевской. По рассказам духовных чад блаженной старицы Наталии Вырицкой (Наталии Михайловны Евстигнеевой †1976), отец Руф появился у нее почти сразу после освобождения из лагеря. Его видели в матушкиной временке, да и сама прозорливая старица говорила, что приезжает к ней монах из Киева.

Нередко долгими бессонными ночами отец Руф с Демиевским настоятелем молились о возвращении святыни верующим, заботились о калечных и убогих — жертвах прошедшей войны, помогали нищим и обездоленным. Когда наконец в 1988 году вновь открыли Лавру, радости собратьев Руфа и Мефодия не было предела. По благословению казначея отца Софрония (Шинкаренко) отец Руф продавал во вновь открытом монастыре иконы. Практически тогда же обитавший до тех пор в Киеве на птичьих правах монах-фронтовик обрел крошечную квартирку на Оболони, где и жил впоследствии. Впрочем, все время он пребывал в храмах и монастырях... Будучи “свободным от монашеской кельи”, он посещал

множество святынь, молился на могилках подвижников. Даже в преклонном возрасте он любил паломничать. Когда просился в поездку, умилительно смотрел в глаза устройтелю и напоминал, что он совсем маленький и много места не займет. Был благодушен, открыт, душевно щедр.

Многие верующие Киева помнят этого худенького, щуплого старца, в выдавшем виды подряснике, старом бежевом плаще и порыжевшей фетровой шляпе, который всегда куда-то спешил. В руках у него был неизменный коричневый портфель, наполненный всевозможной литературой, рукописями, эскизными заготовками для икон и резными фрагментами для иконостасов. В храмах он обычно стоял у солеи или же в притворе заводил разговоры с молодежью. И всегда спрашивал: “А венчаны ли вы?” Выяснив, что венчаны — отходил удовлетворенным, а если выяснялось, что нет — поучал о важности Таинств Венчания, Исповеди и Причастия. Он каждый день бывал на службе. Молился за литургией во Флоровском и Покровском монастырях, но чаще всего, почти каждый день спешил в Лавру.

Господь также почтил отца Руфа благодатными дарами. Старец говорил, что в XXI веке в Киеве и в России экономикой будут управлять китайцы, что Православие на Украине сохранится при условии единства с Россией, что войска НАТО будут бомбить православные страны (сказано за несколько лет до бомбежки Белграда в 1999 г)., и что со временем перестанут мироточить главы, источавшие миро в Дальних пещерах в 1988 году⁵³.

“Бог наделил его даром помогать людям молитвой, — засвидетельствовала прихожанка Лавры Татиана Ильинична. — Каюсь, было время, когда я к отцу Руфу относилась не очень серьезно. Но вот однажды мы договорились все вместе поехать на праздник в Китаевскую пустынь. Когда мы вышли с трапезы, находившаяся здесь бесноватая начала страшно кричать. Все просто содрогалось от ее душераздирающих нечеловеческих воплей. Одна из сестер, бывших с нами, сказала: “Руф, помоги ей”. А я про себя подумала: “Чем он может помочь в такой ситуации?” Монах, будто услышав мои мысли, пожал плечами: “Может, не трогать?” Но сестра стала опять настаивать: “Руф, помоги!” Тогда он сказал нам: “Идите, я вас догоню”. А сам пошел к бесноватейся.

Прошло минут пятнадцать, как он начал молиться, и болящая вдруг затихла, успокоилась, пришла в себя. Когда отец Руф направлялся к нам, я вопросительно посмотрела на матушку Валентину из Флоровского монастыря, которая ответила на мой недоуменный

взгляд: “Да, Руф умеет усмирить их”. И тут я увидела, какая сила Божия сокрыта в смиренном отце Руфе. Вместе с нами к могилке прп. Досифеи подошла и только что буйно бесновавшаяся и стояла как совершенно здоровый нормальный человек. Мы стали свидетелями того, как отец Руф помог молитвой стужаемой от духов злобы.

О себе он много говорить не любил, был в этом отношении очень сдержанным. Помню, как-то отец Руф пришел, когда за чаем сидело несколько человек из нашей духовной семьи. Он попросил простого сахара, посыпал им хлеб и сидел ел хлеб с сахаром, хотя на столе стояли пирожки, пирожные и печенье. Но он привык так в военные годы, когда хлеб с сахаром был лучшим “пирожным” и для него он таким и остался”.

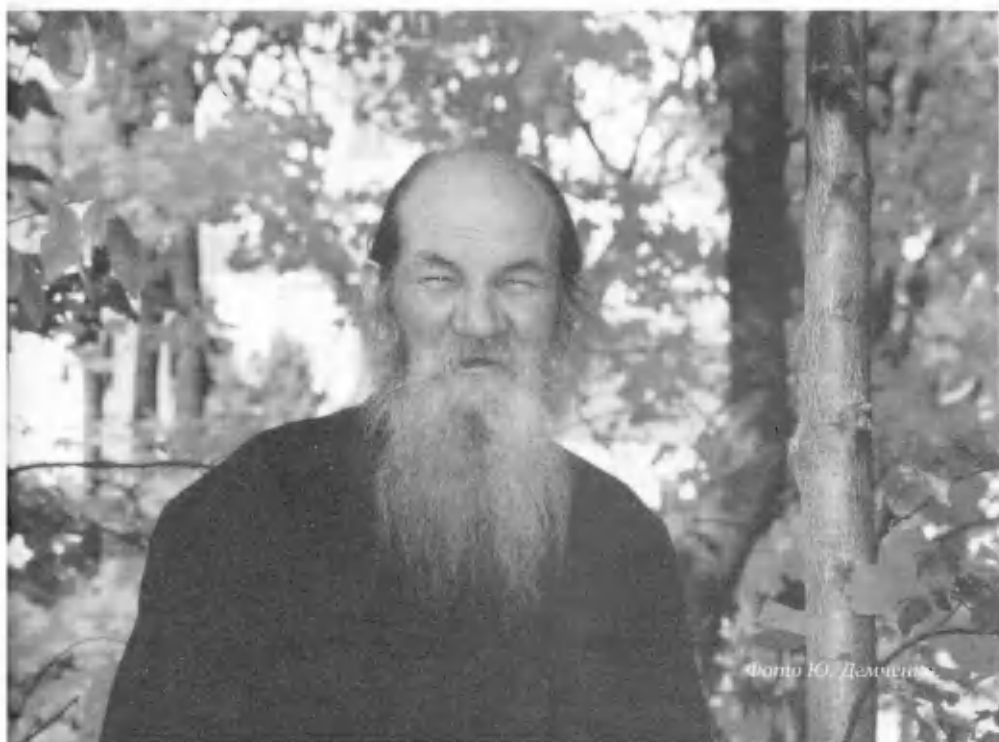
Сам отец Руф вел строгую постническую монашескую жизнь, спал на досках без матраца и всегда готов был рассказать о чудесах Господних нашего времени, напоминая, что “егда восхощет Бог, изменяется естества чин”. От поведенного им у слышавших загорались глаза и душа. Стараниями и молитвами отца Руфа православный мир снова узнал о Демидовском чуде — явлении Господа Иисуса Христа 30 июля 1926 года вблизи Киева двум мальчикам-пастушкам. В послевоенные годы об этом писал “Лаврский листок”, благодаря чему о чуде узнали многие верующие, но с течением времени оно стало забываться.

Тридцать лет отец Руф хранил тетради с описанием тех знаменательных событий в селе Демидове Вышгородского района, которые ему передали старые монахи Киево-Печерской Лавры. Все эти годы отец Руф молился, чтобы Господь открыл, где именно находится место Его явления. И когда время пришло, искомое было найдено за три дня чудесным образом. Непосредственно перед этим отец Руф встретился со своей давней знакомой Натальей. Немало лет прошло с тех пор, как они промыслительно познакомились в Ирпенской церкви, и монах купил и подарил девушке крестик на голубой ленточке. Все это время Наталья помнила о старце, но не знала, где его искать. Едва она с мужем поселилась в Пуще Водице и пришла на храмовый праздник в честь прп. Серафима Саровского, Господь привел туда же и отца Руфа, и они встретились с таким чувством, будто расстались вчера. Отец Руф тут же поведал чете о Демидовском чуде.

Супруги выехали в Демидов и молитвами отца Руфа разыскивали двух участников и свидетелей явления, которым в ту пору было уже за девяносто лет, но они все ясно и твердо помнили и точно указали место чудесного события. Причем одним из них был бывший ком-

сомалец, который разгонял верующих, собиравшихся на молитву на месте явления Господнего. А другой — старушка из молившихся там, которая указала место и рассказала, как все происходило.

Чтобы истребить память об этом событии, многих православных Демидова тогда посадили и выслали из их селения. Женщина отбывала ссылку в Казахстане и осталась там жить. Но незадолго до того как отец Руф отправил своих посланников на место святого явления, она, будучи в весьма преклонных летах, захотела вернуться на Украину, чтобы умереть на родине. Старушка исполнила свою миссию и вскоре после того почила. Умер следом и бывший комсомолец. Вот так десятилетия спустя Христос, до срока продливший земные лета исповедницы и гонителя, призвал их, чтобы это чудо Божие не исчезло из народной памяти. И когда исполнилось время, собрал всех требуемых для свидетельства и утверждения ныне многим известного Демидовского чуда. Сейчас на месте явления Господа выстроен благолепный храм — и это в том числе плод делания отца Руфа. Когда он приехал в Демидов на первую литургию, которая служилась на святом месте, то проплакал всю службу.

Ставшая духовным чадом отца Руфа Наталья рассказывала: “Было время, когда нашей семье приходилось очень сложно материально. Однажды случилось так, что в доме просто закончилась еда. А у нас тогда было трое маленьких детей. Но я сказала: “Бог даст!” И так мы легли спать. На улице разыгралась вьюга: все завалил снег, не утихала метель. И вдруг в двенадцать часов ночи кто-то постучал в дверь. Мы открыли — а там весь в снегу стоит отец Руф и у него в обеих руках две полные торбы с продуктами. Мы поставили чай, чтобы его согреть, и он рассказал, как вернулся с панихиды, и ему пришла мысль, что надо к нам поехать. Но выйдя на улицу, увидел какая непогода и пошел спать. Подумал, что, может, на следующий день к нам поедет. Только уснул: как его кто-то разбудил и говорит: “Поднимайся Руф и поезжай сейчас”. Но он усомнился, не спросонья ли ему это показалось, и опять лег. Его разбудили снова с теми же словами. И тогда он собрался и выехал к нам за город. Уже и дети поднялись и стали с нами пить чай с печеньем, принесенным отцом Руфом. И все мы возблагодарили и прославили Господа.

Батюшка очень благоговел и любил истории о чудесах Божиих. Бывало так, что он уже их наизусть знал, но и в пятый раз слушая рассказ, как только дело доходило до места, где человек исцелился или спасся от беды, он также умилялся и плакал. Он сам был человек-чудо, чистая душа — настолько тонкий и чуткий, что и мы с ним радовались о жизни и о Боге. Он много читал, был знающий, грамотный и, помимо того, жизнью наученный. Сам наставлений не давал, но если говорил с ним и спрашивал совета, он послушает и скажет: “Вот так, наверное, было бы хорошо сделать”.

Когда его люди видели, то говорили: “О, “вечное православие” идет!” Такое ему дали прозвище. Отец Руф всегда торопился куда-то по важному делу, всегда проповедовал, все время улыбался. Когда он хотел узнать волю Божию, то поступал как в древние времена, как апостолы узнавали волю Божию по жребию. Он писал две бумажки, крутил в руках, рассовывал по карманам, молился, читал акафист и потом спрашивал у тех, кому доверял: “В каком кармане мой ответ?” Вытаскивал и по жребию всегда поступал”.

Господь открыл отцу Руфу время его упокоения, и старец стал готовиться к нему. За год до кончины, ведая сроки своего переселения в вечные обители, отец Руф обратился к наместнику Лавры архиепископу Павлу (Лебедю) с просьбой определить для него келью. По благословению наместника ему предоставили келью в том же 50-м схимническом корпусе, где он жил когда-то до заклю-

чения. На службе он всегда сидел под клиросом и тянул четку. Милостью Божией отец Руф завершил свою земную жизнь в любимой Лавре, верность которой хранил всегда. Он был подлинно подвижник нашего времени, прошедший советский лагерь за исповедание веры, защитник Отечества, одаренный иконописец и резных дел мастер, а главное до того смиренный старец, что даже мало кто из близко знавших его ведал о его духовных дарах.

Кончина его был блаженна. Он соборовался, причастился. Сложил руки, закрыл глаза и мирно отошел ко Господу. Скончался отец Руф 26 марта 2009 года на восемьдесят восьмом году жизни. Отпевали почившего старца соборно во главе с наместником Лавры архиепископом Павлом 28 марта, в поминальную субботу Крестопоклонной недели Великого поста в Крестовоздвиженском храме обители. Похоронен отец Руф на старинном монастырском кладбище Киево-Печерской Лавры за храмом Рождества Богородицы, в первом ряду восточной стены погоста. По обетованию преподобных Антония и Феодосия Печерских, каждый, кто сподобился почить на святой лаврской земле, находится под сугубым покровом Пресвятой Богородицы. В память вечную будет праведник...

Жизнеописание схиигумена Геронтия (Захарова)

(7.04.1942 – 24.11.2003)

Схиигумен Геронтий был известным пастырем и мудрым духовником Киево-Печерской Лавры в годы после возобновления монашеской жизни в стенах обители. Он был из тех, к кому не зарастала народная тропа. В последние годы жизни батюшка нес крест тяжелого недуга, но оставался для многих источником радости, примером бодрости духа и крепкого упования на Бога. К нему в келью шли архиереи и семинаристы, сильные мира сего и простые люди. И для каждого находилось слово, которое возрождало душу, направляло ее ко Христу, наставляло на путь спасения.

Родился отец Геронтий (в миру Геннадий Павлович Захаров) 7 апреля 1942 года на Урале в православной семье. Там же он рос и воспитывался своими благочестивыми родителями, которые были родом из Украины с Киевщины. Его отец Павел и мать Анна были богобоязненными людьми, неукоснительно молились Господу дома и в приходской церкви. С детства отрок Геннадий много времени проводил в храме, по благословению батюшки исполняя разные послушания, забывая о голоде и холоде, сопровождавших горестные послевоенные времена. С немалыми искушениями и преследованиями за веру во Христа во время обучения Геннадий в 1959 году окончил школу. К тому времени он стал иподиаконом владыки Климента (Перестюка), который был его духовным наставником и руководителем все дальнейшие годы.

С владыкой духовного сына сближало еще и то, что родители архиепископа тоже были родом из Украины, из Киевской губернии, и очень любили ходить молиться в Киево-Печерскую Лавру. В монастырских стенах у мощей преподобных они дали обет посвятить свое чадо на служение Богу. И Господь принял их молитву: их самый младший сын, родившийся после слезных прошений, стал монахом, а впоследствии — архиепископом. Чудесные рассказы архиерея о древней Лавре и ее преподобных отцах глубоко запали в душу Геннадия. Желание увидеть далекую святыню стало заветной мечтой юноши. И потом не раз, когда он слышал или думал о Лавре, сердце почему-то трепетно сжималось перед неведомой тайной. Какова же она сия Лавра, где тысячу лет драгоценным фимиамом восходит к Богу непрестанная молитва, принимаемая Господом столь любезно? Почему именно это место избрала Богородица? И есть ли

ныне такие старцы, какие подвизались там в прежние времена — прозорливцы, исцеляющие молитвами, чудотворцы? Неожиданно ума коснулся ответ, от которого он вздрогнул...

В годы атеистических гонений, когда за одно имя “христианин” человек мог поплатиться всем, Геннадий по благословению своего владыки и духовника поступил в 1966 году в Московскую Духовную семинарию. Не только учеба в семинарии, а и общение с удивительными людьми, исповедниками Православной веры, сильно повлияло на него, духовно укрепило и подготовило к будущему тернистому пути священнического служения. Под благодатным воздействием митрополитов Флавиана и Нестора, архиепископа Климента, он решает стать священником, для того чтобы всю свою жизнь отдать Господу.

Духовное чадо старца раб Божий Василий рассказывал: “За то, что Геннадий ходил в церковь, его упекли в сумасшедший дом. Тогда считалось, что если верующий, то сумасшедший. Его отец, участник Великой Отечественной войны, фронтовик, пошел к военному, своему другу, тот заступился за сына перед кагебистами, обратился к первому секретарю райкома партии, мол, за что парня посадили? И сына выпустили, сказав, что у него есть трое суток, чтобы исчезнуть, иначе потом опять закроют в психушку. И он вскоре поехал в Загорск, поступать в семинарию”.

В священный сан отец Геннадий был возведен 14 октября 1967 года владыкой Климентом, архиепископом Свердловским и Курганским, правящим архиереем на Урале. Во время священнической хиротонии, когда Божественная благодать особенно близка к сердцу человеческому и Господь по-особенному внимает молитве ставленника, батюшка просил у Бога сил и крепости до конца быть верным Ему и Церкви. И Господь услышал молитву Своего раба — отца Геронтия поистине можно назвать “человеком Церкви”. Он любил каждую деталь церковной жизни, обращал внимание на каждую мелочь, свидетельствующую о внутреннем мире человека. И прежде всего его любовь была направлена к храму. Он всей душой, искренне и самозабвенно отдавался богослужению.

Ревность молодого пастыря не укрылась от “всевидящего ока” карательных органов. Годы, когда батюшка служил в России, были особенно сложными: хрущевская атеистическая власть воздвигла новую свирепую брань на Церковь. Начали притеснять и отца Геннадия. Кто сможет передать чувства молодого священника в те минуты, когда черный “воронка” ввозил его в ворота психиатри-

ческой больницы? Кто сможет прочувствовать смятение от посвященного истовому пастырю памфлета под названием “Молодой мракобес”?

После ряда арестов и побега из психиатрической больницы, куда его принудительно поместили, батюшка получил благословение владыки Климента ехать на Украину. Здесь ему выпало служить в нескольких епархиях. А последние годы перед поступлением в Лавру он окормлял верующих Рокитнянского района Киевской епархии. Смиреномудрие батюшки привлекало прихожан, он стал духовником многих верующих, открывая им путь ко спасению. Но здоровье его, подорванное многолетним подвигом жертвенного служения, становилось все хуже и хуже. И в 1992 году он был пострижен в Киево-Печерской Лавре в монашество с именем Гавриил — в честь небесного благовестника. Восприемником на постриге в монашество и в схиму у него стал схиархимандрит Исаия (Коровай).

“Отец Геронтий в монашество пришел из протоиерейства, — рассказывал настоятель киевского храма в честь Архангела Михаила в Медгородке протоиерей Геннадий Батенко. — У него была матушка, двое дочерей, в советское время он служил в селе Ракитное. Матушка его потом тоже приняла иночество с именем Феодосия”. Близкое духовное чадо в чине генерала, который много лет тесно общался с отцом Геронтием, дополнил: “Когда батюшка, будучи еще протоиереем, жил с семьей в Ирпене, с ним произошло необыкновенное событие: ему был глас, который повелел идти в Лавру. Через некоторое время он сильно заболел, и врачи сказали, что ему осталось жить совсем недолго. Вот такими судьбами Господь привел его в Лавру. На постриг в пещеры его занесли. Старец вспоминал: “После пострига я ожил: умер Геннадий, родился Гавриил!”

Поселение старца в Лавре стало для него событием желанным и дивным. Так исполнилась на нем воля Божия: зов тайны, который он помнил с юности, вошел в его жизнь — он был зачислен в число братии Киево-Печерской Лавры. Пока были силы, батюшка нес послушание киотного у чудотворной иконы Богородицы. Со временем прогрессирующий недуг суставов полностью подорвал его здоровье. Многочасовые операции не давали необходимого результата, и состояние его представлялось безнадежным. На смертном одре 24 марта 1993 года в Дальних пещерах Киево-Печерской Лавры его постригли в великую схиму с именем Геронтий в честь преподобного отрока Геронтия, канонарха Печерского.

Из храма схимника вынесли на носилках. И тогда, когда окружающие, видя его угасание и нестерпимые муки, уже ждали его близкой кончины, неожиданно произошло чудо — Господь даровал отцу Геронтию еще десять лет жизни и силы для дальнейшего служения. Там, где оказались беспомощными земные врачи, явил Свою милость Врач Небесный. Прихожане Лавры скоро полюбили батюшку и оценили его духовные дары. Многие спешили к нему, чтобы получить благословение и духовный совет. А прикованный к инвалидной коляске отец Геронтий торопился каждую минуту отдать людям....

Духовное чадо старца, протоиерей Андрей Николаиди, про-ректор Одесской Духовной Семинарии, рассказывал: “К причастию отец Геронтий относился очень ответственно, всегда причащался по чину священников, даже будучи прикован к инвалидному креслу облачался в епитрахиль и фелонь и принимал Дары от Пре-

стола. Однажды он сказал, что совсем по-другому переживаешь священное мгновение причащения, когда в момент священнодействия держишь в руках святыне Тайны.

Будучи глубоко церковным человеком, отец Геронтий стремился и окружающим привить свою глубинную церковность, которая могла выражаться даже в таких мелочах, как одежда. О себе старец говорил, что он всегда, даже во время хрущевских гонений, не снимал подрясника. Для него одежда священнослужителя была знаком исповедничества, символом готовности претерпеть за Христа и Церковь поношение и посмеяние, символом неразвормости “малого стада” среди волн житейского моря. Батюшка рассказывал, что во время его приходского служения к нему на храмовый праздник съехалось много священников, которые по привычке того времени явились в храм в штатском, неся в свертках подрясники и рясы и готовясь к служению литургии. “Я с комсомольцами не служу”, — заявил батюшка и не допустил никого из приезжих к сослужению. С тех пор все знали, что он строго относится к подрясникам и старались одеть их до въезда в пределы его прихода.

Об отношении старца к собственным недугам красочно свидетельствует факт его посещения на инвалидном кресле Святой Горы в те годы, когда на Афоне еще не было так развито автомобильное сообщение. Отец Геронтий со смехом рассказывал, что в некоторые моменты афонского паломничества сопровождающим приходилось тянуть его коляску вверх по такой узенькой тропинке, что одно колесо висело над пропастью. Но он не сдавался болезни, противостоял искушениям, боролся со скорбями, забирая их у духовных чад и перекладывая на свои плечи. О своем даре батюшка говорил так: “Я не знаю, откуда я знаю ответы на те или иные вопросы. Я просто знаю, что надо ответить именно так”.

Подтверждений дара прозорливости старца нельзя перечислить; одно из них поведала раба Божия Татиана, давняя прихожанка Лавры: “Как-то прихожу в Аннозачатьевский храм на исповедь и думаю: к кому ж я попаду? Тут вывозят отца Геронтия на колясочке. И все зашептали: “Геронтий, Геронтий будет исповедывать!” Он всех обвел глазами, остановился на мне и вдруг стал отвечать на мои мысленные вопросы, которые меня в то время особенно волновали. Причем так досконально, обстоятельно отвечал. Я не знала, что и думать. Первый раз его вижу и он меня тоже. Но батюшка духом проник в мою душу. У нас в Лавре в то время был монах-лилипут Гавриил, он был тоже родом с Урала, как и батюшка.

Закончив свое слово, отец Геронтий зовет: “Ну, теперь подходите на исповедь”. Я отцу Гавриилу говорю: “Иди ты — ты монах”. Но вижу батюшка пальцем меня зовет. Подхожу, а он спрашивает: “Ты все поняла, что я говорил?” Я просто разрыдалась, даже не могла ничего сказать. Потом всегда повторяла: “Батюшка не на меня смотрит, а в меня”. Он взглянет на человека и знает про него уже все без его слов. Помню, как он строго обличал мужчин, которые считали, что грех чадоубийства лежит только на женщине. “А ты что? Ты тоже кайся в этом грехе!” — призывал старец.

Он был необыкновенной доброты. Не забуду такой случай. Когда только отдали храм Рождества Богородицы, то притвор в нем совсем не отапливался, и холод там зимой был изрядный. Батюшку в церковь всегда привозили рано, до начала литургии, потому что людей к нему на исповедь собиралось очень много. Я пришла на свое послушание продавать свечи, принимать записки и стояла за столиком. Когда исповедь закончилась, келейник вез батюшку возле меня, он остановился и с грустью сказал: “Танюшка -Танюшка, я тебя так люблю. А ты меня — не любишь”. Я всполошилась: “Как не люблю?” И он тихонько добавил: “Ты даже не подумала, как мне сидеть в таком холоде с больными ножками”. А ему обувь не обували из-за болезни, был только в носочках. Мне стало так стыдно! Хотелось провалиться сквозь пол, упасть на колени и плакать от своей черствости.

Я помчалась на базар, купила теплые носки из ангорской шерсти, но сама даже не смела подойти к нему от стыда. Нашла Алешу, келейника: “Прошу, передай батюшке”. Когда в следующий раз келейник провозил его возле столика, где я принимала записки, отец Геронтий спрашивает: “А что ж ты не приходишь ко мне?” Я потупила глаза: “Батюшка, вы ж на меня, наверно, обижаетесь”. Он изумился: “Обижаюсь? За что?” Он даже не представлял себе как это — обижаться. Его переполняла необыкновенная доброта и любовь к людям, желание помочь всем.

Он находил время воспитывать, объяснял, как готовиться к причастию, как одеваться. Я хожу в Лавру с ее открытия и хочу заметить, что в первые годы, требования были строже. Если человек не был на часах, его не допускали к причастию. Когда начиналась литургия — исповедь прекращалась: на литургии надо было стоять как свеча и слушать не шелохнувшись. Если женщина приходила в брюках, ее не допускали к исповеди, и объясняли, как надо прийти одетой в следующий раз. Надо чтобы не “лишь бы” пришла — а с благоговением, со страхом Божиим. А для этого необходимо воспи-

тание со стороны священства. И отец Геронтий был священником, который занимался людьми”.

“Он, безусловно, обладал даром прозрения, — свидетельствует отец Геннадий. — Как-то мне предложили от Чернобыльского фонда повезти детей в Грецию. Пошел, оформил визу, ничего не сказав отцу Геронтию. Потом прихожу и говорю: “Батюшка, благословите детей в Грецию отвезти” А он: “Да никуда ты не поедешь!” — “Как не поеду?! У меня уже виза открыта”. Но он еще раз повторил: “Я же тебе сказал, что ты туда не поедешь!” А мне так хотелось, думаю про себя: все будет хорошо, полечу. В этот же день звонит моя супруга из Пятигорска, которая гостила у родителей, и говорит, что у отца обнаружили рак, ему очень плохо, он умирает, и что меня срочно ждут. Я нашел вместо себя другого священника и улетел не в Грецию, а в Пятигорск. Знаю, что один ученый готовился защищать диссертацию, но никак не мог найти нужный для работы ответ. Попал он к отцу Геронтию, который этому ученому одну только фразу сказал, и тот изумился: “Спасибо, как я не догадался!”

Помню, в 2002 году я хотел взять к себе в храм одного священника и пришел с ним к отцу Геронтию за благословением. Батюшка отправил меня за дверь: “Подожди в коридоре”. И с глазу на глаз с ним беседовал. Через время выходит этот священник, на котором лица нет. И когда справился с собой, говорит: “Он мне такое сказал! Он меня спросил: “Ты шут или священник?” Я тоже удивился: “А почему так?” Тот, переминаясь, отвечает: “Я ведь актером был”. Видно он не все из себя от прежней жизни исторг, потому что старец потом сказал мне: “Он у тебя служить не будет!”

Еще одно подтверждение дара отца Геронтия прозвучало из уст раба Божия Василия: “Однажды мы встретились с владыкой Софронием, тогда еще архимандритом, архитектором и иконописцем. Старец потом мне сказал: “Через несколько лет ты с ним еще будешь очень часто общаться”. И действительно, через несколько лет, когда уже отец Геронтий почил, меня отправили работать в Черкассы в “ссылку”, и я стал общаться с владыкой Софронием. Для отца Геронтия все было открыто. У него окормлялись многие монашествующие и священники. Некоторые батюшки, которые к нему приходили, сегодня уже архиереи. Как-то он одному из них дал омофор со словами: “Держи, тебе пригодится”. Блаженнейший митрополит Владимир тоже был к старцу очень расположен”.

“Это был человек с необъятным сердцем, которое вмещало всех, — продолжает протоиерей Геннадий. — Кто только не при-

ходил к нему: и простые люди, и генералы, и политики, и артисты. Я батюшку знал еще, когда оканчивал интернатуру по хирургии. А окормляться стал с 1999 года, когда уже готовился к священству. Он меня на это и благословил вместе с отцом Николаем Гурьяновым”.

“Старец был настоящим пастырем, отцом людям. Свой крест нес и другим помогал, — уверяет архимандрит Киево-Печерской Лавры отец Феодор. — По-отечески и подсказывал и утешал. Ведь не всякому душу откроешь. А он не торопясь выслушает, войдет в положение и найдет нужные слова, чтобы направить по правильному пути. Через него люди встречались с Богом — а это величайшее дело. Самое большое чудо, которое может быть”.

По молитвам старца люди избавлялись от страшных зависимостей и пагубных болезненных пристрастий, особенно насылаемых врагом на молодое поколение. “Была такая история, — поделился раб Божий Василий. — У одного старшего офицера, профессионального контрразведчика, появилась большая проблема с сыном — он стал игроманом. Его уже больше полгода как исключили из вуза, но он скрывал, приезжал домой как будто на каникулы, брал деньги, потом возвращался в Киев. Игромания — это страшнее, чем алкоголизм. И отец спрашивает меня: “Может, в больницу Павлова обратиться?” Но если останется запись в документах, что лечился в Павловке, это всю жизнь может испортить. Что делать? Приехали мы вместе с отцом и сыном к батюшке Геронтию, старец и говорит: “Давайте чаю попьем, пообедаем”. Выслушал все и велит: “Приходите завтра в шесть утра ко мне, скажу, что вам делать”.

Утром старец благословил, чтобы они спустились в Ближние и Дальние пещеры, потом подошли к преподобному Захарии, и пусть отец читает молитву “Отче наш”, прося преподобного исцелить, а сын приложится к мощам. Чтобы все при этом внимательно смотрели, что будет происходить, и потом рассказали ему, как он себя ведет. Все это исполнили, хотя парню сначала приходилось трудно, но мы помогали. Дальше старец дал им молитвослов, отправил их на литургию, на исповедь. Так они с неделю каждый день к нему приходили. Батюшка вычитывал, молился над болящим, покрыв его епитрахилью, они общались. Потом старец благословил, и они уехали домой. И все! Ни о какой зависимости речи больше не шло, парень восстановился в институте”.

В наше время, когда битва за души достигла апогея, и враг исхищряется в воздействии на психику людей средствами массового захвата сознания, благодатное укрепление старцев воистину

бесценно. К батюшке приходили бесноватые, разные болящие, и все чувствовали его молитвенную помощь. Священники, духовные чада отца Геронтия, рассказали, как по молитвам старца получила исцеление от серьезного духовного недуга одна сестра, над которой он потом совершил тайный постриг. С большим почтением относилась к батюшке убиенная схимонахиня Александра, которая похоронена в Белой Церкви в монастыре Марии Магдалины. Она тоже была прозорливая и духовно очень чуткая. Так вот она всех отправляла к отцу Геронтию. А он в свою очередь всех благословлял в пещерки к преподобным, а кого считал нужным, особо — к преподобному Захарии, врачу духовных недугов, которому молятся от нечистых духов. Он для батюшки был как диагност. По тому, как человек вел себя у его мощей, старец понимал, что ему требовалось о телесном и духовном состоянии болящего.

Приехал как-то к батюшке полковник, которому поставили диагноз неоперабельная опухоль в голове — шансов нет. Он выслушал, помолился над ним и благословил прийти к нему наутро. На рассвете полковника провели по пещерам, подвели к прп. Захарии читать “Отче наш”. Потом отец Геронтий отправил его на исповедь и к причастию на литургию. “Придешь после этого в номер, ложись на подушку на бок и читай молитву, — велит батюшка. — Знаешь, какую-то?” Тот развел руками: “Нет”. Старец дал ему молитвослов: “Вот эту читай, дурень”. Через несколько часов полковник позвонил другу, который привел его к отцу Геронтию, и говорит, что надо быстрее идти к старцу. Оказывается, когда он уснул на боку, как благословил отец Геронтий, опухоль у него вытекла из уха гноем. Все ушло без операции по батюшкиным молитвам. Когда потом после обследования врачам объясняли “куда делась опухоль”, они сказали, такого не может быть, не должно. Глядя на повторные снимки, удивлялись: “Если бы не было предыдущих, то не поверить, что у тебя что-то было”.

Стоит отметить, что при всей своей любвеобильности батюшка многих смирял, келейников мог и палкой достать. “Иногда подойдешь к нему, — вспоминал один из духовных чад, — а он в лоб как хлопнет. Но это не просто так. Ты потом чувствовал, что что-то от тебя отошло. У старцев есть такая практика: они так беса отгоняют”.

Молитвы отца Геронтия прозябали великими благодеяниями в судьбах обращавшихся к нему. Но делание это оставалось безгласным и смиренным. И только по последующим событиям своей жизни люди понимали, какую неизреченную милость оказывал им

Господь по молитвенному предстательству старца. “Мой отец, который работал в Иванкове директором автопарка, за серьезную провинность наказал одного водителя, — рассказывал раб Божий Сергей. — В результате у этого человека по имени Александр случился сильный стресс. Он попал в аварию на собственном автомобиле, стал заметно горбиться, у него пошли серьезные психические расстройства. С работы его уволили, в семье проблемы. Врачи ничего понять не могут и диагноз не ставят. Он стал ходить в церковь, исповедоваться и причащаться, но сильных изменений в его состоянии не происходило.

В июле 2002 года в Лавру привезли частицу Животворящего Креста Господня, и мой отец организовал автобус для паломников в Лавру. Поскольку он был причастен к скорбям Александра, то я повел болящего к отцу Геронтию после того как мы приложились ко Кресту. Батюшка попросил всех удалиться из кельи, положил ему на темечко три пальца и помолился над ним. Вслух он никогда не читал, всегда про себя. Потом отправил мужчину в пещеры и сказал прийти через неделю. Через месяц я встретил этого Александра — передо мной был совершенно другой человек. Он исцелился батюшкиными молитвами. Правда, когда он стал чувствовать себя хорошо, то, к сожалению, перестал ходить в церковь.

Как-то я пришел к батюшке, а у него сидят братия и беседуют почему-то о жилье. Отец Никодим, будущий владыка, рассказывал, как он куда-то ехал и его подобрал по дороге один таксист, который спросил его: “А у вас есть квартира?” Священник ответил: “Нет”. Я слушал, и меня эти слова остро задевали, потому что у меня тоже не было квартиры. Потом отец Геронтий обратился ко мне: “А ты в каких условиях живешь?” Говорю: “В гостинке с семьей”. Батюшка кивнул. Проходит немного времени, и мне вдруг ни с того ни с сего предлагают получить квартиру на Южной Борщаговке. Это было совершенно невероятное событие! В начале 2000-х уже никаких квартир не давали, эта практика давно закончилась. Я понял, что это был результат молитвы старца. Батюшка, когда я его увидел, говорит: “Ну что, пригласишь квартиру освящать?” Но вышло так, что уже после его смерти ее освятили отец Никодим.

В год перед кончиной отца Геронтия я отдыхал в Крыму у тети. Под конец отпуска пошли дожди, и мы насобирали в горах и приготовили много грибов. Я знал, что батюшка их любит. Из Крыма я еще привез иконку Богородицы с пакетиком, в котором лежала ватка с благоухающим миром и воду с акафиста свт. Луки Крымского. Мы все это взяли, накупили гостинцев и пошли в Лавру к батюшке. Он принял кулек, приложился к иконке, а пакетик с ваткой помял, понюхал и отложил. Я говорю: “Так откройте кулечек”. Старец отвечает: “Настоящее миро и через кулек пахнет”. И вдруг загадочно добавляет: “Я тебе дам услышать благоухание настоящего мира”.

Через время батюшка попал в больницу с кровотечением, потом случилась авария, и он снова оказался в больнице. За неделю перед кончиной я его навестил, и мы попрощались. В следующий раз пришел уже на похороны. Гроб стоял в храме Рождества Пресвятой Богородицы. Я подошел приложиться к его ручке, склонился и вдруг услышал сильный, насыщенный запах дивного благоухания. Я замер. Честно говоря, усомнился. Потом еще раз приложился — и снова интенсивное благоухание. И тут же в памяти вспыхнули те слова батюшки. То, что старец пообещал летом, он исполнил уже после кончины. Наблюдая, как прикладывался следующий за мной человек, понял, что он ничего не почувствовал”.

Последние три года жизни старца при нем неотлучно находился его келейник, ныне священник Алексей Колибаба, который свято хранит память о своем духовном отце: “Так Бог дал, что, готовясь летом к экзаменам в семинарию, я нес послушание у батюшки. Смотрел за кельей, подметал, а главное, занимался перевязками. И, по-

Фото С. Фрич

ступив, милостью Божией так и остался помогать старцу, который жил в пятидесятом корпусе. Батюшка часто служил в семинарском храме Рождества Пресвятой Богородицы, который находится рядом с кельей. У отца Геронтия не было чужих людей. Все, кто переступал порог его келье, сразу становился “своим”. А народу приходило много: одни с благодарностью, другие с просьбой. Он отправлял всех в пещерки к преподобным, а сам молился. При этом все время терпел боль, никакие таблетки ему не помогали, спать не мог. Я молодой был, послушание исполнил, ножки перевязал, и хочется лечь поспать, отдохнуть. А батюшка всю ночь молится, сидит с четками и канонником в руках. Ночами у него шла молитва”.

“Господь послал ему болезнь, вследствие которой он перенес несколько операций, — говорит отец Геннадий Батенко, врач по образованию. — Ему поставили искусственные суставы, но это не помогло, и он стал инвалидом, перестал ходить. Помню, батюшка как-то сказал: “Если бы не эта болезнь, то я, наверное, согрешил бы, а так болезнью занимался... У каждого своя схима от Бога. У одного схима — это болезнь, у другого — послушание, у третьего — пост”. Последние годы его жизни были очень мучительными. Но старец все это принимал с большим смирением и при людях держался.

Когда я сообщил старцу иеросхимонаху Амфилохию Белоцерковскому († 2011), что умер отец Геронтий, тот заплакал и сказал: “Какие боли он терпел!” Батюшка лежал в келье, испытывая сильнейшие страдания. Гной тек из ран, там, где были вставлены суставы, пошло отторжение. А за день к нему приходили десятки человек. Дверь в келье не закрывалась, ему покушать было некогда. Но он продолжал свое служение людям: молитвенное, наставлениями, исцелениями. Когда мы собираемся в день его памяти и рассказываем друг другу, что с нами происходило, то вырисовывается картина и понимание, какой с нами был удивительный старец. Как мы вообще сподобились быть рядом с ним. И при всем происходившем никто не воспринимал его как великого старца — он обладал совершенной простотой. Знали, что батюшка непростой, так как он исцелял духовно одержимых людей, но не делал это громко, а тихонечко молился. Он очень почитал Казанскую икону Божией Матери. И всем нам заповедовал почитать Казанскую икону, читать акафист, молиться перед ней. Эта иконочка помещена на его могилке”.

Люди, которые были рядом с отцом Геронтием в особо трудные для него дни, с неутраченным волнением возвращаются памятью

в то время: “У старца были невыносимые боли, иногда до болевого шока. Господь попустил ему такое мученичество. Врачи говорили, что надо ампутировать ноги, но он отвечал, что умрет со своими ногами. Как-то у батюшки началась сильнейшая интоксикация, и ему надо было срочно делать операцию. А в ортопедическом институте на Воровского его не хотели принимать. Мы пока поехали за лекарствами, а вернулись и видим, что ситуация изменилась. Все сестры собрались вокруг старца, даже главврач пришел. Приняли батюшку — и еще как приняли”.

Бывали случаи, когда батюшка, видя в том особую необходимость и зная волю Божию, открывал человеку то, что ему было нелегко принять. Но услышанное способствовало тому, чтобы оповещенный собрался и не терял время. Примером тому свидетельство духовного чада старца, раба Божия Ростислава Солопенко: “С помощью отца Геронтия мои сыновья Ростислав и Сергей в 2002 году готовились поступать в Варшавскую Православную Духовную Семинарию. Об их дальнейшей жизни он также озвучил много пророчеств. К примеру, о моем сыне Ростиславе: “Мое духовное чадо Ростислав будет отцом троих детей, примером для многих, прекрасным священником, профессором теологии, известным православному миру... переживет меня ровно на десять лет”. Так и произошло. 16 ноября 2013 года, около 22 часов 30 минут мой сын Ростислав погиб в автомобильной катастрофе, и его доброе, простое, скромное, чуткое сердце остановилось на сороковом году жизни. В этот же день и приблизительно в это же время 16 ноября 2003 года, около 22 часов 30 минут отец Геронтий попал в автомобильную катастрофу, и в результате претерпленного его душа отошла ко Господу 24 ноября 2003 года”.

Многие из нас духовно слабы, для того чтобы всерьез размышлять о смерти, и о том, кому каким путем предстоит переселение в мир иной. Сердцеведец Господь приоткрывает завесу только тем, кто способен вместить это с духовной пользой для себя. Старец также предрек свою кончину за несколько лет, что подтвердил протоиерей Геннадий Батенко: “Когда отца Геронтия не стало, мы вспоминали, как он предсказывал свою смерть в виде юродства. Батюшка преставился 24 ноября на св. Максима, Христа ради юродивого, московского. А при жизни старец все время приговаривал: “Умер Максим, так ему и надо”. Мы не могли понять, о каком Максиме он вспоминает. Дошло, что он имел в виду, уже после его смерти. Батюшка предсказал и место, где будет покоем. Как-то к нему пришел священник в келью, когда он собирался переезжать,

и спрашивает старца: “Куда же нам теперь к вам ходить?” На что батюшка ответил: “В Голосеево, в Голосеево!”

На похоронах отца Геронтия был случай, который потом рассказывал владыка Никодим, архиепископ Северодонецкий, часто посещавший старца. Одна женщина не успела проститься с батюшкой и очень просила, чтобы ей дали приложиться хотя бы к гробу. Пришла она на похороны с маленькой дочерью, которая болела энурезом. Они обе прикоснулись ко гробу, а позже мы узнали, что девочка после этого исцелилась.

“По кончине отца Геронтия мы написали статью о нем, которая вышла в газете “Київський вісник”, — рассказывали духовные чада. — А спустя год, когда в очередной раз пришли к нему на кладбище, увидели, что возле могилки старца сидит женщина с ребенком. Видно, что не из богатых. В руках у нее эта газета, которая попала к ней промыслительно. Женщина, у которой серьезно болел сын, рассказала, что они прочитали статью, поверили написанному и стали просить старца помочь мальчику. “И так мне спокойно после этого стало, — рассказывала женщина, — что я утвердилась в своей надежде. И старец помог — мой сын исцелился. И вот теперь мы приехали из Днепропетровска поблагодарить его”.

Схиигумен Геронтий отошел ко Господу на шестьдесят втором году жизни 24 ноября 2003 года в окружении многочисленных чад. Проститься с ним пришло много мирян и духовенства, люди не сдерживали слез. Последний путь старца из Лавры был устелен цветами. Похоронили отца Геронтия в Свято-Покровской Голосеевской Пустыни.

Жизнь схиигумена Геронтия — красноречивый пример того, как Господь являет Свой Промысел на избранных Им в соработники. Батюшка был призван для того, чтобы многотрудным путем взойти на вершину, коей стал для него молитвенный подвиг, подъятый в Киево-Печерской Лавре. Смиренно приняв свой тяжкий крест, он сораспялся Христу и поработал Ему, жертвенно служа смятенным овцам Его стада последних времен. Милостью Божией он был сопричтен к тем старцам, которых мечтал увидеть в юности — прозорливцам, исцеляющим молитвами, чудотворцам. К богокрасному полку Христовых воинов, собранных Богородицей под хоругвями Ее древней Лавры.

Жизнеописание схиигумена Агапита (Кармаза)

(8.06.1919–21.03.1991)

История земного странствия удивительного старца схиигумена Агапита (Кармаза) была отмечена Промыслом Божиим задолго до его рождения. Наверное поэтому его вера с молодых лет отличалась духом пламенной ревности. Отец Агапит пришел в Лавру в послевоенные годы, у мощей преподобных Печерских принял монашеский постриг и был рукоположен здесь в священный сан. До самого закрытия Лавры в 1961 году он служил в обители канонархом и пел на клиросе, вознося хвалу Богу ангельской красоты гласом — у него был первый тенор исключительной чистоты, высоты и силы. Вместе с талантом Господь одарил Своего избранника и крестом тягчайших скорбей, которые отец Агапит безропотно нес с малолетства. За безграничное терпение, смирение и любовь к Богу и ближнему, старец был наделен духовными дарами, которые скрывал так тщательно, что даже его родные узнали о них уже после его блаженной кончины.

Схиигумен Агапит (в миру — Михаил Кармаз) родился в 1919 году на великий праздник Пресвятой Троицы, который пришелся тем летом на 8 июня. Мало сказать, что старец потом особо почитал торжество Святой Триады. Он был настолько благодарен Богу за оказанную милость, что всю последующую жизнь всегда отмечал свой день рождения исключительно на Троицу, на какое бы число не приходился сей переходящий праздник.

Семья отца Агапита проживала в Запорожье. Его бабушка и мама были родом из Полтавы, а отец — из Киевской губернии. Все их семейство знали как очень верующих людей, которые не мыслили жизни без Бога и без Церкви. Будучи девятнадцати лет от роду его бабушка Лукия пешком пришла в Киев поклониться святыням и, имея расположение к монашеской жизни, направилась в монастырь на Зверинце к знаменитому старцу Ионе. В то время великий молитвенник был в затворе. Улучив удобный момент, Лукия подошла к окошечку его келии и попросила: “Отец Иона, благословите меня в монастырь”. Но старец ответил ей: “Возвращайся в мир, Лукия, и иди замуж. Из твоего рода выйдут монашествующие, которые усердно поработают Богу”. Услышанное тогда несостоявшейся инокиней под сенью Святой Троицы сбылось спустя годы на ее внуках и правнуках. Четыре священника и три схимника их рода стали исполнившимся обетованием преподобного Ионы

Киевского, которому не раз являлась Божия Матерь и великие святые.

Эти не такие уж далекие события, предвосхищенные глаголом преподобного основателя Свято-Троицкого монастыря, ниц преклоняют пред Божиим Промыслом, обнимающим Вселенную и все сущее в ней. Нам не дано знать, как Господь избирает Себе еще “непрозябший класс”, ждущий своей чреды в колыбели Его благоутробия и в свой час изводит душу в мир, предлагая пройти узкий крестный путь, ведущий на Вечную Родину. Но каждый

пример, подобный предсказанию святым Ионой появления нового гнезда ангелов в монашеских мантиях, приоткрывает тайну этого процесса, отражает величие замысла Творца и непостижимость домостроительства Божиего.

Итак, выполнив благословение преподобного, Лукия вышла замуж и родила девять детей. Через годы первенцем ее восьмой дочери Софии стал Михаил — будущий схиигумен Агапит. Незадолго перед этим в стране разразилось великое бедствие — все устои жизни сотрясла и разрушила революция. И когда следом пришла власть Советов, семью раскулачили (поскольку у них было две коровы и две лошади) и вывези в Казахстан. По окончании ссылки исповедники вернулись в Запорожье, где и прошли детские годы будущего подвижника. О том, что Михаилу предстоит особый путь, знаки посылались еще в детстве. Однажды, когда отроку было девять лет, с ним произошел необыкновенный случай. Он тогда стоял на причале, глядя вдаль за линию горизонта. “Не знаю, или меня кто-то толкнул, или я сам покачнулся, — вспоминал старец. — Но в ту секунду, когда летел в воду, призвал Богородицу: “Матерь Божия, если мне это на смерть, то я пойду вглубь реки, а если на жизнь — выйду на берег”. И он чудесным образом вышел на берег и остался жив, не умея плавать.

Время укоренения советской власти стало трудным испытанием для семьи Кармаз. Даже в жестокие годы гонений их мама София продолжала нести послушание церковного старосты, за что ее забрали чекисты и угрожали тем, что она больше никогда не увидит своих детей. Но ревностная Христова труженица отвечала гонителям: “Тут не увижу — на том свете увижу!” Такой самоотверженной верой и полным упованием на Господа отличались все их родственники: родные сестры и братья родителей, их дети. Даже когда их фамилия еще не дала священников, проходя мимо их двора, люди кивали: “Поповский дом”. Они всегда были в церкви на службе, каждый праздник и воскресенье первыми спешили к литургии.

Михаил был старшим из пяти детей. Будучи от природы способным, он начал обучение со второго класса. Но жизнь становилась все тяжелее, и учеба в школе для него закончилась на пятом классе. Дальше он пошел работать, чтобы четверо младших братьев и сестер не умерли с голоду. Жили они очень бедно, нередко у них нечего было кушать, а младшие дети не имели одежды. Их отца не стало, когда младшей сестре Лидочке исполнилось всего три года. И Михаил стал кормильцем в семье. Однажды в голодные тридцатые годы, сам терпя сильный голод, он вместе с братом Николаем, убиенным потом на фронте, просил подать кусочек хлеба для малых сирот. Подросток ходил по вокзалу с полотняной сумкой через плечо, когда вдруг увидел облаву. Он только успел крикнуть брату: “Коля, беги!” А самого его поймала милиция. Михаила подвели к паровозной топке и поставили у полыхающего пламени. “Сейчас и ты там сгоришь!” — сердито пообещал оперативник. Мальчик поднял на него печальный и мудрый не по возрасту взгляд: “Я сгорю, но душа моя не сгорит, будет у Господа. А у меня еще четверо детей”. Поимщики удивились: “Как? Ты ж такой молодой”. Михаил признался: “У меня папа умер. Остались два братика и две сестрички”. Милицейское сердце дрогнуло, и они, собрав парню полную торбу еды, отпустили домой.

Получив работу, Михаил вскоре принес домой десять метров ткани и положил отрез на стол: “Мама, а теперь оденьте моих сестричек”. Мать молча прижала его голову и, сдерживая слезы, поцеловала в лоб. “Брат нас выкормил, поднял на ноги, он был очень преданным семье, никогда не женился. А после войны он сказал, что хочет уйти в монастырь, и уехал в Киев”, — перебирала в своей келии старинные черно-белые фото младшая сестра приснопамятного старца Агапита схимонахиня Досифея. Вспоминая о пере-

житых бедствиях в 30–40-е годы, 88-летняя матушка привела слова отца Агапита, которые он потом часто повторял: “Православному, чем хуже — тем лучше. Скорби, перенесенные со смирением и благодарностью Богу, укрепляют душу”.

Когда началась Великая Отечественная война, первым ушел на фронт средний брат Николай. Следом, в 1943-м призвали младшего семнадцатилетнего Владимира, который, девять лет отдав армии, вернулся домой и стал священником. Протоиерей Владимир служил потом в Коростышеве Житомирской области. А Михаила на фронт не взяли, поскольку у него с младенчества после болезни зрячим был лишь один глаз. Но будущий старец тоже внес свою лепту в победу: его призвали в Трудовую армию, которая работала для фронта в тылу. Все военные годы он трудился на Кузбассе в шахте Полысаево возле Ленинск-Кузнецкого. До города, который до революции назывался Кольчугино, было семь километров, и Михаил каждое воскресенье ходил туда на литургию в церковь. Вставал в четыре утра и к семи часам уже стоял на службе. Все эти годы он не расставался с церковным сборником “Вразумитель” дореволюционного издания. Эта книга прошла с ним всю жизнь.

Когда война закончилась, а младшие сестры выросли, Михаил решил посвятить себя монашеству, к которому давно стремилась его душа. Сохранилась одна видеозапись, сделанная после открытия монастыря, где батюшка сам рассказывает о тех событиях: “Я пришел в Лавру в 1950 году. До этого работал рядом с монастырем. Тут внизу строилась дорога (Набережно-Крещатицкое шоссе — ред.) и я трудился на этой стройке. Ну и приходил молиться в Лавру. И вот монахи смотрят, что я постоянно прихожу на службу, и говорят: “Ты все время к нам ходишь и до сих пор не с нами”. А я им и отвечаю: “Так я человек очень грешный”. Они сказали мне: “А нам такие и нужны!” Через три года после поступления в обитель в 1953 году послушник Михаил принял постриг с именем Мартирий. С той памятной поры сохранилась фотография, подписанная рукой инок: “На память сестре Лиде от брата, монаха Мартирия”. 11 ноября 1956 года его рукоположили в иеродиакона, а 31 августа 1959 года на праздник Флора и Лавра он, милостью Божией, уже был иеромонахом. Став насельником Киево-Печерской Лавры, отец Агапит ни разу не приехал к матери и брату-протоиерею в Коростышев, куда сам благословил определиться родным. В те годы устав в Лавре держали строго, и братии не благословлялось выходить за стены монастыря — только в особых случаях по разрешению наместника. На воротах стоял

монах, послушанием которого было неукоснительно следить за установленным порядком. Также никому из навещавших братию не позволялось заходить в их келии. Отец Агапит жил тогда над Ближними пещерами, на втором этаже. Но с матерью, необыкновенно им любимой и почитаемой, виделся в храме или на территории монастыря.

Батюшка очень любил служить литургии и с благоговением относился к предназначению священника. А его послушание певчего быстро оценили прихожане. Когда по старинной традиции, установленной в начале XIX века, в среду торжественно пелся акафист Успению Пресвятой Богородицы, люди, увидев его на клиросе, многозначительно передавали друг другу: “Сегодня отец Мартирий поет!”

“В 1950 году брат жил в одном корпусе с преподобным Кукшей, — рассказывала схимонахиня Досифея. — И когда я приехала в Лавру, он удивил меня: “Лида, тут есть один священник — он святой. Я попрошу его, чтоб он с тобой побеседовал”. И я, грешница недостойная, сподобилась дважды разговаривать с преподобным Кукшей. Если бы я послушала то, что он мне сказал, то была бы самым счастливым человеком. Но по молодости не вняла словам старца. Не забуду того дня, когда отца Кукшу забирали в Почаев. Было очень тяжело. Я стояла рядом и плакала, глядя, как батюшка в скорби готовится к отъезду. А он утешил нас: “Не плачьте, женщины! Лавру еще откроют через двадцать лет!” И слово преподобного исполнилось, только Господь добавил к наименованному сроку еще семь лет”.

Лаврские монахи жили одной духовной семьей, прихожане это чувствовали и очень тем утешались. Отец Агапит был дружен с отцами Феофилом (Россохой), Авраамием (Куявой), Софронием (Шинкаренко), Руфом (Резвых), с послушником Мефодием (Финкевичем), с будущим настоятелем Вознесенского храма на Демиевке он делил келию. Чтобы из рук в руки было передано великое монашеское делание и подвижнический дух, Господь милостиво сохранил дореволюционных благодатных старцев Лавры, которые учили их своей жизнью.

Старец Киево-Печерской Лавры архимандрит Авраамий (Куява) вспоминал о тех трудных, но благословенных годах: “Отца Агапита я знал с начала 50-х. Мы с ним оба прибыли в Киев из Запорожья. Когда я поступил в монастырь, он уже тут года три находился на послушании. В Лавру он пришел после войны, когда монахи только начинали понемножку налаживать и обустраивать разоренную

обитель. Мастеров не имелось, справлялись сами — как могли, так и делали. И отец Агапит тут очень пришелся кстати со своими умениями.

Раньше над Днепром шла узенькая пешеходная дорожка — от Подола вдоль Лавры. Большой дороги (Набережно-Крещатицкого шоссе — ред.) еще не было, ее только начинали устраивать, и отец Агапит, тогда еще Михаил, работал на этом строительстве. Приходя на смену с раннего утра, он слышал вверху пение, а вечером и сам поднимался на службу. Ему здесь очень нравилось. Тогда наместником Лавры был архимандрит Кронид, и прихожанин у него спросил, можно ли определиться к ним на послушание. Наместник, в свою очередь, задал вопрос: “А какая у вас специальность?” Михаил говорит: “Я электрик”. Отец Кронид оживился: “Так электрики нам нужны. Сейчас прописать трудно, но попробуем”. В послевоенные годы делами прописки заведовал отец Евмений Хорольский, он потом стал архиереем, преставился в Житомире в 1967-м. И с Божьей помощью Михаила удалось прописать. Его приняли, и он много потрудился для Лавры. Отец Агапит дело свое знал отменно, был высококлассный специалист и всю проводку поменял в монастыре, углубив ее в стены. Но как он пел на клиросе! Голос у него был ангелоподобный, первый тенор. Царствие ему Небесное!

Руки он имел большие и сильные, у него один пальчик был как два. Как-то он рассказал мне об искушении, бывшем с ним еще до монастыря. Однажды ехали люди на телеге, запряженной коровой. Раньше же машин не было, они позже стали появляться. И вот ехали, а дорога плохая, прямо болото. Колеса засосало в грязь, воз остановился, коровка не в силах его вытащить. Простояли они так полдня. Что делать? На телеге женщина бедная сидит, плачет. “А я крепкий был, — сжал кулак отец Агапит, — и стал помогать. Напряг все силы и рванул телегу. Их вытащил, но хребет сорвал, калекой себя сделал. Нисколько не жалею, что помог той бедной женщине. Однако с той поры силы такой как раньше, уже нет — подорвал себя”. Ну а певчий он был исключительный. Любую ноту мог взять, и она аж до неба поднималась. Господь дал ему звонкий и чистый голос. Когда его возвели в священный сан, к нему потом приходили на исповедь монашечки из Покровского монастыря, и много других приезжало из разных весей. Ну а сам он у меня часто исповедовался.

После того как Лавру закрыли, отец Агапит пошел на улицу Пушкинскую в митрополию: служил там сторожем вместе с тремя

другими нашими лаврскими священниками. Экзархату были нужны сторожа, и Филарет (Денисенко) решил монахов поставить, которым платить не надо. А спустя несколько лет батюшка поселился в частном доме на Сырце, куда меня потом приглашал. Я у него не раз в гостях бывал. Как только Лавру открыли, он сразу сюда вернулся. Монастырь стал пополняться, но власть нас уже не трогала. А раньше только с трамвая сошел, уже на остановке стоит милиция или дружинники караулят: “Вы куда направляетесь?!” Из России очень много верующих к нашим общим святыням приезжало. Так соглядатаи их не пускали, чтоб не ночевали здесь, не молились Господу. Но Бог поругаем не бывает”.

Через пять лет после закрытия Лавры в жизни подвижника произошло нечто значительное, отсылавшее к пророчеству, полученному его бабушкой в XIX веке. Перст Божий перебрал события, как четку, соединив рабов Своих в прошлом и будущем в одну сотницу. В монастыре святой Троицы преподобный Иона за полвека вперед увидел духовными очами будущего схиигумена Агапита. А отец Агапит, в свою очередь, сподобился в той же обители послужить и оказать услугу преподобному Ионе спустя более полвека после его блаженной кончины. Произошло это при следующих скорбных обстоятельствах. В октябре 1966 года власти решили устроить в Троицком соборе монастыря, закрытом еще в 1934-м, музей ботаники. В связи с этим дали распоряжение перенести находящиеся в храме захоронения на городское кладбище. Не дождавшись представителей духовенства, вандалы-атеисты начали действовать сами. Могилы разграбили, взяв все, что могло представлять антикварную ценность. Нетленные же мощи преподобного Ионы обезглавили и оторванной головой святого стали прямо в храме играть в футбол. Оторвали преподобному и правую руку...

Схиигумен Агапит (тогда иеромонах Мартирий) в те дни участвовал в перенесении поруганных мощей, о чем сам позже рассказывал родным: “Когда кощунники выкинули гроб преподобного Ионы из храма, то я сподобился одевать мощи святого угодника Божиего и участвовать в их перезахоронении”. Тогда же, отгребая ногами застилавшую путь осеннюю листву, он наткнулся на нетленную руку и сразу понял, что она от мощей. Обретенную отцом Агапитом десницу подвязали к телу преподобного священническими поручами. Затем мощи подвижника перезахоронили на Зверинецком городском кладбище. Так через десятилетия духовно поклонились друг другу два Божиих избранника.

Несколько лет после закрытия Лавры отец Агапит служил настоятелем храма в честь великомученицы Параскевы Пятницы в селе Литвиновка Вышгородского района Киевской области. Там он отреставрировал старинную церковь, возведенную в 19 веке.

Архимандрит Киево-Печерской Лавры Антоний (Новицкий) запомнил слова батюшки о времени после разорения монастыря: “Вышли мы с мешочками наверх. Куда идти Бог весть. Нет ни кола ни двора”. Пошли они к прихожанке Лавры рабе Божией Анастасии на улицу Обсерваторную. А потом во Владимирском соборе обретались. Там есть по две комнатки с каждой стороны наверху. В одной из них спевка всегда проходила, располагалась небольшая церковная библиотека, машинка швейная стояла, я на ней еще и шил. А с другой стороны Киевский митрополит Иоанн (Соколов) устроил пять небольших келий, чтоб в каждой кровать стала. И там жили наши отцы Агапит, Антоний и Софроний. Последний еще ездил на Кавказ.

А отцу Агапиту потом дали комнатку в митрополии, он там следил во дворе за порядком и ходил копать колодцы людям, чтоб добыть на пропитание. У него на ногах образовались страшные раны от трудов. Затем он служил в селе Литвиновка под Киевом. У него была келейка на втором этаже, и он говорил: “Я на хорах”. Он в ней молился, сидел читал акафист. Старец Агапит молодец, ревнитель, он оставался в Лавре с первого дня, как пришел, до своего преставления в семьдесят два года”.

2 мая 1983 года во Владимирском соборе Киева отец Агапит был возведен в сан игумена. Добросердечный батюшка в меру всех своих сил продолжал и дальше помогать людям. Особенно любил и сострадал бедным, потому что сам в детстве был беден. За эту утаенную от чужих глаз любовь к скорбящим и немощным Господь наделил подвижника благодатными дарами. Видно, его слезные

молитвы с умилением принимались у Престола Божия и скоро были услышаны. Прихожанка Киево-Печерской Лавры раба Божия Надежда поделилась историей из своей жизни, свидетельствующей о благодатной помощи старца еще до закрытия Лавры: “У меня на руках было двое детей, когда в трудные советские годы, обстоятельства сложились так, что нам оказалось негде жить. Нельзя передать состояние растерянности и страха, когда не знаешь, где сегодня будешь ночевать с двумя крохами. Приду в одно место — меня выгоняют, пойду в другое — там тоже сердятся, что не положено нам здесь с детьми находиться. Я уже отчаялась, не знала, что делать. Ходила по Лавре, призывала на помощь Богородицу. И тут мне одни люди из старых прихожан, которые нас прежде запомнили, посоветовали подойти к отцу Агапиту (в то время Мартирию — ред.). Говорят, он очень добрый и определит, где нам ночевать. “Да как же я к нему подойду? — растерялась я. — Ведь он меня не знает совсем”. Меня подбодрили: “Да просто подойди и все — он сам простой”.

Сразу направилась к его келии, дорогу к которой мне указали, а тут он как раз идет навстречу. Я упала перед ним и заплакала: “Батюшка, у меня двое деток и мне негде ночевать. И жить негде. Как мне быть?” Он помог подняться, помолчал, молясь. Потом говорит: “Ну ладно. Придешь завтра”. Я еле дождалась следующего дня и, уповая на милость Божию, поспешила в Лавру. Снова он меня возле келии встретил, будто ждал. “Знаешь что? — посмотрел на меня внимательно. — На тебе вот эти деньги и езжай в село (сказал название). Зайдешь в третью хату под соломой от начала улицы. Но ничего, что под соломой — тебе там хорошо будет жить. Хозяева будут просить большую цену, а ты говори, что у меня есть вот столько. Они согласятся и отдадут тебе эту хатенку”. Я в радости и удивлении поблагодарила, взяла сверток и поехала, куда благословил батюшка.

Все было точно, как он сказал: третья хата под соломой, да и оконца небольшие. Я перекрестилась, зашла и заговорила с хозяевами. Прошу: “За такую цену отдадите?” Хозяин поторговался и согласился. Там и вправду было хорошо, детям особенно. Пожила-пожила, хорошо-то хорошо, да голодно. Набралась смелости, опять пошла в Лавру к своему ходатаю. Нашла его и говорю: “Отченька дорогой, вашими молитвами у нас хатка есть. А вот кушаем скудно: ни коровки, ни молочка”. Он заулыбался: “А тебе коровку хочется?” — “Ну как же, детки маленькие, надо чем-то кормить”. Он кивнул: “Приди ко мне через три дня”. Я приехала после

службы, он протягивает бумажный пакетик, перевязанный бечевкой, и говорит: “Иди в соседнее село, там во дворе рядом с выгоном продают телочку тельную и они тебе за эту сумму отдадут”. И на этот раз все было по его слову. Пошла и купила ту телочку, выкормила своих детей и подняла их на ноги. До сей поры благодарю Бога и Царицу Небесную за великую милость. Каких Они нам, грешным, старцев на помощь посылали!”

На первой неделе Великого поста 1988 года лаврского игумена постригли в схиму с именем Агапит. Просвещенный Духом и умудренный жизнью старец

продолжил свое служение Богу. Дар прозорливости отца Агапита не раз был явлен и в других обстоятельствах. Так, своим сестрам задолго до определенного Господом срока он предсказал: “Вы обе будете монахинями. А ты, Лена, (схимонахиня Митрофания †2018) доживешь свои дни и умрешь в моей келье”. Так все и произошло. Матушка Митрофания жила в последние годы в Преображенском скиту Лавры. Но вышло так, что почила она в келье схиигумена Агапита. “Когда Лавру закрыли, — подтверждает схимонахиня Досифея, — брат приобрел домик в частном секторе на Сырце. Один священник уезжал и отдал ему в рассрочку. В этом домике, в келье отца Агапита и преставилась в 90 лет схимница Митрофания. Мне же он тогда сказал: “А ты — нет, тебе не здесь отходить”.

Отец Агапит сам купил сестре постригальные одежды: клобук, рясу и подрясник. И говорит: “Вот, Лену постригут в этом”. Я расплакалась: “А меня? Так вы Лену больше любите?” Он обнял меня: “Глупенькая, да тебя постригут в моей одежде”. Истинно, меня постригли в его монашеской одежде. Подрясник отца Агапита, в котором меня постригали, и сейчас у меня хранится. Он многое провидел, таких случаев было немало.

А когда его монахи спрашивали: “Вы почему своих сестер не постригаете?” Он отвечал: “Чтобы они не возгордились. Как я умру, их сразу постригут”. Так и было — нас в начале 1992-го на Дальних пещерах у гроба преподобного Феодосия постриг схиархимандрит Феофил (Россоха).

Нас, правда, должен был постригать архимандрит Софроний (Шинкаренко), но его забрала скорая помощь. И когда мы услышали слова отца Феофила, что завтра постриг, поехали на кладбище к отцу Агапиту испросить его благословения. Поплакали, помолились, потом приехали в домик, где он жил. Написали две записочки, положили за икону Матери Божией и долго молились... Мы потом еще год прожили в Лавре, готовили кушать Блаженнейшему Владимиру, трудились в лавках. А потом отец Феофил забрал нас в Китаево, когда его туда назначили.

Как-то уже после открытия Лавры, незадолго до своей смерти, отец Агапит крестил мужчину. Я тоже при этом присутствовала, была всему свидетельницей. Батюшка совершил чин крещения и вдруг сразу обратился к нему: “Отец Сергей!” Мы сильно изумились таким словам”. А вот как это запомнилось самому крещеному: “Старец Агапит видел своими духовными очами многое наперед. Это проявилось и в моей судьбе. Именно он увидел, что я, хотя и ходил в церковь, молился, однако не был крещеным. Господь ему это открыл. 23 февраля 1991 года батюшка совершил надо мною Таинство крещения, после чего сказал: “Отец Сергей, помни, где ты крестился и кто тебя крестил. Ты у меня первый и последний младенец”. Я был очень удивлен, почему он меня назвал отцом Сергием и почему я последний. Вскоре все выяснилось”.

Неслышно всплеснув руками, матушка Досифея вернулась в тот день: “Батюшка, да какой я отец Сергей? Я преподаватель музыки в школе, — от неожиданности возразил крещеный”. Но отец Агапит еще раз повторил ему, что он священник. И вот 23 февраля он его окрестил, а 21 марта преставился. Преподаватель же этот пришел в свою школу, а ему говорят: “Вы у нас больше работать не будете. Вы детей учите не тому чему надо, водите их в Лавру, не музыку преподаете, а веру, поэтому мы вас убираем”. А он, действительно, на уроках возил их за свои деньги в соборы и храмы. Вышел изгнанник на улицу. Стоит, задумавшись, как ему дальше быть. И тут видит перед собой объявление: “Трехмесячные курсы для священников”. Сергей пошел туда, окончил эти курсы, его рукоположили во священника и благословили служить в Нещеров под Обуховым, где он жил. Так он вскоре стал отцом Сергием. А когда

потом окончил духовную семинарию и отбыл в Дивеево, за ним пол-Нещерова туда поехало. Выкупили они под Дивеевым полсела и сейчас там спасаются. Через время протоиерей отправился на Афон, где его постригли в схиму — сейчас он схиархимандрит Серафим”.

При всем своем сострадании к ближнему и стремлении помочь, старец Агапит скрывал свои дары и был немногословным. Когда отношение к вере стало меняться, к нему приходили журналисты и просили рассказать, как они жили в монастыре. Но он ответил: “Бог все знает”. Закрыв калитку, повернулся и ушел — никому о себе ничего не рассказывал. В домике на Сырце в его келье в красном углу стояли иконы, был аналойчик и престол, на котором он служил литургию. “Сколько он там крестил и постригал! — умиляется матушка Досифея — У него было много духовных чад в Москве и вообще в России, которые приезжали на поклонение в Лавру и исповедаться у духовного отца. Все они его держались и дальше. Немало из их он постриг в монахи. Когда в Москве сообщили, что умер старец Агапит, многие из его чад прибыли на похороны. В Золотоношском монастыре раньше тоже до половины насельниц им были пострижены в монашество”.

Бог весть сколько милостей для ближних испросил старец за свою жизнь, но еще один случай его участия в судьбе нуждающихся открылся вскоре после его блаженной кончины. “На сороковой день по преставлении отца Агапита мы с сестрой поехали к нему на кладбище, — поделилась сокровенным матушка Досифея. — Подходим и видим, что возле его могилы навзрыд плачет незнакомая женщина. Прямо упала и заливается слезами. Мы подошли к ней в некотором недоумении. Спрашиваю: “Кто вы? Родственница?” Она всхлипывает: “Нет, но он мне больше, чем родственник!” Немного успокоившись, эта раба Божия рассказала нам удивительную историю: “Несколько месяцев назад я попала в очень затруднительные обстоятельства. Они все усугублялись, а помощи ждать было не от кого. Уже не могла справиться с унынием и приехала в Лавру просить святых. А мне говорят, что тут есть такой добрый батюшка схиигумен Агапит, и к нему люди идут. Думаю, они идут, и я пойду. Направилась на Дальние пещеры, рядом с которыми он жил. Смотрю, возле его кельи стоят люди, ждут. Тут он подошел и зовет: “Заходите”. Все зашли, и я за ними следом, хоть и непрошенная. Батюшка начал молиться, и все люди вместе с ним. Я в уголочке тоже, как могла, повторяла за ними. Долго молились, потом он стал всех благословлять. Каждый подходит, берет бла-

гословение, и, смотрю, перед выходом кладут деньги: кто рубль, кто три, кто пять. Эти деньги на столе так и лежат. А у меня ни копейки нет. Думаю, зашла, не зная, каков порядок, а как же мне теперь выйти?

Все уже ушли, а я как онемела: сижу и ковыряюсь в сумке. Он подошел, взял меня за голову и спрашивает: “Лидия (хотя он не знал моего имени), что ж ты там роешься? Там ничего нет”. Потом подошел к столу, взял в охапку оставленные деньги, бросил мне их в сумку и говорит: “Вот теперь у тебя будут деньги. И не только сейчас — а всегда”. Я была в таком потрясении от всего, что не могла подняться. Только дрожу и плачу. Отец Агапит меня поднял, перекрестил, поцеловал и говорит: “Иди с Богом”. Его молитвами ситуация моя благополучно и скоро разрешилась. И сейчас я приехала поблагодарить своего избавителя. Уже на кладбище”. А вы сами откуда? — спросили мы, будучи очень взволнованы услышанным. “Из Запорожья”. Старец всей жизнью своей оправдал имя, с которым предстал пред Господом, ибо “Αγάπη” — это “любовь”.

Архимандрита Софрония (Шинкаренко), наместника Спасо-Преображенского монастыря в Княжичах и одного из старейших братий Лавры со старцем Агапитом связывали четыре десятка лет близкой духовной дружбы и разделенные труднейшие испытания, выпавшие на их долю. Батюшка с воодушевлением вспоминает о своем собрате и сослуживце: “Отец Агапит был певец и чтец первого класса, великий клиросный! Его голос ни с чьим не сравниться — он был необыкновенным. Когда его слышал, думалось, что он поет не своим голосом — а ангельским гласом. Основное послушание он нес на клиросе. Мы вместе подвизались в монастыре от первого дня до последнего.

Когда Лавру закрыли, некоторые иконы из монастыря свезли в Бабий Яр, чтобы там уничтожить. Хотели туда вывезти и мощи преподобных. Но Господь не допустил: через три дня после закрытия обители селевым потоком затопило Куреневку и Подол. Я тогда только пришел из монастыря, и вот помню, мама вернулась с работы и говорит, что беда случилась: прорвало дамбу на Куреневке. Там живьем затопило тысячи людей! Мертвых собирали и свозили на Байковое кладбище, где горой лежали тела захлебнувшихся в грязи. Когда эта страшная темная лавина хлынула в сторону Кирилловской церкви из Бабьего Яра, то люди видели, как потоком подняло и несло поверх него выброшенные здесь иконы. Рассказывая потом о произошедшем, они сильно ужасались и говорили, что с трудом верили своим глазам — образ Бого-

родицы “шел” сверху несущегося вала. Это было явное и страшное наказание Божие. Если бы не тронули Лавру, наверное, ничего бы не случилось. Возмущенные произволом властей, верующие говорили, что за такое злодеяние ждет великое наказание. Как предсказывали, так и получилось...

Прошло время, и отец Агапит потом поселился на Сырце. В схиму я его постригал, когда монастырь еще был закрыт. На постриге присутствовали наши отцы Пафнутий, Руф, Павел, Авракий. Схимник наш был святой жизни старец. Мы с ним были неразлучны. Когда моя мама была больна, он причащал ее, маслособоровал. Как-то за несколько лет до ее смерти он сказал: “Ну, Параскева, будем с тобой вместе лежать!” И действительно: мама умерла, похоронили ее на Лесном кладбище, на участке Флоровского монастыря. А потом, когда спустя годы почил отец Агапит, и в недавно открытой Лавре не могли определиться, где найти место для могилы, я попросил матушку игуменью похоронить его в оградке рядом с мамой. Она разрешила. Вот так исполнились его слова. Сила его молитвы была великая, он многих исцелял и помогал. Люди и сейчас приходят на его могилку на Лесное кладбище, просят помощи. И мы, братия, ходим к нему, панихиду служим, приезжаем почтить старца на память преподобного Агапита, в честь которого он принял схиму”.

Как только в 1988 году открыли Лавру, отец Агапит вернулся в родную обитель одним из первых. Он сразу начал учить молодежь, только пришедшую в монастырь, искусству пения на клиросе. Как схимник, батюшка выполнял послушание киотного в Крестовоздвиженском храме: после Божественной литургии, как правило, стоял у чудотворной иконы Успения Божией Матери. К иконе подходили люди и, приложившись к ней, просили у него благословения.

Незабываемо то первое время для его учеников. Вспоминая о нем, архимандрит Поликарп (Линенко), уставщик Киево-Печерской Лавры, с теплой улыбкой будто всматривается в те дни: “Отец Агапит показывал нам образец высококлассного пения. У него была очень интересная манера — старинная. Будучи пожилым человеком, он имел крепкий, высоченный, светлый и звонкий, как колокольчик, голос. В нем ощущалась такая сила! Хотя старец был уже немощным, сидел за клиросом в Аннозачатьевском храме, а во время пения поднимался. Он и канонаршил, запевал предначинательный псалом “Блажен муж”. На праздники на клиросе собиралось побольше народу, приходили и мирские профессионалы. Но отец Агапит очень эффектно выделялся даже на их

уровне. Он вносил настоящий лаврский колорит. Как это описать словами? Лаврское пение всегда торжественное, звучное, взмывающее в Небо — это победная песнь. И отец Агапит эту победоносность нам показывал. Он вернулся в свою родную обитель, жил в ней и учил нас личным примером: хотите — смотрите, усваивайте. Батюшка всегда приходил на клирос в бодром настроении, показывая тем пример, что можно жить без уныния. Это дорогого стоит. Ведь он уже пришел в Лавру на костылях”.

Архиепископ Обуховский Иона (Черепанов), наместник Троицкого Ионинского монастыря, тоже знал батюшку с первых дней своего послушничества в открывшейся Лавре: “Схиигумен Агапит в последний период своей жизни нес удивительный подвиг: у него был несросшийся перелом шейки бедра, но с этим переломом он каждый день на костылях ходил на службу. Мы, молодые послушники, особо не вникали: на костылях, да и на костылях. И только после его смерти старые монахи рассказали, что это была за болезнь. Кто с этим сталкивался, знает, что каждое движение причиняет боль, потому что двигаются несросшиеся кости. Но при этом никогда ни малейшей гримасы уныния и, тем более, никакого раздражения от отца Агапита мы не видели”. При всей своей доброте старец мог и вразумить, когда это требовалось. “Помню, отпостились мы первую седмицу Великого поста 1989 года, — рассказывает отец Поликарп. — Это был для нас первый пост, и мы, такие строгие постники, почти ничего не кушали. В воскресенье в праздник Торжества Православия служится литургия Василия Великого. У меня такого больше никогда не было — рот открываю, а звука нет. Нет сил выдать звук. Так отец Агапит прямо на клиросе ругал нас на весь храм и стучал костылем: “Разве ж можно клиросным так поститься?! У вас же основное послушание — пение. И старцы лаврские нас так учили!” Когда батюшка в Лавру пришел, то старые монахи ему говорили: “Пой на клиросе. Тех, кто поет на клиросе, Матерь Божия особенно любит и покрывает”. Мне достался Часослов, подписанный рукой отца Агапита в день его пострига в Лавре. Храню его как память о старце (все приведенные выше даты пострига в монашество, схиму и рукоположений публикуются согласно личной записи схиигумена в названном Часослове — ред.).

Невозможно выразить то, что пережили и перестрадали в своей жизни прежние братия, особенно, когда их изгнали из Лавры. То, что они в тех условиях сохранили образ монашеский и человеческий, — это подвиг. Надо крепко молиться Богу и верить в Него,

чтобы остаться таким благодушным и любвеобильным человеком, каким был отец Агапит.

Он жил на Дальних пещерах в 51 корпусе возле Аннозачатьевского храма, а службы были на Ближних в Крестовоздвиженском. И вот перед глазами стоит такая картина: схимник после службы идет по галерее на своих костылях, еле передвигается. За ним шествует толпа народа, что-то спрашивает у него, а батюшка отвечает. Братия за это время уже и на обед сходит и вернется. А он все идет — с людьми.

Великим постом 1991 года, накануне Марииного стояния, в среду утром служился акафист Успению Божией Матери. После акафиста — литургия Преждеосвященных даров с пением двадцати четырех стихир. Все это старец спел, но на литургию не остался. Вижу, он сползает с клироса, и вдогонку ему говорю: “Батюшка, вы ж на вечернюю приходите канон петь”. Он обернулся назад, посмотрел на меня значительно: “Приду-приду”. И уже не пришел. На следующий день к нему зашла медсестра, которая его лечила, а он уже отошел ко Господу. Руки скрещены на груди, в левой руке длинные четки. Я это запомнил — как старец прямо с клироса ушел к Богу”.

По словам сестры-схимницы, последние годы отец Агапит все время молил: “Господи, открой Лавру, чтобы я в ней умер!” Бог исполнил его прошение. “Он был первым, кого братия отпевала монашеским чином, — заверяет лаврский уставщик. — На монашеском отпевании вместо канона поются антифоны всех восьми гласов, которые обычно входят в воскресную службу. “Возвратися душе моя в покой твой, яко Господь благодетельствова тя. Благоугожду пред Господом во стране живых” (Пс.114:6,8).

Эти слова псалмопевца, сорок лет лившиеся из уст схиигумена Агапита с клироса, стали его бытностью — отныне он во стране живых благоугождает Святой Троице, молясь за нас на Вечной Родине, к которой он взошел своим узким крестным путем.

Воспоминания архимандрита Аврамия (Куявы), духовника Киево-Печерской Лавры

Господь каждого ведет к Себе своею дорогой, попуская пройти отмеренные испытания. Начало пути архимандрита Аврамия, духовника Киево-Печерской Лавры, выпало на пору власти тьмы и военные годы со всеми скорбями и тяготами самой страшной войны в истории человечества. Но Господь сохранил будущего инока для того, чтобы он послужил Его Церкви. 65 лет назад Адам Куява, будущий отец Аврамий, пришел в Лавру и был принят в число братии монастыря. Свои первые послушания он нес в послевоенное время — один из самых сложных периодов в истории Лавры и Церкви в целом. Израненная и оскверненная изуверами-богоборцами святыня только начинала оживать и подниматься из руин после двадцати лет запустения. Но в утешение верным, пережившим невиданное дотоле кровопролитие, в возрожденной Лавре изобиловала благодать, почившая на старцах Божиих. Отец Аврамий застал то поколение печерских старцев, которое было призвано еще до революции и сохранило живую традицию духовного преемства из глубины веков. Он усвоил их дух, ревность по Бозе, твердость в вере, простоту и христианскую любовь. Ими дышит слово батюшки, отражая этот тихий свет в сумерках нынешнего дня.

Когда началась Великая Отечественная, я был в допризывниках, а через время мой год уже брали на войну. Наше село Борки на 350 дворов, откуда я родом, недалеко от Белоруссии, поэтому когда меня мобилизовали, довели до Бреста. Потом переправили в авиаполк в Запорожье. До 1945-го служил в авиационных войсках: обслуживал самолеты, дежурил, готовил взлетные площадки. Армия была всем обеспечена. Государство очень ценило летчиков и заботилось о них. Это была наша сила! Офицеры ходили по струнке, одетые зимой в кожаных, весной в кожанках из лайки — все у них было настоящее, высшего качества. Их хорошо кормили, давали в столовой белый хлеб, куличи. Город Запорожье — это был технический центр, там стояли войска.

Одно время я в армии возил хлеб из пекарни. Через день-два ездил туда в крытой повозке на паре лошадок, про машины понятия не было. Сзади будка, а ты впереди сидишь. Пекарня находилась километров за пять. Как-то приехал за хлебом и обратно с горы надо было спускаться, а почва рыхлая. Кони вдруг понесли, а сидение к будке было плохо приковано и оторвалось. Хлеб от-

крылся. Лошади летят вскачь, а я молюсь, Бога призываю. Боялся, чтобы по голове не ударило, но мне по ногам проехало — и я потерял сознание. Меня привезли в больницу, посмотрели: перелома не было, но ноги очень отекли, еле брюки стянули. Месяц лежал там и вернулся обратно.

Так я и служил в Запорожье до демобилизации. Тогда вера в армии преследовалась. Ну, идет солдат в воскресенье в увольнение — кто куда. А я — в собор, в церковь. Нашел я собор, пошел на службу. А на второй день меня вызывает замполит на ковер, часа на полтора. И давай меня песочить: “Кто тебя воспитывал? Какие у тебя идеологические взгляды?” И тому подобное. Говорю: “Я верующий, и вся семья у нас верующая. У нас до советской власти в селе не было ни одного неверующего”. — “Ну, иди, я тебя еще вызову”. А после этого меня так стали уважать, дали хорошую характеристику, когда уходил из армии, так что можно было сразу директором устроиться. Оказывается, офицер был верующим, и офицерские жены в церковь ходили.

Там была еще другая старинная церковь из красного кирпича на улице Грязнова, и они меня спрашивают: “Вы хотите в ту церковь пойти?” — “Хочу”, — говорю. Они меня повели, как раз был воскресный день. Я стоял на службе в военной форме. А хочу причаститься. Но куда же шапку со звездой девать? И вот один из рядом стоящих сам предложил: “Давайте, я подержу”. Я пошел, причастился. Возвращаюсь. А он смотрит-смотрит на меня: “Вы сможете ко мне в следующее воскресенье прийти в гости?” Отвечаю: “Чего ж, смогу”.

Так вот у него собирались монашки, духовных книг была уйма, пели псалмы и песнопения духовные. И я попал в этот духовный очаг. Мне там дали книгу о Серафиме Саровском, и я ее читал на посту. Однажды зашел лейтенант и стал возле меня, но ничего мне не сказал, он тоже оказался верующим. А с Николаем, который держал в то воскресенье мне фуражку, мы не теряли духовной дружбы. Он был чуть старше меня, тоже фронтовик. В то время он уже прислуживал пономарем в церкви.

О монашестве я тогда еще не думал. Жил на квартире над Днепром. Потом встретил Николая, он и предложил: “Я тут знаю рядом пожилую женщину, хочу вас с ней познакомить, поговорите насчет жилья”. Ну, хорошо. На следующую неделю я пришел, и он меня познакомил с бабушкой Феодосией — маленькая такая, сгорбленная, так любила монашествующих! Она была из богатых людей, из помещиков, а в советское время работала слу-

жанкой. Богатых же забирали, выискивали их, она чудом осталась, Господь уберег. Где надо знали, какого она происхождения, знали, что молится, в церкви подпевает, Псалтирь читает. Все видели, выслеживали противников коммунизма. Вызвали ее как-то и спрашивают, что, мол, читаешь? Она говорит: “Да!” — “Ну!.. и читай!” Так я и остался у бабушки Феодосии, работал портным, пока в Киев не переехал.

Милостью Божией я поступил в Киево-Печерскую Лавру в 1953 году. Пришел в сентябре как раз на праздник преподобного Феодосия. Когда наши верующие из Запорожья собрались в паломничество, я с ними вместе в первый раз поехал в Киев. Посоветовал мне посетить святыню мой друг Николай (в постриге — Никон). Помню, три дня добирались из Запорожья на паровозе, который ехал небыстро, всюду останавливался, подбирал людей. Прибыл я в Лавру — и уже начинается всенощная ко преподобному Феодосию.

Когда Николай раньше посещал Лавру, то познакомился с отцом Герасимом. И когда мы приехали на праздник преподобного Феодосия, то он повел меня прямо к старцу. Игумен Герасим (Григорий Павлович Стешенко, 1878–1956 гг). тогда был духовником братии. Родом он был из Полтавской губернии. В молодости батюшка служил в Царской армии, а в те годы, когда я пришел, конечно, уже был старенький. Он также исполнял послушание записчика. Стояла такая небольшая будка, как у милиционера, там, где сейчас казаки сидят при въезде на Ближние пещеры. В ней были открыточки с лаврскими видами, маленькие иконочки, свечки, ладан, крестики, наборы для покойников. И в церкви еще один записной ящик. А больше ничего не разрешали, все было запрещено. Иконочки верующим — и то потихоньку из-под полы, маленькие, как карточки. А так чтоб настоящие иконы выложили в церковной лавке как сейчас — такого не разрешали, ничего не давали делать и продавать. Все серьезно, с проверкой приходили. После войны знаете, люди боялись, пережив столько всего. Кого выпустили из заключения, а кого еще держали. Гонимы же были.

И вот отец Герасим, который стал моим духовником, сидел в этой будке, принимал записки, а после исповедовал причастников. Вообще батюшка был духовником и исповедовал два монастыря: нас, Покровский и еще семинаристов. Каждый месяц его забирали на исповедь. К тому времени, как приехал в паломничество, я уже решил уйти в Лавру — в Киеве службы служатся, есть батюшки и монахи. Пришли мы с Николаем к отцу Герасиму проситься, а он мне говорит: “Почекай, я зараз закінчу, й підемо до мене в келію

обідати". Во время обеда я сообщил ему, что хотел бы поступить в монастырь, и спрашивал, мол, как здесь — трудно? Батюшка сказал, что надо идти к наместнику отцу Нестору.

Приходим мы с отцом Герасимом к будущему владыке: "Отец наместник, возьмите его в монастырь, он хороший мастер, все умеет шить!" А я работал тогда в мастерской. Наместник говорит: "Отец Герасим, я знаю, что вы плохого не посоветуете. Ну, Бог благословит!" А у отца Нестора через неделю-две была уже назначена архиерейская хиротония, и надо было готовить облачение.

Вот я его и пошил: саккос, омофор, все, что надо. Простенькое такое, не то, что в парче, в нем его и рукоположили. Царствия небесного владыке! Уже почти полвека как он упокоился.

Отец Мелетий, казначей, дал денег на дорогу. У меня запаса не было, хватило только в одну сторону приехать. Вернулся я на работу и сказал там, что поеду к себе домой на Волынь. У меня мама тогда болела. Рассчитался, приехал в Лавру, и меня здесь очень милостиво приняли. Так я и остался в монастыре. Милость Господня покрывала нас, лаврскую братию, везде. И до сегодня радоваться и не нарадоваться тем, что Господь хранит нас. Нет лучшего жития, чем монашеское.

Моего друга Николая Господь вскоре тоже в Лавру привел. И мы были здесь вместе до закрытия в 1961-м. Игумен Никон (Николай Илларионович Гаркушенко, 1915–1986 гг.) стал моим духовником после отца Герасима. Он потом и маму свою сюда забрал.

Келейники с наместником Лавры епископом Нестром (Тугаем). Адам Куява — по центру

После закрытия монастыря они жили под Киевом в Ирпене в хате, которую он мне завещал. Но она мне была не нужна, и я этот дом на троих человек отдал тому, кто в нем нуждался. Отец Никон похоронен на Зверинецком кладбище на Печерске.

В начале 1950-х братии в монастыре было около ста человек. Сюда после открытия обители в военные годы пришли монахи из Ионинского и других окрестных монастырей. Все сошлись в Лавру, потому что другие монастыри советская власть не позволила открыть. В послевоенные годы здесь были сильные старцы, к которым тянулись люди. Я еще застал отца Кукшу (Величко), большого угодника Божиего, известного духовника. Его позже перевели в Почаев. Но старец приезжал сюда в Лавру к преподобным, проводил. А последние годы он жил в Одессе в монастыре.

К Дамиану тоже приходило много людей. Он схимонах, чадо Ионы, и до Лавры подвизался в Ионинском монастыре. Старец жил в корпусе над Ближними пещерами, его келья располагалась на втором этаже. Летом он принимал народ на веранде, а в остальное время выходил к прихожанам в комнату, которая рядом с келией находилась. Вот это я хорошо помню. Отец Дамиан стоял возле иконы Успения Пресвятой Богородицы, когда ее опускали для поклонения. Послушание возле чудотворного образа несли два схимника — отец Дамиан и отец Парфений. Люди подходили и с благоговением прикладывались к иконочке.

Еще одним духовником и старцем был игумен Андрей (Мищенко), который, кроме того, имел послушание ризничего и вычитывал болящих. Он жил в корпусе над Ближними пещерами, это та комната, где мощи угодников просушивают, рядом с кельей, где я ныне, милостью Божией обретаюсь. Как-то он мне рассказывал, что у гроба преподобного Антония стал читать молитвы над больным. А тот как подскочит, как схватит крест, как кинет его — он и полетел. Отец Андрей ему приказывает: “Пойди и принеси! Зачем ты это сделал?” — “Батюшка, простите, это не я сделал, не знаю зачем”. Пошел поднял и положил на место. Похожие случаи у него не раз были.

После меня вскоре в Лавру пришли отцы Исаия (Коровай), Феофил (Россоха), Руф (Резвых), Мардарий (Данилов), он сам из Херсона, был духовным чадом владыки Варсонофия. Все мы молитвами преподобных Печерских духовно укреплялись в Лавре, черпая монашескую науку от своих старцев. Вместе со мной в Антониевых пещерах постригались монахи Руф, Захария и Исаия. Я был четвертым. Обычно постригали в Антониевом храме. С того

Архимандрит Авраамий (Куява) — слева и архимандрит Игорь (Воронков)

времени чин пострига никак не изменился до сего времени. А вот Лавра изменилась — благоуукрашается, реставрируется. Ремонты очень нужны. Ведь церковное благолепие — это уважение к святыне. А тогда жили скудно, все постройки ветшали, да и постоянный контроль ощущали.

На Дальних пещерах была богадельня, где доживали простые монахи — старинные. В богадельне прислуживала Надя, крупная, образованная женщина, она носила ведром еду и раздавала ее. Трапезная находилась там, где сейчас владыка наместник. За монастырем числилась еще Иоакимовская церковь, пятидесятый корпус, а остальные здания были отданы рабочим. Помню иеромонаха Анемподиста (Васильева), пещерона начальника — скромный такой, прямо образец. Он с отцом Дисидерием (Тимошенко) первым вернулся в Лавру во время войны и говорил, что в 1945 году здесь человек до десяти было, потому что ночью братию ловили и сажали в тюрьму. Хотя Патриарх договорился с властями, чтобы Церковь не трогали, но они внешне не трогали, а внутренне ковыряли. А при мне до ста человек Богородица собрала. Старшее поколение — все старцы, исповедники! Не было ни одного, который бы в тюрьме не сидел, только современные, которые молодыми пришли. Все поселили в заключение, кто умер, кто живой, пощады не было, так как клич был такой, что религия — это вред...

Помещений было мало, потому что в монастырских корпусах жили мирские, а братия теснились в комнате по двадцать человек. Паломники летом устраивались ночевать во дворе или в “мытарствах” на полу лежали как снопы (у стены с изображением мытарств при входе в Ближние пещеры — *ред.*). На преподобных Антония, Феодосия и Успение Богородицы приходило очень много людей, они останавливались по домам у верующих. Тогда многие спасались странноприимством, никаких гостиниц и в помине не было.

По обычаю всю ночь молились. Площадь перед храмом, которая сейчас под асфальтом, вся зеленела под травой, на ней сидели прихожане и паломники, пели псалмы и духовные песни. Каких они только знали! Среди них были и бродячие слепцы, как в старину, которые распевали разные духовные сказания. В город люди не имели привычки выходить, держались Лавры. Были небогаты, но имели крепкую веру и простоту. Да!.. И нужда была и любовь была.

Идешь по монастырю — и всюду поют псалмы, звучат прекрасные мужские голоса. Многие ездили в паломничества в По-

чаев, в другие монастыри и научились. И такие у них были спетые голоса — как на Небеси! И баритоны, и тенора — слушал бы и слушал! Закончат одно петь, другое начинают. Наш лаврский клирос тоже исключительно пел. В него входили опытные монахи. Архимандрит Никон (Белокобыльский) был знаменитый лаврский запевала. “Блажен муж” только начинает, уже душа трепещет... А сейчас кругом — новая техника, микрофоны-магнитофоны...

Я сначала был пономарем, потом долгое время служил ризничим, потому что старые монахи стали умирать, часть братии отослали в Балту, в Одессу, в Почаев, под конец тут оставалась горстка. Власть уже имела в планах закрыть Киево-Печерскую Лавру. А в Одессе — дача Патриарха, там фуникулер прямо в море спускался, хорошо так все устроили ...

После войны немного дали послабление в 45-м году. Правда, на короткое время. В целом же монахи были гонимы, многие сидели в тюрьмах. Почаев не был так подвержен гонениям, потому что там Запад рядом, они подальше от столицы. А те монастыри, которые недалеко от Киева, позакрывали. Поэтому в послевоенные годы у молодых не было такого рвения к монашеству, так как преследования и гонения не утихали, и люди боялись. Когда советская власть наших монахов разогнала, все поразъезжались кто куда. Одни на Кавказ, другие в Почаев. Больше всего гонений было в России. Там нанесли первые удары по Церкви, все закрыли, один Псково-Печерский монастырь остался. Я туда ездил — тоже хорошо.

В Почаеве, как ни пытались, сколько не нападали, но там такая сила была собрана — не смогли закрыть. Правда, много монахов разогнали, даже наместника архимандрита Севастьяна держали в органах. Он потом говорил, что его в один мешок завязали, а другим мешком с песком били, чтобы на них работал. Но он такой — говорит: “Хоть убейте, я не пойду на вас работать!” Тогда его сняли и в Одессу отправили. Он по специальности портной, а в Одессе наместник был на то время. И наместник Почаевской Лавры стал работать портным. Сильно сдерживало власти то, что Запад и Рим говорили о коммунистах, передавали по радио, что Почаевскую Лавру гонят, забрали наместника, монаха, посадили в тюрьму, били его. Об этом объявляли по всему миру каждый день. Власти хотели все делать втайне, создавая впечатление якобы у нас тут свобода — а не получалось. Но эти гонения были попущением Божиим. Если тучи идут, рано или поздно будет гроза. Архидиакон Феодор, из старых монахов, как-то сказал: “Читали газету? Во Франции в эту

ночь коммунисты убили триста священников. Раз там такое происходит, значит и к нам скоро дойдет”.

В 1961 году власти устроили провокацию, чтобы закрыть Лавру. Пришел такой себе чекист, его специально послали, вроде фотокор, и стал снимать кругом. Владыка Нестор говорит одному из братьев: “Запрети, чтобы они тут не снимали, ходят всякие сведения собирают”. И вот наш монах Павел и двое других — Игорь и Руф — подошли, взяли этого засланного под руки так, что у него пуговицы поотрывались — и на выход. Он сейчас же позвонил, и когда приехала сюда машина с милицией, кричит: “Бандиты, побили!” Их арестовали и забрали: отцам Павлу и Руфу дали по пять лет, а Игорю — три года.

После закрытия Лавры я с Божией помощью остался в Киеве и сначала пошел работать кочегаром. Через год устроился в организацию, которая занималась выращиваем цветов. Потом, когда гонения на верующих немного утихли, служил на Демиевке, ходил во Владимирский собор. В штате Вознесенского храма на Демиевке не состоял, но на службах вынимал частицы из просфор и читал поминальные записки. В Лавру приходил и после закрытия. К мощам прикладываться не разрешали, но я умудрялся приложиться. Чугунный пол специально смазывали маслом для того, чтобы никто не становился на колени. Было большое сожаление, горе с плачем...

Современные монахи от старых отличаются тем, что прежние имели большой дух и крепость телесную. Как говорит святитель Игнатий Брянчанинов и многие святые, отцы того времени обладали большой силою духа и силою телесною, потому они имели и подвиг, и молитву, и все. А теперь уже идет ослабление в мирском быту, а монахи же не падают с неба, из мира приходят. Мир слабый — и монахи слабые, вот так и ослабевает дух. Кроме того, нет еще твердой дисциплины, послушания. Раньше ведь монах не имел права без благословения сделать лишний шаг.

Я 1926 года рождения, мне сейчас 92. Все уже из моего поколения умерли, последним был протоиерей Мефодий Финкевич, известный проповедник, который учился у нас в Киевской Духовной семинарии. Он не захотел монашества, но и в священстве не женился, так остался. Когда Лавру закрыли, его митрополит Филарет забрал к себе, так как отец Мефодий очень красиво писал: выразительно, будто печатал. Он окончил Духовную Академию в Москве, служил во Владимирском соборе, потом много лет настоятелем храма на Демиевке. Отметив пятьдесят лет священства, батюшка получил пенсию, и сразу стал собираться в монастырь. Лучше бы

раньше — всему свое время. Отец Мефодий поехал в Почаев, но там долго не прожил, года два только и быстро отошел. Всю жизнь он проходил с короткой бородой, потому что время такое было, что приходилось скрываться, а борода всюду выдает. Ну а в Почаеве уже отрастил бороду. Ему предложили монашество, но он отказался, хотел остаться протоиереем. Батюшке выделили келью в новом гостиничном корпусе. На могиле отца Мефодия установили большой мраморный крест. Царствие Небесное!

Что сказать о традициях лаврского старчества? Давно, детка, уже не видать старчества. Раньше дух другой был. Все сокращается, особенно духовное. Раньше была любовь и простота. Поэтому и старчество было. А сейчас все новое и новшества. И его уже не возобновишь. Уже при Оптинских преподобных старчество начало убывать. О чем говорить... А старцы поддерживали людей! Прежде все по-простому было, а теперь мудрование: мол, лучше можно жить, давайте, чтоб было лучше, не так просто. И всему этому верят. А надо все испытывать: или так жить, или по-другому.

Господь извещает избранных Своих, что нам предстоит. Когда старец Дамиан помер, сюда поместили Полихрония (Дубровского), он стал тут жить, сюда к нему люди ходили, он им помогал. Полихроний — это раб Божий (потом преставился в Почаеве), и он делился со мной тем, что слышал от старцев: что будет война и кончится, что Лавру закроют, но потом откроют.

Был у нас слепец один, дежурил там, как к владыке идти. Слепой, но привился к Лавре, и его поставили на послушание, стоял с палкой, стерег. Он такой чуткий был и прозорливый, все помнил и рассказывал. Так вот он тоже сказал, что Лавру еще откроют. А внизу располагалась котельная, в которой работал молдаванин, топил там. Газа тогда не знали, сначала дровами топили, потом углем. И однажды я проходил на праздник возле котельной, а он мне навстречу: “Что я видел, батюшка! Полный двор котов! Что-то нехорошее грядет!” А Лавру уже начинали щипать, говорили, чтобы уезжали в Почаев, в Одессу, в Балту.

А другая раба Божия Галина Лукинична, которая жила на Дальних Пещерах в полуподвальном помещении и этим была довольна, еще и людей принимала, рассказывала, что видела в тонком сне. Заходит она в храм, как обычно, а на клиросе, где батюшки всегда находились — певчие-женщины и играет патефон. “Я со страхом прохожу дальше, — говорит, — вижу владыка Нестор сидит спиной к алтарю”. Она мне: “Батюшка, почему так? Что-то нехорошее!” А через год Лавру при нем и закрыли. Это уже были

В возрожденной Лавре. 1990-е годы

предзнаменования, что туча близко. Им главное было Церковь разрушить и разогнать людей, которые в храмы ходят.

Недавно где-то уже подписались, во Франции, или в другой европейской стране, что никакого Бога нет, никакой религии не надо, это, мол, все пустое... А если у соседа хата горит, то и нам нужно смотреть внимательно, быть начеку. Сейчас в мире есть два государства, как два полюса: Россия и Америка — все остальные смотрят, к кому пристать и на чью сторону перейти.

Дай Бог покаяния, дай Бог держаться Церкви и не опоздать. В любое время надо каяться как есть, чтобы не опоздать, потому что не знаем время, когда Господь призовет. Чем скорее начнем, тем лучше, потому что тогда человек будет больше подготовлен.

Останется часть верных, но сложно будет держаться Бога. Все эти документы и новшества связывают людей. Это должно очень настораживать. Хотя все написано в Евангелии и в Откровении, и все идет точно по написанному. Враг ставит сети на свое царство. Апостол пишет, что наступают страшные времена, лютые, когда христиане, верные Богу, будут объявлены врагами. Дай Господи, чтобы не испытать их, потому что сказано, будет очень тяжело и трудно. Потому что сатана сильно рассвирепеет, особенно на христиан, что не хотят его слушать и принимать его печати, и подвергнет их за это сильным гонениям.

Есть дореволюционное предсказание о том, что Господь в последние дни, когда придет антихрист, заберет Великую церковь Лавры на Небо. Вся Церковь у Божией Матери имеет цену. Лавра, конечно, особо. Но Церковь — это значит люди. Их поднимут на небо. Тех, которые останутся верными и не подвергнутся государственному влиянию, которое будет заставлять их принять свои установления. Достойных людей, которые не покорятся сатане, Господь заберет. Дай Господи, чтобы мы удостоились, и нас пожалела Божия Мать. Чтобы не презрели нас, потому что стыдно будет, не дай Бог. Поспешим принести покаяние, чтобы не опоздать...

Воспоминания архимандрита Софрония (Шинкаренко), наместника Спасо-Преображенского монастыря в Княжичах

Отец Софроний принадлежит к числу братии Киево-Печерской Лавры, которая начинала свой монашеский подвиг в стенах обители еще до ее закрытия в 1961 году. Он сподобился видеть, окормляться и получать духовные наставления от святых мужей, ныне прославленных преподобных Лаврентия Черниговского и Кукиши Одесского (Величко). При нем Лавру безбожные власти закрыли, при нем ее и открыли. Батюшка был казначеем Лавры и восприемником на постригах в первые, самые сложные, годы возобновления и обустройства монашеской жизни в древнем монастыре. В начале 1990-х годов отец Софроний, неся труды в возродившейся святыне, получил благословение приснопамятного Блаженнейшего митрополита Владимира (Сабодана) восстанавливать Спасо-Преображенский монастырь в Княжичах под Киевом. С тех пор он является наместником и духовником этой обители. Но часть души его нераздельно осталась в Лавре.

Умоих родителей были очень близкие духовные отношения с преподобным отцом Лаврентием Черниговским. Мои бабушка с дедушкой и родители жили на Черноговщине. Один раз они и меня с собой взяли к старцу, когда мне было девять лет. Это было в 1949 году. Я его тогда первый раз увидел и хорошо запомнил. Господь так дал, что каждое слово осталось в памяти. Батюшка благословил меня и все-все предсказал. Сказал, что я стану монахом и буду возрождать монастырь. Что доживу еще до последних времен, что Лавра уже долго не пробудет — закроют. А потом придет время, и она снова откроется. “И ты еще будешь свидетелем закрытия и открытия Лавры”, — такие слова сказал отец Лаврентий в тот знаменательный для меня день. “Ну, теперь мы уже больше не увидимся, а в Киеве появился угодник Божий, приехал старец из заключения, и будете к нему ходить”. Это все было сказано о преподобном Кукше, который уже вернулся из лагерей. Отец Лаврентий погладил меня по голове на прощанье. Сказал, что в другой раз приеду уже к нему на могилку. Все так и исполнилось. Отец Лаврентий почил в 1950 году в январе.

И вот действительно уже после смерти батюшки Лаврентия мы оказались в Киеве, в Киево-Печерской Лавре, у будущего преподобного Кукиши (Величко). Я еще совсем молодым был. Мы жили недалеко от Лавры, и я пешком бегал на службы, на полунощницу.

Самым главным был владыка Нестор — наместник. Прошло несколько времени, и отец Кукша спрашивает у него: “Владыка, благословите этому отроку Петру подрясник?” Он благословил. И отец Кукша надел на меня мой первый подрясник — отроческий, полотняный, который я потом еще много лет хранил. Батюшка в то время продавал свечи у входа в Ближние пещеры. А меня благословил идти на Дальние пещеры и молиться у мощей преподобного Софрония затворника. Иконку у окошка протирать. Так он мне предсказал мое будущее монашеское имя.

Был случай, когда я старца послушался, но запомнил это на всю жизнь. Мне очень нравились паровозы, их сила и скорость, сейчас они, конечно, уже отбыли свое. Я хотел стать машинистом и, окончив школу, думал идти учиться в железнодорожный институт. Но отец Кукша меня не благословил. Сказал: “Иди, учись кашу варить, паровозы и без тебя ходить будут”. Но я по молодости решил поступить по-своему и пошел сдавать экзамены. Однако по молитвам старца провалился. Прихожу к батюшке, а он мне с порога: “Петя, на Печерске на улице Киквидзе есть техникум пищевой промышленности, иди поступай туда”. Я понес туда документы, и меня без экзаменов приняли — аттестат имел хороший. Когда я потом оказался в Одессе, в Успенском монастыре, то там десять лет был на послушании повара. И здесь в Княжичах еще поваров учил, советы давал, трапеза готовится по рецептам еще старой Киево-Печерской Лавры. Все довольны.

Из прежних старцев я еще застал в Лавре схимонаха Дамиана. Он тоже меня благословил. К нему столько народа приходило, он очень многим помогал. Каждому скажет слово, которого ждут, многие даже получали исцеление по его молитвам. В скорбях людских в трудные послевоенные года принимал людей, утешал, молился, давал советы, исцелял. Сильный молитвенник был. В основном молился Иисусовой молитвой. Отец Дамиан был келейником преподобного Ионы, который Ионинский монастырь основал и которому несколько раз являлась Пресвятая Богородица. Он по-настоящему великой жизни был. Жил старец над Ближними пещерами. А потом его поселили в домик, где владыка Павел сейчас живет, тогда там были покои владыки Нестора. Отец Дамиан предсказывал еще при жизни: “Вы будете ко мне ходить на могилку, и я буду помогать”. И действительно, нет такого дня после его смерти, чтобы не приходили на могилку к отцу Дамиану, которого похоронили на Байковом кладбище. И я к нему приходил.

Много людей приходило за советом и молитвой к игумену Андрею (Мищенко), который похоронен в Красногорском монастыре в Золотоноше. Батюшку послали временно послужить в Красногорский монастырь, но он там поболел и преставился. Проворный такой был, часами служил молебны, вычитывал. Господь ему по молитвам многое открывал, что было полезно для помощи людям и их исправления. И он деятельно споспешествовал. Отец Дамиан был старшим, монах дореволюционного поколения, а отец Андрей несколько помоложе. Благодарю Бога, что жизнь моя была между такими старцами.

Люди чтити монахов, особенно старых. Бережно хранили установления. И хоть Лавру потом закрыли, но каждую среду там собирались люди и по старинной традиции, сохранившейся с давних времен, читали акафист Успению Божией Матери. В саду, возле колодца тут, и батюшки приходили, я тоже читал. И преподобному Агапиту врачу читали акафист. А Успению — неотложно.

Первым наместником Лавры после открытия во время войны был архимандрит Валерий (Устименко), за ним отец Кронид (Сакун), тоже архимандрит. В войну приехал владыка Пантелеимон (Рудык) и помогал, наставлял, они были под его благословением, им руководствовались. Тогда уже и из Выдубецкого и из Ионинского монастырей братия жили в Лавре. А когда отец Кронид отошел от дел, наместником стал владыка Нестор (Тугай), который был великий певчий, он с детства на клиросе в Лавре воспитывался.

Я подвизался на послушании пономаря у отца Софрония иеродиакона. Это мой близкий, он на Зверинецком кладбище похоронен. Еще из близких мне наших лаврских братьев были отец Моисей и отец Назарий, за которым я потом ухаживал. Во Владимирский собор никого не принимали служить, после того как братию разогнали, так они туда сторожами пошли, чтоб при храме быть. Отец Авраамий (Куява) был тогда келейником владыки Нестора. Он хорошие облачения шил, подрясники, рясы. У меня здесь есть подрясник тех времен, который он мне пошил. Еще из наших были отец Варлаам и отец Никон игумен. Он устроился в храме на Демиевке в охране. Царствие Небесное почившей братии!

Киево-Печерские старцы — это была великая Божия сила на земле. Молитвенники, самоотверженные подвижники, свет миру... Один преподобный Кукша чего стоит. Тогда было такое время, что всех, к кому был наплыв людей — а народ шел к старцам, — всех убирали. И отца Кукшу перевели из Киево-Печерской Лавры в Почаев. Наместником Почаевской Лавры был архимандрит

Севастьян, впоследствии епископ Кировоградский. Его заслуга в том, что он Почаевскую Лавру не сдал, удержал монастырь. Но отца Кукшу недолюбливал. Вызвали его как-то и говорят с усмешкой: “Мы тебя на дачу отправляем, так что будешь теперь у моря”. Он в ответ: “Благословите, отец наместник, только не забывайте, что и вы окажетесь на даче. Вы тут побудете, но мы потом тоже будем вас с хлебом и вином на даче встречать”. Так оно и получилось. Через какое-то время отца Севастьяна отправили в Одессу, в Успенский монастырь. Келью архимандриту выделили наверху, все обустроили. Мы с отцами Арсением и Виталием архиdiaконом этим занимались. Все уже преставились, Царствие Небесное!

Отец Кукша сказал отцу Виталию, чтобы он принес вина, сам взял хлеб, и когда архимандрит подъехал, они встретили его у монастырских ворот: “Вот, отец Севастьян, мы и вас на даче встречаем!” Хотя отец Севастьян недолюбливал Кукшу, но Кукша еще в Почаеве предрек ему: “Отец наместник, ты не будешь архиереем (а отец Севастьян уже настроился, у него и облачение было архиерейское пошито), пока не отслужишь по мне сорок парастасов. Только потом станешь архиереем”. Отец Севастьян, помню, нашумел на него за эти слова. Но все действительно сбылось. Когда батюшка Кукша умер в декабре 1964-го, отец Севастьян был в Одессе. И вскоре собирается Синод, на котором его дело должны рассматривать, но ничего не решается, откладывается...

Напоминаю ему: “Вам же Кукша предсказал, что надо отслужить сорок парастасов по нему!” Он хмуро свел брови, но начал служить. Двадцать отслужил — ничего. Подходит к сороковому — и вдруг на Синоде в Москве его назначают епископом Кировоградским. Великой жизни был преподобный Кукша! И великие дары от Бога сподобился получить, все прозревал. Он скорбел об архиереях последних времен, досадовал и говорил мне: “Посмотришь еще, сколько будет архиереев!” Потом еще раз сказал: “Митрополитов будет много, а толку мало. Преизбыточествуют попечения об имуществе, деньгах — все о суетном...” И действительно, сейчас множество новых кафедр открыли. А старец Кукша говорил, что такое множество не нужно. Прежде никогда не было так много владык, но был порядок. Так что то, что Кукша сказал по внушению Божию, — все исполняется.

Власти очень недовольствовались, что к отцу Кукше приезжает столько народа, и давили на владыку Бориса (Вика), митрополита Одесского и Херсонского, чтобы его куда-то убрать. И что сделали? Келия у батюшки была в корпусе возле Никольского храма. И отцу

Епифанию, в схиме — Иакову, был такой келейник у преподобного Кукши, приказывали, чтобы он закрывал старца, а потом через время открывал. Но людей чтоб к нему не пускал. Там круглосуточно дежурили. Старец как мученик был, за каждым его шагом следили. И когда отец Кукша умер в ночь с 24 на 25 декабря, то сразу ночью литургию отслужили и его похоронили, а на кладбище на воротах замок повесили, чтобы туда народ не приходил. Но люди все равно пробирались. Скорби старцев наших один Господь весть...

Из старцев великой жизни я еще сподобился хорошо знать прославленного ныне Амфилохия Почаевского. Это тоже мой близкий, я часто к нему в село, где он жил, заезжал, в Малую Иловицу. И, бывало, недели там проводил, помогал ему — людей было море. Говорю, что все, поеду в Почаев. А он: “Едь и назад вернешься”. Так и выходило. Он множеству людей помогал, на моих глазах исцеления проходили. И костоправом очень знающим был.

Я жил в родной Лавре до самого ее закрытия. 9 марта 1961 года на праздник Второго обретения честной главы Иоанна Предтечи была отслужена последняя литургия. В тот день почти вся братия причащалась, и я тоже. Не ведали, придется ли нам еще вернуться назад. Отец Софроний мне сказал: “Иди в алтарь, что можешь взять в карманы, — вынеси”. Вокруг храма и возле Лавры стояло оцепление милиции и дружинников. Мне братия поразсовывала в подрясник, что только помещалось. Царское кадило, кресты на престольные, святыньки. Выхожу, а навстречу знакомый сержант милиции, моих лет: “Что ты, Петро, еле идешь, шатаешься? Намолился, видать, наперед на все время?” Я мимо молча прошел, из Лавры сразу домой, там все достал и потом отдал отцу ризничному.

Что интересно, в Лавре никому не давали наград. Все иеромонахи. После закрытия обители все разошлись. Во Владимирском соборе служил митрополит Киевский Иоанн (Соколов), а владыка Нестор служил при нем. И вот братия, человек десять лаврских и я тоже среди них, пришли в собор. Владыка, увидев нас, даже заплакал: “Братия, никому наград мы не давали, но я вам всем благословляю великую схиму. Сейчас время такое тяжелое”. Владыку Нестора назначили потом на Черниговскую кафедру. Отец Валентин из лаврской братии, который после во Флоровском монастыре служил — творец молитвы Иисусовой, старенький такой, молчаливый — говорил: “Лавру еще откроют, мы в ней не все успели сделать. Господь даст еще время, и когда оно настанет, все

возобновится. Но Божия Матерь заберет всех нас к себе, и старых монахов почти никого не останется, когда ее откроют”. И в самом деле, незадолго перед открытием Лавры как стали братия умирать один за другим, один за другим: отец Софроний, отец Никон, отец Валентин...

Лаврский старец схиигумен Варлаам находился в Почаеве. Узнав радостную весть, что открыли Киево-Печерскую Лавру, он сказал, что вернется в родную обитель. Батюшка приехал ко мне, мы побеседовали, обговорили все. Он выбрал себе келью. Потом поехал за вещами в Чернигов, где жила его сестра-монахиня и откуда он родом. Собирался сразу вернуться в Лавру. В келью мы никого не поселяли, говорили, что старец поехал в Чернигов за вещами и скоро будет. А на третий день сообщают, что батюшка преставился. Богородица его забрала. Отца Варлаама похоронили в Почаеве на братском кладбище.

Помню такой эпизод в то время, когда я жил в Одессе. Патриархом тогда был Алексей I (Симанский), а владыка Пимен (Извеков) еще в сане митрополита. Я заведовал архиерейской гостиницей. И вот приехал сначала владыка Нестор с отцом Авраамием и отцом Мефодием (Финкевичем), который тоже был его келейником. А затем прибыл Патриарх. И когда владыка Нестор положил перед ним коврик-орлец, Святейший говорит: “Владыка Нестор, а где же твоя братия?..” С укоризной в голосе это сказал. Тогда все так было сделано, что Патриарх не знал истинную причину закрытия Лавры. Ему было лишь известно, что она закрыта на ремонт. Владыка заплакал и со слезами отвечает ему: “Простите, Ваше Святейшество!” После открытия монастыря мы потом вспоминали с отцом Авраамием, что Святейший укорил тогда. До закрытия Лавры в ней было сто человек братии. Все разошлись, и кто где дальнейшие годы служил: кто в Почаеве, кто в Одессе, как я, кто по домам пошел.

В Успенском монастыре в Одессе жил иеродьякон Назарий из Киево-Печерской Лавры. Он был из старших, и я за ним ухаживал. Помню, перед праздником преподобного Сергия Радонежского он говорит: “Отец Софроний, я завтра буду причащаться, почитай канончик”. После вечерней службы снова попросил: “Почитай “Ныне отпускаеши...” А отец Вадим ему: “Назарий, сам молись, что ты молодого заставляешь”. Тот сказал: “Благословите, батюшка”. И стал читать. Вся церковь и братия плакали: такие были проникновенные слова и с таким умилением, что невозможно пересказать. После причастия на ранней службе я привел батюшку назад в келью, а

сам побежал по послушанию. Он опять призвал к себе: “Отец Софроний, я уже прочитал канон на исход души, зажги свечку и попроси отца Малахия прочесть мне разрешительную молитву”. Пришел отец Малахия: “Назарий, что ты выдумываешь? Я не буду читать”. Другой батюшка, отец Алексей, послушался и прочитал молитву, а отец Назарий в это время взял параман, накрыл им свое лицо, сложил ручки и молвил: “В руце Твои, Господи, предаю дух мой. Матерь Божия, я Тебе, сколько мог, послужил, прости меня”. Мы к старцу: “Отец Назарий, что с вами?” Сняли параман, а он уже не дышит. Вот такие были монахи...

В Одесском Свято-Успенском монастыре я был десять лет, там меня постригал в монашество отец Малахия, духовный брат преподобного Лаврентия Черниговского. Потом в Красногорском монастыре в Золотоноше десять лет служил. Из Красногорского перевели в Княжичи, где в старое время был Преображенский монастырь, основанный еще преподобным Николой Святошей. Здесь я был настоятелем церкви десять лет. И уже отсюда меня вызвали в Лавру. Сообщил мне об этом игумен Игорь (Воронков), в схиме Иов. Из той, прежней, братии отца Игоря последним постригали в Лавре перед закрытием.

Киево-Печерским наместником сразу поставили архимандрита Ионафана (Елецких), а меня назначили казначеем и по хозяйству. Братии сначала было мало, но потом стала прибывать и прибывать. Мне как казначею дали легковую машину, поскольку много было забот: и больнице помогал, и братские корпуса, и семинарский корпус, где сейчас Академия, разобрав старый, стали новый строить. И не было чем заплатить рабочим. Они сказали, что дальше работать не будут. Я переговорил, продал эту легковую машину и заплатил им. И семинария была выстроенной, слава Богу!

Вернулся отец Руф, который в войну был военным летчиком. Мы с ним близкие такие были. Когда Лавру закрывали, его, отца Игоря и отца Павла, ставших на защиту монастыря, посадили в заключение. После окончания срока он вернулся из лагеря — и куда ему деться? Он пошел туалеты чистить внизу под Лаврой в подземном переходе. Я как-то зашел туда и вижу — отец Руф там. “А ты что здесь делаешь?” — удивился. Он говорит: “Работаю здесь”. Спустя годы ему дали комнатуху на Оболони, и мы потом с отцом Авраамием ходили ее освящать. Отец Руф, несмотря на то что окончил семинарию, жил и умер простым монахом, без сана — по своему смирению. Он был творцом молитвы Иисусовой, и

многие к нему ходили за духовным советом. Ему все предсказали старцы. Отец Дамиан говорил, еще когда Руф был мирским, что он умрет в Лавре монахом. Так и получилось. Его забрал в Лавру владыка Павел, и исповедник Божий почил в стенах родной обители. Великой жизни был монах! Когда мы созваниваемся с отцом Авраамием, он говорит: “Мы только вдвоем с тобой остались из старой братии: ты помоложе, я постарше”.

Было время звал меня к себе схиархимандрит Серафим (Соболев) тоже из наших лаврских, который построил на Троещине большой Свято-Троицкий храм. Но тут у нас тоже шла стройка, и я сказал ему: “Дострою, а потом приду к тебе”. А Серафим говорит: “Смотри, опоздаешь!” И действительно, я опоздал — отец Серафим умер в августе 2000 года. Он был дворянского рода, воевал на войне, защищал Киев. В бою его сильно контузило. Пришел домой, а после войны храмы строить не разрешали, так он поехал в Москву и добился: ему разрешили строить. В то время Троицкий храм на Троещине был единственный новопостроенный! Чтоб его возвести, старец продал свою квартиру в центре Киева, на Трехсвя-

тительской, в которой родился и жил потом в коморке при церкви. Хотел скит там устроить. Все вложил в строительство. Это его великая заслуга! Он был молитвенник, церковный композитор и иконописец, к нему на духовные беседы приходило столько духовенства! Праведной жизни был! В первое время в молодости отец Серафим был при Михайловском Златоверхом монастыре и Трехсвятительской церкви, пока их не взорвали, а потом к нам пришел. Я его еще в Лавру принимал.

Особенно мне врезался в память эпизод вскоре после того, как открыли Лавру. На праздник преподобного Антония нам, братьям из прежних, благословили послужить литургию в Аннозачатьевском храме. Мы пришли с отцом Пафнутием (Россохой), в схиме — Феофилом, и отцом Руфом в церковь готовиться. Тут подходит ко мне отец Руф и говорит: “Софроний, спрячь крест”. Я удивился. Смотрю, гости приехали из Почаева, паломники. И среди них стоит молодой иеромонах. Руф говорит: “Иди и возьми у него благословение, это отец Павел”. Спрашиваю: “А почему у него?” Руф посмотрел в глаза: “Он будет возобновлять Лавру, и монастырь возродится. Нас тут никого не будет, а при нем Лавра станет как в старое время, как до революции и даже лучше. В Трапезном храме позволят служить, Успенский собор заново восстановит, корпуса сделает — всю Лавру возродит! Но претерпит многие нападки и гонения”.

Я подумал-подумал, спрятал крест и подхожу к указанному батюшке: “Благословите, отче!” Он посмотрел на меня и спрашивает: “А вы кто?” Я глаза опустил: “Послушник, — говорю, — инок из лаврских”. Он постоял, потом перекрестил. “А сколько братии?” Я вкратце ему рассказал. Началась литургия. Меня первым поставили, отца Пафнутия с другой стороны. И отца Павла где-то посередине. Он с недоумением смотрел-смотрел на меня, потом по завершении службы подошел и говорит: “Вы обманщик, вы обманули меня! Вы же сказали, что вы монах. А вы священник!” Я развел руками: “Простите меня, отец, простите!” Так мы познакомились с будущим наместником Киево-Печерской Лавры, это была наша первая встреча с владыкой Павлом.

Меня тогда сильно поразило то, что отец Руф предсказал, какие будут события, когда еще никого и ничего не было. Ему Господь это открыл, и я благодарен своему духовному собрату, что он со мной поделился. И когда спустя несколько лет отец Павел появился в Лавре, я смотрел на него уже совсем другими глазами. И сейчас так же смотрю. Он действительно Богом посланный. Его сюда Бого-

родица поставила. Сейчас мы с Авраамием вспоминаем слова отца Руфа и видим, что все сбылось: владыка возобновил Лавру во всей красе, и Успенский собор, все храмы и корпуса. А главное, с Божией помощью возобновил монашескую жизнь. Лавра всегда славилась образцовыми службами, и сейчас такие же. Тут еще раз задумаешься о Промысле Божиим, о человеке. Мы можем свое замышлять и планировать. Но воля Божья над всеми нами была, есть и будет. Митрополит Павел воистину Богом данный владыка. Сколько он сейчас претерпевает — один Господь ведает. Я за него всегда молюсь. И за Лавру. Киево-Печерская Лавра велика и свята на земле и на Небесах. Избранный Удел Пресвятой Богородицы, Ее особое попечение.

Я старый монах, и знаю свое поколение. С новыми не навожу отношений, только молюсь за них. Ко мне приезжают несколько владык за советом и на исповедь, на праздники поздравляют. Наше дело — молитва. По всему видно, что последние времена приблизились: расколы, невзгоды, гонения на Церковь, войны, междоусобицы. Да и устройств таких лукавых, которыми сейчас всё опутано, люди никогда не знали. Война на Донбассе — страшная трагедия. Но те, кто дают нашей стране миллиарды, заинтересованы в войне. Что и говорить... Во многом мы сами виноваты. Поддержка Запада для Украины как сеть ловца. Если бы люди покались, Господь бы продержал еще. Дал бы время, неизвестно, конечно, сколько. Главное — быть со Христом, свято хранить веру, твердо стоять в Православии, как отцы наши стояли. Помогите нам Боже!

**ВЕЧНАЯ СЛАВА, ЧЕСТЬ И ПОКЛОНЕНИЕ ГОСПОДУ
НАШЕМУ ИИСУСУ ХРИСТУ!**

Ссылки:

1. Святой Нифонт Цареградский. “Достопамятные сказания о жизни и подвижничестве святых и блаженных отцов”. С. 148. Изд. 2-е, 1846 г.

2. Пс., 48:12.

3. Пс., 51:4.

4. “Житие иеросхимонаха Вассиана слепого (Балашевича)”, Типография КПЛ, 1856 г. Печатается с незначительными сокращениями.

5. Руга (от греч. *ρόγα* — “жалование”) — выплаты духовенству, “ружникам” в Русском государстве и Российской империи, выдаваемые обычно из государственной казны или из собственных средств крупного землевладельца. Руга первоначально означала отсыпной хлеб, выдававшийся духовенству вместо жалованья. В отличие от десятины, размер руги назначался совершенно произвольно.

6. Митрофорный протоиерей, настоятель Киево-Софийского кафедрального собора Иоанн Леванда (1734–1814 гг.) родился в Киеве в семье сапожника. В 1748 г. поступил в Киевскую Духовную Академию при поддержке местного священника И. Леванды, приняв его фамилию. Там вскоре обратил на себя внимание искусством составления и произнесения речей по разным случаям. Священствовал на Подоле и проявил себя как даровитейший проповедник, особенно во время постигшей Киев моровой язвы (чумы 1770 г.), когда за два месяца умерло на Подоле до шести тысяч человек и все население впало в уныние. В это тяжкое время Леванда явился утешителем народа, ободрял, укреплял, вразумлял, то указывая причину бедствия в грехах, то внушая не бояться смерти, ибо она приводит нас к Богу. За великий подвиг и за свои проповеднические труды Леванда был перемещен в Софийский кафедральный собор, где еще более усилил свою проповедническую деятельность. Его проповеди широко расходились в рукописях по всей России, некоторые из них публиковались в журналах, о них восторженно отзывались литературные деятели и известные писатели.

7. “Сказание о жизни и подвигах старца Киево-Печерской Лавры иеросхимника Парфения”, типография КПЛ, 1856 г. Печатается с незначительными сокращениями.

8. Родился Василий в 1790 г. В 1821–1851 гг. был настоятелем Белевской Введенской Жабинской пустыни в сане игумена. В 1855 году он прибыл на покой в Киев и в том же году скончался и погребен в Китаевской пустыни.

9. Проживал в то время в Лавре и другой великий старец, схимонах Михаил, также известный строгостью жизни и прозорливостью. Ныне он погребен в Больничном монастыре у северной стороны церкви,

против окон алтаря. На месте погребения лежит чугунная плита с нижеследующею надписью: “Здесь погребен Киево-Печерской Лавры схимонах Михаил Гриневич. Родился Сквирского повета в селе Каменная Гребля. Из светской жизни на сороковом году вступил в Лавру 1759 года; был послушником 10 лет, монахом — 26, схимонахом — 12,1/2 лет. Всего же от роду проживя 96,1/2 лет, волею Божиею скончался 1815 года декабря 23 дня. Сия доска устроена старанием дворянина Алексия Кардиноловского по согласию с женою Устиной”.

10. В 1930-е годы храм иконы Божией Матери Живоносный Источник был взорван и гробница святого разрушилась. В настоящее время его святые мощи находятся под спудом.

11. Во Флоровском монастыре подвизалась игумения Парфения (в миру Аполинария Александровна Адабаш). Матушка, бывшая настоятельницей обители в 1865–1881 гг., принадлежала знатному молдавскому роду. Она церковный писатель и поэт, ее пером составлена служба святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, а также биографический очерк о ее духовнике “Сказание о жизни и подвигах старца Киево-Печерской Лавры иеросхимника Парфения”.

12. “Иеромонах Алексей (Шепелев), старец-духовник Киево-Печерской Успенской Лавры”, “Свет Печерский”, 1918 г. Печатается с незначительными сокращениями.

13. “Великие русские старцы”, сборник, М., Ковчег, 1999 г.

14. Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир. “Жизнеописание схиархиепископа Антония (Абашидзе)”. ЖМП. — М., 2003. — № 11, с. 80–96.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же.

18. Протоиерей Василий Марущак. “Архиепископ Димитрий (в схиме Антоний (Абашидзе)”. Симферополь, Доля, 2005 г.

19. “Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в 20 столетии” Сост. Л. П. Рылкова, Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры: Феникс, 2008 г.

20. “Житие иже во святых преподобного и богоносного отца нашего Алексия Голосеевского, старца и подвижника Киево-Печерской Лавры”, журнал “Русский Паломник” Валаамского Общества Америки, № 8, 1993 г.

21. Архиепископ Леонтий Чилийский (Филиппович). “Материалы к жизнеописанию архипастыря гонимой Церкви Русской”, журнал “Православная жизнь” (Джорданвилль, США), март-май 1996 г.

22. Там же.

23. Там же.

24. Дело № 3651, архив “А” МГБ УССР, 1933 г.

25. Священник Глеб Помелов. “Киевские Пророчицы”, Киев, 2003 г.

26. Проф. Никодимов И. Н. “Воспоминание о Киево-Печерской Лавре (1918–1943)”, Типография Киево-Печерской Лавры, 1999 г.

27. Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир. “Жизнеописание схиархиепископа Антония (Абашидзе)”. ЖМП. — М., 2003. — № 11, с. 80–96.

28. Монахиня Сергия Клименко. “Минувшее разворачивает свиток...”, ЗАО “Православная инициатива”, 2005 г. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

29. По материалам издания “Преподобный Кукша Одесский: житие, чудеса, молитвы”, Свято-Успенский Патриарший Одесский мужской монастырь, 1995 г.

30. Дата рождения прп. Кукши (Величко) указана согласно документов государственного архива, Дело № 40488, архив КГБ, след. фонд, 1938 г. и Дело № 102424 НКВД УССР, 1938 г., удостоверенных личной подписью и показаниями схиигумена.

31. Иеросхимонах Мелхиседек (в миру Максим Дамианович Дмитриенко) родился в 1862 году в одном из сел Грайворонского уезда Курской губернии в крестьянской семье.

В 1884 году Максим прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, где 17 марта 1887 года был пострижен в рясофор с именем Мелетий.

Послушание проходил на Крумице, на монастырских виноградниках. Отец Мелхиседек был одарен Богом многочисленными добродетелями, которые засвидетельствованы многими насельниками Афона. Всеобщие были известны его прозорливость, дар предсказания и чудотворения. Дата смерти отца Мелхиседека не установлена, но, по всей видимости, он умер в больнице Руссика в конце 30-х годов (www.afonit.info).

32. Настоящие данные приводятся согласно слов самого преподобного по документам Дела № 40488, архив КГБ, след. фонд, 1938 г. и Дела № 102424 НКВД УССР, 1938 г., удостоверенных личной подписью и показаниями схиигумена Кукши (Величко).

33. Данные приводятся согласно документов Дела № 40488, архив КГБ, след. фонд, 1938 г. и Дела № 102424 НКВД УССР, 1938 г., удостоверенных личной подписью и показаниями схиигумена Кукши (Величко).

34. Схимонахиня Вера (Чмыхова, † 2016). “Воспоминания о жизни прп. Кукши и беседы с ним духовной дочери Маргариты”.

35. Там же.

36. “Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в 20 столетии” Л. П. Рылкова, Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры: Феникс, 2008, с. 135–138.

37. БД ПСТГУ Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в., http://www.pstbi.ru/bin/db.exe/no_dbpath/docum/cnt/ans/nm1/?...BE*

38. Татьяна Лазаренко. “Будьте смиренны и кротки. Схиархимандрит Феофил (Россоха)”, Киев, Алерта, 2017 г.

39. Жизнеописание матушки Алипии Голосеевской, <http://alipiya.kiev.ua/biography—saint—alipiya>

40. “Преподобный Лаврентий Черниговский. Житие, поучения, пророчества и акафист”, Типография Почаевской Лавры, 2001 г.

41. Татьяна Лазаренко. “Возверзи на Господа печаль твою”, <https://www.proza.ru/2010/07/26/317>

42. “Православные старицы XX века”, Сост. Светлана Девятова, М., Артос — Медиа, 2009 г.

43. <http://alipiya.kiev.ua>

44. <http://alexandrtrofimov.ru/?p=6655>

45. Татьяна Лазаренко. “Возверзи на Господа печаль твою”, <https://www.proza.ru/2010/07/26/317>

46. Архимандрит Агапит (Юрков) “Старец—схиигумен Амвросий”, <http://prepodobnii.org/amvrosij—simeon.html>

47. Татьяна Лазаренко. “Возверзи на Господа печаль твою”, <https://www.proza.ru/2010/07/26/317>

48. Послушник Н., “Плач о духовной жизни”, Киев, ГКУ, 2013 г.

49. Татьяна Лазаренко. “Будьте смиренны и кротки. Схиархимандрит Феофил (Россоха)”, Киев, Алерта, 2017 г.

50. Послушник Н. “Плач о духовной жизни”, 2 часть, Киев, ГКУ, 2013 г.

51. Отец Пиор (Ермошкин) родился в 1918 году и был крещен с именем Николай. Его мама Агриппина была глубоко верующим человеком и сына воспитывала в вере, но когда он вырос, то поддался духу времени. Окончил Казанский ветеринарный институт, работал главным ветврачом в Горьковской области, женился. Николай стал убежденным атеистом, но Агриппина молилась и скорбела о сыне. И Господь вразумил Николая по молитвам матери. Произошло это после войны во время Великого поста. Николай сильно обидел мать. Сел на диван, закурил. И вдруг... пол в комнате как будто провалился, и под ним разверзлась бездна. Дом наполнился страшными чудовищами, которые

схватили и поволокли его куда-то вниз. Здесь бесы начали предъявлять обвинения за всю предшествующую жизнь, вспоминая все грехи с самого детства. Так он, будучи живым, прошел через все мытарства, и ни на одном из них у него не нашлось добрых дел, которыми он мог бы оправдаться. Душа была в смертельном ужасе. Он кричал, прося свою мать простить его и помолиться. И вдруг, уже стоя на самом краю пропасти, он увидел, как где-то вверху появилось голубое расширяющееся облако, из которого он услышал голос: “По молитвам твоей матери!” В этот момент появился его Ангел Хранитель и вырвал душу из лап бесов. Ангел строго сказал ему, что он должен крепко верить в Бога и вернуться в Церковь.

Как рассказали ему, он был без сознания несколько дней, вел себя очень беспокойно, кричал. Врачи не смогли ему помочь. Очнулся он совершенно другим человеком. Исповедался, причастился, начал ходить в церковь. Жена смеялась над ним, добилась того, что мужа поместили в психиатрическую больницу. Потом развелась с ним. Мать благословила его идти в Киево-Печерскую Лавру. Сначала он был на послушании привратника, затем несколько лет трудился за свечным ящиком. Принял монашеский постриг с именем Пиор в честь преподобного Пиора затворника Печерского. Когда Лавру закрыли, иеродиакон Пиор жил в Шумерле в Чувашии 32 года. Множество людей со всей России приходили к нему, как к благодатному старцу, за советом и духовной помощью. Отошел старец Пиор ко Господу 28 ноября 1993 года. Проходя по мытарствам, будущий инок видел, как бесы изображали в карикатурном виде заседания правительства: голосовали, выносили решения, дрались в промежутках (как сейчас все видят по ТВ). Все это сопровождалось гримасами, воплями, издевательскими выкриками. Видел он, как по команде одного из князей тьмы бесы занимались половыми извращениями. Много увидел будущий старец подобного в бездне зла, откуда идут неустройства и распад, который заполняет сегодня умы и сердца людей и ведет страны и народы к катастрофе.

52. “Не сообразуйтесь веку сему. Жизнеописание архимандрита Спиридона (Лукича), в схиме — Дионисия. Письма. Воспоминания”, Издательский отдел Украинской Православной Церкви, Киев, 2016 г.

53. Сергей Герук, www.pravoslavie.ru/91515/

54. Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

Соль земли	3
Житие преподобного иеросхимонаха	
Вассиана Слепого (Балашевича)	7
Сказание о жизни и подвигах отца Киево-Печерской Лавры	
преподобного иеросхимонаха Парфения (Краснопевцева)	32
Житие преподобного иеромонаха Алексия (Шепелева)	51
Жизнеописание иеросхимонаха Николая (Цариковского)	75
Житие преподобноисповедника схиархиепископа	
Антония (Абашидзе)	83
Житие преподобного схиигумена Кукши (Величко)	100
Жизнеописание архимандрита Кронида (Сакуна)	120
Жизнеописание схимонаха Дамиана (Корнейчука)	127
Жизнеописание игумена Андрея (Мищенко)	135
Жизнеописание схиархимандрита Прохора (Дубровского)	147
Жизнеописание схиархимандрита Феодосия (Орлова)	155
Жизнеописание схиархимандрита Исаии (Коровая)	173
Жизнеописание схиархимандрита Феофила (Россохи)	188
Жизнеописание схиархидиакона Илариона (Дзюбанина)	208
Жизнеописание архимандрита Спиридона (Лукича, в схиме —	
Дионисия)	228
Жизнеописание монаха Руфа (Резвых)	244
Жизнеописание схиигумена Геронтия (Захарова)	257
Жизнеописание схиигумена Агапита (Кармаза)	273
Воспоминания архимандрита Аврамия (Куявы), ...	289
духовника Киево-Печерской Лавры	289
Воспоминания архимандрита Софрония (Шинкаренко), ...	302
наместника Спасо-Преображенского монастыря в Княжичах	302
Ссылки:	314

БАТЮШКИ СВЯТЫ

ДУХОВНИКИ И СТАРЦЫ
КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ
XIX–XXI веков

В книге использованы фото:
Архива Киево-Печерской Лавры,
<http://fotopaterik.org>
иеромонаха Симона (Новикова) — Киево-Печерская Лавра
С. Фрича, В. Грицюка, А Петренко, Ю. Демченко

На обложке изображены:
преподобный схиигумен Кукша (Величко),
схиигумен Агапит (Кармаз), схимонах Дамиан (Корнейчук)

Автор-составитель *Валентина Серикова*
Литературный редактор *Галина Божко*
Корректор *Наталья Романюк*
Технический редактор *Лариса Аленина*
Дизайн обложки, верстка *Вадима Булахова*

Видавництво «ГОРЛИЦЯ»
м. Київ, вул. Володимиро-Либідська, 16
e-mail: chudesa.21@gmail.com

Підписано до друку 22.04.2019.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Друк офсетний.
Папір офсетний. Ум. др. арк. 24,51.
Накл. 1000 пр. Зам. № 9-04-2301.

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Духоносные старцы Киево-Печерской Лавры
всегда были для православных отцами родными.
Они утирали слезы народа, когда перо истории
окунулось в кровь, начертав самые горестные
ее страницы в годы безбожия. Через их убогие кельи
прошли тысячи, через них Господь утешал
и давал силу выстоять.

Необыкновенные повести о подвигах отцов недавнего
времени — это живая летопись Лавры в лицах.
Но их сокровенная духовная жизнь всегда оставалась
тайной. Здесь приоткрыты те ее страницы,
где Дух Святый сквозь завесу материи дает
увидеть, как Всесильный Бог действует в немощных
созданиях, возлюбивших Его всей душой,
как смертное становится бессмертным,
грешное — святым.

Ныне последние великие старцы, которыми Господь
осолил святую пядь земли на Печерской горе,
поднялись ввысь клином небесных птиц, обнимая
крыльями своей молитвы оставшихся долу.
Вслед им сквозь ветры перемен
рвется голос сердца:
«Отцы родные!»

ГОРЛЦА